Уильям Гибсон

РАСПОЗНАВАНИЕ ОБРАЗОВ

«Лучшее, что сделал Гибсон со времен «Нейроманта»!»

Шон Гейман

АЛЬТЕРНАТИВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сивилла нашего времени. «Охотница за головами» мира моды.

Девушка, профессия которой – предсказывать, что войдет в моду в ближайшие месяцы, – вносит новый смысл в само понятие «продвинутость».

Ее новое задание – отыскать создателей серии загадочных видеоклипов, появление которых в Сети буквально взорвало весь мировой андеграунд.

Лондон...

Токио...

Москва...

Охота начинается!

- Уильям Гибсон
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39
    - 40
    - 41
    - 42
    - 43
    - От автора
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Уильям Гибсон
Распознавание образов

Посвящается Джеку

1
Ночной вебсайт

Пять часов разницы с Нью-Йорком. Кейс Поллард просыпается в Камден-тауне, в волчьем хороводе нарушенных циркадных ритмов.

Безликий выхолощенный час качается на лимбических волнах. Мозг ворочается в черепе, вспыхивает неуместными земноводными желаниями. Голод, вожделение, усталость – сплетаются, сменяют друг друга, и ни одно нельзя удовлетворить.

Даже голод; новенькая кухня Дэмиена начисто лишена съедобного содержимого. Словно демонстрационный стенд в камденском магазине современной мебели. Все очень стильно: верхние шкафчики покрыты желто-лимонным пластиком, нижние – яблоневым шпоном. Везде пустота и стерильность, не считая коробки с двумя шайбами хлопьев «Витабикс» и нескольких пакетиков травяного чая. Новый немецкий холодильник тоже пуст, там живут лишь запахи холода и пластиковых мономеров.

Слушая плеск белого шума под названием Лондон, Кейс думает, что Дэмиен прав, со своей теорией дальних перелетов. Ее душа еще летит над океаном, торопится среди туч, цепляясь за призрачную пуповину реактивного следа. У душ есть ограничение по скорости, они отстают от самолетов и прибывают с задержкой, как потерявшийся багаж.

Похоже, что с возрастом безликий час углубляется, выхолащивается еще сильнее, а спектр его чувственных проявлений становится шире и одновременно скучнее.

Полубесчувственный полусон в полутьме Дэмиеновой спальни, под тяжелым серебристым покрывалом, на ощупь напоминающим рукавицу для духовки. Изготовители, наверное, не предполагали, что кому-то придет в голову под ним спать. Но у Кейс уже не было сил, чтобы искать настоящее одеяло. Роскошная шелковая простыня, изолирующая тело от этого синтетического покрывальника, еле уловимо пахнет Дэмиеном. Кейс это приятно: в безликий час радует любая форма физического контакта с собратом-млекопитающим.

Дэмиен просто друг.

Он говорит, что их «мама-папа» разъемы не совпадают.

Дэмиену уже тридцать лет, он всего на два года моложе Кейс. Но в его душе до сих пор остался генератор ребячества, излучающий волны стеснительного упрямства, которые отпугивают людей с деньгами. Кейс и Дэмиен – безупречные

профессионалы: оба отлично знают свое дело и не имеют понятия, откуда берется это знание.

Наберите в «Гугле» имя Дэмиена, и выскочит: «режиссер музыкальных и рекламных клипов». Наберите Кейс Поллард – выскочит «стиль-разведчик», а если копнуть поглубже, то обнаружатся туманные ссылки на «особое чутье», позволяющее играть роль лозоходца в пустыне глобального маркетинга.

На самом деле, говорит Дэмиен, это больше напоминает аллергию. Тяжелая, временами даже буйная реакция на рыночную семиотику.

Дэмиен сейчас в России: скрывается от ремонта и заодно снимает документальный фильм. Едва уловимое ощущение обжитости его квартиры – заслуга иногда ночующей здесь ассистентки режиссера.

Кейс перекатывается на кровати, обрывая бессмысленную пародию на сон. Ощупью находит сброшенную одежду. Мальчиковая черная футболка «Фрут оф зе лум», севшая до нужного размера; тонкий серый свитерок с треугольным вырезом, один из полудюжины купленных в Новой Англии, на оптовом складе школьной одежды; мешковатые черные джинсы «Ливайс 501», с которых тщательно срезаны все лейблы, и даже сбита чеканка с металлических пуговиц – неделю назад, маленьким и весьма удивленным корейским мастером в Гринвич-виллидж.

Выключатель итальянского торшера. Странный на ощупь, с непривычным щелчком – сконструированный, чтобы выдержать нестандартное заморское напряжение.

Кейс потягивается, надевает джинсы, вздрагивает от холода.

Зазеркалье. Все вилки на бытовых приборах большие, трезубые, заточенные под особую породу электричества, обитающего в Америке лишь в цепях электрических стульев. Руль у машин справа. Телефонные трубки тяжелее и сбалансированы иначе. Обложки бульварных романов напоминают австралийские банкноты.

От яркого галогенного света сужаются зрачки; щурясь, Кейс оглядывается на зеркало, притулившееся у стены в ожидании повешения. Оттуда на нее смотрит черноногая заспанная кукла с волосами торчком, как на щетке для унитаза. Кейс корчит рожу, вспоминая почему-то старого дружка, который постоянно сравнивал ее с портретом обнаженной Джейн Биркин работы Хельмута Ньютона.

На кухне она наполняет итальянский чайник водой из немецкого фильтра. Разбирается с выключателями на чайнике и на розетке. Ожидая, пока закипит вода, задумчиво разглядывает лимонные плоскости настенных шкафов. Пакетик импортного

калифорнийского чая падает в чашку. Журчит кипяток.

В гостиной обнаруживается, что Дэмиен оставил свой верный «Кубик» включенным. Компьютер спит, помигивая огоньками. В этом противоречивое отношение Дэмиена к дизайну: он на пушечный выстрел не подпустит к себе декораторов, пока те не поклянутся, что не будут ничего декорировать, – и в то же время обожает свой «Макинтош» лишь за то, что его можно перевернуть и вынуть внутренности, потянув за волшебную серебряную ручку. Так же, как половые органы у механических девочек из его клипа, думает Кейс.

Усевшись в высокое кресло, она щелкает прозрачной мышкой. Красная подсветка ползет по бледной поверхности деревянного стола. Открывается браузер. Она пишет адрес. Фетиш:Фрагменты:Форум. Дэмиен, помешанный на чистоте настроек, отказывается ставить на него закладку.

Загружается главная страница, где все знакомо, как в гостиной старого друга. На заднем плане стоп-кадр из фрагмента № 48, тусклый и практически обесцвеченный, так что фигур не разглядеть. Принято считать, что этот фрагмент как-то перекликается с Тарковским. Фильмы Тарковского Кейс знает лишь по фотографиям, хотя однажды все же пошла на «Сталкера», где невзначай уснула во время одной из бесконечно затянутых панорам – крупного плана лужи на разбитом мозаичном полу. Нет, она не из тех, кто постоянно ищет в почерке автора следы влияния классиков. Но есть люди, которые считают по-другому. Культ фрагментов распадается на подкульты, объединенные вокруг известных имен. Трюффо, Пекинпа[1]... Поклонники Пекинпа еще только собираются с силами.

Она заходит на форум, пробегает заголовки постов в новых разделах, высматривая имена друзей, врагов, вообще что-нибудь новенькое. Но уже ясно: новых фрагментов не появилось. Последней по-прежнему остается пляжная панорамка. По одной из теорий, она снята зимой в Каннах, но Кейс с этой теорией не согласна. Французским фрагментщикам так и не удалось отыскать похожий пейзаж, несмотря на бесконечные часы, проведенные с камерой на каннских пляжах.

Она замечает, что ее друг Капюшончик, ездивший в отпуск в Калифорнию, уже вернулся в Чикаго. Открыв его пост, она обнаруживает там лишь одно слово: привет.

Кейс жмет на ответ, называет себя КейсП.

Привет, Капюшончик. (-)

Возвратившись в форум, она с удовлетворением отмечает, что ее пост добавился к списку.

Лишь так можно почувствовать себя дома, хотя бы отчасти. Этот форум стал островком стабильности в ее кочевой жизни. Как привычная кофейня, существующая вне географии и часовых поясов.

На Ф:Ф:Ф примерно двадцать постоянных членов, не считая массы случайных посетителей. Кейси видит, что в чате висят трое. Но нужно зайти, чтобы узнать, кто именно. А в чате она никогда не чувствует себя комфортно, даже с друзьями. Это все равно что общаться, сидя в разных углах темного подвала. Ее раздражают краткость реплик, рваный темп разговора и ощущение, что каждый тараторит о своем.

«Кубик» вздыхает и тихонько жужжит диском, как гоночная машина, сбросившая передачу на пустынном шоссе. Кейс поднимает чашку, пробует отхлебнуть так называемый чай: все еще слишком горячо. Комната постепенно наливается мутным утренним светом. Из мрака выступают элементы Дэмиенианы, пережившие недавний ремонт.

Два полуразобранных робота у стены – только торсы и головы, очертаниями напоминающие эльфов; точь-в-точь манекены для испытаний машин на удар. Реквизит для одного из видеоклипов Дэмиена. Почему их вид действует так успокаивающе? Очевидно, потому, что они объективно прекрасны, думает она. Женские лица светятся оптимизмом. Ни намека на научно-фантастический китч – Дэмиен этого не терпит. Призрачные порождения предрассветного полумрака с маленькими пластмассовыми грудями, отсвечивающими, словно старый мрамор. Не обошлось и без фетишизма: Кейси знает, что куклы изготовлены по формам, снятым с тела его подружки номер два, считая с конца.

«Хотмэйл» скачивает четыре новых письма; ни одно из них читать не хочется. Письмо от матери, плюс три спама. «Удлините Ваш Член» продолжает ее преследовать. В двух экземплярах. Да еще в компании с «Радикально Увеличьте Размер Груди».

Удалить спам. Отпить так называемый чай. Следить, как утренние сумерки превращаются в день.

В конце концов она добирается до свежеотделанной ванной Дэмиена. В такой ванной хорошо мыться перед посещением орбитальной станции. Или после расчистки чернобыльских развалин. Не хватает только советских техников в резиновых передниках, которые помогли бы снять свинцовый скафандр, а потом потерли спину жесткими щетками на длинных рукоятках. Краны в душевой устроены с хитрым расчетом: ими можно управлять при помощи локтей. Очевидно, чтобы не испачкать только что вымытые руки.

Она стягивает свитер с футболкой и по-простому, пользуясь руками, а не локтями, включает душ и регулирует температуру воды.

Четыре часа спустя она уже на тренажере в студии пилатеса[2], в фешенебельном переулке под названием Нильс-Ярд. Машина с шофером, предоставленная «Синим муравьем», ожидает за углом. Тренажер – это длинная, приземистая и в чем-то зловещая веймарская штуковина, нашпигованная пружинами. Кейс отрабатывает позицию «клин», положив ноги на специальную подпорку. Платформа, на которой она лежит, катается взад-вперед по металлическим рельсам. Позвякивают амортизаторы. Десять подходов, а потом еще десять на носках и десять на пятках... В Нью-Йорке она тренируется в спортклубе, где всегда полно профессиональных танцоров. Но в Нильс-Ярде в этот час никого нет. Судя по всему, студия открылась недавно. К такому виду фитнеса здесь еще не привыкли. В этом зазеркалье, думает Кейс, популярны другие стимуляторы, более старомодные. Люди курят и пьют так, словно это полезно для здоровья, а с кокаином у них вообще затянувшийся медовый месяц. Она где-то читала, что здешние цены на героин упали до рекордной отметки, потому что рынок перенасыщен демпинговым афганским опиумом.

Закончив с носками, она переходит к пяткам, выгибая шею, чтобы убедиться, что ноги стоят правильно. Ей нравится пилатес: в отличие от йоги медитация здесь неуместна. Нужно следить за тем, что делаешь, и держать глаза открытыми.

Сосредоточенность – это единственное, чем можно скомпенсировать нервное возбуждение перед новым заданием. Такого она уже давно не испытывала.

Кейс находится здесь по вызову агентства «Синий муравей». Штат у агентства относительно небольшой, филиалы разбросаны по всему миру, образуя структуру скорее внегеографическую, чем транснациональную. В мире неповоротливых рекламных мастодонтов «Синий муравей» с самого начала занял экологическую нишу небольшого проворного хищника. Это новая неуглеродная форма жизни, словно бы целиком выпрыгнувшая из-под иронично выгнутой брови своего основателя, Хьюберта Бигенда, бельгийца по паспорту, который похож на Тома Круза, откормленного трюфелями и коктейлями «вирджин блад».

Кейс нравится в Бигенде только одна черта: он ведет себя так, словно и не подозревает, насколько дурацкая у него фамилия[3]. Если бы не эта деталь, с ним вообще невозможно было бы общаться.

Но это личная эмоция; ровно в час ее надо отключить.

Продолжая отрабатывать пятки, Кейс смотрит на свои часы – корейский клон классических «Кассио джи-шок», с пластикового корпуса которых спилено фирменное клеймо при помощи японского надфиля. Через пятьдесят минут ей надо быть в «Синем муравье».

Она кладет на ножную подставку два зеленых пенопластовых щитка, поднимается на носки, воображая, что стоит на шпильках, и приступает к положенным десяти взмахам.

2
Стерва

ПК для деловой встречи отражается в витринах бутиков Сохо: свежая черная футболка «Фрут оф зе лум», черная кожаная куртка «Баз Риксон», безымянная черная юбка, найденная на барахолке в Тулсе, черные гетры для занятий пилатесом и черные школьные туфли «Хараджуки». Вместо дамской сумочки – черная дерматиновая папка производства Восточной Германии, бывшая собственность какого-нибудь чиновника «Штази»[4], купленная на аукционе «и-Бэй».

Кейс ловит бледное отражение своих серых глаз в стеклах витрин, на фоне бесконечных рядов сорочек «Бен Шерман», приталенных дубленок, запонок, напоминающих эмблемы на крыльях британских истребителей «Спитфайр».

ПК – это прикиды Кейс. Так Дэмиен называет ее одежду. ПК могут быть только черными, белыми или серыми и должны выглядеть так, будто появились на свет сами, без участия человека.

То, что люди принимают за минимализм, – это аллергия, развившаяся в результате слишком долгого и тесного контакта с реакторной зоной генераторов современной моды. Перед тем как надеть новую вещь, Кейс безжалостно спарывает все этикетки. Стиль ее одежды невозможно датировать точнее, чем в интервале между 1945-м и 2000-м. Она остается единственным представителем собственной школы аскетизма, несмотря на постоянную опасность превратиться в родоначальницу новомодного течения.

Вокруг бурлит утренний Сохо, постепенно нагреваясь до полуденной отметки, когда корпоративная орда хлынет через край и затопит окрестные бары и рестораны, пустующие в ожидании пятничного наплыва. После переговоров Кейс тоже приглашена на обязательный обед – в ресторан под названием «Узкоглазые не серфингуют»[5]. Но она уже предчувствует другой серфинг: временная разница утягивает ее в унылое болото серотонинового голодания, где серфингуют перелетные оболочки, поджидая свои заплутавшие души.

Кейс смотрит на часы и ускоряет шаг, направляясь к зданию, из которого «Синий муравей» недавно выкурил другое, более консервативное агентство.

Над головой сверкает ослепительное небо, исчерканное самолетными следами. Нажимая кнопку звонка, Кейс жалеет, что

не взяла темные очки.

Она сидит напротив Бернарда Стоунстрита, с которым имела дело еще в Нью-Йорке. Бледное лицо Бернарда покрыто неизменными веснушками, морковно-рыжий чуб зачесан наверх в духе Обри Бердсли с небрежностью, доступной лишь в дорогих салонах. На нем черный костюм от «Пола Смита», пиджак модели 118, брюки модели 11-Т. В Лондоне Стоунстрит придерживается особого стиля: вся одежда выглядит так, словно ее вчера впервые надели, а потом прямо в ней завалились спать, причем каждая вещь стоит не дешевле тысячи фунтов. В Нью-Йорке он предпочитает несколько другой имидж – этакого стиляги, только что побывавшего в жестокой потасовке. Два мира, две разных шкалы культурных ценностей.

Слева от Бернарда сидит Доротея Бенедитти, зализанная, застегнутая и затянутая в пучок на угрожающе деловой манер. Эта женщина, с которой Кейс встречалась в Нью-Йорке лишь мельком, занимает высокое кресло в отделе графического дизайна фирмы «Хайнц и Пфафф». Сегодня утром она прилетела из Франкфурта с проектом новой эмблемы кроссовок. Проект разработан по заказу одного из крупнейших в мире производителей спортивной обуви. Бигенд убежден, что этому сегменту рынка необходимо радикально обновить лицо. Правда, непонятно, каким образом. В зазеркалье объем продаж кроссовок продолжает падать, но и «скейтики», которые их вытесняют, тоже не очень популярны. У Кейс есть свои соображения на этот счет. Она заметила, что на улицах появляются признаки спонтанного зарождения моды на обувь в духе «городской хищник». Эта юная мода переживает пока стадию потребительского переосмысления, но за ней неизбежно последуют стадии коммерциализации и глобальной стилизации.

Эмблема должна обеспечить прорыв «Синего муравья» в новую эру. Поэтому Кейс, с ее уникальной рыночной аллергией, попросили прилететь в Лондон и сделать то, что умеет делать только она.

Просьба кажется Кейс немного странной или по крайней мере несовременной. Ей уже давно не приходилось покидать Нью-Йорк по такого рода контрактам. Почему бы не провести телеконференцию? Может, ставки настолько высоки, что вступают в силу соображения безопасности?

Да, похоже, что так. По крайней мере Доротея настроена весьма серьезно. Она серьезна, как раковая опухоль. Перед ней, на тщательно выверенном расстоянии от края стола, лежит элегантный серый конверт, украшенный строго-причудливым

знаком «Хайнц и Пфафф» и запечатанный на претенциозно-старомодный манер – веревочкой, обвитой вокруг двух картонных катушек.

Кейс отрывает взгляд от конверта и осматривает обстановку. Деревянные сводчатые перекрытия наводят на мысль о банкетном зале в первом классе трансатлантического дирижабля. Можно представить, во сколько обошелся такой дизайн в середине девяностых. На бледной облицовке одного из перекрытий видны следы от шурупов – очевидно, там висел фирменный знак предыдущих хозяев. «Синий муравей» собирается все переделать на свой лад. Кое-где уже заметны следы надвигающегося ремонта: стремянка у стены прямо под вентиляционной решеткой; рулоны нового паласа, сложенные в углу, как синтетические бревна из полиэфирного леса.

Кейс слегка улыбается: сегодня Доротея, похоже, решила посоревноваться с ней в аскетизме. Если так, попытка не удалась. Черное платье этой дамы, с виду очень простое, содержит по крайней мере три разных намека, каждый из которых закодирован на своем собственном языке. Кейс замечает острый взгляд, пущенный Доротеей в сторону висящего на стуле «Баз Риксона».

Этот «Баз Риксон» – уникальный, практически музейный экспонат, реплика легендарной куртки «МА-1», которую американские летчики носили во время Второй мировой войны. Апофеоз практичного минимализма. Тихая зависть Доротеи поистине мучительна: она ведь не может не понимать, что японцы, работавшие над дизайном «Баз Риксона», руководствовались соображениями, весьма далекими от моды.

Например, кривые сморщенные швы на рукавах. Подобные швы получались на промышленных швейных машинах довоенного образца, не приспособленных для работы с такой скользкой штукой, как нейлон. Дизайнеры «Баз Риксона» слегка преувеличили этот недостаток, наряду с некоторыми другими мелочами, чтобы подчеркнуть восторженное уважение к своей истории, и в результате получилась имитация, которая выглядит правдоподобнее оригинала. В гардеробе Кейс это, безусловно, самая дорогая вещь, утрата которой была бы практически невосполнимой.

– Не возражаете? – Стоунстрит достает пачку сигарет «Силк кат», которые у некурящей Кейс ассоциируются с британским аналогом японских «Майлд севен». Два типа сигарет, два типа творческих личностей.

– Да, курите.

Кейс только сейчас замечает на столе маленькую белую

пепельницу. В контексте деловой Америки этот аксессуар давно уже сделался анахронизмом, подобно плоским серебряным ложечкам для приготовления абсента. (Она слышала, что здесь, в Лондоне, такие ложечки еще можно кое-где увидеть, придя на деловую встречу.)

Стоунстрит протягивает пачку Доротее.

– Сигарету?

Та отказывается. Стоунстрит ввинчивает фильтр в узкую щель между нервными губами; в руке у него появляется коробка спичек – судя по всему, купленная вчера в ресторане, на вид не менее дорогая, чем серый конверт на столе. Он закуривает и говорит:

– Извините, что пришлось тащить вас через океан...

Обгоревшая спичка с легким керамическим звоном падает в пепельницу.

– Это моя работа, Бернард.

– Что-то вы неважно выглядите, – замечает Доротея. – Долетели нормально?

– Пять часов разницы. – Кейс улыбается одними губами.

– А кстати, вы не пробовали новозеландские таблетки? – спрашивает Стоунстрит.

Кейс вспоминает, что его американская жена, в прошлом инженю одного из неудачных клонов сериала «Секретные файлы», недавно открыла новую линию по производству гомеопатической косметики.

– Жак Кусто считает, что временная разница лучше любого наркотика, – отвечает она.

– Ну-с. – Доротея многозначительно смотрит на серый конверт.

Стоунстрит выпускает струйку дыма.

– Ну что же. Думаю, можно начинать?

Они оба смотрят на Кейс. Кейс отвечает, глядя Доротее прямо в зрачки:

– Я готова.

Доротея отматывает веревку с одной из катушек. Открывает конверт. Засовывает туда пальцы.

Наступает тишина.

– Ну что же, – повторяет Стоунстрит, давя окурок в пепельнице.

Доротея извлекает из конверта картонку формата А4 и предъявляет ее Кейс, вцепившись в верхние углы безупречно наманикюренными ногтками.

Рисунок небрежно выполнен широкой японской кистью. Кейс слышала, что сам герр Хайнц любит делать наброски в таком стиле. Изображение больше всего напоминает летящую каплю

синкопированной спермы, как ее нарисовал бы в 1967 году американский мультипликатор-авангардист Рик Гриффин. Внутренний радар Кейс моментально сигнализирует, что эмблема никуда не годится. Почему – она не смогла бы объяснить.

На мгновение перед Кейс возникает бесконечная вереница изможденных азиатских рабочих, которым из года в год придется наносить этот символ на кроссовки, скажи она сейчас «да». Что они будут при этом думать? Возненавидят ли этот прыгающий сперматозоид? Будет ли он им сниться по ночам? Будут ли их детишки рисовать его мелками на асфальте еще до того, как узнают, что это фирменный знак?

– Нет, – говорит она.

Стоунстрит вздыхает, но не особенно тяжело. Доротея засовывает рисунок в конверт и бросает на стол, не потрудившись запечатать.

В контракте Кейс специально оговорено, что, давая подобные консультации, она не обязана мотивировать свое мнение, критиковать образцы и предлагать советы. Она просто выступает в роли одушевленной лакмусовой бумажки.

Доротея берет сигарету из пачки Стоунстрита, закуривает, бросает спичку рядом с пепельницей.

– Говорят, зима в Нью-Йорке была холодной? – спрашивает она.

– Да, холодней обычного, – отвечает Кейс.

– Наверное, очень тоскливо.

Кейс молча пожимает плечами.

– Вы не могли бы задержаться на несколько дней? Подождать, пока мы исправим рисунок?

Кейс недоумевает. Что за вопрос? Доротея должна знать правила игры.

– Я здесь пробуду две недели. Приятель просил присмотреть за квартирой, – отвечает она.

– Значит, фактически вы будете в отпуске?

– Фактически я буду работать на вас.

Доротея ничего не отвечает.

– Наверное, это очень трудно. – Стоунстрит подносит ладонь к лицу; его огненный чуб качается над тонкими веснушчатыми пальцами, как пламя над горящим собором. – Я имею в виду, трудно принимать решения на эмоциональном уровне, по принципу «нравится – не нравится».

Доротея встает из-за стола и, держа сигарету на отлете, подходит к буфетной стойке, где стоят бутылки с водой «Перье». Кейс провожает ее взглядом, затем поворачивается к Стоунстриту.

– Бернард, дело не в том, нравится или не нравится. Это как

тот рулон паласа. Он либо синий, либо нет. И никаких эмоций я по этому поводу не испытываю.

Кейс ощущает волну негативной энергии за спиной: Доротея возвращается на место. Обойдя стол, она неловко гасит сигарету и ставит стакан рядом с конвертом.

– Хорошо, я свяжусь с Хайнцем сегодня вечером. Раньше не могу: он сейчас в Стокгольме, на переговорах с «Вольво».

В воздухе висит сигаретный дым; у Кейс першит в горле.

– Ничего страшного, время есть, – отвечает Стоунстрит таким голосом, что Кейс понимает: времени очень мало.

Ресторан «Узкоглазые не серфингуют» набит битком. Кухня здесь, естественно, вьетнамская, модулированная калифорнийскими мотивами с добавлением французской закваски. Белые стены украшены огромными черно-белыми плакатами с изображениями зажигалок «Зиппо» времен вьетнамской кампании, а зажигалки украшены армейской символикой, грубыми сексуальными сценами и фронтовыми афоризмами. Они напоминают надгробия участников гражданской войны на южном кладбище – если не обращать внимания на картинки и содержание афоризмов. Судя по упору на вьетнамскую тему, этот ресторан существует уже давно.

ПРОДАМ ДАЧУ В АДУ И ДОМИК ВО ВЬЕТНАМЕ.

Зажигалки на плакатах помяты и покрыты ржавчиной, надписи едва различимы; посетители практически не обращают на них внимания.

ПОЛОЖИТЕ В ГРОБ НИЧКОМ И ПОЦЕЛУЙТЕ В ЗАДНИЦУ.

– Вы знаете, что Хайнц – его настоящая фамилия? – спрашивает Стоунстрит, подливая Кейс калифорнийского каберне; она не отказывается, хотя знает, что будет потом жалеть. – Многие думают, что это не фамилия, а прозвище. А вот имени не знает никто, покрыто мраком.

– Каким раком?

– А?..

– Извините, Бернард. Просто очень устала.

– Я же говорю, пейте таблетки. Новозеландские.

БАРДАК ВОЙНЫ – ЗАКОН ПРИРОДЫ.

– Да я уж как-нибудь без таблеток. – Кейс отхлебывает вина.

– Она еще та штучка, да?

– Кто, Доротея?

В ответ Стоунстрит закатывает глаза. Они у него карие, выпуклые, словно покрытые меркурохромом. А по краям радужный ореол с оттенком медно-зеленого.

173-Я ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ.

Кейс спрашивает Стоунстрита о жене. Тот послушно пускается в воспоминания о триумфальном дебюте огуречной маски, сетуя на политические интриги вокруг захвата розничных торговых точек. Им приносят обед. Кейс переключает внимание на жареные фаршированные блинчики, запустив мимический автопилот на равномерные кивки и поднятие бровей. Она рада, что Стоунстрит взял на себя бремя активной беседы. Мысли начинают опасно путаться, закручиваясь в пестрый танец вокруг недопитого бокала вина.

Дослушать рассказ. Докушать обед. Добраться до кровати и заснуть.

Но надгробия-зажигалки не отпускают, нашептывают свои экзистенциальные элегии.

КОТ ГОВНОГЛОТ.

Декорации в ресторанах должны быть незаметными, фоновыми. Особенно если посетители, подобно Кейс, обладают острым звериным чутьем на такие вещи.

– А когда мы поняли, что Харви Никерс не собирается к нам присоединяться...

Кивнуть, поднять брови, откусить блинчик. Полет нормальный, осталось совсем чуть-чуть. Стоунстрит пытается подлить вина, но Кейс накрывает бокал ладонью.

Автопилот помогает ей продержаться до конца обеда, несмотря на помехи, наведенные двусмысленной топонимикой зажигалочьего кладбища: КИНЬ КУЙ ЧАЙ, ВЫНЬ САМ ПЕЙ... Наконец Стоунстрит расплачивается, и они встают.

Сняв куртку со спинки стула, Кейс замечает слева на спине круглую дырочку, прожженную сигаретой. Нейлон по краям оплавился и застыл в коричневые бусинки. Сквозь дырку видна серая подкладка из специального материала. Перед тем как выбрать этот материал, японские дизайнеры наверняка проштудировали целые горы армейских спецификаций.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего, – отвечает Кейс, надевая испорченную куртку.

У самого выхода светится стенд: под стеклом в несколько

рядов висят настоящие зажигалки. Кейс останавливается, чтобы посмотреть.

МЕЧ В КРОВИ, ХРЕН В ДЕРЬМЕ.

Да, приблизительно в таком виде хотелось бы сейчас стоять над Доротеей. Но все равно уже ничего не докажешь. А от пустой злости один только вред.

3
Приложение

Ей стало плохо в «Харви Николсе».

Ничего удивительного – при ее-то реакции на фирменные знаки.

Началось с того, что она заметила огромную кипу вычурной викторианской одежды рядом с входом в торговый центр, напротив станции метро «Кингсбридж», и подумала: если кто-то и продает «Баз Риксоны», то это «Харви Николс».

Спустившись вниз, к секции мужской одежды, Кейс прошла мимо отдела косметики с подборкой огуречных масок от Елены Стоунстрит. Бернард рассказывал за обедом, каких трудов стоило поставить здесь этот стенд.

Первые звоночки появились рядом с витриной «Томми Хилфигера» – внезапно, без предупреждения. Некоторым людям достаточно съесть один орешек, и голова сразу распухает, как баскетбольный мяч. А у Кейс распухает какая-то нематериальная субстанция в душе.

«Томми Хилфигер» – давно известная опасность, для которой уже найдено ментальное противоядие. В Нью-Йорке эта фирма переживает бурный подъем, вкупе с «Бенетоном», но расположение зон риска знакомо, и враги не могут застать врасплох. А здесь все по-другому. Наверное, все дело в контексте. Кейс просто не ожидала встретить этих монстров в Лондоне.

Даже еще не видя самой эмблемы, она сразу почувствовала: реакция началась. Ощущение, как будто изо всех сил прикусываешь кусок фольги. Достаточно было одного неосторожного взгляда направо, чтобы лавина поехала. Целый склон с надписью «Томми Хилфигер» обрушился у нее в голове, подняв тучу пыли и изменив мир.

Боже мой, неужели они не понимают? Это же поддельный симулякр клонированной имитации подобия! Слабый раствор «Ральфа Лорена», получившийся из жидкой настойки «Брук Бразерз», которую в свою очередь приготовили из смеси Джермин-стрит и Савил-роу, взяв за образец худший ширпотреб с тесемками и армейскими полосками. Хуже, чем «Томми Хилфигер» просто не бывает. Это черная дыра, недостижимая асимптота бесконечного процесса клонирования, крайняя степень выхолощенности, после которой уже невозможно взять следующую производную. Точка, наиболее удаленная от первоисточника и начисто лишенная души. «Томми Хилфигер»

вездесущ и неразрушим, потому что из торговой марки он превратился в абстрактную категорию.

Надо срочно выбираться прочь из этого лабиринта эмблем!.. Однако не так все просто: эскалатор выходит назад, к станции «Кингсбридж», которая теперь тоже перекинулась в монстра. А если ее удастся проскочить, то дальше улица упирается в площадь Слоана, где притаилась зловещая «Лора Эшли».

Остается только одно – пятый этаж, прибежище мелких магазинчиков в калифорнийском стиле. «Дин и Делюка» в облегченном варианте, с традиционным рестораном, в центре которого, словно футуристический имплант, сверкает и стучит ножами странный механизированный суши-бар, а чуть в стороне скромно помалкивает обычный бар, где можно заказать превосходный кофе.

Кофеиновую инъекцию она припасала на крайний случай, как серебряную пулю, которой можно сразить химер, поднявшихся на дрожжах серотонинового голода. Сейчас как раз такой случай. Надо немедленно ехать на пятый этаж! Где-то тут должен быть лифт. Да, лифт – это именно то, что нужно. Небольшой безликий замкнутый объем. Ну где же он?!

Она находит лифт, нажимает кнопку. Двери открываются. Внутри никого, как на заказ. Загорается лампочка «5». Лифт трогается.

– Боже мой, я так взволнована! – восклицает захлебывающийся женский голос.

Кейс вздрагивает: кроме нее в тесном зеркально-металлическом гробу никого нет.

К счастью, она уже ездила в таком лифте и быстро осознает, что бесплотные голоса – это аудиореклама. Для удобства покупателей.

– У-уу, это интер-ррресно! – вступает урчащий мужской бас.

Нечто похожее она слышала много лет назад, в туалете дорогого гриль-бара на Родео-драйв. Правда, там были не голоса, а спокойное полифоничное гудение луговых насекомых. Звук здорово напоминал жужжание мух над кучей навоза, хотя вряд ли хозяева стремились создать именно такое впечатление.

Кейс усилием воли блокирует вкрадчивые призрачные голоса. Лифт возносит ее на пятый этаж – слава богу, без единой остановки.

Двери открываются; она выскакивает в просторный светлый объем. Солнце сверкает сквозь стеклянную крышу. Людей меньше, чем обычно. Несколько человек обедает в ресторане. Но главное – на этаже практически нет одежды, за исключением той, что лежит в сумках и надета на плечах. Наконец-то можно

передохнуть.

Она задерживается у мясного прилавка, где выложены розовые куски говядины, залитые ярким светом, словно лица телеведущих. Экологически чистое мясо. Гораздо чище человеческого. У бедных коровок диета построже, чем в рекламных брошюрках жены Стоунстрита.

У стойки бара стайка европижонов в темных костюмах, с неизменными сигаретами.

Кейс подходит, подзывает бармена.

– «Тайм-аут», да? – спрашивает тот, приглядываясь.

Его тело заметно деформировано; он сверлит ее взглядом сквозь тяжелые итальянские очки в черной оправе. Эти очки делают его похожим на «смайлик». Лицо-эмоция, составленное из текстовых символов. Очки-восьмерка, нос-тире и рот – косая черта.

– Простите, не поняла.

– Еженедельник «Тайм-аут». Вы тогда сидели в президиуме. Помните лекцию в ИСИ?

ИСИ, Институт современного искусства. Когда же это было? Лекция о систематике торговых марок, докладчица откуда-то из провинции. Мелкий дождик, моросящий по крыше. Сонные лица в зале, запахи мокрой шерсти и сигарет. Кейс согласилась участвовать, потому что Дэмиен предложил остановиться у него. Он как раз получил деньги за новый ролик для скандинавской автокомпании и купил дом, который прежде несколько лет арендовал. «Тайм-аут» тогда напечатал статью с фотографиями участников.

– Вы ведь следите за фрагментами? – Глаза за стеклами черной восьмерки превращаются в узкие щелочки.

Дэмиен иногда шутит, что фрагментщики – это зарождающиеся масоны двадцать первого века.

– Значит, вы тоже были на лекции? – спрашивает Кейс, выбитая из колеи грубым нарушением контекста. Она отнюдь не знаменитость и не привыкла, чтобы ее узнавали в лицо. Правда, культ фрагментов существует вне социальных границ и привычных правил, и его служители должны быть готовы ко всему.

– Не я. Мой приятель. – Бармен проводит по стойке белоснежной салфеткой, смахивая невидимую пыль. Обгрызенные ногти, большой безвкусный перстень. – Потом он мне рассказал, что встретил вас на сайте. Вы с кем-то спорили насчет «Китайского посланника»... Вы ведь не думаете, что это он?

Он – это значит Ким Хи Парк, молодой корейский режиссер, любимец богемы, снявший «Китайского посланника». Стиль

фильма многие сравнивают со стилем последних фрагментов, а некоторые даже впрямую считают Кима Парка автором. Задавать такой вопрос Кейс – все равно что спрашивать у Папы Римского, как он относится к катарской ереси[6].

– Конечно же, нет!

– Вышел новый фрагмент, – быстрый хрипящий шепот.

– Когда?

– Сегодня утром. Длина сорок восемь секунд. С обоими персонажами.

Вокруг Кейс и бармена словно бы образуется защитный пузырь, сквозь который не проникают звуки. Она тихо спрашивает:

– С диалогом?

– Нет.

– А вы уже посмотрели?

– Еще не успел. Пришло сообщение на мобильник.

– Ладно, не портьте впечатление, – предупреждает Кейс, спохватившись.

Бармен аккуратно складывает салфетку. Сизая струйка «Житана» плывет по воздуху, оторвавшись от европижонов.

– Хотите что-нибудь выпить?

Защитный пузырь лопается, впуская внешний гомон.

– Двойной эспрессо. – Порывшись в папке «Штази», она извлекает горсть тяжелой зазеркальной мелочи.

Бармен выцеживает эспрессо из черной машины в глубине бара. Свистит вылетающий пар. Форум сегодня будет стоять на ушах. Начнется с единичных постов, с какого-нибудь одного очага, в зависимости от часового пояса и места появления фрагмента. А затем разойдется, как взрывная волна. Отследить людей, которые подкидывают фрагменты, до сих пор никому не удавалось. Они пользуются либо одноразовым имэйлом с динамического Ай-Пи, либо мобильным телефоном, либо какой-нибудь приладой, заметающей следы. Иногда просто оставляют фрагмент на одном из публичных серверов, чтобы активисты форума, рыщущие в сети, сами его обнаружили.

Бармен приносит белую чашку на белом блюдце, ставит ее на черную полированную стойку. Рядом появляется металлическая корзинка, разбитая на секции. В каждой секции особый сорт сахара. Три разноцветных сорта. Еще одна особенность зазеркалья – сахар здесь едят в огромных количествах, добавляя в самые неожиданные блюда.

Кейс сооружает столбик из шести фунтовых монет.

– Не надо, кофе за счет заведения.

– Спасибо.

Европижоны жестами сигнализируют о желании добавить. Бармен отходит к ним. Сзади он похож на Майкла Стайпа[7], накачавшегося анаболиками. Кейс убирает четыре монетки в папку, а оставшиеся задвигает в тень от сахарной корзинки. Допив несладкий кофе, она встает и направляется к лифтам. На полпути почему-то оглядывается – и натыкается на пристальный взгляд сквозь черную восьмерку.

Черное такси довезло до Камденского туннеля.

Приступ «Томми»-фобии прошел без следа, но душа все еще не подлетела. Болото усталости вышло из берегов и разлилось до горизонта.

Кейс боится, что уснет на ходу. Автопилот влечет ее по супермаркету, в корзине сами собой появляются продукты. Зазеркальные фрукты, молотый колумбийский кофе, двухпроцентное молоко. В отделе канцелярских принадлежностей прибавляется моток черной изоленты.

Приближаясь по Парквею к дому Дэмиена, она замечает на столбе затрепанную листовку. Выцветший стоп-кадр из позапрошлого фрагмента.

Герой пристально глядит в камеру, сзади угадывается вывеска «Кантор Фицджеральд». На пальце у него обручальное кольцо.

Имэйл от Капюшончика: без слов, только приложение.

Кейс сидит перед «Кубиком» Дэмиена; рядом бурчит полулитровая французская кофеварка, купленная на Парквее. Аромат убийственно-крепкого кофе. Не стоило бы ей пить это зелье: сон все равно не прогнать, а вот кошмары будут обеспечены, и опять придется просыпаться в предутренний полумрак, в дрожащий неуют безликого часа. Но служение фрагментам требует жертв.

Последний миг на краю пропасти. Момент отрыва, перед тем как открыть новый файл.

Капюшончик назвал его «№ 135». Перед этим было уже сто тридцать четыре фрагмента – чего? Нового фильма, который кто-то продолжает снимать? Старого фильма, который был зачем-то нарезан на кусочки?

Кейс решила пока не заходить на форум. Столкновение с новым фрагментом должно быть чистым и прямым, без посторонних воздействий.

Капюшончик говорит: прежде чем смотреть новый фрагмент, надо постараться забыть о предыдущих, чтобы освободиться от влияния виртуального видеоряда, уже сконструированного в

мозгу.

Мы разумны, потому что умеем распознавать образы, утверждает он. В этом наше счастье и наша беда.

Кейс нажимает поршень кофеварки. Густая жидкость льется в чашку.

Кожаная куртка накинута на плечи одной из кибернимф. Белый торс прислонен к серой стене, нержавеющий лобок упирается в пол. Равнодушное внимание. Безглазая ясность.

Всего-то пять вечера, а уже хочется спать.

Отхлебнуть горячую горькую жидкость. Щелкнуть мышкой.

Сколько раз она сидела вот так, с чашкой кофе, ожидая появления первых кадров?

Сколько времени прошло с тех пор, как она, если пользоваться терминологией Мориса, «бесстыдно отдалась этому фантому»?

Плоский «Студио-дисплей» наливается абсолютной чернотой. Кейс словно присутствует при зарождении кинематографа, в тот судьбоносный люмьеровский момент, когда пыхтящий паровоз налетел на зрителей из тряпичного экрана, повергнув их в первобытный мистический ужас, и они разбежались прочь, оглашая криками улицы ночного Парижа.

Игра светотени. Острые скулы влюбленных, готовых обняться.

У Кейс по спине пробегают мурашки.

До сих пор они ни разу не притрагивались друг к другу.

Чернота на заднем плане смягчается, обретает структуру. Бетонная стена?

Герои выглядят, как обычно. Стиль их одежды стал темой бесчисленных постов Кейс: ее восхищает невозможность точной датировки. Такой анонимности добиться очень трудно. Прически героев тоже ни о чем не говорят. Мужчина может быть и моряком, сошедшим с подводной лодки в 1914 году, и джазменом, отправляющимся в ночной клуб в 1957-м. Нет ни одного намека, ни одной стилистической детали, за которую можно было бы зацепиться. Мастерство высшей пробы. Черный плащ с характерно поднятым воротником принято считать кожаным, однако с таким же успехом он может быть виниловым или резиновым.

Девушка одета в длинное пальто, тоже темное, из неопределенного материала. Форма подплечников уже проанализирована вдоль и поперек в сотнях постов. В принципе подплечники должны указать хотя бы на десятилетие, но к единому мнению пока прийти не удалось.

Голова девушки непокрыта. Это можно расценить либо как намерение сбить хронологическую привязку, либо как намек на силу личности: героиня плюет на этикет и правила приличия

своего времени. Вокруг ее прически тоже сломано немало копий, опять-таки безрезультатно.

Сто тридцать четыре предыдущих фрагмента многократно перетасовывались и сшивались фанатиками всего мира в бессчетное количество возможных видеорядов, но по этим обрывкам до сих пор не удалось определить ни времени действия, ни даже элементарного связующего сюжета.

Историю не раз пытались досочинить, заполнить пробелы собственными измышлениями; наиболее интересные спекуляции новоявленных запрудеров[8] давно живут своей жизнью, превратившись в независимые кинематографические артефакты. Кейс по большому счету не одобряет этих попыток.

Сидя в полумраке Дэмиеновой квартиры, она наблюдает, как на экране сливаются в поцелуе две пары губ, и знает только, что ничего не знает. Хотя отдала бы все на свете, чтобы целиком посмотреть фильм – а он существует, не может не существовать, – из которого надерганы эти восхитительные кусочки.

Над головами обнявшейся пары вспыхивает белый огонь, и черные тени тянутся кривыми когтями, как в «Кабинете доктора Калигари»[9]... Это все, экран гаснет.

Кейс нажимает кнопку, проигрывает фрагмент еще раз.

На форуме полным-полно новых постов: за день набежало несколько страниц. В основном догадки и возбужденный треп в ожидании номера 135. Нужно быть в настроении, чтобы это читать.

Сонливость накатывает, как тяжелая мутная волна; бессилен даже колумбийский кофе.

Кейс вяло раздевается, чистит зубы. Одеревеневшее тело вибрирует от кофеина. Она выключает свет, добредает до кровати и заползает – в буквальном смысле слова – под жесткое серебряное покрывало.

Тяжелая волна нарастает, расшибается с налета.

Свернуться калачиком, в позе зародыша. Отдаться тяжелой волне. Остро прочувствовать одиночество.

4
Арифметические гранаты

Каким-то чудом Кейс удается промахнуть мимо безликого часа и доспать до зазеркального утра.

Ее будит странный гибрид легкой мигрени и металлических бликов на крыльях отлетевшего сна.

По-черепашьи высунув голову из-под гигантской печной рукавицы, она щурится на сияющие квадраты окон. Солнечный день. Душа, судя по всему, успела за это время подлететь поближе; отношения с зазеркальем перешли в новую фазу – экзотермический скачок, сопровождающийся выбросом энергии. Кейс выпрыгивает из кровати – прямиком в ванную, где хромированный итальянский душ можно настроить на массажный режим. Шипят бодрящие колючие струи. Водяная составляющая Дэмиенова ремонта выше всяких похвал.

Кейс кажется, что рычагами ее тела завладела некая деятельная сущность, обладающая собственным разумом и преследующая непостижимые цели. Любопытно посмотреть, к чему это приведет.

Высушить голову. Составить ПК на основе черных джинсов. Залить хлопья «Витабикс» молоком, добавить кусочки банана. У молока неуловимый зазеркальный привкус.

Кейс остается только наблюдать, как деятельная сущность уверенно орудует рычагами: отрывает зубами кусок черной изоленты, небрежно заклеивает прожженную дыру. Элемент устаревшего панковского стиля. Надеть вылеченную куртку, проверить деньги и ключи, сбежать по ступенькам, которых еще не коснулся ремонт, мимо чьего-то спортивного велосипеда и стопок старых журналов.

Улица залита солнечным янтарем: полная неподвижность. Исключение – кот, промелькнувший мазком коричневой акварели. Кейс прислушивается на ходу: белый лондонский шум набирает силу.

Чувствуя прилив необъяснимого счастья, она шагает по Парквею; на углу Хай-стрит подворачивается такси, которое вовсе не такси, а просто голубая зазеркальная «джетта», покрытая пылью. Русский водитель за рулем; они едут в Ноттинг-Хилл. Кейс не боится: водитель слишком стар, слишком интеллигентен и слишком неодобрительно на нее поглядывает.

Машина выезжает из Камден-тауна. Кейс сразу же теряет чувство направления. У нее в голове нет дорожной карты города –

только схема метро с прилегающими пешеходными маршрутами.

Тошнотворные крутые повороты в лабиринте незнакомых улиц. За окном мелькает непрерывная череда антикварных магазинчиков с периодическими вкраплениями пабов.

Голые блестящие щиколотки черноволосого мужчины, одетого в дорогое вечернее платье – он стоит в дверях с газетой и стаканом молока. Армейский грузовик с непривычно-хмурым выражением фар; кузов, затянутый брезентом; беретка водителя.

Элементы зазеркальной уличной обстановки, назначение которых Кейс не может угадать. Местные аналоги странного заведения под названием «Пункт проверки качества воды» рядом с ее манхэттенской квартирой. Приятель однажды пошутил: внутри ничего нет, кроме крана и стаканчика. Кейс часто представляет себя в этой роли – инспектор-обходчик, который проверяет вкус воды в разных частях города. Не то чтобы этим хочется заниматься всерьез, просто успокаивает сама возможность существования такой профессии.

К моменту прибытия в Ноттинг-Хилл деловая сущность неожиданно покидает командный пункт, и Кейс остается одна, в растерянности. Расплатившись с русским, она выходит из машины напротив Портобелло и спускается в подземный переход, воняющий пятничной мочой. Большие зазеркальные банки из-под пива, раздавленные, как тараканы. Метафизика коридора. Острая жажда кофеина.

Увы, «Старбакс» на втором этаже за углом еще не открылся. За стеклом опрятный юнец сражается с огромными лотками, нагруженными выпечкой.

Кейс бесцельно бредет по улице, приближаясь к субботней ярмарке. Время семь тридцать. Она не помнит, во сколько открываются магазины, но к девяти здесь уже будет не протолкнуться. Зачем понадобилось сюда ехать? Она ведь не собирается покупать антиквариат.

Кейс продолжает идти в сторону ярмарки. Мимо тянутся миниатюрные домики, раздражающе ухоженные; здесь их, кажется, называют «конюшни». И вдруг замечает этих людей: трое по-разному одетых мужчин, с одинаково поднятыми воротниками. Они неподвижно и озабоченно глядят в открытый багажник маленькой, нехарактерно старой зазеркальной машины. Точнее, не зазеркальной, а просто английской: по ту сторону океана у нее нет эквивалента. Чуткая память с болезненной поспешностью подсказывает возможное название: «Воксхолл».

Кейс не в состоянии объяснить, что в этих троих кажется столь необычным. Может, серьезность, с которой они разглядывают содержимое багажника? Бритоголовый негр, самый

крупный из них, хотя и не самый высокий, затянут наподобие сардельки в нечто черное и блестящее, напоминающее искусственную кожу. Рядом сутулится длинный тип с цементным лицом; его допотопный водонепроницаемый плащ «Барбур» сверкает и лоснится на рукавах, как свежий конский навоз. Третий, молодой блондин с короткой стрижкой, одет в мешковатые скейтбордистские шорты и потрепанную джинсовую куртку; на плече у него объемная сумка, как у почтальона. Шорты и Лондон совсем не вяжутся друг с другом, думает Кейс, приближаясь к троице и заглядывая в багажник.

Там лежат гранаты.

Черные компактные цилиндры, всего шесть штук, покоятся на сером свитере среди картонных коробок.

– Эй, девушка! – окликает парень в шортах.

– Алле! – раздраженно вторит серолицый тип.

Пора уносить ноги, думает Кейс. Но вместо этого поворачивается к мужчинам:

– А?

– Вот, это и есть «Курты», – говорит блондин, подступая ближе.

– Да это же не она, идиот! – прерывает серолицый, уже со злостью. – Она не придет, ясно!

Блондин озадаченно моргает:

– Так вы не за «Куртами»?

– За чем, простите?

– Ну, за арифмометрами.

Кейс, не в силах сдержать любопытства, склоняется над багажником.

– Что это за штуки?

– Арифмометры, – отвечает негр.

Скрипя пластиковой курткой, он наклоняется, берет одну из гранат и отдает Кейс. Тяжелая штука, с насечкой, чтоб не соскальзывала рука. По бокам вертикальные прорези с ползунками, сверху окошки с циферками. На торце ручка, как на кофемолке. Стратегическая кофемолка.

– Ничего не понимаю, – говорит Кейс, борясь с ощущением нереальности. Вот сейчас все поплывет, и она проснется в Дэмиеновой кровати.

Покрутив предмет в руках, она находит то, что искала – фирменный знак. СДЕЛАНО В ЛИХТЕНШТЕЙНЕ. Лихтенштейн?

– Для чего они нужны?

– Особо точный инструмент, – отвечает негр, – для арифметических операций. Заметьте, ни одной электронной детали, голая механика. С ним работать – все равно что снимать

на старую тридцатипятимиллиметровую камеру. Это самый маленький механический калькулятор, когда-либо созданный человеком. – Голос у негра мягкий, сладкозвучный. – Его изобрел австралиец Курт Герцтарк еще во время войны. Он тогда был узником Бухенвальда. Лагерное начальство о его работе знало, но не препятствовало. Это вписывалось в концепцию «интеллектуального рабства». Арифмометр хотели подарить фюреру, когда закончится война. Однако в 1945 году Бухенвальд освободили американцы. А Герцтарк сумел выжить и даже сохранил свои чертежи.

Негр осторожно берет арифмометр у Кейс. Какие огромные у него руки! Толстые пальцы двигают ползунки, выставляя число. Сжав ребристое утолщение, он прокручивает ручку. Мягко стрекочет механизм, в окошках меняются цифры. Негр подносит прибор к глазам:

– Ну вот, в отличном состоянии. Цена восемьсот фунтов. Что скажете?

Его веки опускаются, он замирает в ожидании ответа.

– Красивая вещь, – говорит Кейс. – Только что я с ней буду делать?

Теперь она чувствует себя увереннее, предложение негра заполнило недостающий контекст. Это просто дилеры, они торгуют этими штуками.

– На хрен я тогда приезжал?! – взрывается серый тип, выхватывая у негра цилиндр. – Овца, блин!

Кейс понимает, что последнее относится не к ней. Серый тип сейчас похож на фотографию Сэмюеля Беккета из школьного учебника. У него ногти с черной каемкой, на длинных пальцах рыжая потрава от никотина. Он злобно поворачивается и кладет цилиндр в багажник, рядом с остальными гранатами.

– Хоббс, имей терпение, – вздыхает негр. – Она еще придет, давай подождем!

– Пошел ты! – огрызается Хоббс.

Склонившись, он ловко укутывает товар свитером. Заботливое, даже материнское движение. Он захлопывает багажник и дергает крышку, проверяя, закрылся ли замок.

– Только время зря потерял!

Он подходит к передней двери и распахивает ее – с оглушительным лязгом. Кейс успевает заметить салон мышиного цвета, сальную кожаную обивку и переполненную пепельницу, которая выпирает из приборной доски наподобие выдвижного ящика.

– Она придет, Хоббс, – повторяет негр без особого энтузиазма.

Хоббс молча залезает в кабину, хлопает дверью, бросает яростный взгляд через грязное боковое стекло. Мотор заводится с астматическим хрипом. Продолжая злобно сверкать глазами, Хоббс дергает рычаг. Машина трогается, едет в сторону Портобелло и на первом же перекрестке сворачивает направо.

– Не человек, а проклятие какое-то... – вздыхает негр. – Сейчас она придет, и что я скажу? – Он поворачивается к Кейс. – А все вы! Да, вы его разочаровали. Он подумал, что вы – это она.

– Она – это кто?

– Она покупатель. Работа на японский коллекционер, – вступает блондин. У него высокие славянские скулы, открытый взгляд и сильный акцент, как у эмигранта, еще не привыкшего к английскому. – Не ваша вина, не надо обижайтесь. Нгеми просто огорчился. – Он указывает на негра.

– Ну ладно. – Кейс пожимает плечами. – Извините. Удачи!

Она разворачивается и идет к Портобелло. Рядом открывается зеленая дверь, и на тротуар вываливается полная женщина средних лет. Черные кожаные штаны, собака на поводке. Появление этой матроны из Ноттинг-Хилла словно бы разрывает невидимые путы. Кейс ускоряет шаг.

За спиной стучат ботинки; она оглядывается. Блондин бежит следом, сумка шлепает его по заду. Негр уже куда-то исчез.

– Я вас проводить, пожалуйста, – говорит блондин, поравнявшись с ней и улыбаясь, словно для него это большая радость. – Меня зовут Войтек Бирошек.

– Имя мне Измаил, – отвечает она, не замедляя шаг.

– Разве женское имя? – Он семенит сбоку, по-собачьи заглядывая в лицо. Редкая разновидность наивности, не вызывающая отвращения.

– Да нет, меня зовут Кейс.

– Кейс... Как чемодан?

– Вообще-то имя произносится, как «Кейси». – Она зачем-то начинает объяснять. – Мать назвала меня в честь одного человека по фамилии Кейси. Но мне больше нравится Кейс.

– А кто такой был Кейси?

– Эдгар Кейси, «спящий пророк» из Вирджинии-Бич.

– А зачем так делать ваша мать?

– Потому что она типичная вирджинская чудачка. Вообще она не любит об этом говорить.

Это чистая правда.

– А что вы здесь делать?

– Иду на ярмарку, – по-прежнему не замедляя шаг. – А вы?

– Тоже на ярмарку.

– Что это были за люди?

– Нгеми продавать мне «Зи-Экс 81».

– А что это такое?

– «Синклер Зи-Экс 81», персональный компьютер. Делали такие в восьмидесятых. В Америке называли «Таймекс 1000», то же самое.

– Нгеми – это толстяк?

– Да, торгует старый компьютер, антикварный калькулятор. С девяносто седьмой год.

– Ваш партнер?

– Нет. Организовать мне встречу. – Он похлопывает по сумке, внутри что-то гремит. – Для «Зи-Экс 81».

– Но сейчас он продавал арифмометры?

– Да, «Курты». Замечательные! Правда, да? Нгеми и Хоббс надеются на совместная продажа. Коллекционер из Японии. Но Хоббс большая проблема. Всегда большая проблема.

– Что, тоже дилер?

– Математик. Гениальный печальный человек. Сильно любит «Курты», но себе не может позволить. Только посредник, купить и продать.

– Не очень приятный тип.

Кейс решает воспользоваться случаем и поработать стиль-разведчиком на выезде, как она это называет. Ей не впервой высаживаться в трущобных районах типа Дог-тауна, где был изобретен скейтборд, чтобы разнюхать, не вызревает ли там что-нибудь новое. В таком деле главное не ошибиться со следующим вопросом. Именно так она вышла на легендарного мексиканца, который впервые надел бейсболку задом наперед: правильно выбрала следующий вопрос. Вот такая она крутая.

– А на что похожи эти «Зи-Экс 81»?

Войтек останавливается, роется в сумке и извлекает на свет невзрачный потрепанный прямоугольник черного пластика, размером с видеокассету, к которому сверху привинчена маленькая клавиатура – на манер того, как в дешевых мотелях привинчивают к тумбочке телевизионный пульт, чтобы не украли жильцы.

– Это что, компьютер?

– Один килобайт памяти!

– Всего-то?

Они уже дошли до улицы с названием Вестборн-гроув; дорогие магазинчики попадаются чаще. Впереди, на перекрестке с Портобелло, бурлит ярмарочная толпа.

– А какая от них польза?

– О, это очень сложно.

– Сколько же их у тебя?

– Много, очень много.

– И зачем они тебе нужны?

– Важная веха в истории персональных компьютеров, – отвечает он серьезно. – И в истории Великобритании. Причина, почему здесь так много программисты.

– Да? И почему же?

Вместо ответа Войтек извиняется и ныряет в переулок, где рабочие разгружают помятый фургон. Короткий обмен фразами с крупной женщиной в бирюзовом плаще. Он возвращается, засовывая в сумку еще два черных прямоугольника.

Они идут дальше. Войтек рассказывает про английского изобретателя Синклера, который был гением в одних вещах и полным профаном в других. Он предугадал потребность в дешевых персональных компьютерах, но почему-то решил, что люди будут в первую очередь использовать их для изучения программных языков. Стоимость «Зи-Экс 81», известного в Америке, как «Таймекс 1000», не превышала тогдашнего эквивалента ста долларов, однако все команды надо было вводить при помощи дурацкой мотельной клавиатуры. Это определило недолгую рыночную жизнь продукта, а также, по мнению Войтека, привело к увеличению процента хороших программистов в Англии. Необходимость вручную кодировать каждый шаг приучила их к определенному складу мысли.

– Как хакеры в Болгарии, – приводит он не совсем понятное сравнение.

– В Америке тоже продавали «Таймексы», – замечает Кейс. – Почему же у нас нет хороших программистов?

– У вас тоже есть программисты, но Америка все по-другому. Америка захотела игровая приставка, «Нинтендо». А «Нинтендо» не может воспитать программиста. Потом еще другая причина. Компьютер привезли в Америку, самая первая партия. А модуль расширения памяти опоздал на три месяца. Люди купили продукт, принесли домой. А он совсем ничего не может. Катастрофа!

Кейс думает, что люди везде одинаковые. В Англии они хотели «Нинтендо» не меньше, чем в Америке, – и, разумеется, получили то, что хотели. Так что если теория Войтека верна, то грядущее поколение английских программистов будет являть собою печальное зрелище.

– Я хочу кофе, – заявляет она.

Войтек кивает и ведет ее по одряхлевшей галерее на углу Портобелло и Вестборн-гроув – мимо русских лоточников, торгующих старыми часами, потом вниз по ступенькам, в тесное подвальное кафе, и угощает так называемым белым кофе. Этот

напиток Кейс помнит по первым детским визитам в зазеркалье, когда здесь еще не было «Старбакса». Слабый кофейный раствор, круто заправленный сгущенкой и тяжелым сахаром. Она пьет и вспоминает отца, их первый поход в лондонский зоопарк. Тогда ей было десять лет.

Они с Войтеком сидят на раскладных деревянных стульях, которые стояли здесь, наверное, еще до войны, и осторожно прихлебывают обжигающий белый кофе.

И тут Кейс замечает Мишлена – рядом с кассой, буквально в пяти метрах от нее. Белый полуметровый опарыш, насаженный на палочку. Внутри, судя по всему, электрическая подсветка. «Мишлен» – это торговый знак, который впервые вызвал у нее болезненную реакцию – в возрасте шести лет.

– Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов, – тихонько произносит она.

Войтек смотрит на нее и озадаченно моргает:

– Что?

– Не обращай внимания.

Это ее заклинание.

Один из друзей отца, летчик, когда Кейс была еще ребенком, рассказал историю про своего коллегу, который взлетел из аэропорта Сиу-Сити и столкнулся с уткой, набирая высоту. Лобовое стекло разбилось, в кабину ворвался ветер. Самолет каким-то чудом сумел приземлиться. Пилот остался в живых и даже вернулся к полетам, но в его левом глазу навсегда застряли микроскопические осколки стекла. История буквально заворожила Кейс, и позднее она обнаружила, что даже самых страшных рекламных чудовищ можно нейтрализовать, если при их появлении произнести эту волшебную фразу.

– Это как вербальный тик, – поясняет она.

– Тик?

– Ну, трудно объяснить…

Кейс оглядывается по сторонам. У стены раскинута небольшая палатка, торгующая викторианскими хирургическими инструментами. Продавец – древний старик с высоким пятнистым лбом, с белыми бровями, которые кажутся грязными. Его голова по-птичьи упрятана в плечи. Он стоит за прилавком, который со всех сторон забран стеклом. Внутри сверкают необычные предметы. Некоторые из них лежат в открытых футлярах, обшитых выцветшим бархатом. Кейс хватается за этот предлог, чтобы как-то вырулить из разговора про утку. Взяв чашку с кофе, она встает, пересекает посыпанный опилками коридор и подходит к прилавку.

– Что это такое? – Она показывает на первую попавшуюся

коробку.

Продавец смотрит на нее, потом на коробку, потом снова на нее.

– Набор для трепанации черепа работы Еванса Лондонского, сделанный в 1780 году, в оригинальном футляре из акульей кожи.

– А вот это?

– Французский набор с лучковой дрелью для удаления камней из почек. Начало девятнадцатого века, мастер Гранжере. Футляр красного дерева, с бронзовыми заклепками.

Глубоко посаженные воспаленные глазки ощупывают Кейс, словно прикидывая, не пройтись ли по ней хитроумным изделием мастера Гранжере, которое в разобранном виде блестит в углублениях побитого молью бархата.

– Спасибо, – благодарит Кейс, коря себя за неудачный выбор отвлекающего предлога.

Повернувшись к Войтеку, она машет рукой:

– Пойдем на воздух.

Тот обрадованно встает, поправляет сумку на плече и следует за ней к выходу.

К этому часу на улице полно народу. Любители старины и просто туристы – в основном соотечественники Кейс либо японцы. Толпа, как на стадионе во время концерта. Люди лениво ползут вдоль Портобелло в обоих направлениях, прямо по проезжей части, а тротуары заняты пестрыми лотками мелких торговцев. Тучи разошлись, солнце сияет в полную силу. У Кейс кружится голова – от яркого света, медлительной толпы и внутренней суматохи, вызванной прибытием отставшей души.

– Сейчас уже плохо, ничего не найдешь, – бормочет Войтек, озираясь и прижимая сумку к животу. – Мне надо пойти, надо работать.

– Кем ты работаешь? – спрашивает Кейс, чтобы разогнать головокружение.

В ответ Войтек кивает на свою сумку:

– Надо проверить исправность. Рад был встретиться!

Покопавшись в кармане, он достает белый картонный прямоугольничек с чернильным штампом. Его электронный адрес.

Кейс не признает визитных карточек. Ни к чему давать значимую информацию малознакомым людям.

– У меня нет визитки, – говорит она, но все же сообщает ему свой имэйл: все равно не запомнит.

Войтек расцветает. Торжествующая улыбка зажигается под геометрически правильными славянскими скулами.

Повернувшись, он растворяется в толпе.

Кейс отпивает кофе. Все еще горячий, обжигает язык. Она осторожно выкидывает стаканчик в переполненную урну. Ей хочется пешком вернуться на Ноттинг-Хилл, зайти в «Старбакс» и заказать нормальный кофе с зазеркальным молоком. А оттуда на метро доехать до Камдена.

Прилетевшая душа угомонилась, головокружение прошло. Кейс чувствует себя комфортно.

– Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов, – тихонько повторяет она, чтобы закрепить приятное ощущение, и направляется в сторону Ноттинг-Хилла.

5
По заслугам

«Крестовый поход детей» за несколько лет почти не изменился.

Этим термином Дэмиен называет подростковую тусовку в Камден-тауне. Каждую субботу толпы тинейджеров наводняют Хай-стрит от станции метро до Камден-лока.

Кейс оказывается в этой толпе, поднявшись из гулких громыхающих глубин подземки; ее вывозит на свет трясучий эскалатор, ступени которого обиты запачканной и очень прочной на вид деревянной рейкой.

Запруженная тинейджерами улица похожа на средневековую гравюру, где изображена публичная казнь.

Фасады домов по обеим сторонам украшены искаженными барельефами: макеты старых самолетов, ковбойских сапог и шнурованных ботинок «Доктор Мартенс». Объемные фигуры выглядят коряво, словно их вылепили из пластилина великанские детишки.

В свое время Кейс провела здесь много часов – иногда в компании ведущих дизайнеров обувных гигантов, сколотивших миллионы на кроссовках для бесчисленных молодых ног, а иногда одна, в поисках случайных самородков уличной моды.

Это бурливое скопление совсем не похоже на вялую толпу в Портобелло. Работают другие движущие пружины, летают другие запахи. Феромоны, ароматизированные сигареты, гашиш.

Кейс прокладывает курс в толчее, ориентируясь на вывеску «Вирджин Мегастор», господствующую над местностью. По пути она могла бы немного задержаться, поработать, повертеться в толпе. В Нью-Йорке есть заказчики, которые заплатят хорошие деньги за отчет с подписью «Кейс Поллард» о том, что сегодня делают, носят и слушают эти юные крестоносцы. Но сейчас она просто не в настроении. К тому же формально у нее контракт с «Синим муравьем». Так что лучше провести тихий вечер в уютной квартире Дэмиена – тем более что добраться туда можно буквально за пару минут, если пройти через овощные ряды на Инвернес-стрит. Заодно и запасы пополнить.

Продукты здесь посвежее, чем в супермаркете. Кейс покупает апельсины, очевидно, привезенные из Марокко или Испании, и несет их домой в розовом прозрачном пакете.

Хорошо, что у Дэмиена нет сигнализации. Кейс уже не раз попадала в дурацкие ситуации, ночуя у друзей, чьи квартиры

были поставлены на охрану. Она нащупывает в кармане ключи – большие, увесистые, как фунтовые монеты. Один от подъезда и два от квартиры.

Войдя внутрь, она прислушивается к своим ощущениям. Квартира уже не вызывает дискомфорта: отставшая душа возвратилась, и давешние предрассветные страхи испарились без следа. Сейчас это просто жилище старого друга, недавно отремонтированное. Кейс скучает по Дэмиену. Жалко, что он сейчас на съемках в России. Побродили бы вместе в камденской толпе или поднялись на Примроуз-Хилл.

События сегодняшнего утра кажутся сном: встреча с Войтеком, серолицый математик, черные калькуляторы из Бухенвальда.

Кейс запирает дверь и усаживается перед компьютером. «Кубик» дремлет, помаргивая огоньками. У Дэмиена выделенная линия, интернет всегда под рукой. Пора зайти на Ф:Ф:Ф, посмотреть, что думают о поцелуе Капюшончик, Кинщик, Мама Анархия и прочие братья-фрагментщики. Форум наверняка запружен свежими теориями.

Капюшончик из них самый интересный. Они постоянно обмениваются имэйлами, даже когда на Ф:Ф:Ф затишье. Кейс знает о нем очень мало: живет где-то в Чикаго; судя по всему, гомосексуалист. Ни имени, ни фамилии. Но когда доходит до фрагментов, они понимают друг друга с полуслова, как никто в мире. Разделяют сомнения, комплексы, интуитивные догадки.

Чтобы не набивать заново адрес форума, Кейс кликает на историю браузера. Открывается окошко журнала.

> АЗИАТСКИЕ ШЛЮХИ ПОЛУЧАЮТ ПО ЗАСЛУГАМ.
> ФЕТИШ:ФРАГМЕНТЫ:ФОРУМ.

Рука замирает на мыши, глаза – на первой строчке.

Кейс чувствует, как волосы в буквальном смысле шевелятся на затылке.

Она сознает, что это уже непоправимо, что простым умственным усилием не удастся поменять местами азиатских шлюх и Ф:Ф:Ф, тем не менее отчаянно желает, чтобы азиатские шлюхи перескочили на вторую строчку. Однако шлюхи ей не подчиняются. Кейс неподвижно смотрит на экран, словно это не экран, а маленький коричневый паучок из цветника в Портленде. Тогда она тоже застыла в ужасе, а паучок неторопливо полз по цветку, и подошедший хозяин сообщил, что в этом невзрачном насекомом достаточно нейротоксина, чтобы гарантированно и мучительно лишить жизни их обоих.

Квартира Дэмиена уже не кажется надежным убежищем; она

превратилась в незнакомое и опасное место. В безвоздушное замкнутое пространство, в котором происходят странные, нехорошие вещи. Кейс вспоминает, что в квартире есть еще второй этаж, куда она в этот приезд так и не поднималась.

Она смотрит на потолок.

И почему-то вспоминает, как однажды лежала на спине, чувствуя легкую радость или скорее приятное полузабвение, а сверху ритмично двигался бывший эпизодический дружок по имени Донни.

У Донни по жизни было больше проблем, чем у других парней, и в конце концов Кейс пришлось признать, что это как-то связано с его именем. Ее подруга с самого начала так и заявила: никто в здравом уме не станет встречаться с парнем по имени Донни. Это был нищий пропойца из Ист-Лансинга, полуирландец-полуитальянец с исключительно красивым лицом и мягким чувством юмора. Очевидно, благодаря этому последнему качеству Кейс неожиданно для себя несколько раз оказывалась на несвежей постели в тесной квартире на Клинтон-стрит между Ривингтоном и Делэнси, созерцая ритмично двигающуюся на фоне облезлого потолка ухмылку Донни.

История закончилась, когда однажды, лежа на спине и наблюдая на лице Донни приметы фазового перехода к неизбежному оргазму, Кейс решила роскошным движением закинуть руки за голову. Ее левая ладонь попала в щель между грязной стеной и спинкой кровати и наткнулась там на что-то твердое, холодное и геометрически правильное. Это был ствол автоматического пистолета, приклеенного, должно быть, при помощи изоленты той же марки, которой она сегодня утром залепила дыру на «Баз Риксоне».

Донни был левша, и пистолет прилепил соответственно – чтобы можно было легко дотянуться, лежа на спине.

Это был конец романа. В голове у Кейс с легким треском замкнулась простая логическая цепочка: если парень спит с пистолетом – значит, Кейс не спит с парнем. Осталось только подождать, положив пальцы на ребристую рукоять пистолета, пока Донни завершит свой последний конкур на этой лошадке…

Но здесь, в Камден-тауне, в квартире Дэмиена на втором этаже есть комната. Та самая, где Кейс обычно спала во время прошлых визитов. Насколько ей известно, эта комната сейчас переоборудована в монтажную студию.

Может, там кто-нибудь прячется? А в ее отсутствие сходит вниз и от нечего делать смотрит на азиатских шлюх?.. Дико, невозможно! И все же какая-то доля вероятности существует. Страшная мысль.

Кейс заставляет себя внимательно осмотреться. Моток изоленты лежит на ковре – вернее, стоит на боку, как будто он упал и откатился. А ведь она ясно помнит, что положила моток на журнальный столик, откуда он самостоятельно спрыгнуть не мог.

Паническая пружина подбрасывает ее и влечет на кухню, где она начинает рыться в поисках оружия. Ножи в ящике. Новые, неиспользованные, острые как бритва. Но Кейс не уверена, что сможет с ними управиться, а присутствие режущих объектов только обострит ситуацию. Она выдвигает другой ящик; там коробка с какими-то деталями. Тяжелые блестящие железки, очевидно, запасные органы для киберманекенов. Короткий увесистый цилиндр плотно ложится в руку, плоские торцы едва выступают из кулака. Столбик монет – весьма неплохое оружие, вспоминает она. Хоть какая-то польза от общения с Донни.

Сжимая железку, она осторожно поднимается по ступенькам и осматривает монтажную студию на втором этаже. Никого. И спрятаться негде. Из старой мебели остался только узкий диван – ее привычное спальное место, когда Дэмиен дома.

Кейс спускается и методично обыскивает квартиру, с замиранием сердца открывая двери кладовок. Но обе кладовки тоже пусты: Дэмиен не любит аккумулировать хлам.

В кухне она проверяет нижние шкафы, потом заглядывает в отсек под раковиной. Притаившегося злодея там нет, зато есть желтая измерительная рулетка, забытая рабочими.

Кейс закрывает входную дверь на латунную цепочку, весьма хлипкую по нью-йоркским стандартам. Да и вообще, в Нью-Йорке дверным цепочкам доверять не привыкли. Но пусть будет хоть какая-то преграда.

Все окна, кроме одного, герметично заперты и закрашены белой эмалью поверх щелей. Доброму плотнику с добрым инструментом потребуется добрых три часа, чтобы какое-то из них открыть. Единственное незапечатанное окно, вскрытое, надо полагать, все тем же добрым плотником, притянуто к раме внушительными зазеркальными болтами с хитрыми головками. Для таких болтов нужен специальный ключ. Интересно, есть ли он у Дэмиена? Так или иначе, это окно можно открыть только изнутри, а стекло цело, и значит, отсюда никто не мог проникнуть.

Кейс снова оглядывается на входную дверь.

У кого-то есть ключи. От обоих замков, плюс еще ключ от подъезда.

Может, Дэмиен завел новую подружку и забыл об этом сообщить? Или, может, старая подружка сохранила ключи. Или

уборщица что-то оставила в квартире, а потом вернулась, пока Кейс не было дома.

И тут она вспоминает, что замки поменяли в процессе ремонта. Новые ключи она получила по «Федексу», накануне отъезда. Их выслала ассистентка Дэмиена, та самая, что сразу после ремонта прибрала квартиру. Эта женщина специально звонила в Нью-Йорк, спрашивала, дошли ли ключи, потому что дубликатов у нее не было. И в разговоре, кстати, упомянула, что уборщицу Дэмиен недавно уволил.

Кейс идет в спальню и внимательно осматривает свои вещи. Непохоже, чтобы кто-нибудь в них рылся. Она вспоминает первого «Джеймса Бонда» с чудовищно юным Шоном Коннери. Перед походом в казино тот имел привычку запечатывать дверь гостиничного номера при помощи благородного шотландского плевка и глянцевой черной волосинки.

Теперь уже поздно запечатывать.

Она возвращается в гостиную, где беззаботно дремлет «Кубик» и лежит на ковре рулон изоленты. Комната обставлена просто и семиотически нейтрально. Дэмиен под страхом увольнения запретил декораторам привносить в дизайн стандартные элементы журнальной роскоши.

Где еще могут остаться следы вторжения?

Телефон.

На столе, рядом с компьютером.

Примитивный зазеркальный аппарат без обычных наворотов, даже без индикатора вызовов. Дэмиен считает, что эти штучки только похищают время и создают лишние проблемы.

По крайней мере есть кнопка повторного набора.

Кейс снимает трубку и вопросительно смотрит на нее, словно ожидая ответа. Но слышит лишь равнодушное гудение.

Она нажимает повторный набор. Пищат зазеркальные звоночки. Трубку наверняка поднимет автоответчик «Синего муравья» или дежурный секретарь. Именно туда она звонила последний раз в пятницу утром, чтобы узнать, выехала ли машина.

– *Lasciate un messagio, rispondero appena possible*.

Быстрый, напряженный женский голос.

Гудок.

Кейс яростно бросает трубку, едва сдерживая крик.

«Оставьте сообщение, я перезвоню».

Проклятая Доротея.

6
Спичечная фабрика

Оглядывая квартиру, Кейс вспоминает голос отца. И повторяет вслух:

– Задача номер один: обеспечить безопасность периметра.

Уин Поллард в течение двадцати пяти лет обеспечивал безопасность зданий американского посольства в различных странах. Выйдя на пенсию, он изобрел и запатентовал особо гуманное ограждение для сдерживания толпы во время рок-концертов.

Любимой детской сказкой Кейс был обстоятельный и подробный рассказ отца о том, как ему удалось обеспечить безопасность канализационных шахт на территории американского посольства в Москве.

Кейс простукивает входную дверь, покрашенную белой краской. Скорее всего это цельный дуб. Причем сработано, подобно многим старым вещам, гораздо крепче, чем требуется. Петли, разумеется, с внутренней стороны, то есть дверь открывается вовнутрь и упирается вот в эту стену. Кейс прикидывает расстояние до стены, потом критически оглядывается на письменный стол.

Достав из-под раковины рулетку, она замеряет сначала длину стола, потом расстояние между дверью и стеной. Получается зазор в восемь сантиметров. Если подпереть дверь столом, то злодеям потребуется либо топор, либо динамит, чтобы вломиться в квартиру.

Она снимает со стола аппаратуру и аккуратно, не отсоединяя проводов, переносит ее на ковер. Телефон, клавиатура, «Студио-дисплей», колонки. Потревоженный «Кубик» просыпается, и на экране снова возникают азиатские шлюхи. Первой строчкой. Кейс берется за «Кубик», пальцы случайно задевают выключатель. Компьютер вырубается. Она ставит его на пол, включает питание и подходит к опустевшему столу. Верхняя часть легко снимается с боковых подножек. Тяжеленная доска. Но Кейс принадлежит к типу женщин, которые при кажущейся хрупкости фигуры обладают поразительной физической силой. В университете она была гораздо лучшим скалолазом, чем ее тогдашний мускулистый дружок с факультета психологии. Дружок злился и не раз пытался доказать обратное, но Кейс неизменно добиралась до вершины первой, причем по более сложному маршруту.

Кейс подносит доску к стене, ставит ее на попа и

возвращается за остальными частями. Подтащив боковины к двери, она раздвигает их на нужное расстояние и осторожно, стараясь не поцарапать свежеокрашенную стену, опускает на них верхнюю доску. Баррикада готова, можно проверять. Кейс отпирает замки. Дверь открывается на положенные восемь сантиметров и натыкается на стол. Снаружи в образовавшуюся щель нельзя даже заглянуть. Безопасность периметра обеспечена. Она запирает дверь и накидывает цепочку.

«Кубик» выдает на экран предупреждение, что его выключили неожиданно. Кейс подходит, садится на ковер и нажимает «О'кей». Компьютер загружается; она открывает браузер и еще раз убеждается, что азиатские шлюхи никуда не делись. Подавив волну брезгливости, Кейс решительно тычет в них курсором.

К ее немалому облегчению, на сайте нет ни пыток, ни убийств, ни даже грубых извращений. По заслугам азиатские шлюхи получают не что иное, как толстые «болты» во все дыры. Причем эти «болты», в соответствии с канонами сугубо мужской порнографии, показаны абстрактно, вне привязки к мужским телам, словно это не человеческие органы, а наконечники механических манипуляторов.

Закрыв страницу, Кейс вынуждена еще какое-то время сражаться с оппортунистическими рекламными окошками; некоторые из них на быстрый взгляд содержат гораздо худшие вещи, чем азиатские шлюхи.

Теперь в истории браузера эти шлюхи представлены дважды, перед Ф:Ф:Ф и после. Типа, чтоб не сомневалась.

Кейс пытается вспомнить, какой этап в рассказах отца следовал за обеспечением безопасности периметра. Наверное, поддержание нормального жизненного цикла. Психологическая профилактика. Да, именно так он это называл. Займись обычными делами. Сохраняй присутствие духа. Сколько раз за последний год ей приходилось прибегать к этому приему?

Она прикидывает, чем сейчас можно отвлечься, – и вспоминает о форуме и десятках непрочитанных постов, в которых обсуждается новый фрагмент. Вот этим она и займется: вскипятит чаю, почистит апельсин и начнет штудировать набежавшие посты, сидя по-турецки на ковре. А потом спокойно подумает, как поступить с азиатскими шлюхами и Доротеей Бенедитти.

Кейс не впервой использовать форум в качестве защитного фильтра. Пожалуй, только в этом качестве она его и использует. Инструмент для отсечки. Все, что не связано с фрагментами, отсекается. Проблемы, новости, весь окружающий мир.

Наливая в чайник воду, она снова вспоминает голос отца,

перипетии его московской миссии.

В глубине души Кейс всегда болела за агентов КГБ. Ей хотелось, чтобы они обошли хитроумную отцовскую защиту и проникли в посольство. Она представляла, как маленькие заводные субмарины, изящные, словно яйца Фаберже, поднимаются по канализационным трубам и всплывают в посольских унитазах, жужжа заводными моторчиками. Иногда ей делалось стыдно: ведь работа отца, которой он так гордился, заключалась как раз в том, чтобы не пускать их в унитазы. Но стыд быстро проходил. Было неясно, почему послы должны бояться забавных плавающих игрушек, и вся миссия воспринималась как некая взрослая игра.

На кухне свистит чайник.

Устроившись перед «Кубиком», будто на пикнике, Кейс заходит на Ф:Ф:Ф. Новых постов действительно много, причем многие из них далеко не безобидны. Страсти уже начали накаляться.

Мама Анархия опять сцепилась с Капюшончиком.

Капюшончик фактически является спикером фракции «сборщиков». Эти ребята уверены, что найденные фрагменты представляют собой части еще не снятого фильма, которые автор выкладывает в сеть по мере их завершения.

Их противники – фракция «разбивщиков», составляющая крикливое меньшинство. «Разбивщики» придерживаются иного мнения. Они убеждены, что фильм уже отснят и смонтирован, а фрагменты вырезаются из готовой ленты и подбрасываются в произвольном порядке. Мама Анархия – законченный «разбивщик».

На форуме не утихают теософские споры по этому вопросу, но Кейс смотрит на дело проще. Если фрагменты нарезаны из уже отснятого фильма, значит, все фрагментщики стали жертвами одного из самых изощренных издевательств, когда-либо придуманных человеком.

Фрагментщики-основатели, которые нашли и связали друг с другом первые кусочки, были безусловными «разбивщиками». Им казалось очевидным, что за всем стоит какой-нибудь вредный талантливый студент, выбросивший в интернет куски своей дипломной короткометражки. Однако число фрагментов продолжало расти, а их неизменное качество все убедительнее свидетельствовало против авторского дилетантизма, и постепенно большинство фрагментщиков начало склоняться к мысли, что им показывают свежие монтажные куски нового, еще не снятого полнометражного фильма. Выдающаяся, ни на что не похожая красота операторской работы говорила о том, что в

распоряжении таинственного автора находятся весьма серьезные ресурсы, даже если большая часть видеоряда смоделирована на компьютере. В то же время ни в сети, ни в рекламных анонсах не было никаких упоминаний о кинопроекте такого масштаба.

Капюшончик был первым, кто высказал идею о «Кубрике-самоучке». Это произошло вскоре после того, как Айви создала и запустила сайт Ф:Ф:Ф, сидя в своей сеульской квартире. Идея Капюшончика пришлась по душе как «сборщикам», так и «разбивщикам», и даже Мама Анархия скрепя сердце взяла на вооружение термин «Кубрик-самоучка», несмотря на идеологическую неприязнь к его автору. Представим себе, говорил Капюшончик, что фрагменты создает в ночи непризнанный гений-одиночка, имеющий доступ к студийным мощностям. Представим, что в силу каких-то причин он держит свою работу в тайне, а декорации и героев моделирует на компьютере, от начала и до конца… Обе партии фрагментщиков считают, что такая гипотеза имеет право на жизнь. Только «разбивщики» добавляют, что фильм, разумеется, уже создан, а «сборщики» возражают, что «Кубрик-самоучка» просто выкладывает в сеть свежеиспеченные куски.

Впрочем, сейчас предмет конфликта в другом. Капюшончик опять наорал на Маму Анархию за ее склонность к цитированию Бодриярда и других французских философов, которых он так люто ненавидит. Вздохнув, Кейс нажимает «ответ» и делает Капюшончику стандартный выговор.

> Не стоит забывать, что наш сайт существует только благодаря безграничному терпению и энтузиазму Айви, которая, как и большинство из нас, не одобряет грубых ссор на Ф:Ф:Ф. Айви наша хозяйка, а мы у нее в гостях, поэтому давайте вести себя прилично – если не хотим, чтобы нас всех выставили за дверь.

Она отправляет пост и видит, как его заголовок появляется в списке:

> Не надо рвать рубаху. КейсП.

Капюшончик ее друг, он не станет обижаться. На форуме у Кейс такая негласная обязанность: одергивать Капюшончика, когда тот начинает задираться, что случается довольно часто. Айви и сама могла бы с ним управиться, но она занятая женщина, работает в сеульской полиции и не всегда находит время заниматься модерацией сайта.

Кейс перегружает страницу. Ответ уже появился.

Ты где? (-)
В Лондоне, работаю. (-)

Все это очень успокаивает; лучшей психологической профилактики не придумаешь.

Звонит телефон. Дурацкие зазеркальные звонки, которые и в хорошие минуты ее пугали. После минутного колебания она берет трубку.

– Алло?

– Кейс, здравствуйте, это Бернард. – Голос Стоунстрита. – Мы с Еленой приглашаем вас на ужин.

– Спасибо, Бернард, – она смотрит на стол, подпирающий дверь, – но я что-то неважно себя чувствую.

– Что, временная разница? Ну вот, как раз попробуете таблетки Елены.

– Бернард, спасибо, я...

– Хьюберт тоже будет. Он хотел с вами поговорить. Расстроится, если вы не придете.

– У нас же встреча в понедельник.

– Завтра он улетает в Нью-Йорк, в понедельник его не будет.

Это одна из тех ситуаций, в которых британцы, поднявшиеся в искусстве пассивного давления почти так же высоко, как в искусстве иронии, всегда добиваются своего. Если она сейчас покинет квартиру, то безопасность периметра будет нарушена. С другой стороны, контракт с «Синим муравьем» составляет добрую четверть ее годового заработка.

– Критические дни, Бернард. Извините за прямоту.

– Тогда вы тем более должны прийти! У Елены есть отличные таблетки – как раз для этого.

– Вы что, сами пробовали?

– Что пробовал?

Кейс сдается. Любое общение с людьми сейчас пойдет на пользу.

– Где мы встречаемся?

– Моя квартира в Докланде, в семь часов. Форма одежды обычная. Я закажу вам машину. Рад, что вы согласились! До свидания.

Стоунстрит отключается. Такой внезапной манере вешать трубку он, без сомнения, научился в Нью-Йорке. В зазеркалье существует очень тонкий ритуал окончания телефонного разговора, сложная последовательность вопросов и пожеланий, которую Кейс так и не смогла освоить.

Психологическая профилактика пошла насмарку.

Десять минут спустя, набрав в поисковике «металлоремонт,

север Лондона», она звонит в контору под названием «Замки и двери как в тюрьме».

– Вы, случайно, в субботу не работаете? – спрашивает она с надеждой.

– Семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки, – отвечает мужской голос.

– Но вы, наверное, не сможете приехать прямо сейчас?

– Где вы живете?

Она говорит ему адрес.

– Буду через пятнадцать минут.

– А карточку «Виза» принимаете?

– Принимаем.

Кейс вешает трубку и осознает, что этим звонком затерла номер Доротеи. Правда, непонятно, как извлечь его из телефона, но это была единственная улика, не считая азиатских шлюх. Для проверки она нажимает повторный набор и попадает на человека из «Замков и дверей как в тюрьме».

– Извините, случайно нажала повтор.

– Ровно через четырнадцать минут, – говорит он, словно оправдываясь.

Его фургон приезжает через десять.

Еще через час Дэмиенова дверь обзаводится двумя новыми, очень дорогими немецкими замками. Ключи скорее напоминают детали суперсовременного автоматического пистолета. «Кубик» снова водружен на стол, на привычное место. Замок на подъезде она менять не стала: некоторые из соседей Дэмиена с ней даже не знакомы.

Так. Ужин с Бигендом. Кейс вздыхает и идет переодеваться.

Машина «Синего муравья» поджидает у дверей. Кейс выходит; новые ключи висят на шее на черном шнурке. Второй комплект она спрятала за микшерным пультом на втором этаже.

Уже стемнело, начинает моросить.

Садясь в машину, Кейс думает, что дождик приостановит «крестовый поход детей», заставит их искать укрытия под гигантскими пластилиновыми сапогами и самолетами, а снаружи останется лишь мокрая шеренга уличных фонарей, оснащенных камерами наблюдения.

Кейс устраивается на заднем сиденье и спрашивает у водителя, худенького опрятного африканца, есть ли станция метро там, куда они едут.

– Да, метро «Бау-роуд», – отвечает тот.

Такой станции она не знает.

Затылок водителя аккуратно подстрижен, в верхнем

полукружье правого уха торчит ниобиевая серьга. Снаружи проплывают вывески магазинов, обесцвеченные сумерками и дождем.

То, что Стоунстрит называет обычной формой одежды, для Кейс скорее попадает в категорию парадной, поэтому в состав ПК включена «типа юбка», как говорит Дэмиен. Длинный узкий цилиндр из черного джерси, подшитый с обоих концов. Тесновато, но достаточно удобно. Подчеркивает линию бедер, подворачивается на любую длину. А также: черные чулки, черная вязаная кофта, с которой маникюрными ножницами спорот ярлык «Ди-Кей-Эн-Уай», и старомодные черные лодочки, купленные в антикварном магазинчике в Париже.

Кейс вдруг испытывает острое желание проехаться на парижском метро – и вспоминает неподражаемое изящество, с каким француженки умеют повязывать шарфик. Мечты о дальних странах – признак нормализации уровня серотонина. А может, стремление унестись подальше от азиатских шлюх, без спроса забравшихся в браузер?

Непонятно, как подступиться к этой внезапно вспухшей проблеме по имени Доротея, о существовании которой она еще вчера не имела понятия. Кейс в который раз безуспешно пытается вспомнить, чем и когда могла насолить этой женщине.

У Кейс практически нет врагов, хотя определенные аспекты ее профессии чреваты конфликтными ситуациями. Например, консультации, подобные вчерашней, когда ее задача сводится к приговору типа «да-нет». «Нет» может привести к расторжению крупных контрактов, люди могут потерять работу. Один из ее клиентов даже вынужден был распустить целый отдел. Но такое случается крайне редко. Большую часть рабочего времени она проводит на улице, разведывая новые тенденции. Иногда ее приглашают выступить с лекцией перед прилежным отрядом администраторов-новобранцев. Все это достаточно безобидно и вряд ли способно породить конфликты.

Мимо с рычанием проплывает красный двухэтажный автобус. Скорее, не зазеркальный объект, а реквизит диснеевского Лондонленда. На боку приклеен плакатик – стоп-кадр из последнего фрагмента. Поцелуй. Уже успели.

Кейс вспоминает: нью-йоркское метро, час пик, апогей истории с сибирской язвой. Она как раз прошептала утиное заклинание – и вдруг заметила маленький квадратик, приколотый к лацкану изможденной негритянки. Стоп-кадр из нового фрагмента, который Кейс еще не видела. Утка потребовалась, чтобы отогнать навязчивую фантазию: террорист бросает на рельсы стеклянную колбу с концентрированным

носителем сибирской язвы. Отец рассказывал про секретные испытания, проведенные в 1960 году. Они показали, что зараза дойдет по туннелям от Четырнадцатой до Пятьдесят девятой улицы всего за пару часов.

Негритянка поймала ее взгляд и сдержанно кивнула, приветствуя единомышленника. Кейс сразу стало легче, внутренняя чернота расступилась от осознания, что в мире их очень много, гораздо больше, чем она могла предположить. Движение-невидимка.

Число фрагментщиков продолжает расти, хотя ведущие СМИ по-прежнему игнорируют это явление. Кейс не возражает – пусть игнорируют. Попытки популяризации, конечно, были, но тема всякий раз соскальзывала с журналистских вилок, как вареная макаронина. Феномен фрагментов проникает в общество незаметно, будто ночная бабочка, под носом у неповоротливых медийных радаров. Бесплотный призрак. Своеобразный «черный гость» – термин Дэмиена, заимствованный у китайских хакеров.

Популярные телешоу, специализирующиеся на поп-культуре и загадочных явлениях, пару раз упомянули о таинственных видеоклипах и даже пустили в эфир несколько убого смонтированных последовательностей, но общество осталось равнодушным, и только Ф:Ф:Ф откликнулся на эти компиляции коротким всплеском саркастических постов. Надо же было додуматься – засунуть номер 23 перед номером 58!

Ряды фрагментщиков растут спонтанно, за счет личных контактов, либо через случайные столкновения с каким-нибудь из фрагментов.

Кейс встретилась со своим первым фрагментом в позапрошлом ноябре, после вечеринки в галерее «Нолита», выйдя из общего туалета. Прикидывая, как обеззаразить подошвы туфель, не притрагиваясь к ним голыми руками, она вдруг заметила небольшую группу: двух человек рядом с третьим, который держал в руках переносной дивиди-плеер. Группа напоминала трех царей со святыми дарами.

На экране дарохранительницы мелькнуло некое лицо; Кейс машинально остановилась и вытянула шею. Пришлось прищуриться, чтобы лучше разглядеть изображение.

– Что это такое? – спросила она.

Девушка в капюшоне обернулась. Колкий взгляд, заостренный птичий нос, блестящий шарик стального гвоздика под губой.

– Фрагменты.

Так началась новая жизнь. Кейс покинула галерею, сжимая в кармане бумажку с адресом сайта, где были выставлены все

собранные к тому времени фрагменты.

Впереди, в мокром вечернем полумраке, начинает пульсировать голубой крутящийся свет. Словно сказочный маяк, предупреждающий о водовороте.

Они медленно ползут по крупной магистрали: плотное движение в несколько рядов, на грани пробки. Машина останавливается, сзади тут же подпирают. Водитель чуть подает вперед.

Это авария. Они тихо проезжают мимо, и Кейс разглядывает желтый мотоцикл, лежащий на боку. Передняя вилка неестественно выгнута. Рядом стоит другой мотоцикл – очевидно, служба спасения. У него на мачте вертится голубая мигалка. Чисто зазеркальная концепция: экипаж, способный пробраться к месту аварии сквозь любые пробки.

Спасатель в форме «Белстафф» с широкими светящимися полосами стоит на коленях перед лежащим мотоциклистом. Рядом валяется шлем. Шея мотоциклиста зафиксирована в пенопластовом воротнике, спасатель держит у его лица переносную кислородную маску с баллончиком. Сзади раздается настойчивое уханье – наверное, пробивается машина «скорой помощи». На секунду перед Кейс мелькает лицо пострадавшего: подбородок спрятан под маской, дождь капает на закрытые глаза. Ей представляется душа этого бедняги, которая сейчас томится в унылом коллекторе на грани двух миров. Или просто на краю всепожирающей бездны.

Трудно понять, с чем столкнулся бедняга, почему упал. Может, сама дорога, по которой он ехал, вдруг изогнулась и сбросила его? Роковой удар часто получаешь, откуда не ждешь.

– Раньше здесь была спичечная фабрика, – рассказывает Стоунстрит.

Они стоят на втором ярусе просторного двухэтажного объема. Глянцевый темный паркет упирается в стеклянную стену, за которой виден широкий балкон. Свечи в подсвечниках.

– Это временное убежище, – добавляет он, – мы подыскиваем что-нибудь другое. – На нем мятая черная рубашка, манжеты расстегнуты. Домашняя вариация образа непроспавшегося кутилы. – Хуби на мостике. Только что приехал. Хотите что-нибудь выпить?

– А почему Хуби?

– Ну, он же в Хьюстон летал, – подмигивает Стоунстрит.

– Тогда уж Хьюби. Они его, наверное, так и звали за глаза.

Хьюби Бигенд, Кубарец.

У Кейс к Бигенду неприязнь чисто личного свойства, хотя и

не из первых рук: с ним встречалась одна из ее нью-йоркских подружек. Старые добрые времена. Марго – так звали подругу. Марго из Мельбурна. Она почему-то называла своего избранника «Кубарец». Сначала Кейс думала, что это как-то связано с его прямоугольной внешностью, но однажды Марго открыла секрет. Кубарец – это аббревиатура краткой характеристики Бигенда: куча бабок, редкий циник. Их роман какое-то время процветал; постепенно, ближе к концу, отношения усложнились и вышли далеко за рамки краткой характеристики.

По просьбе Кейс Стоунстрит подходит к влажной стойке, высеченной в гранитном кухонном острове-монолите, и готовит большой стакан газированной воды со льдом и с лимонной корочкой.

На одной из стен висит триптих японского художника, имени которого Кейс не помнит. Три большие, в человеческий рост, деревянные панели, покрытые многослойной шелкографией. Накладывающиеся изображения фирменных знаков, вперемешку с большеглазыми девочками манга. Каждый слой отшлифован до полупрозрачности и покрыт лаком, а поверх наложен следующий, который тоже отшлифован и покрыт лаком. И так много раз. Эффект необычный, очень мягкий и глубокий, поначалу даже успокаивающий, но чем дольше Кейс смотрит, тем отчетливее шевелится внутри необъяснимая паника.

Она переводит взгляд на стеклянную стену и замечает Бигенда, который стоит на балконе, опираясь руками на блестящие мокрые перила. На нем длинный плащ и настоящая ковбойская шляпа.

– Интересно, что о нас будут думать потомки? – внезапно спрашивает Бигенд.

Стол у них сугубо вегетарианский, но этот человек выглядит так, будто ему в вену только что впрыснули чудовищную дозу экстракта сырого мяса. Румяные лоснящиеся щеки, сверкающие зрачки. Не хватает только пушистого хвоста.

Разговор до сих пор тек весьма нейтрально, без упоминания Доротеи или «Синего муравья», и это Кейс вполне устраивает.

Елена, жена Стоунстрита, только что закончила рассказ о применении экстракта бычьих нервных клеток в современной косметике. К этой теме она перешла после фаршированных баклажанов, начав с упоминания о губчатой энцефалопатии, которая развивается у травоядных, если их насильственно кормить мясом собратьев.

Бигенд любит подбрасывать острые вопросики в скучную беседу. Он кидает их, как колючки под колеса. Можно обрулить, а

можно наехать, порвать покрышки, нестись дальше со скрежетом на ободах. Сегодня он делает это с самого начала, как только сели за стол – то ли потому, что он начальник, то ли ему действительно скучно: меняет темы равнодушно и безжалостно, как переключают каналы, когда не идет ничего интересного.

– Они вообще не будут о нас думать, – отвечает Кейс, наезжая на колючку. – Не больше, чем мы думаем о средневековье. Я имею в виду, конечно, не знаменитостей, а простых людей.

– Наверное, они будут нас ненавидеть, – вставляет Елена, вглядываясь прекрасными глазами в туманные образы грядущих энцефалопатических химер. В этот момент она похожа на экзальтированную героиню сериала «Архив 7», которая занималась перекодировкой людей, похищенных инопланетянами. Кейс когда-то посмотрела одну серию, потому что ее знакомый снялся там в эпизодической роли работника морга.

– Простых людей? – переспрашивает Бигенд, пристально глядя на Кейс, пропуская мимо ушей реплику Елены.

Бигенд говорит по-английски без акцента. Впечатление жутковатое, как будто слушаешь вокзальные объявления по громкоговорителю, хотя громкость тут ни при чем.

Кейс выдерживает его взгляд, тщательно пережевывая последний кусок фаршированного баклажана.

– Разумеется, мы не можем представить, как будут выглядеть наши потомки, – говорит Бигенд. – И в этом смысле у нас нет будущего. В отличие от наших предков, которые верили, что оно у них есть. Наши прадедушки могли спрогнозировать мир будущего, исходя из того, как выглядело их настоящее. Но сейчас все изменилось. Развернутые социальные прогнозы – это для нас недоступная роскошь; наше настоящее стало слишком кратким, слишком подвижным, и прогнозы на нем не могут устоять. – Он улыбается, как Том Круз, страдающий переизбытком белоснежных крупных зубов. – Мы не ведаем будущего, мы только оцениваем риск. Прокручиваем различные сценарии. Занимаемся распознаванием образов.

Кейс моргает.

– А прошлое у нас есть? – спрашивает Стоунстрит.

– История – это произвольная фантазия на тему, где и что случилось, – отвечает Бигенд, прищурившись. – Что и когда изобрели, что открыли, кто выиграл, кто проиграл. Кто мутировал, а кто вымер.

– Будущее есть, – неожиданно для себя говорит Кейс, – и оно за нами наблюдает. Потомки всматриваются в нас. И в то, что было до нас. Они пытаются понять, на чем стоит их мир. Хотя с

их точки зрения наше прошлое совсем не похоже на то, что мы называем нашим прошлым.

– Вы говорите, как гадалка. – Вспышка белых зубов.

– В истории есть лишь одна постоянная, – продолжает Кейс. – Это ее изменчивость. Прошлое все время меняется. Сегодняшняя версия прошлого будет интересовать наших потомков не больше, чем нас интересует прошлое, в которое верили викторианцы. Для будущего наши исторические теории не имеют значения.

Кейс сейчас вольно цитирует Капюшончика, его мысли в споре с Кинщиком и Морисом. Пытается ли автор фрагментов передать атмосферу какого-то исторического периода? Или, наоборот, подчеркнуто избегает хронологических деталей, чтобы выразить свое отношение ко времени, к неактуальности прошлого?

Теперь очередь Бигенда задумчиво жевать, разглядывая Кейс.

У него бордовый «хаммер» с левым рулем и бельгийскими номерами. Но не типичный приплюснутый суперджип с хроническим тонзиллитом, а последняя, более компактная модель, которая выглядит почти столь же нагло и угрожающе. Салон у новой модели неудобный, несмотря на мягчайшую кожаную обивку. Единственное, что нравилось Кейс в старых «хаммерах», – это огромный, словно лошадиная спина, короб трансмиссии, разделяющий водителя и пассажира. Правда, это было еще до того, как армейские «хамби» сделались привычной деталью нью-йоркского дорожного пейзажа.

Стандартный «хаммер» всегда воспринимался как машина, мало подходящая для свиданий, однако в новой модели Кейс сидит ближе к Бигенду – разделительный горб здесь поуже. Бигенд положил на него свою ковбойскую шляпу «стетсон». В Англии водитель должен сидеть справа, и Кейс постоянно давит на воображаемый тормоз, реагируя на зазеркальное движение. Она пытается удержаться от этих движений, вцепившись в папку «Штази».

Бигенд твердо заявил, что не позволит ей ехать на такси, а тем более пользоваться томительным гостеприимством неторопливого лондонского метро. О том, чтобы снова вызвать фирменную машину с опрятным водителем, он почему-то даже не упомянул.

Дождь прекратился, и воздух прозрачен, как стекло.

Они мчатся по объездной; мимо пролетают указатели на Смитфилд. Это где-то рядом с рынком.

– Заедем в Кларкенуэлл, выпьем по стаканчику, – сообщает Бигенд.

7
Предложение

Бигенд паркует «хаммер» на ярко освещенной улице. Очевидно, это и есть Кларкенуэлл. Никаких выдающихся деталей, обычный лондонский район. Магазинчики довольно невзрачны, фасады жилых домов недавно обновлены. Чем-то похоже на Трибеку – не то что Стоунстритова спичечная фабрика.

Открыв бардачок, Бигенд извлекает пластиковый квадрат размером с зазеркальный номерной знак и кладет его на переднюю панель. На квадрате большие буквы «ЕС», изображение британского льва и номер машины.

– Разрешение на парковку, – объясняет он.

Кейс выходит из машины и видит, что они стали у бордюра, покрашенного желтым. Неужели у него насколько крутые связи?

Бигенд нахлобучивает коричневый «стетсон», захлопывает дверь, нажимает кнопку на брелке. «Хаммер» дважды мигает фарами и издает короткое мычание. Сигнализация. Хочется ли прохожим потрогать эту машину, похожую на огромную дорогую игрушку? Позволяет ли она к себе прикасаться?

Две минуты ходьбы до места. Бар-ресторан, намеренно отделанный так, чтобы как можно меньше напоминать бар-ресторан. Свет из окон наводит на мысли о перегоревших матовых лампочках, о тенях вольфрамовых нитей, напыленных на стекло. Ритмично бухает музыка.

– Бернард о вас очень хорошо отзывается.

Голос у Бигенда внятный, как у экскурсовода в музее. Странное, завораживающее чувство.

– Спасибо.

Кейс с порога оглядывает плотную толпу. Сразу видно, что это место из разряда старомодных, для любителей белого порошка. Слишком широкие улыбки, плоские стеклянистые глаза. Картинки из юности.

Бигенд мгновенно получает свободный столик – кому-нибудь другому это вряд ли бы удалось, – и Кейс вспоминает, как ее нью-йоркская подруга признавалась в одном несомненном плюсе времяпровождения с Кубарцом: никогда не приходится ждать. Непохоже, чтобы его здесь знали; просто работает особая манера держаться, невидимая авторитетная татуировка, действующая на определенный тип людей. Одежда тут ни при чем: на нем ковбойская шляпа, архаичный охотничий плащ телячьей кожи, серые фланелевые брюки и ботинки «Тони Ламба».

Официант принимает заказ: «Пильзнер» для Кейс, «Кир» для Бигенда. Они сидят за круглым столиком; посередине мерцает масляная лампа с плавающим фитилем. Бигенд снимает «стетсон», словно какую-нибудь шляпу-федору, и этот короткий жест делает его удивительно похожим на бельгийца.

Напитки появляются, как по волшебству. Бигенд сразу же расплачивается, вынув новую двадцатифунтовую банкноту из толстенного кошелька, набитого крупными купюрами евро. Официант наливает пиво в стакан. Бигенд оставляет сдачу на столе.

– Не устали? – спрашивает он.

– Временная разница. – Она автоматически с ним чокается.

– Вы знаете, что длинные перелеты приводят к сжатию лобных долей? Физически, так что видно на томографе.

Кейс отхлебывает пиво, морщится. Потом отвечает:

– Нет, просто душа не может летать так быстро. Она отстает, прибывает с задержкой.

– Сегодня вы уже говорили про душу.

– Правда?

– Да. Вы верите, что есть душа?

– Не знаю.

– Я тоже не знаю. – Он делает глоток. – Значит, вы не поладили с Доротеей?

– Кто вам сказал?

– У Бернарда возникло такое чувство. С ней мало кто может поладить. Трудная женщина.

Кейс внезапно вспоминает о папке «Штази», лежащей на коленях. Одна сторона папки перевешивает: перед уходом Кейс неизвестно зачем положила туда импровизированный кастет – Дэмиенову кибердеталь.

– В самом деле?

– Да. Особенно если заподозрит, что вы хотите присвоить то, что принадлежит ей.

Зубов у Бигенда стало еще больше; они размножаются, как метастазы, уже не помещаются во рту. Его влажные от «Кира» губы выглядят кроваво-красными в тусклом свете. Он откидывает прядь со лба. Кейс врубает сексуальную защиту на максимум; двусмысленные комментарии начинают ее нервировать. Неужели дело в том, что Доротея считает ее своей соперницей? Неужели она стала объектом вожделения Бигенда? Жутковатая перспектива. По словам подруги, поразительная донжуанская настойчивость этого человека сочетается с крайним непостоянством.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, Хьюберт.

– Лондонский филиал. Она думает, что я собираюсь предложить вам должность директора лондонского филиала.

– Но это же абсурд!

Огромное облегчение. Во-первых, действительно абсурд. Кейс не тот человек, которого захотят назначить директором чего-либо. Она чрезвычайно узкий специалист, свободный художник, ее нанимают для решения строго определенных разовых задач. У нее практически никогда не было постоянной работы. Она живет исключительно на гонорары и начисто лишена управленческих навыков. А во-вторых – и это главная составляющая облегчения, – секс тут, слава богу, ни при чем. По крайней мере Бигенд так утверждает. Его глаза по-прежнему пристально изучают ее, завораживают, словно пытаются куда-то увлечь.

– Доротее просто не понравилось, что я обратил на вас внимание. – Бигенд поднимает стакан, допивает до дна. – Она давно хотела работать в «Синем муравье», метила на место Бернарда. Собиралась уволиться из «Х и П» – еще до того, как мы начали с ними работать.

– Даже не верится, – говорит Кейс, пытаясь представить Доротею на месте Стоунстрита. – Она ведь не из тех, кто любит работать с людьми.

Еще бы. Свихнувшаяся стерва, прожигательница курток и квартирная взломщица.

– Да, я знаю. У нее вряд ли получится. К тому же с Бернардом я работаю много лет, сам его нанимал. И очень им доволен. Вообще, Доротея вряд ли переживет предстоящие перемены.

– Какие перемены?

– Рекламный бизнес будет сокращаться, как и многие другие. Останутся только лучшие игроки, действительно нужные люди. Профессионального жаргона и крутого выражения лица уже мало.

Кейс и сама слышит рокот приближающихся порогов и даже порой задумывается: удастся ли сохранить свою специальность, донести ее до спокойной воды на той стороне?

– Любой умный человек должен это понимать, должен готовиться, – продолжает Бигенд, глядя ей в глаза.

Кейс решает поиграть в его игру, подбросить ему колючку под колеса.

– Хьюберт, этот последний контракт... зачем он вам? Зачем переделывать эмблему преуспевающего концерна? Это же один из крупнейших в мире производителей кроссовок. Кто продавил эту идею, вы или они?

– Я никогда и ничего не продавливаю. Не мой стиль. Мы с клиентом просто вступаем в диалог, и в процессе диалога рождается некий путь. И это совместное решение уже ничем

нельзя изменить. Даже грубым давлением чьей-либо творческой воли.

Его взгляд становится очень серьезным; Кейс буквально бросает в дрожь. Она надеется, что со стороны это не очень заметно. Самому Бигенду, наверное, и в голову не приходит, что грубому давлению его воли можно сопротивляться.

– Все дело в готовности, в предвосхищении перемен, – говорит он. – Я просто направляю клиента туда, куда все и так движется. Знаете, что самое интересное в Доротее?

– Что?

– Какое-то время она работала в одном очень специализированном агентстве в Париже. Хозяин агентства – отставной французский разведчик довольно высокого ранга. В прошлом он выполнял деликатные правительственные поручения в Германии и в Соединенных Штатах.

– Так она... шпионка?!

– Промышленный шпионаж. Правда, в наше время это звучит несколько старомодно. Думаю, она еще сохранила кое-какие связи. Знает, куда позвонить, если потребуются определенного рода услуги. Но шпионкой я бы ее не назвал. Меня занимает другое: на самом деле их бизнес зеркально противоположен нашему.

– Вы имеете в виду, рекламному?

– Да. Моя задача – донести до людей информацию, которую они уже знают, хотя сами того еще не поняли. Или по крайней мере намекнуть. Как правило, этого достаточно. Просто показать им примерное направление, и они самостоятельно до всего дойдут, понимаете? И будут верить, что обошлись без посторонней помощи. Я даю только рекомендации общего характера, без конкретных деталей.

Кейс пытается связать это с тем, что она знает о рекламных кампаниях «Синего муравья». Какой-то смысл в его словах есть.

– Но в бизнесе, которым занималась Доротея, – продолжает Бигенд, – все по-другому. Там, наоборот, все крутится вокруг информации о конкретных деталях. По крайней мере мне раньше так казалось.

– А на самом деле?

– На самом деле не всегда. Часто их деятельность сводится к примитивному черному пиару. Конкурентов просто обливают грязью. Малоинтересное занятие.

– Однако вы же думали о том, чтобы ее нанять.

– Да, думал. Правда, не на ту роль, которой она добивалась. А недавно мы вообще дали понять, что не заинтересованы в ее услугах. И теперь она сильно разозлится, если заподозрит, что на

ее место собираются взять вас.

Чего он хочет? Может, рассказать ему про куртку, про азиатских шлюх? Нет, не стоит. Кейс ему совсем не доверяет. Доротея – бывшая промышленная шпионка? А Бигенд, выходит, собирался предложить ей работу. Или только говорит, что собирался. А сейчас якобы уже не собирается? Все это может быть ложью.

– Ну что ж, – Бигенд слегка наклоняется вперед, – рассказывайте, я жду.

– Рассказывать? О чем?

– Поцелуй. Что вы о нем думаете?

Кейс мгновенно понимает, что за поцелуй он имеет в виду. Но внезапное превращение Бигенда во фрагментщика требует столь радикальной смены контекста, что несколько секунд она просто сидит и слушает музыку, на которую до сих пор практически не обращала внимания. Диафрагма слегка пульсирует в такт низким частотам. За соседним столиком кто-то смеется. Женский смех.

– Какой поцелуй? – спрашивает она на рефлексе.

В ответ Бигенд лезет в карман плаща и выкладывает на стол щегольской серебристый портсигар, который оказывается титановым дивиди-плеером. Плеер открывается сам по себе; Бигенд поворачивает его, трогает кнопку, и на экране возникает фрагмент № 135. Кейс просматривает клип до конца, потом поднимает глаза.

– Вот этот поцелуй, – говорит Бигенд.

– Что именно вы хотите узнать? – Она все еще в шоке.

– Я хочу узнать ваше мнение: насколько важен этот фрагмент по сравнению с предыдущими.

– Но как мы можем судить об относительной важности фрагментов? Мы же не знаем их сюжетной последовательности.

Бигенд выключает плеер, убирает его в карман.

– Я говорю не о сюжете, а о порядке появления фрагментов.

Кейс не привыкла так думать о фрагментах, хотя этот подход ей знаком. Она уже догадалась, куда Бигенд клонит, однако продолжает прикидываться дурочкой.

– Но ведь фрагменты не появляются в логическом порядке. Их последовательность либо случайна…

– Либо тщательно продумана, чтобы создать иллюзию случайности. Дело не в этом. А в том, что я впервые встречаю столь эффективный механизм подпольного маркетинга. Я отслеживаю посещаемость на сайтах энтузиастов, анализирую динамику – где и как эта тема упоминается в сети. Темпы распространения просто поразительны. Ваша корейская подруга…

– Откуда вы знаете?

– Мои люди постоянно наблюдают за сайтами, где упоминаются фрагменты. Кстати, ваши высказывания – один из самых ценных источников информации. Активистов не так уж много; несложно догадаться, что вы и есть «КейсП». Поймите, ваш интерес к фрагментам – достояние общественности. А значит, вы фактически участвуете в создании новой субкультуры.

К мысли, что Бигенд и его люди рыщут на Ф:Ф:Ф, еще предстоит привыкнуть. Форум стал для Кейс вторым домом, уютным, как гостиная старого друга, но она всегда помнила, что по сути дела это аквариум. Своеобразная текстовая трансляция, на которую может настроиться любой желающий.

– Хьюберт, – осторожно спрашивает она, – зачем вам это нужно?

Бигенд улыбается. Ему надо перестать так улыбаться. Если бы не эти зубы, его можно было бы назвать привлекательным. Интересно, существуют ли дантисты, специализирующиеся на косметическом уменьшении?

– Насколько искренен мой интерес, вы ведь это хотите спросить. Потому что сами увлечены совершенно искренне. Для вас фрагменты – серьезная страсть. Чтобы убедиться, достаточно почитать ваши посты. И именно в этом ваша ценность. Плюс еще ваш особый талант, необычная аллергия, укрощенная патология, которая сделала вас живой легендой современного маркетинга. Искренен ли мой интерес к фрагментами? Вы ведь знаете, моя страсть – маркетинг, реклама, стратегия пиара. Когда я впервые столкнулся с фрагментами, именно этот аспект меня привлек. Устойчивое, пристальное внимание людей к продукту, которого, возможно, даже не существует. Мог ли я спокойно пройти мимо? Мимо гениальнейшей, а главное, абсолютно новой рекламной выдумки еще совсем юного века?

Кейс наблюдает за пузырьками, бегущими сквозь почти нетронутый «Пильзнер». И пытается вспомнить, что говорят в интернете о корнях этого человека, об истории взлета «Синего муравья». Его отец – богатый брюссельский промышленник. Неизменные летние каникулы на вилле в Каннах, старая престижная школа в Англии. Потом учеба в Гарварде и дерзкий, но бесславный набег на Голливуд в качестве независимого продюсера. Потом таинственный период тихого бездействия где-то в глуши, в Бразилии. «Синий муравей» возник сначала в Европе, потом открылись филиалы в Лондоне и в Нью-Йорке.

Биографические факты, скупые обрывки таблоидных сплетен, странная связь с Марго, развитие которой Кейс наблюдала со стороны, хотя и в режиме реального времени – все это надо

увязать со столь неожиданно открывшимся интересом к фрагментам. Истинной причины этого интереса Кейс не понимает, но уже начинает о ней догадываться. И это ее тревожит.

Она смотрит ему в глаза.

– Вы думаете, на этом можно сделать хорошие деньги?

Взгляд Бигенда становится серьезным.

– Я не гонюсь за деньгами. Меня интересует только совершенство.

Кейс видит, что он не лжет. Но от этого не легче.

– Хьюберт, куда вы клоните? В моем контракте написано, что я должна оценить дизайн фирменного знака. И все. Про фрагменты там ничего не говорится.

– Пока что мы с вами просто болтаем, – произносит он тоном приказа.

– Не думаю. Вы вообще никогда просто так не болтаете.

Бигенд улыбается уже по-другому: меньше зубов и больше искренности. Судя по всему, эта улыбка означает, что Кейс удалось проникнуть сквозь первую линию обороны, и теперь она уже не совсем посторонний человек. Она узнала его более интимную оболочку, образ странного, нечеловечески настырного мальчика-гения тридцати с лишним лет, рыщущего в рыночных дебрях юного века в поисках если не абсолютной правды, то хотя бы информации о движущих пружинах. Этот образ она уже встречала в некоторых статьях, в восторженных отзывах журналистов, купившихся на особую улыбку и прочие приемчики.

– Я хочу, чтобы вы его нашли.

– Его?..

– Автора.

– А почему именно его? Может, ее? Или их?

– Не важно. Автора. Я обеспечу вас всем необходимым. Работать будете не с фирмой «Синий муравей», а лично со мной. Мы будем партнерами.

– Но почему?

– Потому что я хочу узнать, кто он. Так же, как и вы.

Тут он прав.

– А вам не приходило в голову, что если вы его найдете, то процесс может прерваться?

– А зачем ему знать, что мы его нашли?

Кейс открывает рот – и не находит, что возразить.

– Вы думаете, мы одни хотим его отыскать? – продолжает Бигенд. – Подумайте, ведь сегодня реклама товара требует гораздо больше творческих ресурсов, чем производство. Не важно, кроссовки это или фильм. Именно поэтому я основал такую

фирму – «Синий муравей». И с этой точки зрения человек, который создает фрагменты, – настоящий гений, без дураков.

* * *

Бигенд везет ее в Камден-таун. Или по крайней мере в направлении Камден-тауна. Они только что проехали поворот на Парквей и углубились в лабиринт улочек, окружающих Примроуз-Хилл. Это главная лондонская возвышенность, один из самых богатых районов, даже более престижный, чем Камден. Кейс не раз гуляла здесь с Дэмиеном, но единственное название, которое приходит на ум, это Сильвия Плас. У ее знакомых была здесь небольшая мансарда. Продав ее, они смогли купить галерею в Санта-Монике, в двух шагах от Фрэнка Гери.

Кейс чувствует себя неловко, происходящее ей не нравится. Она не знает, что думать о предложении Бигенда. Он переключил ее в один из тех режимов, которые последний терапевт называл «старыми привычками». Суть режима состоит в том, что она говорит «нет», но недостаточно уверенным тоном, и потом все равно продолжает слушать, в результате чего у оппонента появляется возможность постепенно подгрызать это «нет», незаметно для самой Кейс превращая его в «да». Ей казалось, что этот режим давно побежден, но сейчас он снова включился.

Бигенд, ее безжалостный партнер в этом нелепом танце, искренне не может представить, чтобы кто-нибудь отказался выполнять его волю. Марго называла это качество наиболее проблемным и в то же время наиболее эффективным аспектом его сексуальности: к объекту своего вожделения Бигенд подходит так, будто уже получил согласие на предложение переспать. Кейс только что обнаружила, что в бизнесе он ведет себя точно так же. Любая предстоящая сделка воспринимается им как уже заключенная. Если вы не решаетесь подписать с ним контракт, он заставляет вас поверить, что все уже подписано, только вы почему-то об этом забыли.

Его воля похожа на что-то липкое, аморфное, словно сгусток сырого тумана. Этот туман наползает, обволакивает, сковывает мысли и желания, и начинаешь поневоле двигаться вслед за ним.

– Вы не видели альтернативный монтаж последнего Лукаса?

«Хаммер» сворачивает, проезжает мимо ресторанчика, который выглядит удивительно по-ресторанному, будто его открыли только позавчера или недавно перестроили, чтобы привлечь новых клиентов. Свеженький симулякр, пугающий своим совершенством. Большие окна вымыты до идеальной

прозрачности. Внутри мелькает силуэт рыжеволосой женщины в зеленом свитере и бокал, поднятый в приветственном тосте. Все исчезает, как сон. Машина с рычанием ныряет в темный переулок, пролетают спящие фасады жилых домов. Еще один поворот.

– Лукас – только начало. Почему-то решили взяться именно за него. Если так пойдет, то даже археологи не смогут восстановить оригинальные, классические сюжеты. – Руль влево, поворот, визжат шины. – Современные музыканты, которые пособразительней, выкладывают новые композиции в интернет, как пирожки на подоконник, в расчете на то, что люди их анонимно доработают. Девять редакций из десяти окажутся полным дерьмом, зато десятая может получиться гениальной. Причем совершенно бесплатной. Впечатление такое, что творческий процесс больше не ограничен рамками отдельно взятого черепа. Продукт любой деятельности является отражением чего-то еще.

– И фрагменты? – Кейс не может удержаться.

– В этом вся прелесть! Автор умудрился вырваться из порочного круга. Фрагменты можно монтировать как угодно, но их невозможно перемонтировать.

– Это только пока. Когда он закончит фильм, появится возможность альтернативного монтажа.

– Он? – ухмыляется Бигенд.

– Автор. – Она пожимает плечами.

– Вы уверены, что фрагменты – части какого-то одного фильма?

– Конечно! – Ни секунды колебания.

– Почему?

– Не могу рационально объяснить. Просто чувствую сердцем.

Ей самой странно, что она так выразилась.

– Сердце – это мышца, – назидательно говорит Бигенд. – То, что вы называете «чувствую», происходит в лимбической части вашего мозга, которая досталась в наследство от млекопитающих. Глубокий древний уровень, не признающий логики. Уровень, на котором работает реклама. А кора с извилинами тут ни при чем. То, что мы привыкли называть рассудком, – не что иное, как самоуверенный нарост, который совсем недавно появился на зверином мозгу. А тот в свою очередь насажен на доисторический земноводный стержень. Современная культура пытается нас убедить, что все наше сознание заключено в коре, в этом тонком наросте. Но при этом забывают, что под наростом покоится здоровенный шмат звериного мозга – могучего и молчаливого, занятого своими древними делами. И именно там рождается желание покупать.

Кейс бросает на него быстрый взгляд. Сосредоточенное лицо, без тени улыбки. Возможно, его истинное лицо.

– Когда я создавал «Синего муравья», это было определяющим правилом. Хорошая реклама должна быть нацелена на древнюю, глубинную часть мозга, минуя речь и логику. Люди, которых я нанимаю, должны уметь работать на этом уровне, сознательно или бессознательно. Это главное условие. И такой подход себя оправдывает.

Кейс вынуждена согласиться: действительно, оправдывает. «Хаммер» тормозит у подножия большого холма, поросшего травой. Мягкий свет зазеркальных фонарей. Дэмиен рассказывал ей легенду о местном Икаре, когда-то слетевшем отсюда – очень давно, еще до основания Римской империи. Деталей она не помнит. Этот холм всегда был священным местом, местом казней и жертвоприношений. В старые времена он назывался Гринберри. Друидское слово.

На этот раз Бигенд уже не выставляет разрешение на парковку, этот современный эквивалент средневековых городских вольностей. Хлопнув дверцей и плотно нахлобучив шляпу, он начинает бодро взбираться по склону холма. На секунду его фигура пропадает в полоске черноты между фонарями. Кейс идет за ним. За спиной отрывисто бибикает включенная сигнализация. В этом весь Бигенд – вперед, к вершине, не оглядываясь на ковыляющих позади. Кейс пытается за ним угнаться, мысленно ругая себя за слабоволие. Дура, зачем ты ему позволяешь? Что может быть проще? Просто повернуться и уйти. Пешком добраться до дома, вдоль пустынной набережной, слушая плеск чернильной воды. Мимо темных шлюзов, мимо бомжей, пьющих сидр на лавочках. Но она продолжает карабкаться. Трава здесь выше, чем кажется на первый взгляд. Ноги уже промокли от росы. Совсем не городское ощущение.

На самой вершине одинокая скамейка, и Бигенд сидит там, глядя вниз, на Темзу, на сказочные лондонские огоньки, мерцающие сквозь мутную дымку городских испарений.

– Скажите мне «нет», – говорит он, не оглядываясь.

– Что?

– Скажите «нет», откажитесь от моего предложения. Снимите тяжесть с души.

– С удовольствием. Нет.

– Подумайте до утра.

Кейс начинает хмуриться, но вдруг понимает, что в ситуации есть определенный комизм. Бигенд намеренно, чуть ли не застенчиво дает понять: он прекрасно знает, что ведет себя шокирующе. Простой и весьма эффективный обезоруживающий

приемчик.

– Что вы будете делать, если я найду автора?

– Еще не знаю.

– Станете его продюсером?

– Сомневаюсь. Люди еще не придумали названия для роли, которую я буду играть. Защитник, устранитель проблем...

Он сидит чуть сгорбившись, подняв плечи фавновского плаща, словно бы вглядываясь в мерцающий Лондон. Но Кейс замечает, что на коленях у него лежит дивиди-плеер. Он снова смотрит фрагмент с поцелуем.

– Вам придется обойтись без моей помощи.

Бигенд отвечает, не поднимая головы:

– Подумайте до утра. Иногда утром все выглядит по-другому. Я хочу, чтобы вы познакомились с одним человеком.

– Повернитесь. – Кейс снимает с него шляпу. – Вот, смотрите!

Она берет шляпу в левую руку, средний и указательный пальцы ложатся в углубление. Легким движением надевает ее, потом сбивает чуть набекрень, хлопнув по полям.

– Вот так. – Она смотрит на него, подбоченясь. – А снимать надо вот так. – Она показывает. – А то вы похожи на городского старпёра, который не может залезть на лошадь без стремянки.

Она возвращает ему шляпу. Бигенд нахлобучивает ее, отклоняется назад, смотрит из-под полей:

– Спасибо.

Кейс поворачивается в сторону города.

– А теперь отвезите меня домой. Я устала.

Перед дверью квартиры она встает на цыпочки и убеждается, что черный волосок марки «Кейс Поллард», наклеенный на дверную щель посредством плевка той же марки, никуда не делся. Потом находит в папке пудреницу, которой почти никогда не пользуется. Пальцы по пути задевают холодную сталь киберцилиндра. Опустившись на колени, она подставляет зеркальце и видит непотревоженный слой пудры на нижней половине дверной ручки.

Спасибо, мистер Бонд!

8
Водяной знак

Убедившись, что остальные, внутренние ловушки тоже не сработали, Кейс будит компьютер и проверяет почту.

Два письма: от Дэмиена и от Капюшончика.

Она начинает с Дэмиена.

> Привет из оттаявшего сердца сталинградских болот – от вороны, все еще не утратившей белизны, несмотря на комариные укусы и недельную щетину! Чтобы слиться с местной стаей, надо пить так, как я еще не скоро научусь. Место для съемок здесь просто улетное. Не помню, успел ли рассказать тебе перед отъездом: тема моего фильма – черная археология. Это такой постсоветский летний ритуал. Каждый год в гнилые комариные леса съезжается долбанутая русская молодежь с лопатами. Едут со всей страны, но больше всего из-под Ленинграда. Во время войны здесь была одна из самых жестоких, грандиозных и продолжительных битв. Все изрезано окопами, линия фронта многократно перемещалась взад-вперед, поэтому останки залегают слоями. Когда начинаешь копать, натыкаешься сначала на немецкий слой, потом идет русский, потом опять немецкий. В основном, конечно, кости: темно-серые обломки, плавающие в илистой липкой грязи, которая зимой замерзает, как камень. Грязь, если я правильно понял, анаэробная. Плоть, конечно, сгнивает (и слава богу), однако кости и предметы сохраняются идеально, и это привлекает черных археологов. Часы, ордена, оружие всех видов. Вчера один парнишка откопал нераспечатанную бутылку водки. Правда, пить ее не стали, испугались, что может быть отравлена. Визуально – просто нет слов! Пьяные бритоголовые копатели, пирамиды серых костей, вещи, которые они извлекают из-под земли… Хотя работать очень непросто. С одной стороны, мы должны постоянно пить, иначе нас побьют и изгонят, как чужаков. Такая здесь атмосфера. С другой стороны, нужна относительная трезвость ума, чтобы удерживать в руках камеру и не забывать менять батарейки. Поэтому я так долго не писал. Работа, водка, работа, водка… И так 24

часа в сутки. Поначалу я думал, что это будет разведывательная поездка, а по-настоящему снимать начнем следующим летом. Но теперь мне ясно, что это чушь. Во-первых, такой уровень безумия вряд ли повторится – даже здесь, в России. Второй раз в эту речку уже не войти. А во-вторых, если я отсюда уеду, то уже никогда не вернусь, ни за какие коврижки. Мик (наш ирландский оператор) подхватил хронический кашель. Боится, что это неизлечимая форма туберкулеза. Другой оператор, малютка Брайан, в порядке культурного обмена напился с копателями в дрова, после чего уснул в канаве. А проснувшись, обнаружил на плече огромную свежую татуировку на кинжально-паучью тему, выколотую, судя по всему, при помощи ржавого гвоздя. Другой бы на его месте заработал нервный срыв, но Брайан австралиец, рост два метра, этим его не проймешь. Умывшись, он пошел разбираться, разыскал злосчастного художника и сломал ему челюсть. Теперь опухоль на плече сошла, а Брайан ходит в полосатой безрукавке, пользуясь неоспоримым и всеобщим уважением. Мы с ним считаем, что Мик просто нытик и баба, и никакого туберкулеза у него нет. Правда, близко к нему не подходим – на всякий случай. А что у тебя? Как дела? Поливаешь мои цветы и кормишь рыбок? Не обижают тебя рекламные онанисты из Сохо? Я сейчас отдал бы левую ступню за пять минут в горячем душе. Думаю, у меня завелись лобковые вши – и это после того, как я обрил голову, чтобы не подцепить каких-нибудь паразитов! Малютка Брайан каждый раз перед сном покрывает себе яйца бесцветным лаком для ногтей. Утверждает, что это отпугивает насекомых. Но я-то знаю правду! Ему просто нравится это делать, потому что он скрытый гомик и эстетствующий мазохист.

Ладно, целую. До скорого! Дэмиен.

P. S. Если кто еще не понял: от поездки я в полном восторге!!! Еще никогда в жизни я не был так счастлив.

Кейс открывает письмо Капюшончика.

Пока народ истекает слюнями по поводу «поцелуя», как впоследствии несомненно назовут № 135, мы с Мусаши, взяв молитвенники, гордо удалились в виртуальную глушь. Не знаю, следишь ли ты за Ф:Ф:Ф в промежутках между попытками заработать денежку на то, что некоторые люди самоуверенно называют «жизнь»,

но форум буквально сошел с ума из-за номера 135, причем это помешательство, судя по всему, затяжное. Ты уже слышала про Си-эн-эн?

Нет, она ничего не слышала.

Сообщаю – на тот случай, если ты была в коме (счастливица): вчера они показали слегка сокращенную запись 135-го в вечернем выпуске, и теперь все сайты планеты наводнены мычащими стадами завороженных новичков-фрагментщиков.

Кейс делает паузу, чтобы это переварить. Если номер 135 показали вчера по Си-эн-эн, то Бигенд не мог об этом не знать. Однако он ни словом не обмолвился. Почему? Возможно, хотел, чтобы она обнаружила сама, уже после разговора. Надеялся, что проявление столь глобального интереса к фрагментам склонит чашу весов в пользу его предложения? Если так, то она вынуждена признать: он не ошибся в расчетах. При одной мысли, что фотография таинственного автора будет напечатана во всех газетах, ее передергивает.

В силу этой, а также ряда других причин я временно забросил Ф:Ф:Ф, превратившийся за последние два дня в исключительно зловонное место благодаря псевдофилософским миазмам толстухи М.А., и прицепился по интернету к сенсэю Деррилу на предмет дальнейшего изучения кандзи, начатого мною во время недавнего визита в Калифорнию.

Деррил, он же Мусаши – это калифорнийский фрагментщик, свободно говорящий по-японски. Японские сайты, посвященные фрагментам, – предмет пристального и восхищенного интереса Капюшончика. Используя Мусаши в качестве переводчика, он периодически отправляется туда на разведку, всякий раз публикуя результаты своих рейдов на Ф:Ф:Ф. Кейс поначалу тоже пробовала пройтись по некоторым адресам, но скоро поняла, что это пустая трата времени. Страницы, сделанные на кандзи (таких оказалось большинство), не поддавались машинному переводу, а редкие исключения, использовавшие кану, в интерпретации автопереводчика напоминали бред стеснительного матерщинника, к речи которого применили устаревший цензурный фильтр для ненормативной лексики в ранних мультфильмах, когда буквы в нехороших словах заменяли звездочками и другими специальными символами.

> Незадолго до моего отъезда мы с Деррилом погрузились в загадочные глубины одного из форумов на региональном сервере Осаки и обнаружили ссылку на весьма любопытный факт: японские коллеги несколько раз упомянули, что на фрагменте № 78 удалось якобы обнаружить цифровой водяной знак. Промежуточные этапы этого удивительного открытия я опускаю (все они тщательно заархивированы на тот случай, если тебе придет охота их подробно просмаковать).

Кейс знает о цифровых водяных знаках лишь понаслышке. До сих пор никто не употреблял этот термин применительно к фрагментам. Что это значит – поставить водяной знак на видеоклип?

> Но сейчас уже не вызывает сомнения: номер 78 действительно помечен цифровым водяным знаком! Значит ли это, что остальные фрагменты тоже помечены? Этого мы, к сожалению, не знаем. Зато нам известно, что для нанесения водяного знака использовалась технология под каббалистическим названием «стеганография». Считаю нужным подчеркнуть – на случай, если ты ушибла голову и утратила способность понимать очевидные вещи, – что это самый грандиозный прорыв с момента появления в сети первого фрагмента. И свершился этот прорыв только благодаря стальной настойчивости и остроумию твоего покорного слуги. Я мог бы еще упомянуть скромный вклад Мусаши-сана, но прежде мы с ним должны разобраться с фрагментами полупереваренной пиццы, которыми этот нетрезвый свинтус заплевал одну из моих лучших футболок во время последнего очного диспута.

Кейс отворачивается от экрана. Не спеша отхлебывает чай. Сегодняшний день и так уже можно назвать одним из самых странных за последнее время. Но то, о чем она собирается прочесть, может стать одним из поворотных моментов всей ее жизни. Капюшончик не шутит с такими вещами. Тайна происхождения фрагментов важнее, чем все бигенды, синие муравьи и доротеи, вместе взятые. Важнее даже, чем карьера. Кейс не может понять причину, однако твердо знает, что это так. Всепоглощающая страсть, которая объединяет их всех: Капюшончика, Айви, других истинных фрагментщиков. Объяснить это нельзя, можно только почувствовать.

Стеганография – это способ спрятать информацию, перемешав ее с другой информацией. Вот все, что я пока знаю. Но вернемся к нашему открытию. Вынырнув из шепелявых бездн кандзи и почувствовав под ногами твердь родного английского, мы с Мусаши какое-то время задумчиво рассматривали наш трофей, странное слово, которое я поначалу принял за артефакт небрежного перевода. План действий родился у меня уже по возвращении в Чикаго – и мы с Деррилом сразу же принялись за его воплощение. Мы создали виртуальную японскую личность по имени Кейко, которая начала постить на форуме в Осаке. Очень мило, очень дружелюбно. Разумеется, по-японски. Никакой пошлости и дешевых секс-приманок. Кейко, правда, выходит в сеть через калифорнийского провайдера, но лишь потому, что она изучает английский в Сан-Франциско. Не прошло и двух дней, как некто Такаючи начал робко клевать с нашей ладошки. Этот Таки, как он попросил себя величать, вхож в одну из отаку-тусовок[10] с претенциозным названием «Мистика», хотя ее членам запрещено упоминать это имя всуе. Таки утверждает, что хакеры секты сумели обнаружить водяной знак на № 78. Знак, говорит Таки, представляет собой некий номер, который ему каким-то образом удалось узнать. Более того, сей пылкий юнец, движимый желанием запустить потную руку под нашу клетчатую мини-юбочку, описанную нами во всех подробностях, пообещал поделиться этим номером на первом же свидании, как только мы вернемся в Токио. Я, конечно, горжусь бесспорной славой первооткрывателя столь важного, хотя и не до конца проверенного факта (часть этой славы по праву принадлежит моему верному пиццаизрыгающему переводчику). Мамуля Анархия обгадит панталоны ядовито-зеленой завистью, если я расскажу на Ф:Ф:Ф о нашем открытии. Но стоит ли рассказывать? Ведь непонятно, что делать дальше. Осмотрительный Таки (кстати, он послал свое фото: просто кончить и умереть) соглашается сообщить номер только при личном контакте. Это единственное, в чем он абсолютно непреклонен, хотя во всем остальном охотно подставляет уши под нашу лапшу. Поразительный образчик избирательной ушлости!

На сим позволю себе поставить точку. Искренне раздосадованный,

Капюшончик.

P.S. Подскажи, что делать! Друг ты или нет?

Кейс какое-то время сидит неподвижно. Затем встает, проверяет дверь и окна и трогает ключи на шее.

В ванной она открывает воду, умывается, чистит зубы.

Отражение в зеркале, на фоне белой кафельной плитки. Как фотография, вырезанная из журнала и наклеенная на клетчатую бумагу. Причем вырезанная небрежно.

Наплывают картинки, спровоцированные письмом Дэмиена. Пирамиды костей. Семнадцать уцелевших этажей. Смятое, перекрученное железо. Запах гари. Пепел. Горький привкус в горле.

Но сейчас она здесь, в подозрительной квартире, куда недавно проникли какие-то злодеи. Доротея в роли промышленной шпионки?.. Женщина в зеркале качает головой, губы измазаны зубной пастой. Гидрофобия.

Как там Бигенд говорит? Утро вечера мудренее? Что ж, придется выяснить.

Кейс складывает и убирает жесткий парус серебристого покрывальника. Меняет его на тонкое серое одеяло, найденное в шкафу.

– Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов.

Вечерняя молитва в темноте.

Закрыв глаза, она пытается представить себе водяной знак. Призрачный символ в уголке ее существования; постоянно присутствующий ярлык – невидимый, неощутимый, помечающий ее принадлежность... чему?

9
Транс

Ее будит солнечный свет, бьющий в окна.

Квадраты неба, декорированные облаками.

Потянуться под одеялом. Зевнуть. Вспомнить о поджидающих проблемах.

Ладно, пусть подождут. Сначала нужно встать, выбраться на улицу и спокойно позавтракать.

Десятиминутная готовность. Хирургический душ, джинсы, футболка. Кейс выходит, запирает дверь и проделывает ритуал Джеймса Бонда: черный волос и плевок, пахнущий мятой. Заговор от злых сил.

Вниз по Парквею, потом по короткой, в один квартал, улочке под названием Инвернес-стрит. Там есть французское кафе, где они с Дэмиеном однажды завтракали.

Мимо витрин, столбов и телефонных будок, оклеенных бумажными объявлениями, среди которых можно и не искать стоп-кадры из «поцелуя».

А вот и кафе. Псевдофранцузское, но с настоящими французскими официантами. Подростки с материка, дешевая рабочая сила.

Первое, что она видит, войдя в кафе, – это Войтек, сидящий за одним столиком с легендарным Билли Прайоном, бывшим солистом группы под названием «БГЭ».

Кейс нравится следить за динамикой зазеркальных поп-звезд. Интерес представляют не личности, а судьбы – сжатые, квантово-неуловимые, словно элементарные частицы, существование которых можно доказать только постфактум, по следам на поверхности специальных чувствительных пластин, установленных в заброшенных солевых шахтах.

След, оставленный Билли Прайоном, – это левая нижняя сторона его лица, которую он специально парализовал при помощи «Ботокса»[11] перед выходом на сцену. Марго как раз слушала курс «болезнь как метафора» в нью-йоркском университете, и Кейс предложила ей взять парализованный рот Билли темой для реферата. Марго отказалась, потому что уже выбрала болезнь под названием «Бигенд», и дело было лишь за подходящей метафорой.

Все эти годы Кейс краем глаза следила за карьерой Билли. Группа «БГЭ» быстро распалась, а сам он пережил бурный роман с финской певичкой, которая назвала свою группу «Велкро Китти»,

в пику закону о торговых марках, тем самым заработав себе кучу неприятностей[12].

Проходя мимо их столика, Кейс видит, что Войтек разложил поверх посуды многочисленные перфорированные блокноты, испещренные красными письменами. Диаграммы, квадраты, соединенные стрелками. Судя по линии рта Билли Прайона, косметический нейротоксин уже давно выдохся: если бы он сейчас улыбнулся, его лицо выглядело бы симметрично. Войтек что-то сосредоточенно объясняет, морща лоб от напряжения.

Раздраженная официантка с ярко-алым ртом и с подведенными красной тушью глазами, обмахиваясь рекламным буклетом, машет рукой в сторону свободного столика у задней стены. Кейс садится, отодвигает меню и старательно, на ломаном французском, заказывает кофе и яичницу с колбасками.

Официантка смотрит на нее с изумленным отвращением, как на кошку, отрыгнувшую комок шерсти.

– Ну и черт с тобой, будь француженкой, – цедит Кейс в ее удаляющуюся спину.

Однако кофе появляется на удивление быстро, и вкус у него замечательный. То же можно сказать и о яичнице. Закончив завтрак, Кейс поднимает голову и видит, что Войтек ее пристально разглядывает. Билли Прайона нигде не видно.

– Кейси! – окликает Войтек, неправильно вспомнив имя.

– Это был Билли Прайон, да?

– Можно присоединиться?

– Пожалуйста.

Войтек начинает собирать свои блокноты: аккуратно закрывает, засовывает в сумку по одному. Потом подходит и садится за столик Кейс.

– Так Билли Прайон – твой друг?

– Владетель галереи. Мне нужно место, чтобы выставить проект «Зи-Экс 81».

– А проект закончен?

– Нет, еще собираю компьютеры.

– Сколько же тебе надо?

– Очень много. И еще нужен спонсор.

– Значит, Билли Прайон – потенциальный спонсор?

– Нет. Вы работать большая корпорация? Они не хотят услышать про мой проект?

– Я свободный художник.

– Но здесь по работе?

– Да, контракт с рекламным агентством.

Войтек поправляет сумку на плече.

– Не «Саачи»?

– Нет. Войтек, ты знаешь что-нибудь о цифровых водяных знаках?

Он кивает:

– Да. Что?

– Такая вещь, как стеганография.

– Угу.

– Что это значит: на цифровой видеоклип нанесен водяной знак? Какой-то номер?

– Он видимый?

– Нет, скорее скрытый. По крайней мере изначально.

– Это называется стеганография – когда номер прячут. Многоразрядный номер?

– Скорее всего.

– Значит, это код. Клиент получает код от фирмы, фирма специалист, делает водяные знаки. Фирма дает код и средства, чтобы спрятать. Это стеганография. Клиент потом проверяет интернет, ищет свой код. Если видео украл пират, то поиск принесет успех.

– То есть по водяным знакам можно отслеживать динамику распространения видеоклипов?

Войтек кивает.

– Кто этим занимается, кто ставит водяные знаки?

– Есть многие фирмы.

– А можно по знаку определить, какая фирма его поставила?

– Клиенту не понравится такое. Проблема – безопасность.

– Может ли кто-нибудь обнаружить водяной знак, прочитать его? Не зная кода, не зная, кто его поставил? Не зная даже, есть ли этот знак?

Войтек несколько секунд думает, потом отвечает:

– Трудно, но сделать можно. Хоббс знает про эти вещи.

– Кто такой Хоббс?

– Вы встречались. Человек с «Куртами».

Кейс вспоминает злобное, беккетовское лицо, грязные ногти.

– Интересно. А откуда он знает?

– Математика. Тринити, Кембридж, потом работа на Америка, сотрудник АНБ[13]. Очень, очень сложный.

– Что, работа?

– Нет, человек. Хоббс.

Утро солнечное, «крестовый поход детей» бурлит вовсю.

Кейс стоит на Инвернес-стрит рядом с Войтеком, глядя на бескрайний людской поток. Запыленные фигуры действительно кажутся средневековыми в ярком солнечном свете; только идут не на Вифлеем, а в сторону Камденского шлюза.

Войтек нацепил на нос круглые солнечные очечки, которые делают его похожим на покойника с монетками на глазах.

– Я должен встретить Магду.

– Кто она?

– Сестра. Продает шапки возле Камденского шлюза. Пойдем!

Войтек ныряет в поток юных крестоносцев, увлекает Кейс за собой.

– Субботу торгует в Портобелло, на ярмарка. Воскресенье здесь.

Кейс идет за ним, думая о водяных знаках, о вопросах, которые нужно задать.

Утреннее солнце действует умиротворяюще. Они незаметно доходят до шлюза, окруженные топотом молодых ног, которые обеспечивают производителям кроссовок миллиардные доходы.

Войтек рассказывает, что помимо продажи шапок Магда иногда занимается рекламой, но Кейс не может взять в толк, что именно она делает.

Рынок разбит за шлюзом, в лабиринте кирпичных викторианских строений. Склады и подземные конюшни, где держали лошадей, тащивших баржи по каналу. Кейс все еще путается в этом лабиринте, хотя бывала здесь много раз. Войтек ведет ее мимо похоронных одежд, висящих на шестах огромными гроздьями, мимо старых киноафиш, стопок грампластинок, русских будильников, высушенных пучков курительных трав.

В сумрачных недрах лабиринта, среди лава-ламп и неоновых светильников необычных цветов, они наконец находят Магду, которая совершенно не похожа на своего брата, если не считать характерно высоких скул. Маленькая, симпатичная, крашенная хной, затянутая в «конверсионный» корсет, должно быть, переделанный из какой-нибудь противоперегрузочной авиаамуниции. Магда бодро собирает товар, сворачивает стенд.

Войтек спрашивает что-то на их родном языке. Она отвечает, смеется.

– Говорит, французы покупают оптом, – переводит Войтек.

– А еще она сама хорошо говорит по-английски, – добавляет Магда, протягивая руку. – Меня зовут Магда.

– Кейс Поллард. – Они обмениваются рукопожатием.

– Кейси тоже работать в реклама.

– Ну, думаю, не так глупо, как я. Лучше не напоминай мне. – Магда заворачивает очередную шапочку в тряпицу и укладывает в картонную коробку.

Кейс начинает ей помогать. Именно такие шапочки она могла бы покупать, если бы вообще носила шапочки. Серые и черные, вязаные крючком или сшитые из промышленного фетра, без

наклеек и ярлычков, без привязки ко времени.

– Симпатичные шапочки.

– Спасибо!

– Подрабатываете в рекламе?

– С деловым видом хожу по барам, по ночным клубам, знакомлюсь с людьми. В разговоре как бы невзначай упоминаю продукт моего клиента. Разумеется, с хорошей стороны. Моя главная задача – привлечь внимание. Я только недавно начала это делать, но уже так надоело!

Магда действительно хорошо говорит по-английски. Кейс странно, что между братом и сестрой такая разница в языке.

– Да вы не думайте, я правда его сестра, – смеется Магда, заметив ее взгляд. – Мать нас сюда привезла, когда мне было всего пять лет.

Она убирает последнюю шапочку, закрывает картонный короб, отдает его Войтеку.

– Значит, вам платят за то, что вы ходите по клубам и отзываетесь о разных продуктах?

– Да, фирма называется «Транс». Делает неплохой бизнес. Я вообще студентка, учусь на дизайнера. Конечно, нужно как-то жить, подрабатывать, но такая работа – это уже слишком! – Она накрывает опустевший стенд пластиковым экраном. – Зато я сегодня двадцать шапочек продала. По этому поводу надо выпить, да?

– Вот ты сидишь в баре, пьешь пиво, – говорит Магда.

Они втроем сидят в уголке за стойкой переполненного камденского бара и пьют пиво.

– Да, знаю! – обиженно говорит Войтек.

– Я не о том! – отмахивается она. – Допустим, ты сидишь в баре, пришел отдохнуть. И тут к тебе подсаживается симпатичная девчонка. Или парень, у нас парни тоже работают. Ну, знакомится, начинает разговор. И так, между делом упоминает какую-нибудь марку одежды или фильм, который недавно вышел. Естественно, никаких попыток впарить – просто доброжелательный отзыв. И знаете, что потом происходит? Вот этого я никак не могу понять! Знаете, что происходит?

– Не знаю, – отвечает Кейс.

– Ты в ответ заявляешь – да, я тоже обожаю этот продукт! То есть банально врешь! Сначала я думала, только мужчины так поступают. Но нет, женщины тоже врут!

Кейс уже слышала о таком способе рекламы, в Нью-Йорке чего только не встретишь. Однако впервые видит человека, который лично этим занимается.

– Ну да, это называется забросить якорь, – кивает она. – Доброжелательная оценка продукта подвязывается к воспоминанию о симпатичном представителе противоположного пола. А врут они потому, что это одно из инстинктивных правил флирта. Сходство предпочтений увеличивает вероятность сексуального контакта. Вот они и поддакивают.

– Да, но покупают потом джинсы? – восклицает Войтек. – Идут смотреть кино? Нет!

– Ну правильно, – отвечает Кейс. – Продукт они не покупают, зато заставляют информацию циркулировать. Используют ее, чтобы произвести впечатление на случайных знакомых в барах.

– Способ распространения информации? Сомневаюсь, что эффективно.

– Как раз очень эффективно! – настаивает Кейс. – Вирусный механизм. Проникновение в глубь рыночного сегмента. Надо только тщательно выбрать места первичного ввода информации...

– Именно! – кивает Магда. – Меня посылают в крутейшие места. Я каждый вечер ошиваюсь в шикарных клубах, причем все оплачено: вход, выпивка, еда...

Магда делает большой глоток, ставит кружку, вздыхает:

– Но это уже начинает давить на мозги. Допустим, я иду в бар. Просто так, не по работе. И ко мне кто-нибудь подсаживается, начинает говорить. И упоминает какой-нибудь продукт.

– И что?

– Ничего особенного; типа ему что-то нравится. Фильм или там модельер. И все, я замыкаюсь! – Она смотрит на Кейс. – Вы понимаете?

– Да, наверное.

– Как будто внутри что-то девальвировалось: во мне самой, в том, как я воспринимаю людей. Я уже не доверяю самому безобидному трепу... – Магда угрюмо пожимает плечами. – Ну а вы какой рекламой занимаетесь?

– Консультациями по дизайну, – отвечает Кейс. Но это звучит как-то пресно, и она добавляет: – А еще я провожу так называемую стиль-разведку. Производители нанимают меня, чтобы отслеживать новые веяния в моде.

Магда поднимает брови:

– И вам понравились мои шапочки?

– У вас замечательные шапочки. Я бы их сама носила, если бы вообще носила шапочки.

Магда обрадованно кивает.

– Но просто так новые веяния не разглядишь, – продолжает Кейс. – Это как увидеть лес за деревьями.

– Из отдельных составить целое! – торжественно провозглашает Войтек.

– Я хочу сказать, что моды как таковой не бывает, она проявляется только через действия потребителей. То есть возникает групповой поведенческий стереотип по отношению к некоторому классу объектов. А я просто занимаюсь распознаванием образов. Распознаю поведенческие стереотипы раньше, чем это делают другие.

– А что потом?

– Потом я докладываю о них «потребительщикам».

– А дальше?

– На основе этой информации возникает новый коммерческий продукт. На него навешивают эмблему, начинают продавать.

Кейс отпивает из кружки, оглядывает бар. Большинство посетителей явно не из числа «юных крестоносцев». Должно быть, просто живут по соседству, на параллельных улицах. Район здесь не очень престижный. Стойка бара изношена, как старая рыбацкая лодка – практически до щепок, которые склеены толстым слоем какого-то гробового лака.

– Так значит, – говорит Магда, – меня используют для создания нового стереотипа? Чтобы искусственно сформировать новую моду? Чтобы сэкономить время, сократить процесс?

– Да, – отвечает Кейс.

– Тогда зачем они взялись за дурацкие видеоклипы с интернета? – спрашивает Магда. – С целующейся парочкой? Это что, тоже продукт? Они нам ничего не объяснили.

Кейс смотрит на нее, вытаращив глаза.

– Здравствуйте, Елена. Это Кейс. Спасибо за ужин, все было замечательно.

– Как Хьюберт? Хорошо себя вел? Бернарду показалось, что он на вас, как говорится, запал.

– Спасибо за прямоту, Елена. Но знаете, это не тот случай. Мы просто зашли в бар, выпили пива. Раньше я с ним ни разу не общалась с глазу на глаз.

– Он удивительный человек, правда?

Что-то новое в ее голосе. Как будто оттенок разочарования.

– Это уж точно. Скажите, Елена, а Бернард дома? Не хотела его беспокоить, но есть вопрос по работе.

– Очень жаль, он сейчас вышел. Что-нибудь передать?

– Может, вы знаете? У «Синего муравья» есть такой партнер или дочерняя фирма – под названием «Транс»? Как первая часть в слове «…крипция». Или «…вестит».

Помолчав, Елена говорит:

– Да, есть. Ею управляет некая Лора Даус-Трамбул. Которая живет с двоюродной сестрой Бернарда, как ни странно. Ну да, торговля газонокосилками.

– В каком смысле?

– Двоюродная сестра Бернарда продает газонокосилки. А Лора управляет фирмой «Транс». Ну да, точно. Это один из домашних проектов Хьюберта.

– Спасибо, Елена! Мне надо бежать, извините.

– До свидания.

Кейс вешает трубку, вынимает карточку из телефона-автомата, выходит на улицу. В освободившуюся будку заскакивает юный крестоносец с гривой мелких косичек.

Солнечный свет уже не радует. Кейс выдумала предлог, сбежала из бара, купила карточку, отстояла в очереди. И теперь выясняется, что Магда действительно работает на подразделение «Синего муравья»! Подразделение, которое зачем-то разжигает интерес к фрагментам. Что еще Бигенд задумал?

Кейс форсирует запруженную улицу и направляется назад, к Портобелло. Бурлящий «крестовый поход детей» выглядит нереально, как часть видеоклипа.

В бледном свете дня уже угадывается терпкий привкус близкой осени. Кейс пытается представить предстоящую зиму. Где она ее проведет, здесь или в Нью-Йорке? Неизвестно. О чем это говорит – если тебе за тридцать, а ты не знаешь, где окажешься через пару месяцев?

Она подходит к месту, где «крестовый поход» замедляется, обтекая главное узловое скопление местных камденских алкоголиков. Дэмиен именно из-за них мог позволить себе снимать жилье в этом районе – еще до того, как заработал денег и купил собственную квартиру. Где-то рядом находится старинная ночлежка, приземистое и отвратительное в своей откровенности здание из красного кирпича, обитатели которого с незапамятных времен отравляли окрестности Хай-стрит. Дэмиен как-то показал ей эту ночлежку – ночью, в полнолуние – и назвал ее надежным бастионом на пути облагораживания района и роста цен. Строители престижного жилья неоднократно пытались вторгнуться сюда, но вид жуткой ночлежки, обросшей инфраструктурой злачных питейных нор, всякий раз отбивал у них охоту. Эта алкогольная фортификация сохранилась и по сей день, и пропахшие спиртом защитники стоят незыблемыми валунами в потоке шумной молодежи.

В основном это мирные, замкнутые в себе люди. Однако сейчас Кейс, проходя мимо одного нестарого еще парня, ловит на

себе пронзительный, древний как мир взгляд, и бледное ацетиленовое пламя выцветших глаз заставляет ее вздрогнуть и ускорить шаг.

На Инвернес-стрит продавцы закрывают зеленые ставни ларьков, закончив день пораньше. Кафе, в котором она завтракала, работает в режиме бистро, выплескивая на тротуар излишки переполняющей его веселой молодежи.

Кейс идет, ощущая себя гостьей на чужом празднике, а над крышами сгущается и наползает на мир что-то невидимое, душное и тяжелое. Бигенд и «Транс».

> Да, не балуешь ты меня письмами. Чем ты там вообще занимаешься? Ты знаешь, что Папа Римский тоже фрагментщик? Ну может, не сам Папа, но кто-то в Ватикане точно этим занимается. Представь, что в далекой Бразилии, где народ не видит разницы между интернетом, телевизором и телефоном, уже расцвел целый культ вокруг фрагментов. Вернее, вокруг стремления их уничтожить. Безграмотные потребители видеопродукции убеждены, что фрагменты порождены самим дьяволом. Странные дела! Рим уже выступил с заявлением, где подчеркнул, что лишь Ватикану дана власть изобличать дела Сатаны, а посему энтузиасты из бразильского филиала должны умерить пыл и дождаться результатов официального расследования. Даже завидно, что я сам до этого не додумался – просто, чтобы порадовать Мамашу Анархию.

* * *

Кейс закрывает последнее письмо Капюшончика и идет на кухню, чтобы поставить чайник. Кофе или чай? Донни однажды признался, что ненавидит обживать новые места.

Она пытается сравнить жилище Дэмиена со своей нью-йоркской квартирой, откуда безжалостно изгнаны все лишние предметы. Пожалуй, она тоже не любит обживаться. Марго считает, что у Кейс меньше барахла, чем у любого другого человека.

Собственные вещи всегда угнетали ее сильнее, чем предметы, принадлежащие другим людям. Это значит, говорит Марго, что процесс взросления зашел слишком далеко, и материальные носители самоидентификации сделались ненужными.

Чайник вот-вот закипит; Кейс оглядывается на дверь, на

безглазых кибердевочек, подпирающих стену гостиной. Да, у Дэмиена мухи не заведутся. Запретив дизайнерам что-либо украшать, он сохранил свое жилье семиотически нейтральным, и чем дольше Кейс здесь находится, тем больше ей это нравится. Ее нью-йоркская квартира – выбеленная нора, лишенная индивидуальности. Неровные полы покрыты особым оттенком голубого, найденным на севере Испании. Старинный рецепт, основанный на мышьяке. Тамошние крестьяне на протяжении многих веков красили стены такой краской, чтобы отпугивать мух. Кейс сама, сверяясь с фотографией, смешала бесцветную эмаль с красителем – разумеется, без мышьяка. Покрытие заполнило царапины и трещины, подобно гробовому лаку в баре на Хай-стрит, и квартира приобрела безликий, но уютный вид.

Свистит чайник. Кейс заваривает кружку колумбийского кофе и возвращается к компьютеру. На экране висит страница Ф:Ф:Ф. Кейс щелкает мышкой по разным постам, чтобы понять общую картину. Ничего из ряда вон. Продолжается анализ номера 135, что вполне естественно. Некоторые люди обсуждают ватикано-бразильскую историю. Интересно замечание Мориса: и сама история, и текст заявления Ватикана появились одновременно, причем именно на бразильском сайте, а других подтверждений до сих пор не обнаружено. Розыгрыш?

Кейс хмурится, вспоминая рассказ Магды. На совещании перед выходом в город им показали № 135, снабдив соответствующей легендой. Дано: в интернете появился новый художественный фильм, очень интересный, неизвестных авторов. Выяснить: слышал ли кто-нибудь из опрашиваемых об этом фильме? А на следующий день провели разбор полетов и тщательно зафиксировали собранные отзывы. Кейс спросила, где проводился опрос. Магда ответила, что ее послали в частный клуб «Конвент гарден», где собираются журналисты. На совещании был один из членов клуба, который отвез ее туда, провел внутрь и оставил работать.

«Транс». «Синий муравей». Бигенд.

А завтра снова предстоит встреча со Стоунстритом. И с Доротеей.

10
Резкие движения, сладкие личики

Кейс созрела для резкого движения.

Эта мысль посещает ее в студии пилатеса на Нильс-Ярде, во время «короткой спинной растяжки». Ее босые ноги продеты в кожаные петли, еще слишком жесткие и неразработанные. Сразу видно, что студия недавно открылась. Могли бы смазать петли маслом.

Резкие движения... Кейс до сих пор не совсем понимает, что Донни имел в виду под этими словами. Он так выражался, когда был зол или раздосадован. Именно то, что она сейчас чувствует. Доротея шпыняет ее как хочет, а она даже отпор дать не может. Пожаловаться Бигенду или Бернарду? Она им не доверяет. Особенно Бигенду. Что у него на уме, на что он способен? Самое разумное – закончить работу, получить деньги и улететь, сдав эту историю в багаж жизненного опыта.

Но есть еще Доротея с ее зловещими старыми связями. Эта бешеная сучка окрысилась без всякой видимой причины, просто потому, что ей что-то не понравилось. А может, Бигенд прав, и Доротея подозревает, что Кейс собираются назначить директором лондонского филиала? Или эта стерва состоит в списке его бывших любовниц? Все возможно. Кейс чувствует, как внутри начинает сплетаться маленький горячий узелок: прожженная куртка, вторжение азиатских шлюх, наступающие месячные... Ей хочется схватить Доротею за горло и трясти, как погремушку, пока мозги не запрыгают в черепе.

Резкие движения. Судя по контексту, Донни имел в виду либо намеренный, но неожиданный поступок, обескураживающий противника, либо, что более вероятно, какую-нибудь спонтанную идиотскую выходку – с тем же результатом. Донни никогда не уточнял, в чем будет состоять то или иное резкое движение. Похоже, он и сам этого не знал. Считал, что резкие движения должны быть сымпровизированы в контексте ситуации. Дзен-буддизм в стиле Восточного Лансинга, штат Мичиган. Кейс не может припомнить, осуществил ли Донни хотя бы одно из этих движений. Единственное, что приходит на ум, – его неожиданная попытка озвучить свои сексуальные предпочтения. «Слушай, ты это... можешь сделать сладкое личико?»

Сладкое личико, как она потом выяснила, – это стриптизерский сленг, обозначающий стандартный набор мимических признаков оргазма.

А может, все дело в деньгах? Сделать резкое движение – значит, раздобыть денег? Донни неизменно находился на мели, когда употреблял это выражение. Вообще-то денег у него никогда не было, но временами положение становилось критическим. Обычно все кончалось тем, что он брал взаймы у Кейс. Может, в этом и заключалось его резкое движение? Если так, то термин не подходит к ситуации. То, что она собирается сделать, наоборот, чревато финансовыми потерями.

Кейс знает, что это идиотский план. Сделав выдох, она следит, как ее вытянутые ноги поднимаются в кожаных петлях под прямым углом. Вдох, колени сгибаются, петли скрипят, пружины сжимаются в недрах платформы. Снова выдох – как говорится, вхолостую. На вдохе она выпрямляет ноги, растягивая пружины до упора. До положенных десяти остается еще шесть подходов.

Невозможно следить за правильностью движений и одновременно думать о чем-нибудь другом. Потому Кейс и ходит в студию – чтобы остановить нежелательные мысли. Если как следует сосредоточиться, то это удается. С годами она все больше убеждается, что беспокойство не помогает при решении проблем. Но разве есть иной путь? Нельзя же просто не обращать на них внимания... Проблемы, с которыми предстоит сегодня разобраться, достаточно серьезны. Через пару часов она встретится со Стоунстритом и Доротеей, чтобы оценить последнюю версию мистера Хайнца. Определить, годится эмблема или нет. Все строго по контракту.

Маленький горячий узелок нашептывает ей, что на встречу надо явиться в прожженном «Баз Риксоне», с изолентой на плече (края заплатки уже начали закручиваться), ибо Доротея должна знать, что ее выходка не прошла незамеченной. А когда они покажут новую картинку, которая почти наверняка будет в порядке, ведь Хайнц первоклассный специалист, то она подумает секунду-другую, а потом просто покачает головой. И Доротея будет видеть, что это ложь, но сделать ничего не сможет.

А потом Кейс попрощается, вернется в квартиру Дэмиена, упакует чемодан и отправится в аэропорт Хитроу. И зарегистрируется на ближайший нью-йоркский рейс по обратному билету бизнес-класса.

Ее контракт скорее всего будет сорван, придется побегать по Нью-Йорку в поисках новой работы, но по крайней мере можно будет вышвырнуть из памяти Бигенда, Доротею и Стоунстрита, вместе с подозрительным довеском их интриг. Зазеркалье отправится под замок, в свою шкатулку, до следующего визита – скорее всего в отпуск, когда вернется Дэмиен. А Доротея и

азиатские шлюхи останутся за скобками.

Правда, придется солгать клиенту, чего делать, конечно, не хочется, тем более из-за дурацких детских обид. Потерять контракт, серьезно повредить карьере – и все ради того, чтобы позлить Доротею!.. Сомнительное удовольствие.

Смысл в этом может увидеть только маленький горячий узелок.

Кейс сидит, скрестив ноги, в позиции «сфинкс». Пружины ослаблены. Она вытягивает руки ладонями вверх. Позиция «проситель». Как избавиться от мыслей? Чем больше думаешь о том, чтоб не думать, тем больше думаешь... Чушь, надо сосредоточиться на правильной технике каждого повтора.

Под нежное позвякивание пружин.

Кейс попросила водителя подъехать к «Синему муравью» пораньше.

Перед встречей ей хочется побыть одной, погулять по улице, выпить кофе из бумажного стаканчика. В понедельник утром Сохо звенит особой энергией, в которую приятно окунуться хоть на несколько минут.

Купить кофе, пойти прочь от «Синего муравья», подстроиться к скорости спешащих на работу людей. Почувствовать их близость.

Эти люди зарабатывают на жизнь, увлеченно изучая механизмы привлекательности, и Кейс завидует их молодому энтузиазму. Неужели и она когда-то была такой же? Вряд ли. Свой первый контракт, сразу после института, она подписала в Сиэтле, с фирмой, производящей спортивные велосипеды. Потом были коньки, кроссовки... Талант, который Бигенд назвал «укрощенной патологией», влек ее по жизни, определяя места работ и обеспечивая относительно безбедное существование. Она привыкла считать, что просто плывет по течению, но сейчас ей становится ясно, что это путь наименьшего сопротивления. Что в общем-то неудивительно: любое течение выбирает такой путь. А куда этот путь может привести?

– В болото, – говорит она вслух.

Человек, следующий параллельным курсом, испуганно оглядывается. Молодой, очень симпатичный азиатский парнишка. Кейс улыбается – мол, все в порядке. Он хмурит брови и ускоряет шаг. Приостановившись, она смотрит ему вслед. Черный кожаный пиджак, похожий на шоферскую куртку; швы прострочены серой ниткой, как у старого классического чемодана. А в руке у него как раз такой чемоданчик, сделанный из телячьей кожи и отполированный до красно-коричневого блеска. Этот цвет

напоминает Кейс стариковские ботинки под вешалкой в доме, где умер ее дед. Она провожает парнишку взглядом – с сожалением, даже с грустью. Это чувство не романтическое, а скорее урбанистическое: тысячи незнакомых лиц, возникающих на мгновение, чтобы исчезнуть навсегда. Такого сожаления Кейс не ощущала уже очень давно, и вот сейчас оно снова вернулось – наверное, приближается некий поворотный момент, когда не знаешь, как поступить, и нуждаешься в поддержке.

Меняется даже отношение к фрагментам. Марго говорила, что фрагменты – это хобби. Но у Кейс не бывает хобби. Бывают одержимости. Альтернативные миры, куда можно сбежать. «У фрагментов нет названия, – сказала Марго, – поэтому ты их любишь. Это как с эмблемами на вещах». Марго знает об аллергии на ярлыки: однажды она обратила внимание на отсутствие у Кейс бытовой техники известных фирм, и той пришлось признаться, что дело не в экономии.

Азиатский парень уже успел затеряться в толпе; Кейс вглядывается, но не может его различить. Она поднимает руку, смотрит на клон «Кассио». Пора возвращаться назад, к «Синему муравью» и Доротее.

Третий этаж. Стоунстрит сидит на старом месте; костюм его столь же изысканно измят. Правда, на этот раз цвет костюма серый, а рыжие волосы зачесаны на другую сторону. Он курит сигарету и лениво листает какой-то документ в розовой папке с клеймом «Синего муравья».

– Здравствуйте, милочка! Спасибо за субботний ужин, спасибо, что составили нам компанию. Как добрались домой?

– Нормально. По пути еще остановились выпить – где-то в баре, в Кларкенуэлле.

– А, это улучшенная версия нашего района. Квартиры там просто замечательные. О чем вы говорили, о работе?

– Да нет, не о работе. Мы говорили о фрагментах. – Кейс внимательно следит за выражением его лица.

– Фрагменты? Какие фрагменты? – Он поднимает голову, словно испугавшись, что упустил нить разговора.

– Видеоклипы в сети. Какой-то неизвестный фильм выставляют в интернет по кусочкам. Знаете, о чем я?

– А, это...

Что именно он знает?

– Елена сказала, что вы звонили, интересовались фирмой «Транс».

– Да.

– Довольно известная концепция – распространение из уст в

уста. Мы и сами толком не знаем, чем они занимаются. Где вы о них слышали?

– От кого-то в баре.

– Сам я в это не влезаю. Фирмой управляет моя двоюродная сестра. Хотите, я вас познакомлю?

– Бернард, мне просто было любопытно. А где Доротея?

– Должна прийти с минуты на минуту. Тяжелая женщина, да?

– Я ее почти не знаю. – Кейс поправляет прическу перед зеркальной панелью и садится за стол. – Хьюберт еще в Нью-Йорке?

– Да, на переговорах с корпорацией «Мерсер».

– Я его однажды там видела. В здании «Мерсера». У них внизу есть бар, он там разговаривал с собакой Кевина Бэйкона.

– С собакой?

– Да, там был Кевин Бэйкон со своей собакой. И Хьюберт с ней разговаривал.

– Хм, не знал, что он любит животных.

– Животных знаменитостей. И потом, с самим Кевином Бэйконом он даже не поздоровался, говорил только с собакой.

– Что вы о нем думаете?

– О Кевине Бэйконе?

– О Хьюберте.

– Вы серьезно?

Стоунстрит поднимает голову, смотрит на нее.

– Отчасти.

– Скажем так: я рада, что это контракт, а не постоянная работа.

– Гхм…

Бернард озадаченно морщит лоб, но тут в комнату входит Доротея, затянутая в нешуточные черные бизнес-доспехи от «Армани». У Кейс мелькает мысль, что этот наряд – своеобразный протест против моды. Лучше всего он подошел бы для ритуальной казни.

– Доброе утро. – Доротея поворачивается к Кейс. – Как ваше самочувствие?

– Спасибо, прекрасно. А ваше?

– Вы же знаете, мне пришлось слетать во Франкфурт к Хайнцу. (Типа по вашей милости.) И маэстро опять оказался на высоте. Кстати, Хайнц очень хорошо отозвался о «Синем муравье». Слышите, Бернард? Он сказал, что это как глоток свежего воздуха.

Доротея глядит на Кейс с улыбочкой. Стерва.

Кейс улыбается в ответ.

Доротея садится рядом со Стоунстритом; в руках у нее

очередной конверт с катушками.

– Хайнц нарисовал эмблему прямо при мне. Большая честь – наблюдать, как маэстро работает.

– Покажите.

– Да, конечно.

Доротея не торопясь разматывает веревочку, засовывает пальцы в конверт и вынимает картонный квадрат формата А4, как и в прошлый раз. На картонке нарисован Мишлен в одной из своих ранних, наиболее тошнотворных ипостасей – не сегодняшняя раздутая нидзя-черепашка без панциря, а пожилое пресыщенное существо с сигарой, похожее на мумию со взбухшими ногами.

– Бибендам, – произносит Доротея.

– Это что, ресторан? – удивленно спрашивает Стоунстрит. – На Фулхам-роуд?

Он сидит рядом с Доротеей и не видит, что нарисовано на картонке.

Кейс едва сдерживает крик.

– Ой, – говорит Доротея. – Как же я дура. Это ведь другой проект.

Бибендам отправляется обратно в конверт.

Доротея извлекает новый дизайн эмблемы, несколько секунд держит его перед Кейс, а потом с какой-то небрежностью показывает Бернарду.

Бывший сперматозоид-шестидесятник превратился в нечто кометообразное, размытую и более энергичную версию существующей эмблемы, которой уже более десяти лет.

Кейс безуспешно пытается открыть рот и что-то сказать. Откуда Доротея узнала? Кто ей сказал?

Пауза затягивается.

Рыжие брови Стоунстрита медленно ползут вверх – миллиметр за миллиметром, – изгибаясь вопросительными дугами.

– Ну?

Бибендам. Это его имя. И еще так называется ресторан в обновленном «Домике Мишлена», который Кейс, разумеется, обходит за три квартала.

– Кейс, вам нехорошо? Хотите выпить воды?

Впервые она увидела Бибендама во французском журнале, когда ей было шесть лет. Ее вырвало прямо на страницу.

– Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов.

– Простите?..

В голосе Стоунстрита звенит беспокойство, он начинает

вставать.

– Все в порядке, Бернард. – Кейс изо всех сил вцепляется в край стола.

– Принести вам воды?

– Нет, не надо. Я имею в виду новый дизайн. Он подойдет, все в порядке.

– Вы так побледнели… Как будто увидели призрака.

Доротея ухмыляется.

– Я… просто… Это работа Хайнца. Она меня… потрясла. – Кейс пытается сложить губы в улыбу.

– В самом деле? Ну, это просто замечательно!

– Да, – кивает Кейс. – Но мы ведь с вами закончили, да? Теперь Доротея вернется к себе во Франкфурт. А я вернусь в Нью-Йорк. – Она неуверенно встает, держась за спинку стула. – Если можно, вызовите мне машину.

Она не хочет смотреть на Доротею. Вот кто сделал сегодня резкое движение. Один-ноль, Доротея выиграла. Потрясение очень глубокое, не идет ни в какое сравнение с вторжением азиатских шлюх. Это гораздо хуже. Очень мало людей знает об истинном масштабе ее фобии, и еще меньше – о конкретных эмблемах, вызывающих болезненную реакцию. Ее родители, несколько психиатров, самые близкие друзья, максимум трое бывших любовников. Больше никто.

А Доротея знает.

Кейс на негнущихся ногах подходит к двери, берется за ручку, оглядывается.

– До свидания, Бернард. До свидания, Доротея.

Стоунстрит выглядит озадаченным.

Доротея светится от радости.

К этому часу энергичная толпа на улицах Сохо рассосалась. Машина, слава богу, уже стоит у входа.

На подъезде к Парквею Кейс берется за кошелек, чтобы расплатиться с водителем, но вспоминает, что это машина «Синего муравья».

Открыть подъезд. Подняться по лестнице, перешагивая через две ступеньки. Приготовить черные немецкие ключи.

К дверной ручке привязан жирный Мишлен, сделанный из белого фетра. Подвешен за горло на черном шнурке.

Кейс начинает кричать. Берет себя в руки. Закрывает рот ладонью.

Вдох, выдох.

– Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов.

Черный волосок на месте. Пудру с ручки, разумеется, смахнули, но периметр по-прежнему в безопасности.

Кейс старается не глядеть на чудовище, прикрученное к двери. Это просто кукла. Обычная кукла. Немецкий ключ вонзается в замок.

Зайти внутрь, запереть дверь, накинуть цепочку.

Дребезжит телефон.

Она вскрикивает.

После третьего звонка поднимает трубку:

– Але?

– Это Хьюберт.

– Хьюберт?..

– Конечно, кто же еще. Итак?

– Что, «итак»?

– Утро вечера мудренее.

Кейс открывает рот, но слова застревают в горле.

– Вы подписались под эмблемой Хайнца, – продолжает он. – Значит, дело сделано. Поздравляю.

В трубке слышен приглушенный звук рояля. Фоновая музыка коктейльного зала. Сколько сейчас времени в Нью-Йорке?

– Я собираю чемоданы, Хьюберт. Беру такси в Хитроу, потом первым же рейсом домой.

Наконец-то озвучено то, чего она хочет больше всего на свете.

– Замечательно. Значит, мы можем все обсудить, как только вы прибудете.

– Вообще-то я лечу в Париж.

– Париж? Ладно. Я там буду завтра утром. Мой клиент как раз должен мне один полет на «Гольфстриме»[14]. Заодно и долг получу.

– Послушайте, Хьюберт, тут нечего обсуждать. Я все сказала в субботу.

– Вы помирились с Доротеей?

Он меняет тему разговора.

– Вы меняете тему, Хьюберт.

– Бернарду показалось, что вам стало плохо при виде нового дизайна.

– Вы опять меняете тему. Буду ли я на вас работать, искать автора фрагментов? Нет, не буду.

– Почему?

Вопрос ставит ее в тупик. Потому что Бигенд ей несимпатичен? Потому что она ему не доверяет? Потому что ей не интересно, откуда берутся фрагменты, кто их делает и зачем? Это последнее неправда: ей очень хочется узнать правду об источнике чуда, как и любому фрагментщику. Достаточно зайти

на Ф:Ф:Ф, чтобы в этом убедиться. Но все дело в том, что слова «фрагменты» и «Бигенд» в одном предложении смотрятся весьма неприятно и пугающе. Не Бигенд-человек, неправильно надевающий ковбойскую шляпу, а Бигенд-сила, стоящая за «Синим муравьем». Бигенд, бесспорный гений своей профессии, открыватель новых путей.

– Я хочу вас кое с кем познакомить, – говорит он. – По моей просьбе этот человек пришел в офис сегодня утром. Бернард должен был устроить так, чтобы вы вместе пообедали. Но вы ушли слишком быстро.

– Познакомить? С кем, для чего?

– Он американец, по имени Бун Чу.

– Бунчу?

– Два разных слова, Бун Чу. Думаю, вы с ним отлично сработаетесь. Я хочу, чтоб вы просто поболтали.

– Хьюберт, ну как вам еще объяснить? Это бесполезно! Мне совершенно не интересно...

– Он сейчас на другой линии. Бун, вы слышите нас? Где вы находитесь?

– На выходе из Камденского туннеля, – жизнерадостно откликается мужской американский голос. – Смотрю на вывеску «Вирджин».

– Вот видите, – говорит Бигенд, – он совсем рядом.

– Дальше по Парквею, да? – уточняет американский голос. – Прямо вверх, от станции?

– Хьюберт, в самом деле, это бессмысленно...

– Я вас прошу, – говорит Бигенд. – Поговорите с Буном. Что вы теряете? Если вас не зацепит, полетите в свой Париж.

Что он имеет в виду? Что значит «зацепит»?

– Каникулы за счет «Синего муравья», – продолжает он. – Я распоряжусь, чтобы вам забронировали гостиницу. В качестве премии за консультацию по дизайну «Х и П». Мы с самого начала знали, что можем на вас положиться. Наш клиент готов перейти на новую эмблему уже весной. Да, кстати, для вас снова будет работа: предстоит утвердить варианты для каждого конкретного продукта.

Он снова применяет этот трюк. Кейс уже начинает думать, что будет проще встретиться с этим Буном, а потом поехать в аэропорт. А в Нью-Йорке она всегда сможет избежать Бигенда.

– Он все еще на линии, Хьюберт?

– Да-да, – отзывается американский голос. – Я на Парквее.

– Звоните два раза, – говорит Кейс и дает номер дома и квартиры.

Повесив трубку, она идет на кухню и вооружается новеньким

немецким ножом и черным мусорным пакетом. Мусорный вкладыш, как их здесь называют. Кейс открывает входную дверь. *Это* все еще висит на ручке. Стиснув зубы, она одевает *его* в черный пластик, потом ножом перерезает шнурок. *Это* падает в мешок. Кейс оставляет мешок за порогом, идет на кухню, кладет нож в ящик. Потом возвращается к двери. Глубокий вдох. Выйдя за порог, она нашаривает ключ на шее, запирает замок. Осторожно поднимает черный пакет. *Это* теперь лежит внутри, словно дохлая крыса, только не такая тяжелая. Кейс спускается вниз и оставляет мешок на площадке, за кипой старых журналов, предназначенных на выброс. Вот и все дела. Она садится на ступеньки, прислоняется к стене и обхватывает колени руками. Узелок внутри начинает шевелиться. Кейс с раздражением чувствует, что начались месячные.

Она встает и возвращается в квартиру, чтобы об этом позаботиться. И едва успевает закончить, как дважды трещит звонок.

– А, ч-черт!..

Она сбегает по ступенькам, забыв запереть квартиру.

Все это должно занять не более минуты. Она извинится за то, что Бигенд настоял на встрече, но будет твердо стоять на своем: ни в каких проектах по поиску автора фрагментов она участвовать не будет. Просто и ясно.

Наружная дверь сделана из дуба и выкрашена белой эмалью, которая уже пожелтела и потрескалась по краям. Глазок, должно быть, не протирали со времен Второй мировой.

Кейс отпирает дверь.

– Кейс? Здравствуйте, я Бун Чу. Рад познакомиться! – Он протягивает руку.

На нем все та же шоферская куртка, прошитая серой ниткой. Правая рука вытянута, в левой красно-коричневый чемоданчик, который привлек внимание Кейс несколько часов назад, на улице в Сохо.

– Здравствуйте, – говорит она, пожимая его руку.

11
Бун Чу

Бун Чу развалился на коричневом диване, по-ковбойски скрестив ноги.

– А вы раньше никогда не работали с «Синим муравьем»?

Его глаза сверлят, как буравчики. Типичная черта американо-китайских ботаников? Этакое интенсивное бесстыжее любопытство.

– Да, в Нью-Йорке, несколько раз, – отвечает Кейс со своего насеста за столом.

– По контракту?

– Да.

– Я тоже.

– А что вы делали?

– Настраивал компьютеры. – Он умолкает на секунду. – Сначала окончил Техасский университет, потом Гарвард. Потом открыл интернет-компанию. Которая лопнула, конечно.

По голосу не скажешь, что он огорчен. Кейс заметила: мало кто из бывших владельцев огорчается по поводу провала своих интернет-проектов. В основном они относятся к этому с циничным фатализмом, считают, что это к лучшему. Хорошо, если Бун не из их числа.

– Если ваше имя набрать в «Гугле», то...

– То услышите громкий хлопок, какой бывает, когда лопается перспективная интернет-компания. А еще встретите кое-какие упоминания о «цивилизованном хакере». Впрочем, это все сплетни.

Он бросает взгляд на кибердевочек у стены, но ничего не спрашивает.

– А чем занималась ваша фирма?

– Сетевой безопасностью.

– Живете в Америке?

– В штате Вашингтон. У меня земельный участок на острове Оркас. Небольшой пятачок и часть горного склона. И кузов от трейлера «Аэростим» пятьдесят первого года, подпертый шпалами. Все держится на плесени и еще на какой-то дряни, которая окисляет алюминий. Я давно собираюсь построить дом, да жалко портить вид на скалу.

– И это ваша постоянная база?

– Моя база вот. – Он пинает ногой свой антикварный чемоданчик. – А вы где живете, Кейс?

– В Западном Манхэттене, на перекрестке Сотой и Одиннадцатой.

– Да, я знал, что вы живете в Нью-Йорке.

– Откуда?

– Нашел вас в «Гугле».

На кухне начинает свистеть чайник. Кейс встает. Бун тоже встает, идет за компанию на кухню.

– Интересный желтый цвет, – комментирует он.

– Дэмиен Пиез.

– Вы о чем?

– Фамилия такая – Пиез. «Завтрак с овсянкой». Режиссер видеоклипов. Не знакомы с его работами?

– Так сразу не вспомню.

– Это его квартира. Бун, а что вам предложил Бигенд?

– Партнерство, как он выразился, – говорит Бун, и Кейс чувствует, что он внимательно следит за ее реакцией. – Хотя я не вполне понял, что он имеет в виду. Он хочет, чтобы я работал с вами. Мы должны найти человека, который выкладывает видеоклипы в интернет. Все расходы будут покрыты; насчет гонорара я еще не говорил.

Волосы у него плотные, жесткие, типичная китайская щетка. Лицо чуть вытянутое, изначально женственное, но впоследствии, должно быть, закалившееся в передрягах, которых наверняка хватало в жизни китайского мальчика по имени Бун, выросшего в американском городке под названием Тулса.

– Он вам объяснил, почему мы должны работать вместе? И вообще, зачем ему нужна я? – Кейс кладет в заварник пакетики так называемого чая, заливает кипятком. – Извините, забыла спросить: может, вам кофе?

– Нет, пусть будет чай.

Бун подходит к раковине и начинает мыть стоящие там кружки. Что-то в его движениях напоминает повара, с которым Кейс одно время встречалась. Тот так же сноровисто складывал полотенце перед тем, как вытереть посуду.

– Бигенд сказал, что не хочет изобретать велосипед. – Бун ставит чашки на стол. – Сказал, что если кто и сможет вычислить, откуда берутся эти обрывки, так это вы.

– А ваша роль какая?

– Я должен вам помогать. Вы даете идею, я воплощаю ее в жизнь.

Кейс смотрит на него:

– А вы уверены, что справитесь?

– Конечно, я не всесилен, но пригодиться могу. Как говорится, практик-ассистент широкого профиля.

Кейс разливает чай в кружки.

– А сами вы хотите это делать?

Он выуживает пакет так называемого чая, нюхает его.

– Что это такое?

– Не знаю. Нашла у Дэмиена в шкафу. Кажется, чай без кофеина.

Бун дует на кружку, осторожно пробует, морщится:

– Горячо.

– Ну так как? Вы хотите это делать?

Он держит кружку у рта, смотрит на Кейс сквозь ленточки пара.

– Честно говоря, пока не решил. – Он опускает кружку. – Это интересная задача, теоретически. Насколько мы знаем, с ней никто еще не справился. Время у меня сейчас есть. А у Бигенда есть деньги, которые он готов потратить.

– Это ваши «за»?

Он кивает, делает глоток, снова морщится.

– Да. А против в общем-то одно: Бигенд. Такие вещи трудно сопоставить, правда?

Бун подходит к окну и, похоже, смотрит на улицу. Потом показывает на круглый прозрачный вентилятор, который вмонтирован в верхнюю панель одной из створок:

– У нас таких нет. А здесь они везде, во всех окнах. Непонятно, зачем они вообще нужны.

– Эффект зазеркалья, – отвечает Кейс.

– Зазеркалья?

– Разные мелкие отличия.

– Для меня зазеркалье – это Бангкок. Все чужое, азиатское. А здесь практически все, как у нас.

– Нет, не все, – возражает Кейс. – Вы же заметили вентилятор. Это местная английская вещь, они его сами изобрели, разработали конструкцию. И скорее всего здесь же изготовили. Британия всегда была индустриальной страной. Зайдите в магазин, купите ножницы – это наверняка будут английские ножницы. Они здесь все делают сами. А цены на импорт всегда искусственно завышали, чтобы ничего не ввозить. В Японии та же ситуация – там каждая мелочь, каждый шурупчик местного производства.

– Да, я понимаю, о чем вы говорите. Но знаете, такое положение долго не продержится. Сейчас все бигенды мира над этим работают: над стиранием границ. Скоро уже не останется таких зеркал, за которые можно будет убежать. – Бун смотрит ей в глаза. – По крайней мере в смысле мелочей и шурупчиков.

Они несут кружки в гостиную, садятся на старые места.

– А вы? – спрашивает Бун. – Что вы думаете о Бигенде?

Кейс не может понять, зачем она вообще продолжает этот разговор. Наверное, из-за мимолетной утренней встречи в толпе, которую Бун не помнит. Или только делает вид, что не помнит. Это идет вразрез с концепцией урбанистической разобщенности: сначала сталкиваешься со случайным прохожим, которого наверняка больше никогда не увидишь, а потом он снова появляется в твоей жизни.

– Хьюберт Бигенд – умный человек, – отвечает она. – Но он мне не очень симпатичен.

– Почему?

– Ну, мне не нравится, как он себя ведет. Как обращается с людьми. Трудно объяснить. Какая-то смутная неприязнь. Конечно, этого мало, чтобы отказаться от контрактов с его фирмой. Однако работать на него лично...

Кейс тут же жалеет, что проговорилась. Она ведь совсем не знает этого человека. Что, если он сейчас пойдет к Бигенду и обо всем доложит?

Бун сидит на диване, обхватив кружку длинными пальцами и глядя на Кейс.

– Бигенд может позволить себе покупать людей, – говорит он. – Я, конечно, не хочу превратиться в один из ключиков на его цепочке. Но речь идет о больших деньгах, у меня нет иммунитета к таким деньгам. Когда моя фирма стала разваливаться, я вынужден был делать некоторые вещи, о которых теперь жалею.

Кейс смотрит на него. Это правда, или он просто рисуется?

Бун хмурится и спрашивает:

– Как вы считаете, зачем это ему надо?

– Он думает, что сможет превратить фрагменты в товар.

– Да, а потом в деньги. – Бун ставит кружку на ковер.

– Он говорит, это не из-за денег. А из стремления к совершенству.

– Ну да, конечно. Деньги – побочный эффект. Очень удобная позиция. Позволяет ему темнить насчет нашего гонорара.

– Но если бы он впрямую назвал цену – ведь это было бы уже не так интересно! Если он точно скажет, сколько заплатит, то мы получим обычный контракт. А он играет на более глубоких вещах.

– И ведет себя так, как будто уже все решено.

– Да, я заметила. И что, вам хочется ему подыгрывать?

– Если сейчас не подыграть, то никогда не докопаешься до сути, – отвечает Бун. – А я уже начал, я уже влез в это дело.

– Вот как? Уже?

– Ну да, много ли надо. Мне достаточно вот этого, – он

кивает в сторону своего чемоданчика, – чтобы начать работать. Правда, результат пока нулевой.

– А что у вас в чемодане?

Бун кладет чемоданчик на колени, щелкает замками. Внутри все выстелено серой губкой; в центральном углублении покоится металлический прямоугольник, по бокам разложены шнуры, три мобильных телефона и большая универсальная отвертка. Один из телефонов одет в яркий пятнистый чехольчик.

– Что это? – Кейс показывает на пятнистый телефон.

– Это из Японии.

– Что, и отвертка нужна?

– Конечно! Без нее ни шагу.

В это она почему-то сразу верит.

Они едят китайскую лапшу в паназиатском ресторане на Парквее. Полированные деревянные панели, керамические миски. Бун самозабвенно рассуждает о технических вещах, о разрешении. Даже признанному ветерану Ф:Ф:Ф интересно послушать мнение свежего человека.

– Все фрагменты обладают одинаковым разрешением, очень высоким. Чтобы хватило для проекции на большой экран. Вся видеоинформация, все детали, размер зерна – все это здесь есть. Видеоматериал с меньшим разрешением невозможно увеличить, чтобы одновременно сохранилась четкость. Если фильм смоделирован на компьютере, то всю эту мелкую физику нужно добавлять руками. – Бун поднимает палочки. – Слышали что-нибудь о рендер-фермах? – Он забрасывает лапшу в рот, начинает жевать.

– Нет.

Он глотает, кладет палочки на стол.

– Огромный зал, масса компьютеров, множество людей. Обрабатывают видеоматериал вручную, кадр за кадром. Очень трудоемкий процесс. Шекспировские обезьяны, которых заставили вкалывать по плану. Рендеринг – это окончательный обсчет цифрового видеоматериала. Очень дорогая штука, требует серьезных вычислительных ресурсов, рабочей силы. Это практически невозможно осуществить втайне, особенно в данной ситуации. Нужны корпоративные средства безопасности, иначе кто-нибудь обязательно проговорится. Представьте, куча людей сидят и ковыряются в вашем видео, разбирают по пикселям. Добавляют детали. Делают волосы. Волосы – это вообще кошмар. А получают за труд гроши.

– То есть гипотеза о «Кубрике-самоучке» не работает?

– Ну, если только у него есть доступ к технологии, которая

сегодня считается несуществующей. Если допустить, что фрагменты сделаны на компьютере, то автор либо изобрел принципиально новую концепцию создания цифровой графики, либо у него есть засекреченная рендер-ферма. Если отмести первую возможность, что у нас остается?

– Остается Голливуд.

– Правильно. Только в более широком, глобалистском смысле. Сейчас вы можете создавать компьютерную графику в Голливуде, а обсчитывать ее будут в Нью-Йорке или в Новой Зеландии. Или в том же Голливуде. В любом случае это останется серьезным производством. А на производстве люди общаются, говорят. Учитывая уровень интереса к фрагментам, потребуются крайние меры безопасности, чтобы избежать утечек.

– Получается уже не «Кубрик-самоучка», а какой-то «Спилберг-инкогнито». То есть фрагменты создают люди, которые сидят на олимпе киноиндустрии. В их распоряжении находятся неограниченные ресурсы. Эти люди зачем-то производят весьма необычный продукт и распространяют его весьма необычным путем. Сохраняя строжайшую секретность.

– Вы в это верите?

– Не очень.

– Почему?

– Сколько времени вы провели, просматривая фрагменты?

– Не так уж много.

– И какое чувство у вас возникло?

Бун смотрит на миску с лапшой, потом на Кейс.

– Пожалуй, чувство одиночества.

– Многие считают, что со временем чем больше появляется новых фрагментов, тем глубже, полифоничнее от них впечатление. Словно все куда-то движется, и вот-вот случится нечто… радикальное, когда все круто изменится. – Кейс пожимает плечами. – Это трудно объяснить, но если погрузиться, то постепенно начинаешь чувствовать нагнетание. Удивительно мощный эффект, если учесть столь незначительный объем видеоматериала. Я просто не верю, чтобы кто-то из теперешних кинематографистов мог такое создать. Хотя если вы походите по форумам, то увидите, что разные известные режиссеры постоянно выдвигаются на роль автора.

– Вы не думали, что все дело в повторении? Может, вы уже посмотрели фрагменты столько раз, что начинаете додумывать несуществующие вещи? А общение с другими фрагментщиками только усугубляет…

– Думала, конечно. Даже пыталась себя уговорить, что надо избавиться от зависимости. Но всякий раз открываю файл, и это

чувство возвращается. Чувство, что стоишь на пороге… не знаю чего. Другой вселенной? Или понимания сюжета?

– Ешьте лапшу, пока не остыла. Еще успеем поговорить.

Они и вправду много говорят – прогуливаясь по Хай-стрит в сторону Камденского шлюза, мимо магазина, где Дэмиен купил новую мебель. «Юные крестоносцы» уже разошлись по домам. Бун рассказывает про детство в Оклахоме, про взлеты и падения своей фирмы, про изменения в экономике после сентябрьских терактов. Похоже, он хочет, чтобы Кейс поняла, что он за человек. Она в свою очередь рассказывает немного о своей работе, не упоминая о лежащей в ее основе аллергии.

В конце концов они оказываются на замусоренной служебной дорожке, которая идет вдоль канала. Небо наливается тревожным серым светом, как на черно-белой репродукции Тёрнера[15]. Это место напоминает Кейс о поездке в Диснейленд с родителями, когда ей было двенадцать. «Пираты Карибского моря» сломались; актеры, надев болотные сапоги поверх пиратских костюмов, сняли посетителей с аттракциона и провели через служебную дверь в огромный подземный зал с цементными стенами, забитый уродливыми механизмами, среди которых копошились чумазые рабочие, словно морлоки из «Машины времени».

Для Кейс это была трудная поездка: втайне от родителей она начала избегать Микки-Мауса, постоянно от него отворачивалась и в результате на четвертый день натерла себе шею. Впоследствии Микки-Маус почему-то перестал вызывать болезненную реакцию, но Кейс еще долго относилась к нему с подозрением.

Бун извиняется: ему надо проверить почту. Может прийти письмо, которое будет ей интересно. Присев на скамейку, он достает лэптоп, кладет его на колени. Кейс подходит к парапету и смотрит вниз, в мутную воду. Серый презерватив, похожий на медузу. Полузатонувшая пивная банка. Нечто трудноразличимое на глубине – громоздкая масса, замотанная в подвижные обрывки целлофановой пленки. Она пожимает плечами и отворачивается.

– Вот, посмотрите, – зовет Бун, поднимая голову.

Кейс пересекает служебную дорожку, садится рядом с ним. Он передает ей лэптоп. На бледном от дневного света экране она читает:

> Каждый из сегментов чем-то помечен, каким-то шифром. Конкретнее сказать не могу. Формат всех меток одинаковый, однако информации в них, к сожалению, немного. Поэтому прочитать не получится. Могу только

подтвердить, что иголка в этом стоге есть.

– Кто это пишет?

– Мой друг из университета «Райс». Я послал ему все сто тридцать пять сегментов, попросил посмотреть.

– Чем он занимается?

– Теоретической математикой. Считает чертей на кончике иглы. Я в этих вещах вообще не разбираюсь. Он какое-то время работал в моей фирме, занимался шифрованием данных. Еще удивлялся, что его знаниям нашлось хоть какое-то практическое применение.

Неожиданно для себя Кейс говорит:

– Это цифровой водяной знак.

Бун смотрит на нее с каким-то непонятным выражением.

– Почему вы так решили?

– В Токио живет один человек. Он утверждает, что знает некий код, который считали с фрагмента номер 78.

– Кто считал?

– Японские фрагментщики. Какая-то отаку-группа.

– У вас есть этот номер?

– Нет. Я даже не уверена, что это правда. Он мог выдумать всю историю.

– Зачем?

– Чтобы порисоваться перед девушкой. Которая тоже выдумана.

Какое-то время Бун смотрит на нее с тем же непонятным выражением. Потом спрашивает:

– Что вам нужно для того, чтобы проверить эту историю?

– Аэропорт, – отвечает она, понимая, что уже переступила черту, окунулась в задачу, и назад хода нет. – Билет на самолет. И подходящая легенда.

Бун выключает лэптоп, закрывает крышку, кладет ладони на серый металл, опускает голову. Сидит неподвижно. Со стороны можно подумать, что он молится. Наконец он поднимает глаза и говорит:

– Ну что ж. Если это правда, если номер удастся достать, то у нас будет зацепка.

– Да, я знаю.

А что еще скажешь? Кейс просто сидит и думает о тех силах, которые только что пришли в движение. И о том, куда это все может завести.

12
Апофения

Поднявшись по ступенькам, Кейс вспоминает, что забыла совершить ритуал Джеймса Бонда. Однако тревоги нет: последние события разрушили чары азиатских шлюх.

Даже *это*, лежащее в мешке за стопкой журналов, не кажется таким уж страшным. Если, конечно, на нем не зацикливаться.

Лучше подумать о том, куда она только что влезла. По пути к метро Кейс еще раз подтвердила: да, она будет участвовать в поисках. Полетит в Токио, попытается найти Таки и выведать у него номер – с помощью Капюшончика и Мусаши. А дальше видно будет.

Бун посоветовал не воспринимать это партнерство как фаустовскую сделку с Бигендом. Они могут выйти из дела в любой момент, а друг с другом будут вести себя честно, играть в открытую. И все закончится хорошо.

Впрочем, Кейс уже слышала подобные речи в контексте некоторых контрактов, которые закончились отнюдь не хорошо.

Так или иначе, решение принято. Два черных вычурных ключа качаются на шнурочке, и Кейс не собирается переживать из-за безопасности периметра.

К черту Доротею.

Нужно доверять качеству немецких замков.

Что на самом деле ведет к еще одной проблеме, думает она, отпирая дверь.

Непонятно, где оставить новые ключи. Дэмиен, надо полагать, захочет как-то попасть к себе домой, если вернется в ее отсутствие. Офиса у него нет и никогда не было, а координат его агентов она не знает. Общих знакомых – таких, которым можно было бы доверить ключи от квартиры, где лежит компактная и очень дорогая аппаратура, – тоже нет. Неизвестно, как регулярно он проверяет свою почту в России. Если сейчас написать ему письмо, спросить совета, то ответ может прийти слишком поздно.

И тут Кейс вспоминает Войтека и Магду, которые не знают адреса квартиры. Можно оставить им вторые ключи, а Дэмиену сообщить их номер телефона.

Она заходит в квартиру и еще раз осматривается. На вид все в порядке. Даже вмятина на диване, где сидел Бун, уже разгладилась.

Звонит телефон.

– Алле?

– Здравствуйте, Кейс. Меня зовут Памела Мэйнуоринг. Я организую поездки для Хьюберта. Для вас забронирован рейс. Хитроу – Нарита, время в пути десять часов пятьдесят пять минут. Первый класс, вылет завтра. Устраивает?

Кейс хмурится, уставившись на кибердевочек.

– Э-э... да. Спасибо.

– Замечательно! Я сейчас заеду, привезу билет. У меня еще ваш лэптоп и мобильный телефон.

До сих пор Кейс ухитрялась как-то обходиться без этих вещей, по крайней мере во время командировок. Дома у нее есть лэптоп, но он подключен к большому экрану и нормальной клавиатуре и играет роль домашнего компьютера. А поездки в зазеркалье она всегда воспринимала, как отдых от мобильника. Но сейчас другое дело. По-японски она не говорит, а надписей на английском в Токио практически нет – она это помнит с прошлого визита.

– Я уже в пути, звоню из машины, – сообщает трубка. – Буду у вас ровно в десять. До свидания.

Щелчок.

Кейс находит картонку с имэйлом Войтека и пишет ему письмо: дает номер Дэмиена и просит срочно позвонить. Ей нужно одолжение, которое может стоить нескольких «Зи-Эксов». Второе письмо – Капюшончику: послезавтра она будет в Токио, пусть подумает, как подступиться к Таки.

Отправив письма, она с колебанием подводит мышь к имэйлу матери. Читать, не читать? И вспоминает, что до сих пор не ответила на два предыдущих письма.

Ее мать зовут Синтия, **synthia@roseoftheworld.com**, а слова «Роза мира» в адресе – это название общины на Мауи, в стране красной пыли.

Кейс никогда не была на Мауи, но мать присылала фотографии: покосившееся невзрачное ранчо в стиле шестидесятых у подножия бурого холма, а вокруг редкая высокая трава, сквозь которую проглядывает красная почва. Будто кожная болезнь под волосами. Они там день и ночь занимаются прослушиванием пустых аудиокассет, пытаясь в белом шорохе разобрать голоса усопших. Фанатики ФЭГ[16], к которым Синтия приобщилась еще с давних пор. Кейс помнит, как мать клала старый отцовский катушечник в микроволновую печь, чтобы защититься от случайных помех.

Кейс никогда не разделяла увлечения матери голосами с того света – так же как и ее отец. В разговорах они оба старались избегать этой темы. Только однажды Уин, после тщательного раздумья, определил это увлечение, как апофению. Поиск связи и

смысла в несвязанных вещах. Больше они к этому вопросу не возвращались.

Кейс нерешительно водит курсором вокруг письма матери, которое озаглавлено «Алле-о-о???!».

Нет, сейчас она к этому не готова.

Лучше заняться чем-то полезным. Подойти к холодильнику и решить, что можно съесть, а что выкинуть перед отъездом.

Апофения. Кейс задумчиво смотрит в холодное, красиво освещенное нутро немецкого холодильника. Что, если смутное чувство, возникающее при просмотре фрагментов, и есть апофения? Иллюзия смысла в несвязанных вещах, псевдораспознавание образов? Они не раз обсуждали это с Капюшончиком, который любит поразглагольствовать на подобные темы. Нейромеханика галлюцинаций, личный опыт Августа Стриндберга, перенесшего нервный срыв, воспоминания самого Капюшончика о юношеских опытах с наркотиками, когда «вселенная общается с твоим мозгом на билинейном диалекте ангельского языка». Пользы от этих разговоров практически не было.

Вздохнув, Кейс закрывает холодильник.

Трещит наружный звонок. Она идет вниз и впускает Памелу Мэйнуоринг, двадцатилетнюю блондинку в черной мини-юбке и клетчатых колготках. В каждой руке у Памелы обтекаемые нейлоновые чемоданчики. Кейс успевает заметить машину «Синего муравья», стоящую у тротуара. Водитель, облокотившись на капот, беседует с пустотой: в руке сигарета, в ухе пластиковый наушник.

Памела Мэйнуоринг – образец быстроты, эффективности и агрессивной ясности. Этой женщине ничего не приходится повторять дважды. Они еще не дошли до дверей квартиры, а Кейс уже расписалась за номер в гостинице «Парк Хайатт» в районе Шинджуки, с видом на императорский дворец.

– Виден только кусочек крыши, – уточняет Памела, положив чемоданчики бок о бок на стол. – Там у вас что, кухня? Интересный желтый цвет.

Она открывает первый чемоданчик: лэптоп и принтер.

– Давайте проверим. – Она включает лэптоп. – Обратный билет открытый, на любое время и любую авиалинию. Вообще, можете заказывать билеты куда угодно. Мой имэйл и телефон в лэптопе. Все поездки Хьюберт организует через меня, так что звоните в любое время.

На экране появляется таблица с расписанием рейсов.

– Да, все в порядке, – кивает Памела.

Она достает из конверта бланки билетов, вставляет их в

миниатюрный принтер. Раздается энергичное жужжание. Билеты вылезают с другой стороны.

– Регистрация за два часа до вылета. – Памела ловко вкладывает билеты в конвертик с эмблемкой «Бритиш Эйруэйз». – Еще у меня для вас компьютер, «Айбук». Стандартные программы, сотовый модем. И мобильный телефон. Работает в Европе, Японии, США. В аэропорту Нарита вас встретит наш представитель. Токийский офис «Синего муравья» в вашем полном распоряжении. Переводчики, водители, все что угодно. Буквально все.

– Я не хочу, чтобы меня встречали.

– Хорошо. Значит, не встретят.

– Скажите, Хьюберт еще в Нью-Йорке?

Памела поднимает левую руку: часы «Оукли таймбом», чуть шире запястья.

– Хьюберт сейчас на пути в Хьюстон, но завтра снова вернется в «Мерсер». Его имэйл, номера телефонов – все в вашем «Айбуке».

Памела открывает второй чемоданчик, где обнаруживаются: плоский «Макинтош», серый мобильник – судя по размеру либо старый, либо очень мощный; провода и разная периферия в нераспечатанном пакете; колода глянцевых инструкций. На крышке лэптопа лежит фирменный конверт «Синего муравья». Памела выключает свой компьютер, застегивает чемоданчик, затем поднимает конверт и вытряхивает оттуда кредитную карту.

– Распишитесь, пожалуйста.

Кейс берет карту: платиновая «Виза» на ее имя. В углу эмблема «Синего муравья». Кибернасекомое, стилизованное под египетский иероглиф, – вне всяких сомнений, детище Хайнца. Памела протягивает роскошную немецкую шариковую ручку. Кейс переворачивает карту и расписывается на девственной светлой полоске. За кулисами ее этической вселенной что-то с грохотом осыпается.

– Рада была познакомиться, – говорит Памела. – Удачи и счастливого пути. Обязательно звоните, если что-нибудь понадобится. Все что угодно. – Она крепко жмет руку Кейс. – Провожать не надо, я сама найду выход. До свидания!

Гостья выходит, Кейс запирает за ней дверь. Потом возвращается к столу, берет из чемоданчика мобильный телефон. Тот уже включен. Потыкав кнопки, она находит, как его выключить, и кладет обратно. Застегивает чемоданчик, отодвигает в сторону.

Глубоко вдохнуть. Наклониться вперед – растяжка спины, упражнение из пилатеса. Медленно, позвонок за позвонком, до положения эмбриона. Осторожно выпрямиться.

Звонит домашний телефон.

– Алле?

– То Войтек.

– А, Войтек. Слушай, мне нужна помощь. Хочу оставить тебе ключи. Отдашь их моему другу, если он вдруг объявится. Я заплачу тебе двадцать фунтов.

– Не надо деньги, Кейси.

– Это пожертвование на твой проект «Зи-Экс». Я получила новую работу, и все расходы оплачиваются, – выдумывает Кейс, но тут же осознает, что это в общем-то правда. – Можешь встретиться со мной через два часа? В кафе, где мы завтракали?

– Да.

– Замечательно. До встречи! – Она кладет трубку.

И задумывается – первый раз за эти дни, а по большому счету и за всю свою жизнь, – не прослушивается ли телефон. Может, этим и объясняется история с азиатскими шлюхами? Почему бы нет? Ведь стерва Доротея – промышленная шпионка, пусть даже бывшая. Это их излюбленные методы. Жучки, прослушивание. Кейс прокручивает в памяти все телефонные разговоры с момента появления азиатских шлюх. Единственный значимый звонок – разговор с Еленой, насчет фирмы «Транс» – был сделан из автомата на Хай-стрит. Значит, остается только звонок Войтеку. Но это не страшно, ведь никто не знает, где они завтракали. Хотя, с другой стороны, они наверняка могут отследить его номер...

Кейс идет в спальню, где лежат ее вещи и чемодан. Ритуальный танец: складывание и упаковывание ПК. Верный способ сказать своему телу, что скоро оно перестанет зависеть от безопасности этого периметра.

Закончив собираться, Кейс ложится поверх одеяла, ставит внутренний будильник на час вперед, чтобы успеть на встречу с Войтеком в кафе на Абердин-стрит, и мгновенно засыпает.

Ей снится, что она едет в лондонском такси, на заднем сиденье. Обычно она редко видит сны – точнее, редко их помнит, – однако сейчас в память впечатывается каждая деталь. Тихая августовская ночь. Желтоватая листва, оттеняющая возраст города, глубину его истории, его упрямую несокрушимость. Фасады высоких домов, отрешенные и неприступные. Кейс зябко вздрагивает, хотя ночь тепла, а окна в такси закрыты. Наплывает картина из имэйла Дэмиена: серая пирамида мокрых костей посреди русского болота. Как можно так относиться к своей истории, к своим мертвецам?.. Кейс слышит пьяный смех, звон кирки о камень; она одновременно в двух местах: и в такси, объятая лихорадкой, и в гнилом заболоченном лесу – свидетель жуткого, невозможного пиршества каннибалов, поедающих

мертвые тела. Ее собственный голос повторяет слова, сказанные Бигенду: прошлое все время меняется, оно так же неопределенно, как и будущее... Тогда она еще забыла добавить, что прошлое нельзя выкапывать, нельзя разрушать и выбрасывать! Кейс хочет об этом сказать, но слова густеют, как смола, застывают в горле, и она вдруг видит – это Бигенд сидит за рулем такси, надвинув на глаза ковбойскую шляпу, а между ними толстая стеклянная перегородка, и даже если слова вырвутся из горла – он все равно не услышит, так и будет гнать вперед, в неизвестность, вцепившись в руль и сверля глазами черную дорогу...

Кейс просыпается, чувствуя быстрые толчки сердца.

Встать, умыться холодной водой. Подняться на второй этаж, забрать спрятанный там запасной комплект ключей.

По пути в кафе она будет осторожна. Ей никогда раньше не приходилось замечать слежку, отрываться от хвоста. Просто не было необходимости. Но сейчас все изменилось.

Откуда-то из глубины, из-под сердца всплывает крохотная заводная субмарина. Бывают ситуации, когда остается только сделать следующий шаг. А потом еще один.

13
Маленькая лодочка

Сиденье Кейс на верхней палубе рейса «Бритиш Эйруэйз» 747 превращается в кровать, похожую на маленькую лодочку. Уютное рыбачье суденышко из кожи и красно-коричневого пластика. Это самое переднее место: другие пассажиры в поле зрения не попадают.

Футуристическая колыбель оптимизирована для создания абсолютного удобства и буквально нашпигована высокоэргономичными причиндалами. При желании разработчики легко могли бы вмонтировать в спинку кресла питательные трубки с одноразовыми загубниками, а под сиденье поместить соответствующую систему гигиеничной утилизации отходов.

Полет уже длится какое-то время. Точнее сказать нельзя: часы сняты с руки и спрятаны, согласно ритуалу. Обед съеден, посуда убрана, свет в салоне пригашен. Кейс представляет, как ее отставшая душа вприпрыжку разгоняется по взлетной полосе, хлопает крыльями, пытается высмотреть в лондонском небе белую снежинку самолета. Какая-то доля страха тоже осталась позади: они сейчас летят над океаном, и человеческого фактора можно не опасаться. Раньше Кейс боялась именно этой части – полета над безбрежной и забывчивой водой, но теперь фокус опасности сместился в сторону густонаселенных областей, где есть опора для систем «земля-воздух» и прочих сюжетов, безжалостно обрисованных в репортажах Си-эн-эн.

Коммерческие рейсы обладают еще одним недостатком, существенным для Кейс. Это нескончаемое и безвыходное повторение эмблемы авиакомпании в замкнутом пространстве. К счастью, с «Бритиш Эйруэйз» не возникает особых трудностей, а вот, скажем, знак «Вирджин», волокущий за собой целый хвост товарных ассоциаций, был бы настоящей катастрофой.

Проблема только одна – вынужденное бездействие. На жалком экранчике, вылезающем из подлокотника, фильмы смотреть невозможно, на любые новости объявлен самозапрет, читать нечего, а сна ни в одном глазу. Призрак Лондона уже подергивается туманом, а призрак Токио по-прежнему зыбок, воспоминания о нем еще не всплыли на поверхность; Кейс, скрестив ноги, сидит в центре своей узенькой кровати и трет кулачком глаза, как капризный ребенок, не умеющий уснуть.

И тут вспоминает о бигендовом «Айбуке», на крышке

которого красуется новенький стикер службы безопасности аэропорта Хитроу.

Подняв с пола чемоданчик, она достает компьютер. Вчера она поиграла с ним минут двадцать, но только сейчас на глаза попадается какой-то ненадписанный диск. Кейс вставляет его и обнаруживает, что это полный архив Ф:Ф:Ф, от момента возникновения до последних постов, да еще и с возможностью поиска. Люди Бигенда также записали туда все 135 фрагментов и три наиболее популярных варианта монтажа, включая вариант, сделанный Кинщиком и Морисом.

Сидя по-турецки, Кейс пишет памятку и наклеивает на диск: «Сделать копию для Айви».

Айви уже давно, чуть не с самого начала, хотела заполучить архив Ф:Ф:Ф с возможностью поиска. Бесплатный софт, на котором написан форум, не обладает такой возможностью, а желающих написать новый софт пока не нашлось. Фрагментщики просто ставят в браузере закладки на любимые темы, однако до сих пор не существовало способа сделать поиск по автору, теме или ключевому слову.

А теперь такой способ появился.

Кейс никогда раньше не задумывалась, сколько постов содержит архив Ф:Ф:Ф, сколько из них принадлежит ей. Она набирает «КейсП» в окошке поиска.

> Напротив! Как я уже вчера говорила...

Нет, это явно не первый пост. Все правильно, КейсП появилась не сразу. Она набирает «Кейс».

> Всем привет. Сколько всего сегментов обнаружено? Я только что скачала последний – где герой стоит на крыше. У кого-нибудь есть соображения по поводу каминных труб? (Или как там еще называются эти штуки?)

Буква «П» прибавилась чуть позже, когда на форуме появился еще один Кейс. Правда, у него это была фамилия, а не имя. Некто Марвин Кейс из Уичиты. Он довольно быстро пропал, а буква «П» осталась.

Ощущение такое, будто разглядываешь альбом со старыми школьными фотографиями.

Вот первый пост Капюшончика:

> Так и быть, разрешаю вам напиться из моей груди. Можно даже с помощью молокоотсоса. Неужели я

> единственный, кого потрясла необычная красота этой пестро-аномальной кинематографической прерии? Надеюсь, здесь на форуме обретаются истинные поклонники ковбойской поэтики, потому что я уж точно не из их числа.

Это было еще до того, как на форум пришла Мама Анархия. Через три дня после ее появления Капюшончик впервые проделал маневр, который потом вошел у него в привычку: покинул сайт «навсегда» – демонстративно, с шумом и хлопаньем дверями.

Кейс экспериментирует с матовыми металлическими кнопками на подлокотнике: кровать должна превратиться в кресло. Сиденье приходит в движение; стонут маленькие, но мощные моторы, верные слуги комфорта. Успокаивающее чувство. Она откидывается на спинку, вытягивает ноги в черном трико (предложенная стюардессой пижама была отвергнута) и накрывается клетчатым пледом, положив сверху «Айбук». Гибкий оптоволоконный ночник напоминает полицейский фонарь.

Архив Ф:Ф:Ф закрыт, она запускает вариант Кинщика и Мориса.

Действие открывается сценой на крыше, на фоне необычных каминных труб. Герой медленно подходит к невысокому парапету. Смотрит на городские огни, которые остаются не в фокусе. Анализ стоп-кадра показал, что размытый пейзаж составлен из схематичного пересечения вертикальных и горизонтальных линий. Без деталей. Ясно, что это дома, но невозможно определить, в каком именно городе. Точно не Нью-Йорк и не Лондон. Список отвергнутых городов занимает несколько страниц. Отсюда Морис сразу переходит к последовательности затянутых ракурсных кадров, где героиня гуляет по некоему классическому парку.

Когда смотришь хороший вариант монтажа – а монтаж Мориса один из лучших, – то кажется, что видишь это впервые. Заново погружаешься в иной странно-красивый мир, исполняешься радостью и предвкушением. И всякий раз неизменно шокирует внезапный, на полуслове, обрыв. Как, и это все?! Не может быть!

Фильм кончается.

Кейс засыпает с включенным «Айбуком» на животе.

Проснувшись, она видит, что свет в салоне погасили. Ей хочется в туалет. Хорошо, что не надела эту дурацкую пижаму!.. Она убирает лэптоп, отстегивает ремень, нашаривает выданные тапочки и направляется к светящемуся знаку.

По пути минует неподвижное тело, принадлежащее не кому

иному, как Билли Прайону. Бывшая звезда мирно похрапывает; его приоткрытый рот лишен всяких признаков паралича, торс по-стариковски укутан клетчатым пледом. Наружу выглядывает лишь бесстрастное, чуть оплывшее лицо. Кейс моргает, пытаясь убедить себя, что это ошибка. Но никакой ошибки нет – перед ней действительно бывший лидер «БГЭ», предпочитающий одеваться, судя по штанам, в «Агнесс Би для мужчин».

В соседней с Прайоном ячейке спит блондинка с маской на глазах; ее обтягивающая блузка ясно обрисовывает скромные колечки в обоих сосках.

Приглядевшись, Кейс узнает в ней певичку из распавшейся группы «Велкро Китти», и это лишний раз подтверждает правильность идентификации Билли Прайона, который, если верить таблоидам, недавно с этой певичкой расстался.

Сделав усилие, Кейс возобновляет шаркающий ход, по-лыжному двигая синими виниловыми шлепанцами в направлении туалета перового класса. В туалете, можно сказать, относительно просторно; ее встречают чистота, свежие цветы и косметические пузырьки от «Молтон Браун». Кейс запирает дверь, садится на унитаз и задумывается о невероятности совпадений: тот самый Билли Прайон, чью галерею Войтек хочет арендовать под выставку своих «Зи-Эксов», вдруг оказывается с ней на одном рейсе. Мир стал тесен уже настолько, что это начинает плохо пахнуть.

Нажать на смыв. Ярко-голубая жидкость шипит и хлещет.

Возвращаясь на место, Кейс видит, что блондинка с окольцованной грудью проснулась. Повязки на глазах уже нет; подруга Прайона, подняв спинку кресла, рассматривает глянцевый журнал в сиянии оптоволоконного ночника. Сам Билли по-прежнему похрапывает.

Добравшись до своей лодочки, Кейс принимает горячую салфетку из заботливых щипцов стюардессы.

Почему они летят в Токио? Билли и эта певичка из «Велкро Китти»?

Кейс вспоминает, что ее отец говорил про паранойю.

Уин, работавший в контрразведке во времена холодной войны, относился к этой болезни, как к некоему животному, которое необходимо приручить. Подобно беднягам, научившимся жить с хроническим недугом, он не отождествлял себя со своей паранойей – та существовала сама по себе и часто оказывалась весьма полезной; надо было только держать ее под контролем, не давать завладеть рассудком. Уин выдрессировал ее по специальной программе, и она ежедневно приносила ему различные намеки, подозрения, странные аномалии, которые он

не спеша сортировал.

Можно ли считать присутствие Билли Прайона странной аномалией?

Только в том случае, думает Кейс, если поставить себя в центр некой опасной и непонятной интриги. Первая заповедь психологической обороны Уина: не надо выпендриваться. Как правило, ты только пешка в чьей-то большой игре. Паранойя, говорил он, эгоцентрична по своей природе; любая мания преследования так или иначе возвеличивает того, кто ею страдает.

С другой стороны – и это тоже слова Уина, – даже у параноидных шизофреников бывают реальные враги.

Наверное, паранойя – это разновидность апофении.

Влажная салфетка, зажатая в руке, уже остыла.

Кейс кладет ее на подлокотник и закрывает глаза.

14
Гайджинское лицо «Биккли»

Кейс выходит из здания вокзала Шинджуки, катя за собой черный чемодан; ее встречают электрические сумерки, смешанные с запахами незнакомых углеводородов.

Она приехала из аэропорта на экспрессе «Джей-Ар», чтобы не стоять в пробках на шоссе. Поездка на автобусе в час пик, по опыту прошлых визитов, может превратиться в сущее мучение. Машина, предложенная Памелой Мэйнуоринг, тоже не решила бы проблемы, да еще пришлось бы общаться с персоналом «Синего муравья», а Кейс хочет свести это удовольствие к минимуму.

Прайон с подружкой куда-то исчезли сразу после посадки. Сейчас, наверное, томятся в еле ползущей машине, проклиная токийские пробки. Непонятно, зачем они вообще сюда прилетели.

Над головой лихорадочно пляшут заросли световых реклам. На большом экране пульсирует эмблема «Кока-колы», а под ней лозунг: ПОВОД НЕ НУЖЕН! Изображение сменяется клипом новостей: смуглые дикторы в светлых костюмах. Кейс моргает и отворачивается, представив на экране образы двух горящих башен.

Воздух здесь теплый и слегка влажный.

Надо поймать машину. Такси подъезжает, задняя дверь открывается сама собой, таинственным японским образом. Кейс вталкивает в кабину чемодан, забирается следом и усаживается на сиденье, обитое белоснежной материей, чуть не забыв оставить дверь открытой.

Водитель в белых перчатках дергает рычаг под сиденьем, и дверь закрывается.

– Гостиница «Парк Хайатт».

Он кивает.

Такси вливается в плотный, удивительно тихий поток машин.

Кейс достает новый мобильник, включает его. На экранчике загораются иероглифы кандзи. И тут же раздается звонок.

– Алле?

– Кейс Поллард?

– Да, я слушаю.

– Добро пожаловать в Токио, Кейс. Меня зовут Дженнифер Броссард, я из «Синего муравья». – Американский голос. – Где вы сейчас находитесь?

– У вокзала Шинджуки, на пути в гостиницу.

– Вам что-нибудь нужно?

– Выспаться прежде всего.

Конечно, все немного сложнее. Отсутствие души воспринимается здесь совсем под другим углом. Кейс не помнит, чем заполняла эту пустоту во время последнего визита. С тех пор прошло уже десять лет. Скорее всего танцами и обильной выпивкой – ведь она была на десять лет моложе, а здешний экономический пузырь как раз достиг максимума.

– Звоните, если что.

– Спасибо.

– Спокойной ночи.

– До свидания.

Она вновь остается одна, в спокойном полумраке токийского такси.

За окном мелькает перепляс чуждой рекламной культуры, язык которой Кейс помимо воли уже начинает смутно понимать. В сознании вспыхивают туманные намеки, ассоциации... Нет, сейчас она слишком устала. Надо закрыть глаза.

Очередная пара белых перчаток у входа в гостиницу; ее багаж помещен на тележку и накрыт чем-то похожим на рыбацкую сеть, с грузиками по краям. Странный ритуал. Должно быть, пережиток эпохи процветания европейских отелей.

Еще одни белые перчатки – в просторном лифте производства «Хитачи». Белый палец нажимает кнопку с надписью «Фойе». Скользящий, безупречно плавный подъем, так что кровь отливает от головы – мимо бесчисленных немаркированных этажей. Приехали. Двери разъезжаются, открывая вид на живую бамбуковую рощу, высаженную в квадратном бассейне размером с теннисный корт.

Регистрация, прокатывание кредитной карты «Синего муравья», подписывание квитанции. Потом снова лифт наверх: прибавляется еще множество этажей, в итоге не меньше пятидесяти.

И вот ее номер: невероятно большая комната, с гигантской черной мебелью. Носильщик проводит мини-экскурсию и откланивается, не ожидая чаевых.

Кейс удивленно моргает. Типичный номер Джеймса Бонда – в интерпретации скорее Броснана, чем Коннери.

Следуя полученным указаниям, она нажимает кнопку на пульте, и занавески тихо расползаются. Весь видимый горизонт залит светящейся электрической мозаикой, над которой пульсирует какое-то виртуальное небо. Здесь и там в узор вкраплены незнакомые элементы, словно при составлении мозаики вдобавок к стандартному использовали еще и специальный токийский комплект. Эмблемы компаний, о которых

она даже не слышала. Завораживающее зрелище. Только из-за одного этого стоило сюда прилететь. Включается память: десять лет назад она испытала такое же ощущение. Многие привычные символы в новом контексте меняют свою злую природу. Утрачивают весь яд такие опасные семейства, как «Берберри», «Монблан» и даже «Гуччи». Кто знает, может, дело дойдет и до «Прады»?

Кейс задвигает занавески и начинает разбирать чемодан. ПК бесследно исчезает в недрах бездонных шкафов. Закончив, она еще раз оглядывает комнату. Все та же пустота, никаких следов человека – не считая черной папки «Штази» и чемоданчика с «Айбуком», сиротливо жмущихся друг к другу на полотняных просторах огромной кровати.

Изучив инструкцию по выходу в интернет, Кейс включает «Айбук» и проверяет почту.

Капюшончик, с двумя приложениями.

Она написала ему перед самым отлетом – сообщила, что будет в Токио, но не сказала, под чьей эгидой. Капюшончик не дурак, он бы сразу понял, кто такой Бигенд и что такое «Синий муравей».

В письме она спрашивала совета насчет встречи с Таки и стратегии получения тайного номера. Скорее всего это ответ на ее вопрос.

Письмо озаглавлено «КЕЙКО». Кейс открывает его.

> Токио?! Круто! Как тебе удалось? Короче – я и мой верный Мусаши по твоей милости всю ночь дымили визжащими покрышками по пустынным улицам – и не безрезультатно. Сдержанный кивок в сторону Саши, ибо именно ему удалось в конце концов найти нашу Кейко. Только она не Кейко, а Джуди…

Кейс открывает первое вложение.

– Боже, какой ужас!

Чудовищное, возмутительное создание, судя по всему, состряпанное специально для Таки, каким его воображают себе Капюшончик и Мусаши.

В облике Кейко-Джуди невинность сочетается с агрессивной женственностью. Ее стройные и в то же время полные ножки низвергаются из-под школьной клетчатой юбочки и впадают в приспущенные белые гольфики необычайно грубой вязки. Внутренний стиль-эксперт Кейс, обладающий безошибочным нюхом на любой популярный фетиш, тотчас определяет, что эти суперносочки являются в Японии традиционным сексуальным атрибутом. Здешние киоски наверняка забиты мужскими

журналами с девочками в приспущенных гольфиках. Обуты чудо-ножки в матерчатые ретротуфли на внушительной платформе, призванные уравновесить утолщения вокруг щиколоток, так что ниже колен Кейко-Джуди похожа на белоногую савраску.

У Кейко-Джуди трогательные косички, мешковатый свитер со складками, превращающими грудь в тайну, и огромные черные глаза, которые сияют столь откровенным плотским огнем, что Кейс становится не по себе. Бигенд сразу распознал бы типичный образ-пульсар, в котором вспышки детской невинности с неуловимой для глаза частотой чередуются со вспышками самой разнузданной похоти.

Кейс закрывает картинку и продолжает читать письмо.

> Джуди Цудзуки, рост метр семьдесят восемь, возраст двадцать семь. Японского в ней не больше, чем в тебе, если не считать ДНК. Родом из Техаса. Работает барменшей в небольшом трактирчике по соседству с домом Мусаши. Чтобы усилить мощность воздействия на либидо нашего друга Таки, мы сделали следующее: сфотографировали ее в полный рост, а потом в «Фотошопе» ужали снимок по вертикали примерно на треть. Вырезали фигуру, наложили на изображение комнаты в общаге, где живет младшая сестра Мусаши. Деррил собственноручно разработал костюм для красавицы. В качестве заключительного штриха мы решили увеличить ее глаза – буквально на пару делений, и тем не менее это возымело магический эффект, особенно когда были подчищены гусиные лапки и мешки, посредством того же «Фотошопа», хотя Деррил предлагал перед съемкой применить к бедняжке метод туго заплетенных косичек вкупе с несколькими полосками пластыря телесного цвета. Результат нашего скромного гения перед тобой: чистейший образец чистейшей прелести в стиле аниме. Такой девушки не существует в несовершенной природе, но именно о ней Таки мечтал всю свою жизнь. Он это сразу поймет, как только увидит фото. Что касается второго вложения, то это...

Кейс подводит мышку и открывает его. Отсканированное изображение текста, написанного от руки на кандзи, с многочисленными восклицательными знаками.

> ...записка от Кейко. Попроси какого-нибудь местного носителя японского языка (предпочтительно

молоденькую девушку) переписать это на бумагу. Теперь насчет встречи с Таки. Ее готовил я, пока Мусаши занимался ретушированием морщинок. Объект, похоже, повелся, хотя действовать надо осторожно, чтобы не спугнуть. Кейко только что отправила ему радостную весть: ее подруга прилетает в Токио, а с ней посылочка – небольшой сюрприз. Я дам тебе знать, что он ответит. Ты там в командировке? Я слышал, эти варвары действительно едят сырую рыбу.

Кейс встает и пятится назад, пока ноги не упираются в кровать. Раскинув руки, она падает навзничь на покрывало и лежит, глядя в белый потолок.

Зачем она здесь? Где сейчас трепыхается ее душа? Может, заплутала, затерялась в небесах, исхлестанных реактивными следами? Зацепилась не за тот самолет?

Надо бы отдохнуть. Кейс смеживает веки… Увы, сон не приближается; такое чувство, что ее глаза на два размера больше, чем глазницы.

Привратник сохраняет подчеркнутое равнодушие, когда Кейс выходит из гостиницы в «Ливайсах» и «Баз Риксоне», отказавшись от предложения вызвать такси.

Пройдя пару кварталов, она покупает у израильского лоточника черную вязаную шапочку и китайские темные очки. Заправив волосы под шапочку и до подбородка застегнув молнию на куртке, она превращается в относительно бесполое существо.

Дело не в том, что здесь стало опаснее, чем во время прошлых визитов. Просто Кейс еще не привыкла. Правда, уровень уличной преступности сейчас возрос, но об этом не стоит думать. Нельзя же весь вечер сидеть взаперти, в огромной черно-белой камере с видом на город. Пустоту, образовавшуюся на месте отставшей души, необходимо проветрить. Выдуть накопившийся горький туман.

Уин. Она начала проецировать его образ на белые стены, а это никуда не годится. Боль еще слишком сильна.

Отставить мысли. Ноги ступают крепко и уверенно. Походка, как у мужчины. Я восстал против закона. Руки в карманах; в правой зажаты темные очки.

Но закон победил.

Кейс проходит мимо быстрой, по-муравьиному слаженной команды ночных дорожных рабочих. Они выставили на мостовую светящиеся конусы удивительной красоты – красивее, чем любые абажуры, – и вспарывают асфальт стальными дисками с водяным

охлаждением. Токио никогда не спит; только замирает на минутку, когда муравьям надо починить инфраструктуру. Кейс думает, что еще ни разу, ни в одном из разрезов не видела здесь живую землю. Можно подумать, что под асфальтом у них только равномерная стерильная масса труб и проводов.

Прислушиваясь к полузабытому чувству направления, она довольно быстро приходит в Кабукичо, район ночных развлечений, который называют «Бессонный замок». Здесь всегда светло как днем; не найдешь ни одной плоскости, даже самой маленькой, на которой не сиял бы хоть какой-нибудь фонарь.

Она уже бывала в этом районе – правда, всегда в компании. Царство порносалонов, клубов для игры в маджонг, крохотных баров со строго дифференцированной клиентурой, секс-магазинчиков и многого другого. Но, как и в Лас-Вегасе, вся эта мишура содержится в идеальном, трезвом порядке, всем правит железный расчет. Самозабвенно отрываться в такой атмосфере, должно быть, нелегкая задача даже для безнадежных прожигателей жизни.

Кейс надеется, что опасаться здесь нечего. Разве что вяло пристанет какой-нибудь пьяный пролетарий, нетвердо стоящий на ногах.

Чем глубже она погружается в яркий лабиринт, тем выше становится уровень шума: музыка, пение, завывание механических драконов, реклама секс-услуг на японском языке. Оглушительно, как в заводском цеху.

Словно грохот прибоя.

Домики здесь очень узкие. Сплюснутые фасады наперебой проталкиваются на улицу, образуя на уровне первого этажа сплошную полосу бешеного неонового огня. Выше порядка уже больше – одинаковые квадратные вывески аккуратно висят бок о бок, рассказывая о товарах и удовольствиях, доступных на верхних этажах.

МОЗГ КРАСОТЫ И МИЛАШКА ФАННИ

Эта непонятная вывеска заставляет ее остановиться. Красные буквы на желтом фоне в центре одного из фасадов. Кейс заторможенно разглядывает надпись. Какой-то прохожий натыкается на нее, резко вскрикивает по-японски и удаляется, слегка покачиваясь. Она вдруг осознает, что стоит перед разверстым входом ревущего порнодворца. У дверей скучают два вышибалы. Внутри на огромном экране мелькает качественное изображение грубо-клинического, явно иностранного совокупления. Кейс поворачивается и торопливо идет прочь.

Она продолжает сворачивать в переулки, пока темнота не

сгущается настолько, что уже можно снять очки. Грохот прибоя звучит заметно тише.

Накатывает, чуть не сбивает с ног волна сонливости. Даже колени подгибаются. Здешняя временная разница – это вам не лондонские пять часов.

– Ну что, мозг красоты, – говорит Кейс, обращаясь к пустынному переулку, – милашке Фанни пора домой.

Вот только в какую сторону?

Кейс оглядывается. Переулок, по которому она пришла, настолько узок, что даже не осталось места для тротуара.

Трещит приближающийся моторчик.

На перекресток выскакивает и останавливается мотороллер. Человек в зеркальном шлеме поворачивает голову. Лица не видно, фигура облита остаточным светом секс-реклам.

Постояв секунду, он дает газ и уносится, рыча мотором – был и нету, словно фантом.

Кейс какое-то время глядит на опустевший перекресток, который кажется освещенным, как театральная сцена.

После нескольких поворотов к ней возвращается чувство направления, и она уверенно ложится на обратный курс, ориентируясь по далеким огням магазина «Гэп».

Телевизор раскрывает тайну Билли Прайона.

Кейс как раз пыталась разобраться с универсальным пультом, чтобы раздвинуть занавески и полюбоваться электрической мозаикой (а перед этим приняла душ и завернулась в белый махровый халат). Но вместо занавесок вдруг ожил гигантский телевизор. И вот, пожалуйста – Билли собственной персоной, в полном неопанковском обличье, словно в звездные годы «БГЭ», и даже пол-лица парализовано, как встарь, а другая половина щерится в идиотской ухмылке. В протянутой руке Билли сжимает бутылочку молочного напитка под названием «Биккли» – кажется, производства «Сантори». Было время, когда Кейс нравился этот напиток. Среди засилья разной дряни, типа лимонада «Покари суит» и питьевой воды «Калпис», холодный «Биккли» был настоящим спасением.

На вкус как толченые ледышки, вспоминает Кейс. И тут же чувствует острое желание выпить бутылочку.

Понятно, думает она, досматривая рекламный ролик. Значит, Билли Прайон – гайджинское лицо «Биккли». Тот факт, что на Западе эта звезда уже давно закатилась, похоже, здесь никого не смущает.

Кейс находит нужную кнопку и выключает телевизор. Занавески так и остались закрытыми. Не экспериментируя больше

с пультом, она вручную, один за другим, гасит все светильники и прямо в халате забирается в кровать.

Свернувшись калачиком между белыми простынями, она молится, чтобы волна скорее накатила, накрыла, удержала в себе как можно дольше.

И волна приходит. Где-то в ней неявно присутствует отец, и человек на мотороллере поворачивает безликий шар хромированного шлема.

15
Особая точка

Уин Поллард пропал без вести в Нью-Йорке, утром 11 сентября 2001 года. Привратник гостиницы «Мэйфлауэр» вызвал для него такси, но так и не смог вспомнить, куда в то утро отправился человек в сером пальто, давший на чай один доллар.

Кейс может думать об этом спокойно, потому что киберзанавески раздвинуты, и японское солнце простреливает комнату под каким-то невообразимым углом.

В уютной теплой норке, образованной простынями и махровым халатом, зажав в руке пульт, она разрешает себе вспомнить, что отец пропал без вести.

Ни она, ни ее мать не знали, что Уин в тот день был в Нью-Йорке. Причины, по которым он туда прилетел, до сих пор не ясны. Последние десять лет он жил в Теннесси, на заброшенной ферме, разрабатывая особо гуманный вид ограждений для толпы во время рок-концертов. Как раз перед исчезновением он приступил к оформлению нескольких патентов, которые должны были обеспечить его старость. Фирма, которая помогала ему с регистрацией патентов, располагалась на Пятой авеню, но работавшие там люди понятия не имели, что 11 сентября он находился в Нью-Йорке.

Прежде Уин никогда не останавливался в «Мэйфлауэре». Он прибыл туда накануне вечером; номер был забронирован через интернет. Поднявшись к себе, он до самого утра никуда не выходил и никому не звонил, только заказал бутерброд с тунцом и банку «Туборга».

Причины его визита в Нью-Йорк остались невыясненными, а значит, не было никаких оснований предполагать, что в роковое утро он поехал к Торговому центру. Однако Синтия, ведомая потусторонними голосами, с самого начала была уверена, что ее муж попал в число жертв. А когда открылось, что в одном из прилегавших к Торговому центру зданий находился офис ЦРУ, у нее отпали последние сомнения: конечно же, Уин перед терактом зашел повидать бывшего коллегу.

Когда ударил первый самолет, Кейс находилась в Сохо, и ей довелось стать свидетелем микрособытия, которое шепнуло ей на ушко, что весь мир в этот миг получил утку в лицо.

Она увидела, как с засохшей розы упал лепесток.

Эта роза была выставлена в витрине эксцентричного антикварного магазинчика на Спринг-стрит. Кейс нужно было

убить пятнадцать минут перед деловым завтраком, назначенным на девять часов в гостинце «Сохо Гранд», и она просто гуляла по улице, наслаждаясь погодой и разглядывая витрины. В знакомом окне ее блуждающий взгляд зацепился за три чугунных сувенира, по-разному изображавших одно и то же здание, Эмпайр-Стэйт-билдинг. В этот момент раздался гул самолета, летевшего, как ей показалось, очень низко, а в проеме зданий над Западным Бродвеем промелькнула какая-то тень. Наверное, снимают кино, подумала она.

Засохшие розы в серо-белой вазе стояли здесь уже давно, несколько месяцев. Изначально они были белыми, но постепенно превратились в подобие пергамента. Кейс ни разу не заходила в этот магазин и даже не знала, чем они торгуют. Витрина всегда казалась ей чуть странной: задняя стенка была забрана черной фанерой, не позволяющей заглянуть внутрь, а предметы, выставленные на обозрение, периодически менялись местами, словно повинуясь какой-то внутренней поэзии. Всякий раз, проходя мимо этой витрины, она задерживалась, чтобы оценить узор новой комбинации.

С розы упал лепесток – и в тот же миг донесся глухой удар, словно где-то столкнулись грузовики. Обычное дело, необъяснимый закулисный звук Южного Манхэттена.

И вот уже тревожно гудят сирены. Но ведь это Нью-Йорк, здесь всегда гудят сирены.

Кейс идет к гостинице, в сторону Западного Бродвея. Опять сирены.

На углу Западного Бродвея начинает собираться толпа. Люди останавливаются, глядят на юг. Показывают пальцами. Черный столб дыма на фоне синего неба.

Это пожар – горят верхние этажи Всемирного торгового центра.

Кейс ускоряет шаг, направляется в сторону Канал-стрит, минует группу людей – они склонились вокруг лежащей женщины. Наверное, обморок.

Обе башни теперь хорошо видны. Невероятное количество дыма, захлебываются сирены.

Она все еще думает о деловой встрече: в девять часов, со знаменитым немецким дизайнером верхней одежды. Войдя в вестибюль «Сохо Гранд», взбегает по ступенькам, сделанным из какого-то подобия деревянного бруса. Ровно девять. Освещение здесь странное, словно ты под водой. Словно все это тебе снится.

Во Всемирном торговом центре пожар.

Кейс находит внутренний телефон и звонит дизайнеру. Он отвечает по-немецки, хриплым возбужденным голосом. Похоже,

он забыл про девятичасовой завтрак.

– Поднимитесь по лестнице, пожалуйста, наверх, – говорит он на английском. – Произошел самолет… – и добавляет что-то неразборчивое, по-немецки. И вешает трубку.

Самолет? Ему надо на самолет? Хочет провести встречу у себя в номере?

Кейс заходит в лифт, нажимает цифру восемь, закрывает глаза. И снова видит, как засохшая роза роняет лепесток. Одиночество неживых объектов. Их тайное существование, скрытое от наших глаз. Тихая возня в коробке с игрушками.

Дизайнер сам распахивает дверь – Кейс не успевает даже постучать. Бледное лицо, молодой, небритый. Очки в черной оправе. Свежая рубашка перекошена, ширинка расстегнута, на ногах черные носки. Смотрит так, словно перед ним какое-то невиданное чудо. У него за спиной на полную громкость включен телевизор, репортаж Си-эн-эн, и Кейс проходит в комнату, не дожидаясь приглашения, потому что не торчать же так, – и смотрит в телевизор, на котором стоит пластиковое ведерко для льда. А на экране под этим ведерком второй самолет врезается во вторую башню.

И Кейс, повернув голову, глядит в окно, где башни-близнецы видны, как на ладони. И на всю жизнь запоминает, что взорвавшееся топливо горит с оттенком зеленого.

Потом они с немецким дизайнером будут смотреть, как башни горят и рушатся одна за другой, и память милосердно не запишет людей, прыгающих из окон, хотя впоследствии она узнает, что такие кадры были в новостях. Жутковатое и странное чувство – как будто смотришь по телевизору собственный страшный сон: грубый и глубоко оскорбительный взлом периметра, ограждающего внутренний мир.

Эмоция, выходящая за рамки культуры.

Кейс находит нужную кнопку, занавески раздвигаются до упора. Она вылезает из уютной белой норки, закутывается в халат и подходит к окну.

Синее чистое небо. В прошлые визиты оно не было таким синим. Японцы перешли на неэтилированный бензин.

Она смотрит вниз, на заросли деревьев, окружающие императорский дворец. Сквозь листву проглядывают фрагменты крыши, как и обещала ассистентка Бигенда.

Там, среди деревьев, наверное, есть тропинки неземной красоты, о которых она никогда не узнает.

Кейс пытается определить, скоро ли подлетит душа, но внутренний радар регистрирует лишь пустоту.

Полная тишина и одиночество, не считая деликатно гудящего кондиционера.

Она тянется к телефону и заказывает завтрак.

16
Связь в движении

Этот запах держался еще несколько недель. Кислый привкус в гортани, как от подгоревшего очистителя для духовки. Он до сих пор висит в памяти и, может, уже никогда не выветрится.

Кейс пытается сосредоточиться на завтраке: яйца в идеальный мешочек и ломтики тоста, отрезанные от буханки иностранных пропорций. Две полоски бекона – сухие и абсолютно плоские, как будто их разгладили утюгом. Высококлассные японские отели интерпретируют западные завтраки так же, как дизайнеры «Баз Риксона» интерпретировали куртку «МА-1».

Вилка замирает на полпути; Кейс оглядывается на шкаф, где висит ее куртка.

«Синий муравей» подрядился удовлетворять любые желания.

Она заканчивает завтрак, наливает вторую чашку кофе, включает лэптоп и находит в адресной книге местный телефон «Синего муравья». В трубке раздается смешное «муши-муши». Попросив Дженнифер Броссард, Кейс заявляет без предисловий, только поздоровавшись, что ей нужна черная пилотская куртка модели «МА-1», в интерпретации «Баз Риксона», японский эквивалент американского 38-го размера.

– Что-нибудь еще?

– Эти куртки невозможно достать. Люди заказывают их заранее, за год.

– Кроме куртки ничего не нужно?

– Нет, спасибо.

– Прислать ее вам в гостиницу?

– Да, спасибо.

– Хорошо, до свидания. – Дженнифер Броссард вешает трубку.

Кейс щурится на синее небо, сверкающее над зубчатым контуром небоскребов. Похоже, любые ее требования, даже самые бессмысленные, обсуждению не подлежат. Интересный расклад.

Если в гортани начинает горчить от запаха подгоревшего очистителя, то надо найти какое-нибудь занятие, желательно полезное, чтобы отвлечь память. Кейс принимает душ, одевается и садится писать ответ Капюшончику.

> Муши-муши. Надеюсь, вы уже сняли с Джуди пластырь и ослабили косички. Кейко из нее получилась замечательная. Я распечатаю фото и попрошу кого-

нибудь из местных написать текст. А дальше все в твоих руках. У меня лэптоп с сотовым модемом, который еще не опробован, но сегодня я с ним разберусь. Буду носить его с собой и регулярно проверять почту. Так что пиши. Или звони, если хочешь. Вот номер моего мобильного.

Она считывает с телефона номер и вбивает его в письмо.

Теперь мое дело – ждать, пока ты договоришься с Таки.

Прежде она говорила с Капюшончиком всего дважды, и оба раза ощущение было странным и неловким, как бывает, когда люди знакомятся и долго общаются в сети, а потом пытаются поговорить по телефону.

Она собирается с духом, чтобы прочитать письмо матери, затем передумывает: после утренних воспоминаний впечатление может быть слишком тяжелым.

В бизнес-центре на нижнем этаже юная девушка в изящном деловом костюмчике в стиле Мияки[17] распечатывает цветное изображение Кейко на плотной глянцевой фотобумаге формата 8.5 x 11 дюймов.

Кейс смущается при виде картинки, однако девушка в изящном костюмчике остается равнодушной. Это придает Кейс отваги, и она отдает на распечатку записку Деррила, а потом просит девушку написать этот текст на фотографии.

– Нам это нужно для съемок, – лжет она в оправдание.

Ложь оказывается излишней. Девушка спокойно берет черный фломастер, прикидывает, откуда начать, и живенько переносит на фотографию все иероглифы, включая многочисленные восклицательные знаки. Закончив, она задумывается, покусывая кончик фломастера.

– Что-нибудь не так?

– Извините, но будет лучше, если в конце смайлик.

– Да, конечно.

Девушка быстро дорисовывает улыбающийся кружочек. Затем убирает фломастер, обеими руками протягивает фотографию и кланяется.

– Огромное спасибо! – благодарит Кейс.

– Пожалуйста. – Девушка снова кланяется.

Проходя мимо бамбуковой рощи, Кейс косится на свое отражение в зеркальной панели, поправляет прическу и достает мобильный телефон.

– Але, Дженнифер? Это Кейс. Мне надо подстричься.

– Когда вам удобнее?

– Прямо сейчас.

– Есть чем писать?

Двадцать минут спустя, в районе Шибуи, в полутемном зале на пятнадцатом этаже цилиндрического здания, напоминающего музыкальный автомат, ей делают массаж с горячими камнями, которого она не заказывала. Никто из персонала не говорит по-английски, и Кейс решила просто подчиниться и плыть по течению в надежде, что в конце концов ее все же подстригут.

Так и происходит – причем процедура длится без малого четыре часа, в окружении неземной роскоши, и включает в себя маску из водорослей, очистку лица, бессчетные и разнообразные выщипывания, маникюр, педикюр, удаление волос на ногах при помощи горячего воска и эпиляцию зоны бикини (последнего чудом удается избежать).

Кейс пытается расплатиться картой «Синего муравья», но девушки из персонала начинают хихикать и махать руками. Она настаивает, и тогда кто-то из них показывает на членистоногую эмблемку в уголке карты. Либо у «Синего муравья» здесь абонемент, либо это их собственный салон для подготовки фотомоделей.

Выйдя наружу, на улицы Шибуи, залитые ярким солнечным светом, Кейс чувствует легкость и некоторое отупение, как будто вместе с волосками и кожными чешуйками она лишилась какой-то части мозгов. В обычной жизни она за месяц не использует столько макияжа, столько эти профессионалы с дзен-буддистским спокойствием нанесли ей на лицо. Причем косметика дорогая, японский эквивалент фирмы «Эния».

У первой же зеркальной плоскости она останавливается и осматривает результат. Постригли ее, конечно, замечательно. Парадоксальная смесь лоска и спутанности. Прическа в духе аниме, с высоким разрешением.

Однако в остальном имидж не работает. Стандартный ПК сильно не дотягивает до сенсэйского уровня косметической презентации.

Кейс открывает и закрывает рот, боясь облизать губы. Правда, в сумке есть подаренная сенсэями аварийная косметичка, которая стоит, наверное, не меньше лежащего рядом с ней лэптопа. Но своими руками Кейс ни за что не воспроизвести такую красоту.

А ведь наверняка где-нибудь рядом находится один из нашпигованных бутиками филиалов «Парко», по сравнению с которым торговый центр «Фред Сигал» на Мелроуз тушуется и бледнеет, словно какой-нибудь оптовый магазин дешевой одежды в глухой Монтане.

Примерно через час Кейс выходит из «Парко». На ней

заклеенный изолентой «Баз Риксон», черная вязаная юбка, черный свитер, черные колготки «Фогал», которые, наверное, стоят половину ее месячной платы за квартиру в Нью-Йорке, и черные французские замшевые ботинки в стиле неявного ретро, которые с лихвой потянут на другую половину. Элементы старого ПК уложены в фирменный пакет «Парко», а лэптоп перекочевал в эргономичную вогнутую сумку цвета графита. Наплечный ремень по диагонали пересекает грудь, помогая свитеру подчеркнуть то, что нужно.

Последнюю точку в переходе на новую версию ПК поставили швейные ножницы, купленные в галантерейном отделе филиала «Муджи» на восьмом этаже; споротые этикетки остались там же, в урне – кроме ярлычка на сумке с нейтральной надписью «багажное изделие».

За все это великолепие заплачено кредитной картой Бигенда. В своих ощущениях по этому поводу Кейс еще успеет разобраться.

Прямо через дорогу – двухэтажная кофейня, точный клон «Старбакса». Каждый посетитель курит, как паровоз. Купив стакан охлажденного чая, в придачу к которому дают пакетики лимонного сока и жидкого сахара (почему в Америке до этого не додумались?), Кейс поднимается на второй этаж, где не так накурено.

Свободное место у окна, за длинной стойкой из светлого дерева в скандинавском стиле. Отсюда виден центральный вход в «Парко». Кейс раскладывает перед собой лэптоп, телефон и буклеты. Она не из тех, кто принципиально не читает инструкции. Если надо, можно и почитать. Через десять минут, разобравшись с сотовым модемом, она открывает в браузере Ф:Ф:Ф и добавляет лимонный сок в стакан с чаем. Посмотрим, что говорят братья фрагментщики. Сейчас, когда первые впечатления от номера 135 улеглись, когда каждый успел его неоднократно посмотреть и обдумать, высказывания становятся более личными и глубокими.

Кейс смотрит на улицу. Редкие автомобили необычного вида оживляют ровный поток японских машин, привычных американскому взгляду. Здесь машины выглядят чище, чем дома. В потоке вдруг мелькает мотороллер ярко-серебристого цвета, с седоком в зеркальном шлеме и в американской армейской куртке образца 1951 года. На спине седока горит эмблема военно-воздушных сил Великобритании: сине-бело-красный кружок, похожий на мишень. Память тут же прокручивает запись недавней прогулки мимо витрин бутиков в лондонском Сохо, когда она спешила на первую встречу с «Синим муравьем».

Этим Кейс всегда отличалась: умением выхватить из потока

впечатлений какую-нибудь деталь – такую, как этот заблудившийся символ, британская армейская эмблема, сначала адаптированная агрессивными послевоенными модельерами Запада, а потом перенесенная в чужеродный азиатский контекст на волне кросс-культурного эха. Но парень на мотороллере в чем-то прав: армейская куртка 51-го года – не самое плохое место для этой эмблемы.

Кейс проверяет почту. Письмо от Капюшончика.

Приветствую, о госпожа Муджи!

Кейс поначалу пугается – ведь она только что оттуда. Потом вспоминает, что уже рассказывала Капюшончику про аллергию на определенные торговые знаки и про симпатию к фирме «Муджи», которая не перегружает товары изображениями фирменных эмблем.

Где ты сейчас находишься? Насколько я могу понять, Таки работает в Шинджуки. Он может встретиться с тобой в Роппонджи сегодня вечером. Я ему сказал, что у тебя для него передачка от Кейко, с дарственной надписью. По легенде, ты преподаешь в университете, но Кейко на твоем потоке не учится. Вы познакомились недавно, и ты сейчас помогаешь ей с английским. И конечно, вы обе увлекаетесь фрагментами. Кейко туманно намекнула ему, что этот номер, который ты должна получить, каким-то образом поможет ей в учебе. Таки знает, что ты не говоришь по-японски, однако утверждает, что его английского должно хватить для такого рода свидания... Уф! (Это я так вздыхаю.) Нелегкая работа – быть Кейко. Похоже, нам с Деррилом удалось его убедить, и он расколется на номер, если захочет продолжения романа. Надеюсь, ты сумеешь втиснуть эту встречу в свой рабочий график. Не выключай мобильник. Я тебе позвоню, когда определится точное время и место. И проверяй имэйл: я переброшу тебе схему улиц, которую Кейко должна получить от Таки.

Кейс собирается, упаковывает лэптоп и мобильный телефон. От сигаретного дыма першит в горле. Она оглядывает помещение. Все мужчины дружно опускают головы или отводят взгляды: на нее явно глазели. Сделав последний глоток, она слезает со стула, забрасывает на плечо багажное изделие и направляется к выходу, помахивая фирменным пакетом «Парко».

Отсутствие души сказывается на восприятии времени – оно то бежит, то замедляется, причем непредсказуемо. Например, время, потраченное в салоне мозга красоты на превращение в милашку Фанни, вместе с последовавшим за этим визитом в «Парко», воспринимается адекватно, как совокупные пять часов. Но все, что было потом, включая беспорядочные перемещения по городу, на такси и пешком, пока она не оказалась в огромном магазине игрушек перед секцией «Хелло Китти», – все скомкалось в маленький серый шар под названием «японские впечатления».

Отрешенно глядя на висящие повсюду образчики местного рекламного искусства, Кейс в который раз удивляется: почему уродливые регалии японских франчайзов типа «Хелло Китти» не вызывают приступов паники? Почему не надо задействовать утку в лицо?

Ответа на вопрос нет, но факт остается фактом: здешние раздражители не действуют, включая даже пресловутого «Когепана», дебильного гомункула, чье имя по-японски означает, если она не ошибается, «подгоревший тост». Эта фирма так и не сумела освоить глобальные рынки. Товары с маркой «Когепан» разложены по внешнему периметру, вокруг товаров «Хелло Китти». Сумочки, магниты для холодильника, ручки, зажигалки, расчески, часы, декоративные фигурки. А вокруг них расположилась продукция еще одного франчайза, символом которого служит унылая бескостная панда с кривобокими детенышами. Ни один из этих чистейших примеров бессмысленного маркетинга не вызывает болезненной реакции.

Откуда-то доносится странный неприятный звук, пробивающийся даже сквозь завесу электронного гула над детским магазином, и в конце концов Кейс осознает, что звонит ее телефон.

– Алле?

– Кейс? Это Капюшончик. – Голос звучит совсем не так, как «звучат» его электронные письма, если можно так выразиться. Старше, что ли? Трудно объяснить.

– Привет! Как ты там?

– Нормально, еще не сплю.

– А сколько у вас времени?

– Ты хочешь спросить, какое число? – уточняет он. – Знаешь, не хочу даже произносить вслух. Еще разрыдаюсь. Ну короче, не важно. Главное – дело на мази! Объект назначил встречу в баре в Роппонджи… да, похоже, это все-таки бар. Он говорит, английского названия там нет, только красные фонари на входе.

– Красноречиво.

– Короче, этот тип уже достал своими объяснениями! Такое чувство, что я сам там живу. Свихнуться можно! Знаешь, мы с Деррилом как операторы марсохода: страдаем от виртуальной временной разницы. Во-первых, токийское время, во-вторых, мы сидим в разных часовых поясах. И при этом еще пытаемся не вылететь с работы. Короче, Таки послал Кейко карту района. А я ее послал тебе. Ваша встреча назначена на шесть тридцать.

– Как я его узнаю?

– Насколько я понял, он отнюдь не Рюичи Сакамото[18]. Но помни: Кейко так не считает! Она практически заявила открытым текстом, что готова раскинуть ноги и отдать свое сокровище сразу, как только вернется в Токио.

Кейс морщится, как от боли: нравственный аспект этой миссии ей очень неприятен.

– Но он пообещал, что скажет номер?

– Вроде бы. Если не скажет, не отдавай ему фотографию.

– Ты ему… она ему так и сказала? – Такой шантаж нравится ей еще меньше.

– Да нет, конечно. Никаких ультиматумов. Фотография – просто залог любви и верности. Чтобы ему было чем вдохновляться по ночам, пока не прибудет живое сокровище. Только сначала номер! Иначе никаких фотографий. Дай ему это понять.

– Каким образом?

– Не знаю. Действуй по обстоятельствам.

– Угу, спасибо.

– Ну слушай, ты ведь хочешь узнать, откуда берутся фрагменты!

– Какой ты… беспощадный.

– Такой же, как и ты. Поэтому мы и дружим. Вот смотри, у меня тут есть здоровенный пакет, кофейные зерна в шоколаде. Я сейчас сяду, открою и буду грызть, и с места не сдвинусь, пока ты не позвонишь.

Он вешает трубку.

Кейс оглядывается по сторонам. Все уроды, как один, таращатся на нее: и «Хелло Китти», и «Когепан», и бескостная панда.

17
Поднять переполох

Выйти из такси у гостиницы «Ана». Спуститься по Роппонджи-дори, в тени многополосной эстакады, которая выглядит, как старейшее сооружение в городе.

Кто-то рассказывал, что Тарковский снимал здесь некоторые сцены «Соляриса». Эстакада служила декорацией, создававшей атмосферу города будущего. Но полвека бесперебойной службы и агрессивной выхлопной химии расшатали ее, выщербили бетон по краям, превратили в серый коралловый риф, годный разве что на декорацию к «Бегущему по лезвию бритвы». Сумерки сгущаются стремительно, и сразу становятся заметны следы присутствия бездомных: замотанные целлофаном одеяла мелькают сквозь жидкую стену замусоренных муниципальных кустов. Над головой с грохотом проносятся машины, заставляя вибрировать воздушную прослойку под эстакадой, перемешивая висящую в воздухе невидимую пыль.

Кейс припоминает, что Роппонджи – не самая хорошая часть города. Своеобразная внутренняя зона, пограничный район, эпицентр кросс-культурной секс-индустрии времен экономического бума. Они с друзьями пару раз приходили сюда повеселиться – здешние бары пользовались популярностью. Сейчас все наверняка пришло в упадок. А растворенный в воздухе привкус враждебности, которым это место всегда выделялось, сделался еще острее.

Ручка пластикового пакета врезается в ладонь; Кейс приостанавливается. Этот пакет она носит по городу уже несколько часов. Совершенно ни к чему тащить его с собой на встречу. Внутри нет ничего ценного: не лучшая в ее гардеробе юбка, колготки, севшая черная футболка. Кейс ставит пакет на землю и ногой заталкивает его в проем между кустами, которые похожи на деревья бонсай из-за падающей на них тени эстакады.

Поднявшись на пригорок, она одновременно пересекает границу вечера и границу настоящего Роппонджи. Пора свериться с картой-салфеткой, срисованной с экрана лэптопа. Капюшончик переслал ей схему улиц, где место встречи помечено жирным крестом: в маленьком переулке, параллельном главной магистрали района. Кейс знает такие места, они могут быть либо вылизанными, либо загаженными, в зависимости от расположенных там заведений.

Переулок оказывается загаженным. Кейс выходит на него

после двадцати минут блужданий с салфеточной картой в руке, миновав по пути знакомый бар для экспатриантов под названием «Генри Африка».

А вот и нужное место. Кейс для разведки проходит мимо: действительно, безымянный закуток, явно не для туристов, и красный фонарь на входе. Здешний аналог западного низкопошибного бара. Такие заведения существуют в стороне от оживленных улиц, на первых этажах старых зданий. Интерьер практически лишен украшений. Ей вспоминается одна сугубо функциональная питейная в Южном Манхэттене, которая сейчас дышит на ладан, потому что энергетические каналы города сместились на север – сначала из-за «диснеификации» центра, а потом и из-за более серьезных потрясений.

На входной двери висит выцветшая занавеска, сквозь которую видна непривычно низкая стойка бара, а перед ней шеренга столь же низких хромированных стульчиков с круглыми сиденьями, обитыми красной кожей. Обивка местами протерта и заклеена отстающей изолентой, как ее куртка.

Глубоко вздохнув и расправив плечи, Кейс отодвигает занавеску и погружается в древний, слоистый и даже отчасти приятный аромат жареных сардин, пива и сигарет.

Узнать Таки не составляет труда: он здесь единственный посетитель. Увидев ее, он суетливо вскакивает и кланяется с пунцовым от смущения лицом.

– Вы, наверное, Таки? Здравствуйте! Меня зовут Кейс Поллард, я калифорнийская подруга Кейко.

Его глаза старательно моргают за припорошенными перхотью очками. Он переминается и подпрыгивает, словно не зная, сидеть ему или стоять. Кейс придвигает стул, вешает на спинку сумку, потом куртку. Потом садится сама.

Таки присаживается рядом. Перед ним на стойке открытая бутылка пива. Он продолжает молча моргать.

Перед тем как срисовать карту на салфетку, Кейс открыла старое письмо Капюшончика и перечитала описание Таки.

> Этот Таки, как он попросил себя величать, вхож в одну из отаку-тусовок с претенциозным названием «Мистика», хотя ее членам запрещено упоминать это имя всуе. Таки утверждает, что хакеры секты сумели обнаружить водяной знак на № 78. Знак, говорит Таки, представляет собой некий номер, который ему каким-то образом удалось узнать.

Существо, сидящее рядом с ней, можно классифицировать как идеальный образчик ярко выраженного японского ботаника.

Такие парни могут наизусть цитировать технические характеристики какой-нибудь советской баллистической ракеты, а стены их квартир выложены нераспечатанными коробками с моделями самолетов.

Похоже, он умеет дышать только ртом.

Кейс подзывает бармена, показывает на рекламный плакат пива «Асахи лайт» и утвердительно кивает.

– Кейко много о вас рассказывала, – начинает она, пытаясь войти в роль; беспокойство Таки при этом заметно усиливается. – Она, правда, не сказала, кем вы работаете.

Он молчит, как рыба.

Утверждение Капюшончика, что английского Таки хватит для поддержания легкой беседы, судя по всему, безосновательно.

Она тоже хороша: сидит в этом баре, облетев половину земного шара, и пытается обменять кустарную порнографию на какой-то непонятный номер.

Ее собеседник продолжает шумно дышать через рот, и больше всего на свете ей хочется оказаться сейчас где-нибудь далеко, в другом месте. Где угодно, только не здесь.

На вид ему лет двадцать пять. Лишний вес, волосы торчат в разные стороны, дешевые очки в железной оправе. Синяя рубашка и бесцветная куртка в шашечку. Вся одежда какая-то жеваная, словно ее постирали, но не погладили.

Капюшончик прав. Этот тип далеко не самый симпатичный из парней, с которыми она недавно пила пиво. А кто же тогда самый? Получается, что Бигенд. Она невольно морщится.

– Вы… как? Работает? – выдавливает Таки. Надо полагать, в ответ на ее гримасу.

– Да, кем вы работаете?

Бармен приносит пиво, ставит на стойку.

– Игра, – с натугой произносит Таки. – Я пишу игра. Для мобильный телефон.

Кейс улыбается, надеясь, что эта улыбка обнадеживающая, и отпивает «Асахи лайт». С каждой минутой ей становится все более стыдно. У Таки, фамилию которого она, судя по всему, так никогда и не узнает, под мышками расплываются темные круги нервного пота. Губы его влажны, и при быстром разговоре он, наверное, брызгает слюной. Такое впечатление, что если ситуация напряжется хотя бы еще на одно деление, бедолага просто скрючится и умрет.

Кейс уже жалеет, что преобразилась в милашку Фанни и напялила всю эту крутую одежду. Получается, что она вырядилась специально для встречи. Но кто же мог знать, что придется иметь дело со столь ярким случаем социальной

неприспособленности? Если бы она выглядела чуть попроще, он бы, наверное, немного расслабился. А может, и нет.

– Очень интересно, – лжет она. – Кейко рассказывала, что вы много знаете о компьютерах и всех этих вещах.

Теперь его очередь морщиться – как от удара в живот. Он одним махом допивает остатки пива и с натугой повторяет:

– Всех вещах… Кейко… Рассказывал?

– Да-да. Вы слышали о фрагментах?

– Да, сетевое кино.

Он выглядит совсем плохо. Тяжелые очки неумолимо соскальзывают по блестящему от пота носу. Кейс едва удерживается, чтобы не поправить их пальцем.

– Вы… Знаете Кейко? – выдавливает он наконец, мучительно гримасничая.

Ей хочется аплодировать.

– Да, конечно! Кейко очень славная! Она просила меня вам кое-что передать.

Кейс вдруг нестерпимо остро ощущает пустоту на месте заплутавшей души; это уже не волна, а схлопывание вселенной. Перед глазами пролетает видение: она перелезает через стойку, ползет мимо рябого круглолицего бармена, за стеллажи с бутылками, и там, в темноте, ложится на пол и проваливается в многомесячную спячку.

Таки лезет в боковой карман и достает измятую пачку «Кастер». Протягивает ей сигарету.

– Спасибо, я не курю.

– Кейко… передать? – Он втыкает сигарету в рот и оставляет ее там, незажженную.

– Да, передать вам фотографию. – Она рада, что не видит собственной улыбки. Должно быть, отвратительное зрелище.

– Давать мне… фотографию Кейко! – Он возвращает в рот сигарету, выхваченную во время этой реплики. Сигарета прыгает между губами.

– Таки, Кейко сказала мне, что вы кое-что обнаружили. Какой-то номер. Он спрятан в одном из фрагментов. Это правда?

Его глаза сужаются – уже не смущенно, а даже, пожалуй, с подозрением.

– Вы увлекаетесь фрагменты… как фанат?

– Да.

– Кейко любит фрагменты?

Кейс приходится импровизировать: она уже не помнит, что Капюшончик с Деррилом ему наплели по этому поводу.

– Кейко очень милый человек. Она очень хорошо ко мне относится, согласилась помочь с моим хобби.

– Вам Кейко нравится очень-очень?

– Да, конечно! – Она кивает и улыбается.

– Вам нравится… Зеленоглазая Энн[19]?

Кейс открывает рот и замирает, не зная, что сказать.

– Моей сестра нравится Зеленоглазая Энн, – говорит он. – Но Кейко… Кейко не знает Зеленоглазая Энн.

Незажженная сигарета перестает прыгать; узкие глазки за присыпанными перхотью стеклами словно бы что-то подсчитывают. Может, Капюшончик и Мусаши прокололись, пытаясь создать достоверный образ японской девушки? Может, настоящая Кейко просто обязана знать, кто такая Зеленоглазая Энн? Кейс ничем не может помочь: все, что она могла когда-либо слышать о культе Зеленоглазой Энн в Японии, надежно заблокировано синапсическим туманом.

И тут Таки улыбается – впервые за весь разговор – и вынимает сигарету изо рта.

– Кейко современный девушка, – говорит он, кивая. – Боди-кон.

– О да! Это точно! Очень, очень современная! – Кейс знает, что «боди-кон» здесь, в Японии, употребляется в смысле «культ тела».

Сигарета с влажным от слюны фильтром снова возвращается в рот. Таки шарит по карманам, извлекает зажигалку «Хелло Китти» и прикуривает. Это не одноразовая пластиковая чиркалка, а солидный, хромированный клон «Зиппо». У Кейс мелькает мысль, что зажигалка преследует ее от самого магазина игрушек, как агент группового сознания «Хелло Китти». В воздухе пахнет бензином. Таки убирает зажигалку в карман.

– Номер… Очень трудный.

– Кейко сказала, что гордится вами. Надо быть очень умным, чтобы обнаружить номер.

Таки кивает. Наверное, ему приятно. Затянувшись, он стряхивает пепел в пепельницу с эмблемкой «Асахи». Сбоку над стойкой бара, на границе периферийного зрения, висит маленький телевизор, сделанный из прозрачного пластика и напоминающий по форме шлем для американского футбола. На шестидюймовом экране мелькают беззвучные картинки: кричащее лицо, обтянутое резиновой пленкой; запись падающей южной башни Торгового центра; четыре зеленые дыни идеально круглой формы, скатывающиеся по белой плоскости.

– Кейко сказала, что вы дадите мне этот номер. – Кейс снова вымучивает неестественную улыбку. – Она говорит, вы очень добрый.

Лицо Таки темнеет. Кейс хочет надеяться, что это не ярость, а

признак смущения, или результат отсутствия у японцев фермента, перерабатывающего алкоголь. Внезапно он лезет в карман, выхватывает мини-компьютер и направляет ей в лицо инфракрасный порт.

Он хочет переслать ей номер!

– У меня нечем принять. – Она разводит руками.

Таки хмурится и достает плоскую старомодную ручку. Кейс с готовностью придвигает ему салфетку, на которой нарисована карта Роппонджи. Покопавшись в мини-компьютере, он находит номер и начинает писать на уголке салфетки. Кейс следит, как на бумаге возникают расплывающиеся цифры – три группы по четыре. 8304 6805 2235. Как номер на квитанции почтовой службы «Федекс».

Она забирает салфетку. Таки прячет ручку в карман.

Кейс шарит в багажном изделии, которое она заранее расстегнула, и отдает ему конверт с фотографией.

– Кейко просила передать вам это.

Таки начинает возиться с конвертом, его руки дрожат. Того и гляди, ненароком разорвет. Наконец фотография появляется на свет. Таки смотрит на нее не отрываясь. Его глаза наполняются слезами.

Это уж слишком.

– Извините, Таки. – Кейс наугад указывает в направлении предполагаемого туалета. – Я сейчас вернусь.

Она сжимает в кулаке салфетку и встает, оставив куртку и сумку на спинке стула. Бармен знаками показывает, куда идти. Узенький коридор заканчивается, наверное, самым мерзким из всех виденных японских туалетов: бетонная ступенька с дырой, как в старые времена. Нестерпимо воняет смесью дезинфицирующего средства и мочи. Но по крайней мере здесь можно хоть на время укрыться от Таки.

Кейс делает глубокий вздох – и тут же жалеет об этом. В руке салфетка с номером. Чернила расплылись на волокнистой бумаге, цифры уже едва различимы. На электросушилке кто-то оставил шариковую ручку; Кейс берет ее. На пыльной металлической поверхности остается блестящий след. Для пробы она проводит тонкую синюю линию на желтой девственно-чистой стене.

Переписав цифры на левую ладонь, она кладет ручку обратно. Смятая салфетка исчезает в черном отверстии. После некоторого колебания. Кейс присаживается над дыркой – раз уж она здесь. Конечно, ей не первый раз приходится пользоваться таким туалетом. Но хочется верить, что последний.

Вернувшись, она обнаруживает, что Таки нет. На стойке лежат две смятые купюры – рядом с бутылкой, недопитым

стаканом и обрывками конверта. Она смотрит на бармена, который, кажется, не замечает ее присутствия.

На экране телевизора жукообразные супергерои на обтекаемых мотоциклах несутся по нарисованному городу.

– Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов, – говорит Кейс бармену, надевая куртку и цепляя сумку на плечо.

Бармен угрюмо кивает.

Снаружи никаких следов Таки. Как и следовало ожидать. Она смотрит по сторонам, прикидывая, где лучше поймать такси до гостиницы.

– Вы не знаете, какой это бар?

Кейс поворачивается и видит гладкое, загорелое европейское лицо, очень неприятное. Она опускает глаза: блестящий нейлон, черная кожа, туфли с омерзительными квадратными носами. Клон «Прады».

Сзади ее кто-то обхватывает – поверх локтей, так что нельзя пошевелить руками.

Что-то сейчас случится, думает она. Что-то случится…

Когда Кейс переехала в жить в Нью-Йорк, отец настоял, чтобы она взяла несколько уроков самообороны у пухлого ироничного шотландца по имени Банни. Кейс пыталась возражать, что Нью-Йорк уже давно перестал быть тем рассадником бандитизма, каким его помнит Уин. И действительно, уровень преступности значительно снизился. Но отец не отставал; в конце концов она решила, что легче взять эти шесть уроков, чем спорить.

По словам отца, Банни раньше служил в британском спецназе. Однако на все расспросы ирландец отвечал, что работал врачом, так как всегда был слишком толстым для оперативных задач. Он был ровесником ее отца, предпочитал шерстяные кофты и мягкие рубашки и сразу же заявил, что научит ее драться, как дерутся в барах простые парни. Кейс важно кивнула в ответ, подумав, что если когда-нибудь на нее полезет литературная богема, околачивающаяся в баре «Белая лошадь», то ей будет чем их удивить. И вот, пока некоторые из ее друзей занимались таиландским боксом, она выучила несколько очень простых движений, пользующихся популярностью в британских тюрьмах строгого режима.

Любимым выражением Банни было «поднять переполох». Он произносил его с неизменным удовольствием, выгибая бровь песчаного цвета. За все время жизни в Манхэттене Кейс ни разу не попала в ситуацию, когда эти навыки могли бы ей пригодиться.

И вот сейчас, пока клон «Прады» теребит «липучку» на ремне,

пытаясь сорвать у нее с плеча сумку, голос Банни четко объясняет, что надо делать. Она вытягивает руки, хватается за кожаные лацканы вражеского пиджака. И резко дергает на себя. Второй налетчик, пытаясь ее удержать, невольно помогает. Ее лоб с размаху врезается в переносицу «Прады».

Во время тренировок она никогда не доводила этот прием до конца – у Банни не было в запасе лишнего носа – и поэтому совершенно не готова ни к вспышке боли, ни к нестерпимо интимному звуку ломающейся переносицы.

«Прада» оседает мертвым грузом, кожаные лацканы выскальзывают из рук. Голос Банни напоминает, что теперь надо сделать шаг назад, чтобы вывести второго противника из равновесия, а потом посмотреть вниз, найти его ногу (черный мужской ботинок с тем же безобразным квадратным носом) и изо всех сил наступить на нее каблуком. Вот так! Взрыв истошного визга над самым ухом.

А теперь вырваться и бежать.

Этим рефреном – вырваться и бежать – Банни заканчивал практически каждый урок. Кейс бежит во все лопатки, сумка с лэптопом нещадно колотит по бедру, освещенный перекресток все ближе.

На дороге вдруг вырастает серебристый мотороллер, визжат тормоза, и человек в зеркальном шлеме открывает забрало.

Это Бун Чу.

Кейс словно бы погрузилась в какую-то прозрачную жидкость – чистейший адреналиновый сон.

Бун Чу открывает рот, его губы шевелятся, однако слов не слышно. Подхватив юбку, повинуясь хрустальной логике сна, Кейс запрыгивает на заднее сиденье мотороллера. Рука Буна делает круговое движение, их резко швыряет вперед, две черные фигуры выдергиваются из кадра. В сознании остается лишь застывший образ: первый балансирует на одной ноге, помогая второму подняться.

У Кейс перед глазами прыгает эмблема британских BBC. Она обхватывает Буна руками, чтобы не упасть. Ей приходит в голову, что это он проехал сегодня под окнами «Старбакса». И вчера, на перекрестке в Кабукичо. Они стремительно несутся по узкому проходу, мимо двух рядов припаркованных машин. Полированные дверцы сверкают, как медузы в неоновом море.

Мотороллер пролетает на желтый свет и закладывает головокружительный левый поворот. Кейс едва успевает вспомнить, что на виражах надо наклоняться вместе с машиной. И вообще, она никогда не любила мотоциклов. Они мчатся по довольно фешенебельной прямой улице; мимо мелькает вывеска

бара: «Сахарные каблучки».

Бун протягивает назад голубой металлический шлем, на котором нарисованы два глаза в обрамлении языков пламени. Кейс кое-как нахлобучивает его, но не может справиться с застежкой. Шлем пахнет табаком.

Ее лоб саднит.

Чуть сбавив ход, мотороллер сворачивает налево, в узкий переулок, куда въезд машинам запрещен. Это один из токийских спальных районов – с обеих сторон мелькают фасады миниатюрных домиков вперемешку с яркими кластерами торговых автоматов. Проносится светящийся плакат: парализованная улыбка Билли Прайона, в руке бутылка «Биккли».

Она даже не знала, что мотороллеры могут ездить так быстро; наверное, это против правил.

Бун останавливается на пересечении с более широкой улицей. Он откидывает ногой подпорку и слезает, одновременно снимая шлем. Два японских паренька с холодными глазами выбрасывают сигареты. Бун передает одному из них шлем и расстегивает куртку.

Кейс слезает с мотороллера, одергивает юбку.

– Как ты здесь оказался? – спрашивает она, как будто ничего особенного не произошло.

Бун снимает у нее с головы шлем и отдает второму пареньку.

– Отдай ему куртку.

Скосив глаза, Кейс смотрит на дырку, заклеенную изолентой. Затем снимает куртку и протягивает ее парню, который поправляет на голове голубой шлем – растопыренные пальцы перекрывают изображение пылающих глаз, одной фаланги не хватает. Парень надевает «Баз Риксон», застегивает молнию и запрыгивает на мотороллер, на пассажирское место. Его напарник, одетый в куртку и шлем Буна, садится за руль. Захлопнув зеркальное забрало, он поднимает большой палец. Бун отвечает тем же жестом. Они уезжают.

– У тебя кровь на лбу, – говорит Бун.

– Это чужая, – отвечает Кейс и трогает лоб. Под пальцами скользит что-то липкое. – Наверное, у меня сотрясение. Похоже, вот-вот стошнит. Или в обморок упаду.

– Ничего страшного. Я же здесь, с тобой.

– Куда они поехали?

Фонарный столб, вокруг которого навален пестрый городской мусор, раздваивается и начинает зыбко дрожать, через секунду снова приходит в фокус.

– Назад. Посмотреть, что делают те двое.

– Они похожи на нас.

– Правильно, так и задумано.

– А если те двое их поймают?

– Ну, тогда я им не завидую. Но ты их так отделала – вряд ли захотят кого-нибудь ловить.

– Бун.

– Что?

– Что ты здесь делаешь?

– Слежу за ними. Пока они следят за тобой.

– За кем – «за ними»?

– Еще не знаю. Думаю, они итальянцы. Тебе удалось достать номер? Ты занесла его в лэптоп?

Она не отвечает.

18
Хонго

Кейс прижимает к шишке холодную банку с тоником. Почти вся пачка местных салфеток ушла на то, чтобы отмыть кровь со лба.

Такси протискивается по узкой улочке. Мимо плывут одинаковые бетонные здания с неравномерными выступами кондиционеров и мотоциклы, укрытые серыми чехлами.

Бун Чу произносит по-японски какую-то фразу – но не водителю, а в микрофон гарнитуры мобильника. Потом оглядывается назад, на дорогу, и еще что-то говорит.

– Они их нашли? – спрашивает Кейс.

– Нет.

– А куда делся Таки?

– Вышел из бара, свернул налево. Очень спешил. Это он должен был дать тебе номер?

Кейс борется с искушением посмотреть, остался ли номер на ладони. Сейчас в этой руке влажная банка. Что, если чернила расплылись?

– Когда ты здесь появился? – Она имеет в виду Японию.

– Одновременно с тобой. Я летел эконом-классом.

– Зачем?

– За нами следили. Помнишь, как мы вышли из ресторана в Камден-тауне?

Она молча смотрит на него.

– Молодой парень, брюнет, в черной куртке. Шел за нами до канала, потом наблюдал из-за шлюза, снимал на камеру. А может, это был бинокль. Потом проводил нас до метро, а когда мы разделились, пошел за мной. Я от него оторвался в галерее на Ковент-Гарден: он не успел на лифт.

Кейс вспоминает, как впервые прочитала Конан Дойла. «Знак четырех», человек на деревянной ноге.

– А потом ты стал следить за мной?

Бун снова говорит по-японски в микрофон. Затем поворачивается к ней.

– Думаю, нам пора подбить кое-какие итоги. Давай начнем сначала. Мы с тобой работаем на Бигенда. А на кого работают те, кто за нами следит? Если на кого-то другого, то...

– То что?

– Понятия не имею. Вчера я проехал мимо этой парочки, и они говорили по-итальянски. Ты в это время гуляла по веселому

району.

– О чем они говорили?

– Я не знаю итальянского.

Кейс опускает банку с тоником и спрашивает:

– Куда мы сейчас?

– Мотороллер пока что едет за нами. Они следят, чтобы не увязался кто-нибудь еще. Если хвоста нет, мы поедем на квартиру к моему другу.

– Тех двоих не нашли?

– Нет. Тот, которого ты боднула, наверное, сейчас в больнице. Приклеивает нос на место. – Бун поднимает бровь. – Это тебя на факультете маркетинга так научили?

– Нет.

– А может, это были сотрудники «Синего муравья»? Представь, ты только что сломала нос какому-нибудь ассистенту режиссера.

– В следующий раз, когда тебя станет грабить ассистент режиссера, можешь тоже сломать ему нос. Я знаю одно: итальянцы, если они работают в Токио, не станут одеваться в паленую албанскую «Праду».

Такси едет по извилистому шоссе, петляет среди перелесков и каких-то древних стен. Это императорский дворец. Кейс думает о тропинках неземной красоты, которые она представляла, глядя из окна гостиницы. Обернувшись, чтобы посмотреть на мотороллер, она морщится от боли в шее: растянута какая-то мышца. Стены и перелески живописны и бесстрастны. Хранят свою тайну.

– Они хотели отнять у тебя сумку? В которой лэптоп «Синего муравья»?

– Там еще кошелек, телефон...

Телефон в сумке, словно услышав свое имя, тут же начинает звонить. Кейс нашаривает его и отвечает:

– Алле?

– Капюшончик на проводе. Помнишь такого?

– Слушай, тут возникли проблемы.

– Ну что ж. – Она слышит, как он вздыхает там, у себя в Чикаго. – Я все равно разучился спать.

– Короче, мы с ним встретились, – сообщает она.

Может ли Бун слышать, что говорит Капюшончик? Гуляя по городу, она увеличила громкость до предела, чтобы не мешал уличный шум, и теперь об этом жалеет.

– Да уж знаю. Он даже до дома не смог дотерпеть. Зашел в ближайшее интернет-кафе и начал изливать Кейко свою любовь.

– Слушай, нам обязательно надо поговорить, но только не

сейчас. Извини!

– Понимаю. Он сказал, что отдал тебе номер, и я просто волновался. Напиши мне! – Капюшончик вешает трубку.

– Твой друг? – Бун Чу берет у нее банку с тоником и отпивает глоток.

– Да, фрагментщик из Чикаго. Они с приятелем нашли Таки.

– Так ты достала номер?

Теперь уже некуда деваться. Сейчас она должна либо соврать, потому что Буну доверять нельзя, либо сказать правду, потому что она ему все же доверяет.

Протянув руку, Кейс показывает ладонь с написанным синими чернилами номером.

– Ты не вводила его в компьютер, не отсылала по имэйлу?

– Нет.

– Хорошо.

– Почему?

– Потому что мне надо посмотреть твой лэптоп.

Бун просит водителя остановиться. Этот район, говорит он, называется Хонго; здесь поблизости находится Токийский университет. Они расплачиваются, выходят из машины. Такси уезжает. Тут же подруливает серебристый мотороллер.

– Могу я забрать свою куртку?

Бун обращается по-японски к заднему парню. Тот расстегивает куртку и протягивает ее Кейс, не слезая с мотороллера. Лицо под огненноглазым шлемом разъезжается в неприятной улыбочке. Бун достает из сумки на поясе белый конверт, отдает водителю. Тот кивает, прячет его во внутренний карман куртки и дает газ. Мотороллер рычит мотором и уезжает.

«Баз Риксон» едва заметно пахнет тигровым бальзамом. Кейс бросает банку из-под тоника в эргономичную урну и следует за Буном, трогая пульсирующий лоб.

Минуту спустя она в изумлении останавливается перед трехэтажной дощатой структурой, которая словно бы парит над узкой улицей и выглядит настолько зыбкой и старой, что, кажется, вот-вот развалится. Слово «дощатая» не совсем точно; скорее, это похоже на рейки гигантских жалюзи. Кейс еще никогда не видела в Токио ничего более древнего, тем более в таком буднично неухоженном состоянии.

Потрепанные коричневые пальмы косо торчат по обеим сторонам входной двери, украшенной сверху традиционным японским козырьком, а чуть в глубине дополняют картину две гипсовые колонны, подпирающие пустоту. Верхушка одной из них как будто обглодана гигантским червем. Кейс оглядывается на

Буна.

– Что это за место?

– Довоенный жилой дом. Они почти все сгорели во время войны, от зажигательных бомб. Здесь семьдесят квартир. Общие туалеты в коридоре, общественная баня за углом.

В балкончики вмонтированы кронштейны, очевидно, для проветривания постелей. Кейс и Бун заходят внутрь, минуют густые металлические заросли велосипедов, взбираются на три широкие бетонные ступени и попадают в небольшое фойе, которое выстелено блестящим бирюзовым линолеумом. В воздухе висят незнакомые кухонные запахи.

Они поднимаются на второй этаж по сумрачной деревянной лестнице. Коридор здесь настолько узкий, что приходится идти гуськом. На потолке пульсирует одинокая неоновая трубка. Бун останавливается, звенят ключи. Он открывает дверь, щелкает выключателем и отступает, пропуская Кейс вперед. Она заходит в квартиру и тотчас же вспоминает отца: как тот объяснял дежавю с точки зрения неврологии.

Помещение тускло освещено большими стеклянными лампами, внутри которых тлеют оранжевые нити. Лампочки Эдисона. Необычный и в то же время смутно знакомый свет – непрактичный и волшебный. Мебель внутри приземистая и потрепанная, как само здание, и это создает странное ощущение уюта.

Бун заходит следом и запирает замок. Входная дверь выкрашена белым; неброская, современная. Кейс замечает на столе открытый красно-коричневый чемоданчик Буна. Рядом разложены телефоны и лэптоп с поднятой крышкой.

– Чья это квартира?

– Моей подруги Марисы. Она модельер, работает с тканями. Сейчас в Мадриде.

Он проходит на загроможденную кухню и включает другую лампу, гораздо более яркую и белую. На столике стоит розовая рисоварка «Санио», а рядом какой-то белый пластиковый агрегат, из которого выходит прозрачная трубка. Посудомоечная машина?

– Я поставлю чай, – говорит Бун, наливая воду в чайник.

Кейс подходит к подъемному бумажному окну с матовыми стеклянными вкладышами. Сквозь полупрозрачное стекло видны покатые крыши соседних зданий, местами поросшие какой-то зеленью, которую она вначале принимает за мох, но потом догадывается, что это нечто похожее на кудзу[20], почти как на ферме Уина в Теннесси. Скорее всего это и есть настоящее кудзу – ведь здесь его родина.

Крыши забраны гофрированным железом; свет соседних окон

выхватывает квадраты коричневой бугристой ржавчины. Большое темное насекомое пересекает световой поток в стробоскопическом полете.

– Удивительное место, – говорит Кейс.

– Таких осталось очень мало. – Бун гремит банками в поисках чая.

Она приоткрывает окно. Сзади доносится свист закипевшего чайника.

– Ты знаешь Доротею Бенедитти?

– Нет, – отвечает он.

– Она работает в фирме «Хайнц и Пфафф». Графика, рекламный дизайн. Ведет все проекты, связанные с «Синим муравьем». Я думаю, она наняла каких-то людей, чтобы обыскать квартиру Дэмиена. И они что-то нахимичили с компьютером.

– Откуда ты знаешь?

Кейс подходит к широкой нише в стене. Должно быть, раньше здесь хранилось постельное белье. Сейчас ниша приспособлена под платяной шкаф, на западный образец. На деревянной перекладине висят плечики с женской одеждой. Ей вдруг становится неловко; будь у шкафа дверь, она бы ее прикрыла.

– Они позвонили из квартиры, с домашнего телефона. Я нажала повторный набор и попала на ее автоответчик...

Кейс рассказывает ему всю историю: Доротея, прожженная куртка, азиатские шлюхи. Они сидят на татами, скрестив ноги, и пьют зеленый чай из керамического чайника. Яркий кухонный светильник выключен. Выслушав ее рассказ, Бун задумчиво говорит:

– Значит, наши итальянцы могут и не иметь отношения к Бигенду. Или к фрагментам. Ведь в квартиру они вломились еще до этого.

– Я бы не стала говорить – «вломились». Ничего же не сломано. Я вообще не знаю, как они проникли внутрь.

– Открыли замок пистолетом-отмычкой, если это профессионалы. Ты бы вообще ничего не заметила, если бы они не трогали телефон и компьютер. Кстати, это совсем не профессионально. Ну ладно, оставим это на их совести. Значит, Бигенд говорит, что Доротея в Париже занималась промышленным шпионажем?

– Да. Но по его теории, она на меня взъелась из-за места в «Синем муравье». Решила, что мне собираются предложить должность, на которую она сама метила. Директор лондонского филиала.

– А ты ему не рассказывала про куртку, про квартиру?

– Нет.

– Интересно. А эти парни говорили по-итальянски. Может, они местные, а может, их послали вслед за нами. На нашем рейсе их точно не было. А здесь я их засек в первый же день. Поездил за ними, пока они следили за тобой. Трудно сказать, как хорошо они знают город. У них была машина с японским водителем.

Кейс вглядывается в его лицо, освещенное красноватым светом лампочек Эдисона.

– Доротея про меня кое-что знает. Очень интимную вещь, что-то вроде фобии. Об этом известно только моим родителям, психиатру, еще нескольким друзьям.

– Ты мне расскажешь?

– У меня аллергия. На определенные торговые знаки.

– Торговые знаки?

– Да, еще с детства. Это обратная сторона медали. Цена, которую я плачу за способность предсказывать реакцию рынка на ту или иную эмблему. – Кейс с раздражением чувствует, что ее лицо краснеет.

– Можешь привести пример?

– Мишлен. Есть и другие. Некоторые появились совсем недавно... Вообще, мне неприятно об этом говорить.

– Я понимаю. – Бун кивает. – Спасибо, что рассказала. И ты думаешь, Доротея об этом знает?

– Да, я уверена.

Она рассказывает ему о второй встрече, о нарисованном Бибендаме и о кукле, подвешенной к дверной ручке.

Он хмурится, молчит, подливает себе чая. Потом произносит:

– Я думаю, ты права.

– В каком смысле?

– Ну смотри: она о тебе знает что-то очень личное, чего просто так не узнаешь. А она узнала. Значит, кто-то вложился в это дело, затратил ресурсы на сбор информации. Она показала тебе картинку. И подвесила куклу на дверь. Ну, или кто-то подвесил, по ее приказу. Получается, тебя хотели прогнать, заставить вернуться домой. Но ты не вернулась. А тут появился я, мы прилетели в Японию, и... В общем, полагаю, эти двое работают на нее.

– С какой целью?

– Ну, этого мы уже не узнаем. Разве что поймаем их и заставим все рассказать. Но где их найдешь? Да и вряд ли они что-то знают. Интересно, на кого работает сама Доротея... Можно я взгляну на твой лэптоп?

Кейс дотягивается до сумки, открывает ее, вынимает «Айбук» и протягивает Буну. Он кладет его на стол рядом со своим компьютером, достает из чемодана скрученный кабель.

– Не обращай внимания. Я могу и говорить, и одновременно делать...

– Делать что?

– Хочу посмотреть, не стоит ли у тебя жучок, который перехватывает нажатия клавиш.

– Ты сможешь его найти?

– Ну, в наши дни ни в чем нельзя быть уверенным. – Бун соединяет кабелем оба компьютера, потом вставляет в свой лэптоп лазерный диск. – После прошлого сентября многие концепции безопасности пришлось пересмотреть. Если бы ФБР посадило в твой компьютер какого-нибудь стандартного жучка, я бы, наверное, смог его отловить. Если нестандартного – совсем другая история. А ведь есть еще другие, кроме ФБР.

– При чем здесь ФБР?

– Это я так, для примера. Сейчас такое время, самые разные люди делают самые разные вещи. Причем не только американцы. И не только государственные службы. И это проявляется во всем. – Он стрекочет пальцами по клавиатуре, смотрит на экран.

– Чья это квартира?

– Марисы, я уже говорил.

– А кто такая Мариса?

Бун поднимает голову, смотрит на нее.

– Моя бывшая подружка.

Кейс так сразу и подумала. И почему-то это было неприятное чувство. Хотя какое ей дело?

– Теперь мы просто друзья, – добавляет Бун и склоняется над компьютером.

Кейс поднимает вверх левую ладонь, показывая написанный на ней номер.

– А что будем делать с этим?

Он поднимает глаза от экрана, замечает ее руку, улыбается с облегчением.

– А, с этим! Ну, сначала я найду фирму, которая поставила водяной знак. Если это фирма. Потом попытаюсь что-нибудь из них выжать. Если они помечают каждый клип – значит, должен быть какой-то контракт, заказчик. А это уже шаг к автору фрагментов.

– Разве такая информация доступна?

– Нет, конечно. Но это не значит, что ее нельзя добыть.

Он возвращается к работе. Кейс прихлебывает чай и оглядывает небольшую квартиру в восемь татами[21], наполненную янтарным светом эдисоновых ламп, и мысли ее помимо воли возвращаются к женщине, которая здесь живет.

На лбу у Кейс шишка; образ милашки Фанни, должно быть,

превратился черт знает во что. Она думает, что надо встать, найти освещенное зеркало, осмотреть повреждения, – но остается сидеть.

Это не усталость: она не хочет спать, не чувствует временной разницы. И эффект зазеркалья ни при чем. Синдром отсутствия души, похоже, перешел в новую, более глубокую стадию, когда взвинченный уровень серотонина становится нормой.

19
Мистика

Ночной охранник в гостинице – более молодой и неприступный вариант Беата Такеши, японского актера, чьи экзистенциальные гангстерские фильмы сводили с ума двух последних парней Кейс. Угрожающе стройный, застегнутый на все пуговицы, в безупречном костюме. Он провожает Кейс сначала к лифту, потом до дверей номера.

Она солгала дежурному администратору, сказала, что забыла ключ в номере, и теперь этот суровый молодой человек подходит вместе с ней к двери, достает свой ключ – настоящий, металлический, надежно прикрепленный к поясу – и отпирает замок. Войдя внутрь, включает свет и делает приглашающий жест.

– Спасибо. Вы не могли бы подождать, пока я найду свой ключ?

На самом деле ключ лежит наготове, в кармане «Баз Риксона», но она сначала заходит в ванную, затем ищет в платяном шкафу, заглядывает за мебель – и замечает серую сумку с эмблемой «Синего муравья», стоящую у спинки кровати. Кейс опускается на колени, чтобы заглянуть под кровать, и обнаруживает, что это такая модель, под которой нет зазора. Выпрямившись, она показывает охраннику ключ: магнитную пластиковую карточку.

– Вот, нашла! Спасибо, что подождали.

Охранник кланяется, выходит и закрывает за собой дверь. Кейс запирает замок и накидывает цепочку. Потом на всякий случай придвигает к двери большое черное кресло. Усилие отдается болью в шее. Борясь с желанием упасть, свернуться калачиком и отключиться, она подходит к кровати и осматривает серую сумку. Внутри лежит новенький, аккуратно сложенный «Баз Риксон» модели «МА-1», завернутый в черную салфетку. Сегодняшнее утро было, кажется, так давно!

Кейс вновь чувствует запах «тигрового бальзама» – это пахнет старая куртка. Уложив обновку обратно в серую сумку, она снимает с плеча багажное изделие и раздевается.

В ванной светло, как в операционной. Зеркало показывает, что шишка на лбу едва заметна. То, что осталось от образа милашки Фанни, напоминает первые опыты начинающего гробовщика-ретушера. Кейс распаковывает мыло, отставляет нетронутым гостиничный шампунь (водородный показатель не

годится для гайджинских волос), предусмотрительно переписывает добытый номер в блокнот с эмблемой «Парк Хайатт» и заходит в стеклянную душевую кабинку, размером не уступающую кухне в квартире подружки Буна.

После душа Кейс чувствует себя намного чище и в то же время еще более усталой. Завернувшись в халат, она просматривает меню и останавливается на небольшой пицце и порции картофельного пюре. Успокаивающая, неяпонская еда.

Пицца оказывается на удивление вкусной, хотя вид у нее очень японский. Зато пюре просто безупречно: суперсимулякр классического западного рецепта, в стиле «Баз Риксона». Помимо этого в заказ входят две бутылки «Биккли»; доедая картошку, Кейс открывает вторую.

Перед сном надо проверить почту и позвонить Памеле Мэйнуоринг насчет обратных билетов на ближайший рейс. Да, и еще позвонить Капюшончику.

Одно новое письмо – как раз от него, с заглавием «Очарованный странник». Кликнув мышкой, она обнаруживает внутри приложенную картинку: файл WS.jpg.

> Покой нам только снится. По дороге домой нетерпеливый Таки дважды связывался с нами (вернее, с Кейко) из разных интернет-кафе. Добравшись до своего компьютера, он послал нам вот это.

Кейс открывает файл с картинкой.

Это карта. Толстая кривая буква «Т», испещренная названиями улиц и какими-то цифрами. Очертания напоминают недоеденную баранью лопатку: верхушка обглодана, левая половинка отрезана. Сама буква «Т» серая, фон бледно-голубой, контуры улиц черные, а цифры красные.

> Если раньше Таки был влюблен, то сейчас он охвачен вожделением. Или наоборот. Так или иначе, изнемогая от страсти и желания угодить, он послал Кейко сию картинку и объяснил, что это последняя находка группы «Мистика». Деррил, в жилах которого тоже течет кровь отаку, дает руку на отсечение, что Таки не член «Мистики», а просто периферийный помощник. Его наверняка используют как источник профессиональной информации, потому что он пишет игры для мобильников. Деррил говорит, что все эти группы технарей на самом высоком уровне признают только одну ценность – информацию. Он считает, что ребята из «Мистики» относятся к фрагментам не так, как

мы. Для них это всего лишь головоломка, которую еще никто не решил. Группу «Мистика», говорит Деррил, можно рассматривать как узкий круг теоретиков, специализирующихся в разных областях информатики. Эти люди объединены в отаку-группу, и информация для них превратилась в своеобразный наркотик. Возможно, они работают в исследовательском отделе какой-нибудь крупной корпорации, а наш Таки поставляет им некие полезные сведения. Но сейчас ему удалось повернуть этот информационный поток вспять, а значит, наша психосексуальная боеголовка под названием «Джуди-Кейко» попала в цель. Короче, чтобы тебе не пересчитывать, на карте ровно 135 номеров, каждый из которых состоит из трех групп по четыре цифры.

Кейс чувствует, как на затылке шевелятся волоски. Она идет в ванную и возвращается с блокнотом.

8304 6805 2235.

Положив блокнот рядом с «Айбуком», она впивается взглядом в красное облако цифр, покрывающее город «Т».

Вот этот номер. Прямо под ним улицы-ручейки искривляются и впадают в залив, образованный правым верхним углом буквы «Т». Хотя еще не факт, что это именно карта острова – настоящего или воображаемого. Может, это просто Т-образный сегмент какой-нибудь большей карты? Правда, крайние улицы – если это улицы – совпадают с границами...

Помнишь белую вспышку в конце, когда они целуются? Как будто над ними что-то взорвалось? На Ф:Ф:Ф многие считают, что это намек на начало артобстрела Англии, и действие таким образом переносится в Лондон 1940 года. Разумеется, бездоказательная чушь. Но я сейчас о другом. Белая вспышка, заполняющая весь экран. Таки говорит, что карта была закодирована в этой белизне. Правда, я понятия не имею, как можно что-либо закодировать в пустом кадре, но это уже вопрос к историкам мирового искусства. Что же мы в результате имеем? Если допустить, что все фрагменты помечены водяными знаками, содержащими номера, то перед нами схема относительного расположения фрагментов, а это в принципе позволяет нам смонтировать весь фильм – при условии, что мы установим соответствие между фрагментами и номерами. (Я забил номера в базу данных и не обнаружил явной закономерности. Похоже,

что использовался генератор случайных чисел.) Деррил сейчас пытается раздобыть поисковый бот, который ищет в интернете графику, и в частности, карты. А я тем временем остаюсь – искренне твой, уставший, разбитый и болезненно возбужденный,

Капюшончик.

Кейс задумчиво смотрит на карту города «Т». Потом снимает трубку и звонит Памеле Мэйнуоринг.

20
Суперфигура

Ее будит безжалостный писк наручных часов. Она испуганно садится в огромной кровати, пытаясь вспомнить, что это за комната.

На часах шесть утра. Памела Мэйнуоринг зарегистрировала ее на рейс, вылетающий в полдень из аэропорта Нарита.

Убедившись, что на электрическом чайнике горит красная лампочка, Кейс запахивает халат, подходит к окну и раздвигает занавески. Тусклый городской пейзаж, погруженный в аквариум дождливого дня. Студенистый темный массив Императорского сада колышется на дне аквариума.

Звонит мобильный телефон. Кейс возвращается к кровати и находит его среди простыней.

– Алле?

– Это Бун. Как твоя голова?

– Еще не проснулась. Слушай, я поговорила с Памелой...

– Да, знаю. Я тоже с ней поговорил. В восемь тридцать я тебя встречу в фойе. Мы летим одним рейсом.

Недостаток автономности ее слегка раздражает.

– До встречи, – говорит Бун и вешает трубку.

Вода в чайнике закипает. Кейс распахивает дверцу мини-бара и начинает перебирать разноцветные пакетики в поисках кофе.

* * *

Гостиничный спортзал настолько огромен, что может служить наглядным пособием для изучения закона перспективы. Тут есть все, и даже тренажер для пилатеса – псевдоклассическая японская версия, деревянные части которой покрыты черным лаком, а обивка похожа на акулью кожу. Кейс успевает отработать свой комплекс, принять душ, высушить голову и упаковать вещи. Ровно в восемь тридцать она спускается в фойе.

Бун появляется через минуту. В одной руке он держит красно-коричневый чемоданчик, а в другой дорожный монстр-чемодан фирмы «Филсон», похожий на сумку «Л. Л. Бин», обколотую анаболиками.

Кейс подхватывает свой нейлоновый корейский чемодан, и они с Буном направляются к лифтам, огибая бамбуковую рощу.

Кейс просыпается, когда стюардесса протягивает ей горячую салфетку. На секунду ей кажется, что она еще на пути в Токио, а все остальное просто приснилось.

Мысль эта ужасна; Кейс поворачивает голову, чтобы проверить, здесь ли Бун. Шея отзывается болью. Бун тут как тут, мирно посапывает в соседнем кресле – тих и временно аннулирован, как всякий человек, спящий в маске.

По дороге в аэропорт они почти не разговаривали. В зале ожидания Кейс немного вздремнула. Перед этим они прошли усиленную проверку, включая томографию обуви и небольшой допрос перед инфракрасным датчиком, регистрирующим микроизменения в температуре кожи вокруг глаз. Согласно теории, у пассажиров, которые лгут насчет принадлежности багажа, в этих местах возникают локальные очаги покраснения. Японцы также верят, что группа крови определяет характер. По крайней мере верили десять лет назад, во время прошлого визита. Буна эта процедура привела в восторг; он заявил, что в Америке тоже скоро появятся такие детекторы.

Когда они садились в самолет, Кейс рассказала, что Таки прислал Капюшончику кое-что еще. Но показать пообещала позже, когда выспится.

Она не знает, откуда берется это неосознанное желание отсрочить разговор, утаить информацию. Наверное, нужно время, чтобы привыкнуть к партнерским отношениям. Сюда примешивается еще одно чувство, в котором сейчас не хочется копаться: какой-то неприятный осадок, оставшийся от посещения квартиры в Хонго. А еще ей просто нужно время, чтобы переварить информацию о городе «Т». И вообще, этот Бун чересчур назойливый.

Но что же это за буква «Т»? Кейс садится, превращает кровать в кресло, достает из сумки «Айбук». Включив его, она находит письмо Капюшончика и открывает картинку.

Сейчас карта кажется еще более загадочной, чем в первый раз.

Парнишка по имени Таки. Может, он все это выдумывает, чтобы порисоваться перед Кейко? Правда, Капюшончик с Деррилом сами нашли его на японском сайте, где он упомянул о водяном знаке на одном из фрагментов. Кейко тогда еще не было в природе. Нет, Таки не выдумывает. Для выдумщика он слишком печален. Кейс представляет, как это могло быть. Таки, воодушевленный письмами Кейко, добился встречи с темными зловещими фигурами, чтобы в обмен на какую-нибудь странную услугу получить от них карту, извлеченную из белой вспышки.

Но скромность и осторожность не позволили ему принести

карту на встречу в Роппонджи. Он принес только номер. А потом сработала отретушированная фотография Джуди Цудзуки, и бедный Таки, придя домой, послал карту Капюшончику, думая, что посылает ее своей большеглазой возлюбленной в белых гольфиках.

Кейс вспоминает Айви, хозяйку Ф:Ф:Ф из Сеула. Интересно, что бы она посоветовала?

Эта мысль заставляет ее нахмуриться. Только сейчас она понимает, что работа с Бигендом и Буном перекосила ее отношения с Ф:Ф:Ф и друзьями-фрагментщиками. Даже Капюшончик, который помог в этой авантюре, понятия не имеет, на кого она работает и что у нее на уме.

– Что это? – Бун стоит в полутемном проходе, заглядывая через плечо. Черная маска сдвинута вниз, на горло, и в совокупности с черной футболкой это делает его похожим на священника. Не хватает только белого квадратика, чтобы закончить костюм: молоденький семинарист с припухшими от сна глазами.

Кейс поднимает спинку кресла, и Бун присаживается в изножье, на небольшой стульчик для гостей. Она передает ему «Айбук».

– Этот парнишка, Таки – ему очень понравилось фото. Он даже до дома не мог дотерпеть, заходил по дороге в каждое интернет-кафе и отправлял Кейко имэйлы. А когда добрался до своего компьютера, сразу послал ей вот это.

– Сколько их здесь, сто тридцать пять? – Очевидно, Бун имеет в виду номера.

– Я не считала, но похоже, что да. Номер, который он мне дал, находится у пересечения ножки и перекладины буквы «Т».

– Очевидно, каждый пронумерованный участок соответствует определенному фрагменту. Если это карта виртуального мира, то составлена она как-то неверно. В нарушение правил картографии виртуальных миров.

– А может, картография тут ни при чем?

– В каком смысле?

– Может, схема составляется на ходу, по мере того, как появляются новые фрагменты. Откуда мы знаем, что виртуальный мир существует?

– Даже если он и существует, автор может картографировать его по-своему, каким-то неочевидным способом. Создатели первых игр для «Нинтендо» рисовали схемы на длинных рулонах бумаги. Другого пути просто не было. А рулон – это удобная вещь, его можно промотать и увидеть, как развивается сюжет. География тогдашних игр была двумерной, действие

прокручивалось на экране в одну сторону...

Бун неожиданно замолкает.

– Что случилось?

Он трясет головой:

– Мне нужно еще поспать.

Отдав ей лэптоп, он встает и уходит на место.

Кейс рассматривает картинку на экране; «Айбук» лежит на коленях, как теплый зверек. Что делать, когда самолет приземлится в Хитроу? Ключи от квартиры Дэмиена лежат в папке «Штази», на дне багажного изделия. Первым делом она направится туда. Правда, остаточная боль во лбу наводит на некоторые сомнения.

Справились ли немецкие замки со своей защитной ролью? Кейс очень смутно представляет, кто живет в соседних двух квартирах. Судя по всему, обычные люди, которые каждое утро ходят на работу. Днем ничто не мешает злоумышленнику зайти в подъезд и спокойно поковыряться в замках.

Можно, конечно, пойти в какую-нибудь гостиницу, «Синий муравей» оплатит все счета. Но она уже устала от гостиничной обстановки. Решено – она поедет в Камден-таун. Сначала до Паддингтона на «Экспрессе Хитроу», а там можно взять такси.

Облегченно вздохнув, Кейс убирает компьютер и переводит сиденье в режим кровати.

Пройдя паспортный контроль, они выходят в зал прилетов – и сразу же видят Бигенда. Единственное улыбающееся лицо в толпе хмурых шоферов, держащих плакатики с именами. У Бигенда тоже плакатик: кусок картона, на котором красным фломастером написаны слова ПОЛЛАРД И ЧУ.

Кроме шуток, у этого мужчины слишком много зубов! Ковбойская шляпа опять насажена по самые уши, как на чурбан. И плащ тот же, что и в прошлый раз.

– Сюда, пожалуйста! – Бигенд отнимает у Буна тележку с багажом и устремляется к выходу.

Недоуменно переглядываясь, они следуют за ним и выходят на улицу, где толпа прибывших пассажиров с наслаждением выкашливает дым первых затяжек. Бигенд решительно минует вереницу лимузинов и такси. Его «хаммер» одиноко припаркован на другой стороне дороги – там, где парковка, конечно же, строго запрещена. Бун забегает вперед; они с Бигендом открывают багажник и начинают грузить чемоданы.

Кейс подходит к машине, Бигенд открывает для нее переднюю дверь, она садится. Бун закрывает багажник и забирается на заднее сиденье. Кейс наблюдает, как Бигенд

сворачивает разрешение на парковку.

– Вам не обязательно было нас встречать, Хьюберт, – говорит она, потому что надо что-то сказать. К тому же это правда.

– Вовсе нет! – двусмысленно отвечает Бигенд, заводя мотор и отъезжая от тротуара. – Просто хочу поскорей услышать, что вы раскопали.

Они удовлетворяют его любопытство. В основном говорит Бун, причем по мере его рассказа Кейс постепенно осознает, что он решил опустить две немаловажные детали: драку с итальянцами и картинку, которую послал Таки. Свой рассказ он начинает с того, как они с Кейс решили слетать в Токио, чтобы проверить информацию о цифровом водяном знаке, якобы обнаруженном на одном из фрагментов.

– Ну и что, проверили? – спрашивает Бигенд, поворачивая руль.

– В общем, да, – отвечает Бун. – Нам удалось раздобыть двенадцатизначный номер, которым, судя по всему, был помечен один фрагмент.

– И что дальше?

– В Токио за Кейс следили.

– Кто?

– Двое мужчин. Скорее всего итальянцы.

– Что за итальянцы, кто они какие?

– Мы не знаем.

Скосив глаза, Кейс видит, как Бигенд поджимает губы.

– У вас есть какие-нибудь соображения? – спрашивает он, бросив на нее быстрый взгляд. – Почему за вами следили? Какие-то прошлые дела?

– Мы надеялись, Хьюберт, что вы поможете нам с ответом, – вставляет Бун.

– Вы думаете, это я организовал слежку?

– На вашем месте я бы, наверное, так и сделал.

– Что ж, похвально, – кивает Бигенд. – Но пока что вы не на моем месте. А я так не работаю. Мы ведь с вами партнеры.

Они едут по вечернему шоссе; первые капли дождя начинают стучать в лобовое стекло, и Кейс думает, что привезла с собой токийскую погоду. Включаются дворники – лопатообразные штуки, укрепленные сверху, над стеклом. Нажав кнопку на приборной панели, Бигенд понижает давление в колесах.

– С другой стороны, – продолжает он, – надеюсь, вы понимаете возможные последствия. Партнерство со мной повышает вероятность, что за вами будут следить. Такова специфика крупной игры.

– Но кому известно, что мы ваши партнеры? – спрашивает

Кейс.

– «Синий муравей» не ЦРУ, а рекламное агентство. Люди болтают. Даже те, кому это запрещено по долгу службы. Секретность – одно из важнейших условий, особенно когда планируешь новую рекламную кампанию. Но утечки все равно есть. Я, конечно, проведу расследование. Попытаюсь выяснить, кто мог знать о том, что вы на меня работаете. Однако сейчас меня больше интересуют мнимые итальянцы.

– Мы от них отвязались, – говорит Бун. – Кейс как раз получила номер от своего знакомого, и я решил, что самое время оторваться от хвоста. Позже я попробовал их разыскать, но безрезультатно.

– А кто этот знакомый?

– Один человек, которого я нашла через фрагментщиков, – объясняет Кейс.

– Именно на это я и рассчитывал.

– От него, похоже, ничего больше не удастся получить. – Слова Буна заставляют Кейс удивленно оглянуться. – Но если водяной знак настоящий, то это уже хорошая зацепка.

Кейс смотрит прямо перед собой, пытаясь сосредоточиться на мерном движении дворников. Бун лжет Бигенду. Вернее, говорит не всю правду. И теперь ей кажется, что она тоже не до конца откровенна. Может, настало время рассказать о происках Доротеи и вторжении азиатских шлюх – хотя бы для того, чтобы спутать Буну карты? С другой стороны, она не знает, зачем он лжет. Возможно, у него есть уважительная причина. Кейс решает подождать, пока они окажутся наедине, и поговорить начистоту.

Машина резко сворачивает с шоссе и ныряет в лабиринт лондонских улиц. Начинаются светофоры.

После Токио все здешние пропорции кажутся странными. Другие стандарты, другие масштабы. Эти два города очень разные, хотя в чем-то неуловимо похожи, в обоих есть неповторимый древний шарм. Можно сказать, они похожи своей непохожестью. Кейс думает, что даже если бы дома в Лондоне строили из дерева и бумаги, а в войну сожгли, как случилось с Токио, то неповторимое обаяние этих улиц и площадей все равно проступало бы сквозь безликие нагромождения стали и бетона.

«Хаммер» останавливается у подъезда Дэмиена; Бигенд будит задремавшую Кейс – к ее немалому смущению и замешательству.

Бун помогает ей донести чемодан.

– Я зайду с тобой, – говорит он.

– Нет, не надо. Я в порядке, просто слишком устала.

– Позвони, как проснешься. Дай знать, что все хорошо.

На подлете к Хитроу он нашпиговал ее лэптоп

многочисленными телефонными номерами.

– Хорошо, – отвечает Кейс, чувствуя себя, как последняя идиотка.

Открыв дверь, она выдавливает из себя улыбку и заходит в подъезд.

Стопка журналов, лежавшая на площадке, куда-то исчезла. А вместе с ними и черный мусорный вкладыш.

Подойдя к квартире и приготовив немецкий ключ, Кейс вдруг замечает полоску света под дверью.

Она замирает и прислушивается – в одной руке сумка, в другой ключи. Голоса за дверью; один из них принадлежит Дэмиену.

Надо постучать.

Дверь открывает молодая высокая блондинка. Идеально вылепленные скулы и огромные, чуть раскосые васильковые глаза. Блондинка холодно оглядывает Кейс с головы до ног:

– Вам кого?

У нее странный акцент, который Кейс поначалу принимает за часть какого-то розыгрыша. Но экстравагантная, тщательно прорисованная нижняя губа женщины кривится с таким искренним и несомненным презрением, что всякая мысль о шутке пропадает.

И тут из-за плеча этой суперфигуры выглядывает голова Дэмиена, остриженная под ноль. В таком виде его почти невозможно узнать. Обняв блондинку за талию, он расплывается в широченной улыбке.

– Познакомься, Марина. Это моя подруга Кейс. Где ты пропадала, Кейс?

– В Токио. Извини, я не знала, что ты приехал. Я пойду в гостиницу.

Но Дэмиен и слышать об этом не хочет.

21
Мертвые не забывают

Суперфигура Марина Щеглова оказывается новым русским продюсером Дэмиена. Это не первая из его подружек, которая с первого же взгляда воспылала к Кейс острой ненавистью. Самой непримиримой была та, чье тело послужило моделью для кибердевочек. Кейс вспоминает о ней, глядя на одинаковые пластиковые торсы у стены.

К счастью, их с Мариной почти сразу же разводят по разным углам. С одной стороны в этом участвует Войтек, присутствию которого Кейс даже не удивляется, приняв это за эффект наложения нескольких временных разниц, а с другой – ирландец Фергал Коллинз, адвокат и финансовый советник Дэмиена, с которым она познакомилась во время одного из прошлых визитов. Войтек немедля возвращается к разговору с Мариной, прерванному появлением Кейс. Говорит он на иностранном языке, скорее всего по-русски, и проявляет при этом завидную беглость и убедительность, которые не свойственны его англоговорящей ипостаси. Марина слушает покорно, хотя и без видимого удовольствия.

Одет Войтек как обычно, в стиле застенчивого скейтбордиста. Наряд Марины, напротив, состоит исключительно из того, что Кейс вынуждена признать последними хитами «Прады». Все только черное. По сравнению с Мариниными скулами даже скулы Войтека кажутся не вполне славянскими. Такое впечатление, что у нее там установлены два комплекта, один поверх другого. Музейный экспонат, безупречный эталон белой расы.

Словно манекен для новой серии «Матрицы», думает Кейс. Будь Маринины сиськи чуть побольше, она могла бы красоваться на обложках подростковых компьютерных стрелялок.

Фергал представляет собой типичный образец бизнес-волка в овечьей шкуре богемного чудака. С Дэмиеном он работает уже давно, хотя специализируется в основном на музыке.

– Как поживает Токио после девальвации? – осведомляется адвокат, усаживаясь на кушетку рядом с Кейс.

– Он более чем когда-либо похож на то, как выглядит сейчас.

Это цитата из Дуайта Дэйвида Эйзенхауэра, к которой она иногда прибегает, когда не знает, что сказать. Фергал недоуменно хмурится.

– Простите… Я была проездом, почти ничего не увидела. Дэмиен уже закончил свой фильм?

– Как бы не так! Он вернулся, чтобы достать еще денег, взять три добавочные камеры, нанять больше людей. И еще… – Фергал понижает голос, – еще потому, что их высочеству, наверное, захотелось посетить столицу Англии.

– Она ведь его продюсер, да?

– Так только говорится. На самом деле перед нами пережиток советской специфики, весьма полезный в сложившейся ситуации. Связь с Мариной – это *blat*.

– Что?

– Русское слово, *blat*. Если не ошибаюсь, у вас в Америке это называлось «блат». Связи с нужными людьми. При коммунистах ее отец был директором алюминиевого комбината, а после приватизации, естественно, стал его владельцем. Потом прибавились еще пивзавод и коммерческий банк. Пивзавод вообще оказался золотой жилой. Ребятам каждый день пиво подвозят, прямо на съемочную площадку. Поэтому Дэмиен так популярен – без него им пришлось бы пить только водку.

– Вы что, ездили туда?

– Да, всего на полдня. – Фергал морщится.

– Ну и как?

– Представьте себе коктейль из рок-фестиваля, массового разграбления могил и фильма «Апокалипсис». Трудно сказать, какой из этих компонентов привлек нашего Дэмиена… Вы знаете этого поляка?

– Его зовут Войтек.

– Кто он такой?

– Художник. Я оставила ему ключи от квартиры.

– Слава богу, хоть один человек может поговорить с Мариной на ее языке. А мы можем спокойно поговорить на нашем. Думаете, он подбивает клинья?

– Вряд ли, – отвечает Кейс, глядя, как Войтек достает один из своих блокнотов. – Думаю, он пытается выжать из нее деньги на проект.

Спасаясь от назойливого блокнота, Марина ретируется в туалет, захлопнув за собой дверь. Войтек встает и направляется к кушетке. В одной руке у него блокнот, в другой бутылка пива.

– Привет, Кейси! Где вы были?

– Далеко. Ты не знаком с Фергалом?

– Да, да! – Он присаживается на кушетку. – Дэмиен звонил из аэропорт, просил встретить здесь с ключами, купить пиво и тандури[22]. Эта продюсерка Марина, она очень интересная. Имеет связи в Москве, выставочный зал.

– Ты говоришь по-русски?

– Конечно! Магда, она родилась там, в России. А я еще в

Польше. Наш отец работал гражданский инженер в Москве. Я уже не помню Польша.

– Боже правый! – орет Дэмиен из кухни. – Какой вкус у этой хурмы!

– Извините меня, – говорит Кейс, вставая.

На кухне Дэмиен перебирает продукты, завернутые в фольгу. Его глаза светятся детским восторгом. Увидев Кейс, он радостно восклицает:

– Понимаешь, это НЕ рагу! На раскопках мы едим одно только чертово рагу. Там ведь нет холодильников! Есть огромный котел, в котором варится рагу – постоянно, 24 часа в сутки. Мы просто подбрасываем туда продукты. Куски неизвестного мяса, картошку, какую-то серую дрянь, похожую на подливку «Бисто». И еще хлеб. У них в России очень вкусный хлеб. Но эта хурма, ты только посмотри...

Кейс подходит, обнимает его.

– Дэмиен, я не могу здесь остаться.

– Не говори глупостей.

– Нет, правда. Твоя подружка уже злится.

– Ничего она не злится. – Дэмиен улыбается. – Это ее нормальное состояние. Ты тут ни при чем.

– Да, с годами у тебя вкус не улучшается. Даже наоборот, если сравнить с твоей прошлой пассией.

– Ты же понимаешь, без Марины я фильм не закончу.

– И при этом обязательно с ней спать?

– Да, к сожалению. Иначе она просто не поймет. Короче, когда ты приезжаешь?

– Куда?

– На раскопки, конечно! Ты должна это увидеть! Поразительное зрелище.

В воображении Кейс появляется огромная гора серых костей.

– Дэмиен, я не могу. У меня работа, контракт.

– Опять с той фирмой? Как ее, «Синий муравей»? Ты ведь писала, что уже отстрелялась.

– Нет, это другое.

– Ну смотри, ты только что с самолета, наверху есть кровать. А мне завтра надо улетать. Если ты поедешь в гостиницу, то мы уже не увидимся. Поднимись наверх, поспи немного, если сможешь. А я пойду успокою Марину. – Он улыбается. – Привычное дело.

Кейс и сама не хочет уходить: придется куда-то ехать, искать гостиницу. Слишком сложно.

– Ну ладно, уговорил. У меня правда глаза слипаются. Только разбуди, слышишь? Если улетишь и не разбудишь, я тебе голову

оторву.

– Хорошо, хорошо. Давай отправляйся в кровать. Кстати, где ты этого Войтека нашла?

– На рынке в Портобелло.

– Нормальный мужик.

Она вдруг чувствует, что ноги отказываются подчиняться. Приходится упрашивать, чтобы они отнесли ее наверх.

– Он безобидный. – Кейс сама толком не понимает, что имеет в виду.

Поднявшись на второй этаж, она кое-как раскладывает диван и падает на него, как подкошенная. Бун просил позвонить. Она достает телефон и набирает его номер.

– Слушаю.

– Привет, это Кейс.

– Ты где?

– У Дэмиена. Он вернулся.

После небольшой паузы Бун говорит:

– Это хорошо. Я о тебе беспокоился.

– Я и сама о себе беспокоилась. Сегодня в машине, когда услышала, как ты вешаешь Бигенду лапшу. Что это значит, Бун?

– Просто играл по обстоятельствам. Может, он знает гораздо больше, чем мы думаем.

– Откуда?

– Это уже второй вопрос. Такая возможность не исключена. Подумай, кто дал тебе мобильник?

Он прав.

– Значит, ты надеялся, что он проговорится?

– Да, решил попробовать.

– Мне это не нравится, Бун. Ты сделал меня соучастницей и даже не спросил, не дал мне выбора.

– Ну извини.

Кейс не слышит в его голосе раскаяния.

– Мне нужна картинка, – говорит он. – Ты можешь ее переслать?

– А это безопасно?

– Ее уже столько раз посылали взад-вперед. Сначала твоему другу, потом тебе. Если враги перехватывают имэйлы, то картинка уже у них.

– Зачем она тебе?

– Позову своего друга, будем считать чертей на кончике иглы.

– Серьезно.

– Буду импровизировать. Поковыряюсь в ней. Покажу парочке людей, которые умнее меня.

– Ну ладно. – Кейс не нравится, что он командует, а она

подчиняется. – У меня есть твой имэйл?

– Нет, запиши. Чу, точка, Бэ…

Она записывает адрес.

– Что это за домен?

– Моя бывшая компания. Это все, что от нее осталось.

– Хорошо, сейчас отправлю. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Чтобы послать картинку, надо достать «Айбук» и подключиться к телефону. Она делает это на автопилоте – и, судя по всему, успешно, так как письмо уходит без проблем. Заодно можно проверить почту.

Новое письмо от матери – на этот раз с какими-то необычными приложениями. Не успев подумать, Кейс открывает его.

> Эти шумовые фрагменты были случайно записаны студентом нью-йоркского колледжа с факультета антропологии. 25 сентября он проводил опрос рядом с баррикадой на пересечении улиц Хаустон и Варрик, где наклеены фотографии пропавших без вести. Мы обнаружили, что сделанная им запись чрезвычайно богата элементами ФЭГ. При помощи различных методов нам удалось выделить несколько десятков значимых сообщений.

– Он получил утку в лицо, – шепчет Кейс и закрывает глаза. Посидев так несколько секунд, она вздыхает и продолжает читать.

> Я уверена, что эти четыре сообщения отправил твой отец. Знаю, ты не веришь в такие вещи, но мне кажется, что он пытается что-то сказать именно тебе, а не мне (он дважды отчетливо произносит «Кейс»), и судя по всему, это очень срочно.
>
> Такого рода записи плохо поддаются обычным методам расшифровки. Усопшие предпочитают общаться с нами, модулируя белый шум, и поэтому увеличение отношения «сигнал-шум» неизбежно приводит к уничтожению сообщения. Но если надеть наушники и прислушаться, то можно различить, как твой отец говорит следующее:
>
> Файл № 1: Овощной магазин… (??) Световая башня… (жизнь?)
>
> Файл № 2: Кейс… Сто двадцать… (начало твоего адреса?)
>
> Файл № 3: Здесь холодно… Корея (скорее?)

Незамеченный…

Файл № 4: Кейс, эта кость… В голове, Кейс…

(Некоторые здесь считают, что последняя фраза означает «в голом веке», но вряд ли твой отец сказал бы такую бессмыслицу.)

Я понимаю, все это далеко от твоей реальности. Но для меня это часть жизни, и поэтому я сейчас здесь, в «Розе мира», с моими друзьями, пытаюсь помочь в расшифровке. Твой отец пытается тебя о чем-то предупредить. Честно говоря, больше всего я хотела бы, чтобы он прямо сказал, где и когда свершился его переход. Тогда мы смогли бы организовать поиск, провести анализ ДНК и доказать, что он действительно погиб. Официальное расследование, как и следовало ожидать, буксует, хотя я сменила адвоката и написала заявление в…

Кейс смотрит на свою руку, которая только что закрыла письмо Синтии – сама, без команды.

Дело не в том, что ее мать сумасшедшая (Кейс знает, что это не так), и не в том, что она в верит в такую чушь (хотя это действительно чушь), и даже не в мутном и банальном содержании так называемых сообщений (к этому Кейс уже привыкла), а в том, что вся эта суета превращает Уина в какого-то живого мертвеца.

Когда близкий человек пропадает в Манхэттене утром 11 сентября, но нет никаких свидетельств, что во время теракта он находился рядом со Всемирным торговым центром, – уже одно это делает неопределенность нестерпимой. Об исчезновении Уина они узнали только через неделю. Полиция работала с перебоями, а банк, выдавший ему кредитную карту, в неразберихе не сразу связался с родственниками. Кейс пришлось одной заниматься поисками; ее мать какое-то время боялась летать и оставалась на Мауи, хотя аэропорты уже открыли. 19 сентября лицо Уина прибавилось к сотням других, наклеенных на баррикады, мимо которых Кейс проходила каждый день. Вполне возможно, что студент нью-йоркского колледжа стоял с диктофоном рядом с фотографией Уина, когда тот подал голос сквозь невидимую мембрану, отделяющую мир Кейс от мира, в который верят у себя на Гавайях Синтия и ее свихнувшиеся приятели. Кейс собственными руками наклеила несколько карточек на баррикаду у пересечения Хаустона и Варрика. Карточки были отсканированы в ближайшем центре «Кинко» и заламинированы в пластик. После Уина, не любившего сниматься

из-за специфики своей профессии, почти не осталось фотографий. На карточке, которую выбрала Кейс, ее отец слегка напоминал молодого Уильяма Берроуза.

Многие незнакомые лица стали тогда знакомыми, навсегда отпечатались в памяти.

Копируя в то утро в «Кинко» фотографию Уина, Кейс видела, как из соседних ксероксов выползают изображения других мертвецов, чтобы занять место на фанерных страницах городского альбома потерь. И ни разу, прикрепляя фотографии к баррикаде, она не видела, чтобы одно лицо было наклеено поверх другого. Именно этот факт в конце концов сломал запрет и позволил ей заплакать, сгорбившись на скамейке на Юнион-сквер, рядом с дрожащими язычками свечей у подножия памятника Вашингтону.

Перед тем как расплакаться, она несколько раз переводила взгляд с подножия памятника на странную инсталляцию на другой стороне Четырнадцатой улицы, над входом в «Вирджин мегастор», где гигантский метроном отсчитывает секунды и испускает струю пара, – а потом назад, на органический нарост из свечей, цветов и фотографий, и ей казалось, что разгадка кроется в понимании связи между этими двумя объектами.

Затем она пешком пришла домой, в свою тихую пещеру с голубыми полами, и первым делом стерла программу, позволяющую смотреть Си-эн-эн на компьютере. С тех пор она перестала смотреть новости и вообще старалась пореже включать телевизор.

Но со временем оказалось, что выражение «пропавший без вести» в ее случае несет дополнительный и какой-то усложненный смысл.

Где сейчас мог находиться ее отец? После того как он вышел в то утро из гостиницы, его больше никто не видел. По совету матери Кейс наняла частных детективов, которые опросили таксистов, – но город словно заболел избирательной амнезией, и все, что касалось Уингроува Полларда, оказалось стертым настолько тщательно, что доказать его смерть стало невозможно.

Синтия часто любила повторять: мертвые не забывают. Не забывают о чем? У Кейс никогда не возникало желания спросить...

– Ты не спишь? – В дверях появляется обритая голова Дэмиена. – Мы собираемся пойти в «Брасье». Хочешь, присоединяйся.

– Нет, спасибо. Я буду спать.

Она надеется, что это правда.

22
Тарн

Сон налетает, как торнадо – подхватывает, уносит в глубокую черную воронку, окружает вспышками картин, которые слишком обрывочны, чтобы их можно было назвать снами, – и опять выбрасывает на поверхность. Она лежит в темноте: сердце колотится, глаза широко открыты.

Судя по часам, поспать удалось всего сорок пять минут.

Снизу не доносится ни звука. Кейс вспоминает, что они пошли в «Брасье». Любимый ресторан Дэмиена – недалеко отсюда, на Хай-стрит.

Она встает, надевает джинсы и свитер и босиком ковыляет вниз по ступенькам. Ей кажется, что она восьмидесятилетняя старуха. Эффект отсутствия души вышел за рамки метафор; это уже грань физического коллапса.

Заглянув в спальню Дэмиена, она обнаруживает там Маринин багаж фирмы «Луи Виттон» с повторяющимися монограммами – серьезная и жуткая вещь, на которую у нее сильнейшая аллергия. Два новеньких чемодана раскрыты; оттуда через край выплескивается черная «Прада». Серебристое покрывало отброшено в угол, на смятых простынях лежит камуфляжный костюм с рисунком, который, если она правильно помнит, называется «тарн». Кейс выучила названия всех этих узоров, когда работала на фирме, проектирующей одежду для скейтбордистов. Самый красивый из них – южноамериканский, составленный из розово-лиловых экспрессионистских мазков и похожий на закатный неземной пейзаж. Откуда пришел узор «тарн»? Из Германии или из России? Кейс не может вспомнить. У этого слова есть еще одно значение, что-то из словаря Эдгара По. Мертвые озера?

В ванной она старается не глядеть на свое отражение, опасаясь чудовищ, которые могли подняться на поверхность из-за серотонинового голода. Быстро принять душ, вытереться, одеться. Аккуратно расправить полотенце (Марина развела настоящий свинарник). Кейс морщит нос, увидев на полках горы разнообразной косметики. Среди пестрых этикеток попадается нечто из другой оперы – первоклассный калифорнийский мелатонин, который в Англии без рецепта не продают. Кейс глотает полдюжины крупных бежевых капсул, запивает их водопроводной водой, у которой странный лондонский привкус, и бредет обратно, наверх, изо всех сил притворяясь, что смертельно

устала (это правда) и что мгновенно уснет, лишь только доберется до дивана (это вряд ли).

Но к ее последующему удивлению сон все же приходит – неглубокий и щадяще пустой, хотя из-за ватной мелатониновой стены все же доносятся какие-то звуки.

Открыв глаза, Кейс опять видит в дверях бритую голову Дэмиена. На нем застегнутый под самое горло камуфляж – тот, что лежал в спальне.

– Прости, не хотел тебя будить. Просто решил проверить, – говорит он тихо, почти шепотом.

Кейс смотрит на часы. Семь утра.

– Ничего, я уже проснулась.

– А Марина еще нет. Она любит поспать. Хочешь, сходим куда-нибудь? Выпьем кофе, поговорим. Только тихо, чтобы ее не разбудить.

– Дай мне пять минут.

Бритая голова исчезает.

«Флек-тарн». Вот как это называется. Словно капельки шоколада, разбрызганные поверх конфетти цвета прошлогодней листвы.

* * *

Кофе здесь стоит дороже, если пить его за столиком. Навынос платишь меньше. В Токио, наверное, такие же порядки. У Кейс не было времени, чтобы узнать.

На улице дождь; Дэмиен надел под камуфляж черный свитер с капюшоном. Этот капюшон он не снимает даже за столиком клонированного «Старбакса». Кейс ему благодарна: бритый череп сбивает ее с толку. Сколько она помнит, он всегда носил черные волосы до плеч, разделенные прямым пробором. Своеобразная антиприческа.

Прямо как в старые добрые времена: они сидят в привычной кофейне напротив станции Камден-таун, в промокшей одежде, с большими бумажными стаканами, рассчитанными на несколько порций.

– Про отца ничего не слышно? – Карие глаза Дэмиена блестят из-под черного капюшона.

– Никаких следов. Моя мать уверена, что он погиб. Они у себя на Гавайях получают от него сообщения – на кассетах, где записан белый шум.

– Черт, западло, – говорит Дэмиен с таким простым и

неприкрытым участием, что ей хочется его обнять. – Представляю, как тяжко.

Она кивает, отхлебывает кофе из стаканчика.

– Еще проблемы со страховкой. Но это, наверное, вопрос времени.

– Ты сама веришь, что он погиб?

– Я с самого начала не сомневалась. Не знаю почему.

В ярко освещенной урбанистической пещере пахнет кофе, уютно шипит пар, посетители стоят в очереди у стойки. А за окнами сеет дождь и снуют целеустремленные пешеходы.

– Так ты работаешь на «Синего муравья»? – Дэмиен снял для них несколько рекламных роликов; Кейс слышала, что Бигенд был в восторге от его работы. – В Токио тоже?

Она отворачивается от окна.

– Они меня вызвали, чтобы определить, годится ли новая эмблема. – Кейс называет имя фирмы, и Дэмиен кивает. – А потом все повернулось неожиданно...

– Как я понимаю, не лучшим образом.

– Да, не лучшим. Ты не спросил, зачем я поменяла замки.

– В самом деле, зачем?

– Потому что приходили гости. Незваные. Когда меня не было дома.

– Кто-то взломал замок?

– Нет, замки были целы и даже заперты. И вообще ничего не сломано. Может, у кого-то остался ключ?

– Вряд ли. Я с такими вещами не шучу. Поменял замки сразу после ремонта.

– Еще они ковырялись в твоем компьютере. – Она вспоминает, как Бун проверял ее «Айбук».

– А что толку в нем ковыряться? У тебя есть подозрения, кто это мог быть?

В его голосе больше любопытства, чем возмущения. Вернее, вообще нет возмущения. Кейс сразу заметила бы, она хорошо его знает. Дэмиен испытывает к людям какой-то абстрактный интерес: его занимают поступки, а не причины.

Кейс рассказывает про Доротею, прожженную куртку и азиатских шлюх. Про то, как она поменяла замок, как второй раз встретилась с Доротеей. Про рисунок Мишлена и про куклу, подвешенную к дверной ручке.

– Постой, постой. Ты ведь об этом никому не говоришь!

– Не говорю.

– А кто еще знает?

– Ну... ты. Потом еще пара близких друзей. Три-четыре бывших парня, которым я сдуру рассказала. Один психотерапевт.

И еще два психолога.

– А зачем ты летала в Токио?

– Бигенд хочет найти автора фрагментов.

Кейс внимательно следит за выражением его лица. Дэмиен принадлежит к людям, на которых магия фрагментов не действует. Наверное, это связано с его профессией: не зритель, а создатель, сам делает фильмы.

– Зачем ему?

– Трудно сказать. Он полагает, что за этим стоит что-то новое, очень большое. И хочет захватить это в самом начале.

– Значит, у тебя новый контракт с «Синим муравьем»?

– Нет, Бигенд называет это партнерством. Лично с ним. И есть еще один человек, американец по имени Бун Чу. Консультант по безопасности компьютеров.

– Бунчу?

– Два разных слова. Бун Чу.

– И что, уже есть успехи?

– Пока только досада. Думаю, если бы не временная разница, которая все притупляет, у меня уже развилась бы паранойя.

Кейс вкратце рассказывает о своих токийских приключениях, сосредоточившись на Буне и мнимых итальянцах и опустив подробности насчет Таки и Капюшончика.

– Ну ты даешь! Что, скорлупу ему расколола?

– Да нет! Я его боднула, разбила лицо.

– Я это и имел в виду. Здесь так говорят. По крайней мере раньше говорили. Удивительно! Не думал, что ты на такое способна.

– Я и сама не думала.

Вокруг сидят люди с мокрыми, небрежно сложенными зонтами. Болтают, читают газеты. Какой-то уроженец Глазго с умопомрачительным акцентом заказывает четверной кофе. Дэмиен и Кейс одновременно улыбаются.

– Ну а у тебя что происходит? – спрашивает она. – По уши погрузился в проект? И в своего продюсера?

– Угу. Иногда думаю, лучше было переспать с ее отцом. Старый новый русский, из первой волны. Поднялся на мародерстве, обирая труп советской экономики. Конечно, это временная ситуация, долго не продлится. По валовому национальному доходу Россия до сих пор шла вровень с Голландией, но теперь ситуация изменилась. Новые русские выползают на свет: официально регистрируют фирмы, исправно платят налоги. Они поняли, что так можно заработать еще больше. Путин ведь не случайно говорит о себе, что он юрист. Он и ведет себя, как юрист. Однако отец Марины – представитель

старой школы. Именно это нам сейчас и нужно. Отогнать от раскопок местную милицию, договориться с людьми, которые отвечают за землю...

Дэмиен трижды плюет через плечо, потом поднимает стакан и отпивает кофе.

– Фергал сказал, ты вернулся за деньгами?

– Уже нашел. Вчера в «Брасье» мы говорили с инвестором.

– А у старого нового русского взять не хочешь?

– Еще чего. Пока что хватит еще недели на три. Думаю, управимся.

– Не боишься связываться с дочкой крестного папы?

– Нет, он не мафиози, – отвечает Дэмиен очень серьезно, хотя Кейс всего лишь шутила. – Обычный карликовый олигарх. И ко мне нормально относится. Думаю, он даже рад, что дочку удалось куда-то пристроить.

– Смотри, он еще привыкнет...

– Ладно, не пугай меня. Я больше о тебе волнуюсь. Работать на Хьюберта Бигенда – жутковатая перспектива даже при идеальном раскладе.

Дэмиен поднимается; Кейс тоже встает, снимает багажное изделие со спинки стула.

– Чем сегодня занимаешься?

– Днем мы улетаем в Санкт-Петербург. А еще надо насчет груза распорядиться, с новыми операторами поговорить. Плюс Марина. Мы же летим на «Аэрофлоте», самолет «Ту-154», кошмарный драндулет. Не знаю, как я ее туда затащу. Фергал очень жестко контролирует бюджет. И правильно делает – чтобы закончить фильм, надо экономить. А у тебя какие планы?

– Сейчас иду в спортзал, на пилатес. Во сколько у тебя рейс?

– В два тридцать пять.

– Ладно, не буду мешаться под ногами. Слушай, ничего, что я у тебя живу? А то все эти квартирные взломы...

– Не говори глупостей. Только у меня! Где же еще?

Они выходят на крыльцо; Дэмиен кладет ей руки на плечи и смотрит в глаза.

– Ты как, вообще? В порядке?

– Не волнуйся, все будет нормально. Хорошо, что мы увиделись.

– Да, я знаю. – Он машет рукой, подзывая черное такси. – В смысле, я тоже очень рад.

Такси подъезжает, Дэмиен открывает для нее дверь, целует в щеку. Она садится в машину и говорит:

– Нильс-Ярд.

23
Козлы

Выйдя из спортклуба в Нильс-Ярде, Кейс пытается слиться с толпой, превратиться в обычного праздного туриста, хотя в глубине души знает, что уже никогда не сможет стать такой, как они. Подобно Магде, которой «Синий муравей» приказывает разносить рекламные бациллы под видом невинной болтовни, Кейс чувствует, что и сама уже давно соучастница. Соучастница чего? Она не в состоянии четко сформулировать. Соучастница заговора, цель которого – уничтожить различия между Лондоном и Нью-Йорком, разорвать мембраны, разделяющие неповторимые зазеркальные миры.

Она слишком много знает о жизненном цикле товаров, об их круговороте. Иногда кажется, что кроме этого круговорота во вселенной ничего не происходит... Просто дурное настроение, говорит она себе. Недомогание, вызванное временным отсутствием души, которая рано или поздно разыщет ее, долетит через часовые пояса и океаны. А пока остается только одно: быть здесь, гулять по Лондону, смотреть по сторонам, излучать в пространство свои впечатления, – чтобы душе было легче ее обнаружить.

Дождь прекратился, но капли еще падают с карнизов и крыш, оставляя темные точки на новом «Баз Риксоне». Забывшись, Кейс трогает место на плече, где должна быть изолента. Там ничего нет. Дырка исчезла. Историю отредактировали посредством подстановки идентичного объекта.

Если бы человеческие жизни можно было так же тасовать и обменивать! К сожалению, это запрещено правилами. Каждая жизнь имеет свои границы допустимого, и любые странности, происходящие с человеком, не должны нарушать этих границ. В жизни Кейс всегда было место необычному, однако с недавнего времени в ткани происходящего стали появляться чужеродные вкрапления. Какие-то темные атрибуты, с которыми раньше не приходилось иметь дела. Потайные двери, секретные переходы... Признаки того, что концентрация лжи в окружающем пространстве превысила границу допустимого. За ней никогда еще не следили, не вламывались в ее жилище, не пытались ограбить – даже во время бесчисленных рейдов в неблагополучные районы мировых мегаполисов, куда ее посылали для разведки новых стилистических течений. Что же теперь изменилось? Где она ошиблась, что сделала не так?

А может, дело в том, что весь мир резко поменял направление полета – в тот момент, когда с засохшей розы упал лепесток? Может, все стало по-другому, и старые границы жизни больше недействительны? Может, количество мерзких странностей будет неизбежно возрастать, по мере удаления от поворотной точки у витрины в манхэттенском Сохо?

Остановившись перед магазином «Даффер», Кейс смотрит на куртки с капюшонами. От нехватки серотонина по телу пробегают странные холодные волны; она вздрагивает, вспомнив Роппонджи и жесткие пальцы налетчика, обхватившего ее сзади. Запоздалый страх приходит изнутри, вместе с холодной волной.

– Он получил утку в лицо...

Точнее, не задний, а тот, что стоял спереди, это он получил в лицо голову Кейс, на скорости сколько-то там узлов.

Еда. Ее отсутствие грозит сумасшествием. Кейс целенаправленно идет вперед и скоро замечает небольшую бутербродную, сумевшую пережить глобализацию. Это весьма опрятное заведение, что неудивительно – она уже дошла до улицы святого Мартина. Заказав салат с яйцом на французской булке и чашку кофе, она садится за столик у окна и начинает есть, глядя на улицу.

Она вспоминает, как впервые увидела Ковент-Гарден зимой, после сильного снегопада. Они гуляли с отцом, и маленькая Кейс вцепилась ему в руку, пораженная таинственной лондонской тишиной, которую нарушал лишь скрип мокрого снега под ногами и редкий звук срывающихся с проводов белых трапеций. Уин говорил ей, что Лондон сейчас выглядит, как в старые времена: машины убраны в гаражи, все современные элементы укутаны снегом, и начинают проступать очертания чего-то более древнего. В тот день Кейс поняла, что этот город не состоит из отдельных домов, как города Америки; это живой неделимый лабиринт, организм из кирпича и булыжника, постоянно растущий и развивающийся.

Из багажного изделия раздается звонок мобильного телефона. Надо было его отключить. Кейс отвечает, думая, что это Бун:

– Алле?

– Как самочувствие, Кейс? Уже выспались? – Это Бигенд.

– Да, спасибо.

– Где вы сейчас находитесь?

– На улице святого Мартина.

– Хорошо, совсем рядом. Зайдите в «Синий муравей», нам надо поговорить.

Выработанный с годами бизнес-инстинкт помогает ей

сдержать стон.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– Сейчас я завтракаю.

– Ну заходите, как позавтракаете. Я высылаю машину.

– Нет, не надо. – Ей нужно время, чтобы разогнаться до рабочей скорости Бигенда. – Я хочу пройтись.

– Поторопитесь, пожалуйста. – Он вешает трубку.

Телефон тотчас же начинает снова звонить.

– Алле?

– Привет, это Капюшончик. Ты сейчас где?

– На улице святого Мартиина.

– В Лондоне, что ли? Слушай, нам надо поговорить. Тут возникла проблема с Джуди.

– Какой Джуди?

– Джуди Цудзуки. Которая Кейко.

– Девушка на фотографии?

– Да, именно она! Во всем своем двухметровом великолепии. Понимаешь, она после работы любит выпить. А Деррил – он озабочен по линии девчонок. Короче, он зовет ее к себе в гости. Джуди приходит, он подливает ей в стакан, показывает, какой у него большой компьютер, и все такое. Это не помогает, и тогда Деррил начинает ей втюхивать, что он крутейший лингвист, сумел изящно развести японского лоха. И зачитывает кое-что из имэйлов Таки. Эта великанша в кожаной мини-юбке, конечно, приходит в бешенство, потому что только законченный похотливый козел может так издеваться над светлым чувством наивного японского паренька, который пишет ей такие возвышенные вещи. Ничего подобного ей еще ни разу в жизни ни один мужчина не говорил...

– Подожди, но ведь Таки думает, что она школьница!

– Я знаю! Но она же выпила, разволновалась. И поэтому Деррил – законченный козел...

– Правильно! И ты точно такой же козел. И я ничем не лучше. Потому что согласилась в этом участвовать.

Две строгие британские старушки, которые только что вошли, испуганно сморят на нее. И сразу же отворачиваются.

– Ладно, давай пока оставим метафизику. Проблема в том, что Джуди пожалела Таки. И рассердилась на Деррила, а значит, и на нас. И теперь сама хочет написать в Японию, хочет послать свои фотографии, чтобы бедняга был счастлив. Она требует, чтоб Деррил ей помог. Иначе она пойдет к знакомому журналисту из «Ежедневных новостей», с которым однажды переспала, и расскажет о хакере-извращенце, обманувшем честного токийского

парня, чтобы выудить информацию о каких-то фрагментах в сети.

– Она и об этом знает?

– Это ясно из его имэйлов. Она их прочитала, заставила Деррила отдать ей переводы.

– Ну а от меня ты чего хочешь?

– Помощи. Скажи, как ей помешать.

– Никак. Помешать уже невозможно. Пусть пишет.

– Хм-м... Серьезно?

– Ну конечно! Только попроси, чтобы она вошла в роль, а то будет только хуже. Ведь Таки любит не Джуди, а женщину, которую вы придумали.

– Ну да, наверное... Я, в общем, и сам к такому же выводу пришел. Просто не люблю терять контроль.

– Вы с самого начала ничего не контролировали. Это была иллюзия.

– Неудивительно! Когда имеешь дело с таким козлом, как Деррил... Ну ладно. Удалось что-нибудь узнать насчет буквы «Т»?

– Люди сейчас над этим работают.

– Какие люди?

– Друзья моего друга. Подробностей не знаю.

– Ты вообще в порядке? Какой-то у тебя голос убитый.

– Да нет, просто устала.

– Ну ладно, держись там. До скорого.

Кейс задумчиво смотрит на телефон. Кто такой Капюшончик – помимо того, что он зацикленный фрагментщик и теоретик-забияка? Чем он занимается в мирской жизни? Как выглядит? Откуда в нем страстное желание понять природу фрагментов? До сих пор она как-то не задумывалась об этих вещах. Но сейчас замкнутая вселенная Ф:Ф:Ф выворачивается наизнанку, выплескивается в окружающий мир, и разъяренная барменша Джуди из Техаса – только один из аспектов процесса.

На самом деле Кейс даже рада: по крайней мере еще одному человеку не понравилось, как они обошлись с Таки.

* * *

Телефон звонит, когда она подходит к «Синему муравью».

– Где вы, Кейс?

– Совсем рядом. Две минуты.

Бигенд вешает трубку.

Она проходит мимо витрины выставочного зала. В глубине виден контур абстрактной инсталляции, напоминающей букву «Т». Что это за карта? Зачем ее закодировали в световую

вспышку? Что может быть закодировано в других фрагментах?

Кейс останавливается у входа и подносит палец к звонку с табличкой «Синий муравей». В этот момент дверь открывается, и на пороге возникает черноволосый мужчина в темных очках. Его нос аккуратно заклеен пластырем телесного цвета. На миг он замирает, потом судорожно дергает головой, словно уклоняясь от удара, и сбегает по ступенькам. Оглянувшись, Кейс видит, как он быстро уходит в направлении, откуда она только что пришла.

– Эй! – говорит она, придерживая дверь и заходя внутрь. По шее у нее пробегают мурашки.

– Они ждут наверху. – Юная секретарша за стойкой улыбается; в ноздре вспыхивает бриллиантовый гвоздик.

– Козлы, – говорит Кейс. – Кто это сейчас был? Человек, который вышел?

Девушка смотрит на нее с недоумением.

– Ну, с пластырем на носу.

Девушка облегченно улыбается:

– А, это Франко. Водитель Доротеи из «Хайнца и Пфаффа». Он недавно попал в аварию.

– Она тоже здесь?

– Да, все вас ждут. – Девушка снова улыбается. – На третьем этаже.

24
Кипр

Бернард Стоунстрит прохаживается взад-вперед по площадке третьего этажа. Вид у него недовольный и слегка ошарашенный. Рыжий чуб и дорогой, словно вчера купленный черный костюм болезненно напоминают Кейс о прошлом визите.

– О, приветствую, – говорит он после секундного замешательства. – А я уже думал, куда вы подевались... На встречу с Хьюбертом и Доротеей?

– Угу, судя по всему.

– Кейс, вы в порядке? – спрашивает он с беспокойством, реагируя на ее тон.

– Абсолютно. – Она точно откусывает это слово.

– Странные вещи творятся, вы не находите? – Стоунстрит понижает голос, хотя рядом никого нет. – Я насчет Доротеи.

– А что случилось?

– Бигенд взял ее на работу, в отдел графики. Посредником для переговоров с клиентами. Совершенно неожиданный поворот. Он сам всегда говорил, что дизайнеры должны напрямую общаться с клиентом! – Бернард прикусывает губу. – Хотя, конечно, Доротея опытный работник. – Он пожимает плечами, красивый черный пиджак подчеркивает экспрессивность этого движения. – Она сегодня утром послала Хайнцу заявление об уходе.

– А когда ее наняли?

– Сегодня же и наняли. – Стоунстрит удивленно разводит руками. – Я сам только что узнал.

– Где они?

– Там же, где и раньше. В той комнате. – Он показывает рукой.

Кейс обходит его, приближается к двери и распахивает ее.

– О, доброе утро! – восклицает Бигенд.

Он сидит во главе стола, там, где в прошлый раз сидел Стоунстрит. Слева от него, спиной к двери, сидит Доротея, а напротив нее Бун Чу. Оба они молчат.

Кейс с силой захлопывает дверь.

– Кейс, послушайте... – начинает Бигенд.

– Помолчите! – Странный, почти незнакомый голос. Неужели ее собственный?

– Кейс... – начинает Бун.

– Какого черта?! Что здесь происходит?

Хьюберт хочет что-то сказать.

– Вы что, взяли ее на работу? – Кейс указывает на Доротею.

– Ваше возмущение естественно, было бы странно ожидать другого, – говорит Доротея ангельским голосом. Она одета во что-то мягкое и серое, хотя волосы по-прежнему туго затянуты в узел на затылке.

– Этот человек, – Кейс поворачивается к Бигенду, – который напал на меня в Токио...

– Франко, – тихо вставляет Доротея.

– Заткнитесь!

– Так это же водитель Доротеи! – говорит Бигенд таким тоном, как будто это все объясняет. Лицо его буквально прыскает самодовольством.

– Налетчик, – уточняет Кейс.

– И что же сделал бедный Франко, когда столкнулся с вами внизу? – спрашивает Доротея.

– Убежал.

– Причем в ужасе, – замечает Доротея. – Врач в Токио сказал, что угоди вы на пару сантиметров ниже, он был бы уже мертв. Переносица вошла бы ему в мозг, прямо между лобными долями. Кажется, это так называется. У него сотрясение мозга, огромные синяки под глазами, и дышать он может только через рот – пока не сделают операцию.

Мягкость тона Доротеи сбивает Кейс даже сильнее, чем смысл ее слов.

– Водить машину он точно уже не будет, – заканчивает та. – По крайней мере мою.

– Ничего, пойдет в грабители, – отвечает Кейс уже обычным голосом. Тот, малознакомый, спрятался обратно в свою коробочку. А жаль.

– Конечно, все получилось нехорошо, – говорит Доротея. – Если бы я сама там была, ничего подобного не произошло бы. Франко добродушный человек, просто кое-кто давил, требовал результатов.

Сохраняя неподвижность, она как-то умудряется создать впечатление, что пожала плечами.

– Кейс, – говорит Бигенд, – я знаю, вы расстроены. Но присядьте, пожалуйста. Послушайте. У нас тут идет очень полезный разговор, открываются все карты. Доротея может рассказать много интересного о том, что здесь происходит, и это впрямую касается вас. Ваши отношения, как выясняется, начались раньше, чем контракт с фирмой «Хайнц и Пфафф». По крайней мере еще до нашей встречи в Лондоне. Пожалуйста, садитесь.

Кейс с возмущением замечает, что Бун держится собранно, но

подчеркнуто нейтрально: в неизменной черной курточке, с непроницаемым лицом. Точь-в-точь китайский карточный шулер, только что не насвистывает.

Она чувствует, что уже приняла решение, хотя еще не знает какое. Придвинув стул, Кейс садится боком – чтобы не делать лишних движений, если придется уходить.

– Бун решил мне рассказать, – продолжает Бигенд, – про ваши столкновения с Доротеей. А также о том, что произошло, и о вашей версии событий.

– Моей версии?

– Которая полностью подтвердилась. – Бигенд откидывается на спинку стула; сейчас ему не хватает ковбойской шляпы. – Да, Доротея вам грубила. Она прожгла вашу куртку, подослала Франко и его помощника в квартиру вашего друга, где они поставили в компьютер жучок для перехвата нажатий клавиш. Во время второй встречи она намеренно показала вам изображение, которое должно было выбить вас из колеи, и она же оставила куклу на двери, чтобы вас напугать. Кроме того, телефон вашего друга поставлен на прослушивание, и Франко следил за вами. Например, когда вы гуляли с Буном вдоль канала. И в Токио, конечно.

Кейс кидает на Буна взгляд, который, как она надеется, означает «я до тебя еще доберусь», и поворачивается к Бигенду.

– Ну и что? Что дальше, Хьюберт? Вы это узнали – и сразу ее наняли?

– Да. – Бигенд терпеливо кивает. – Потому что лучше держать ее в союзниках. И вот теперь она наш союзник. – Он смотрит на Доротею.

– Поймите, Кейс, – говорит Доротея, – для меня это вопрос карьеры. – Слово «карьера» она произносит, как «религия». – Мне сейчас выгоднее быть на стороне «Синего муравья». И Хьюберт знает об этом.

– Хьюберт, – спрашивает Кейс, – а вам не приходило в голову, что Доротея просто…

– Что? – Он подается вперед, кладет ладони на стол.

– Злобная и лживая сучка?

Бигенд хихикает. Жутковатый звук.

– Ну что же, наш бизнес – реклама, нам не привыкать. И вообще, здесь речь не о честности, а о преданности. А я ни на минуту не сомневаюсь, что Доротея абсолютно предана своей… – он холодно смотрит на Доротею, – своей карьере.

Кейс неохотно признает, что Бигенд, пожалуй, прав.

Он покупает Доротею тем, чего никто другой не может предложить: стремительным взлетом по служебной лестнице

«Синего муравья». Да, так оно и есть. Кейс становится интересно послушать, что эта женщина о ней знает.

– Ну ладно, расскажите мне. – Она поворачивается к Доротее, демонстративно игнорируя Буна. – О чем это Хьюберт говорил? Что мне будет интересно узнать?

– Хорошая курточка, – отвечает Доротея. – Новенькая?

В этот момент у Франко едва не появляется товарищ по судьбе, которому тоже чуть не вогнали переносицу в мозг между лобными долями. Однако Доротея сидит вне радиуса прямого удара, и Кейс удерживается от искушения.

Доротея улыбается.

– Три недели назад, – начинает она, – когда я была во Франкфурте, мне позвонили с Кипра. Какой-то русский. Представился, как специалист по налогам. Сначала я подумала, что его интересует контракт с Хайнцем, но потом поняла, что речь идет об особых услугах по линии моей предыдущей работы. – Она смотрит на Кейс и вопросительно поднимает бровь.

– Я знаю о вашей прошлой работе.

– Русский попросил меня поставить одного человека в неловкое положение, чтобы этот человек отказался работать на определенную фирму. Разумеется, речь шла об этой фирме, а человеком были вы. – Доротея складывает руки на коленях. – Заказчик в тот же день вылетел с Кипра, если он действительно был на Кипре. Мы встретились, и он рассказал о вас кое-какие детали. Кое-что я знала и сама, потому что уже не первый год занимаюсь этим бизнесом. Рекламным, я имею в виду. Вообще, он был неплохо осведомлен, знал о моем прошлом. И о планах, которые я строила насчет «Синего муравья».

– Значит, русский?

– Да. Что вам известно о Кипре?

– Почти ничего.

– Это свободная налоговая зона для русских бизнесменов. Там их очень много. В общем, мне сообщили о вас некоторые сведения и заплатили аванс.

– Простите, Доротея, – подает голос Бун. – Не хотел вас прерывать, когда вы говорили об этом раньше, но в какой валюте вам заплатили?

– В американских долларах.

– Спасибо!

Бун снова умолкает.

– Какие сведения? – спрашивает Кейс.

– Когда вы перестали посещать Кэтрин Мак-Нелли? – задает Доротея встречный вопрос.

– В феврале, – автоматически отвечает Кейс, чувствуя, как

шевелятся волосы на затылке.

– Мой русский заказчик передал мне записи ваших бесед.

Кэтрин действительно делала записи во время каждой сессии.

– Так я узнала о вашей чувствительности к...

– Не будем вдаваться в детали, – обрывает Кейс.

Мог ли ее терапевт совершить такое предательство? У Кэтрин, правда, были некоторые сомнения насчет прекращения визитов, она считала, что процесс еще не закончен. Но они расстались в мире и согласии. Кэтрин хотела поработать над проблемами, связанными с исчезновением Уина, но для Кейс это было слишком рано, и они договорились подождать.

– Не могу поверить, чтобы Кэтрин... – начинает Кейс.

– Она скорее всего ни при чем, – отвечает Доротея, будто прочитав ее мысли. – Этот человек с Кипра... Вы никогда не имели дела с такими людьми? А я имела. Вероятно, он послал своих людей в Нью-Йорк, чтобы те забрались к ней в офис и сфотографировали записи. Кэтрин ни о чем не догадывалась.

– Прошу заметить, – вставляет Бун, – мы не можем точно датировать это событие. Кейс прекратила лечение в феврале. Значит, записи могли похитить в любое время между февралем и моментом первого контакта заказчика с Доротеей.

Кейс переводит взгляд с Бигенда на Буна, потом обратно на Доротею.

– И как было сформулировано ваше, э-э... – трудно подобрать слово, – ваше задание?

– Поставить вас в неловкое положение, чтобы вы покинули Лондон и впоследствии избегали контакта с «Синим муравьем». И особенно с Хьюбертом. Плюс мне дали программу, которую следовало установить на ваш компьютер. И я должна была следить за всеми вашими перемещениями в Лондоне.

– Они настояли, чтобы Доротея вернула установочный диск, – добавляет Бун. – К сожалению, она так и сделала.

– Значит, Франко залез в квартиру Дэмиена и установил какую-то программу. А что насчет азиатских шлюх?

– Азиатских... кого? – Глаза Доротеи расширяются в изумлении.

– А потом он вам позвонил, да? Отчитался, что все установлено?

– Откуда вы знаете?

– Он звонил с домашнего телефона Дэмиена.

Доротея вполголоса произносит какое-то итальянское ругательство.

Наступает тишина. Все смотрят друг на друга.

– Узнав, что вы летите в Токио, – продолжает Доротея, – они,

судя по всему, сильно взволновались. Потребовали, чтобы я за вами проследила. Но у меня были обязанности перед Хайнцем, я не могла это сделать сама. Пришлось послать Франко и Макса.

– Что значит «они»?

– Не знаю. Я контактировала только с русским, но он явно на кого-то работал. Ему непременно хотелось получить информацию, которую вам должен был передать некий человек.

– Откуда они знали, что...

– В этом я еще должен разобраться, – говорит Бун.

– Памела Мэйнуоринг на нас больше не работает, – добавляет Хьюберт.

– Ее было несложно вычислить, – улыбается Доротея.

– А теперь, – говорит Хьюберт, – если вы с Буном нас извините, мне надо познакомить Доротею с нашими дизайнерами.

Они выходят, оставив Кейс и Буна наедине.

25
Магия-символ

Сидя в «Старбаксе» напротив «Синего муравья» и глядя на маятниковую лампу в стиле псевдо-«Мурано», точь-в-точь такую же, как в нью-йоркском «Старбаксе» рядом с ее квартирой, Кейс думает: в таком уютном месте странно чувствовать себя так скверно.

Они с Буном оказались здесь в результате нескольких неловких и практически невербальных решений. Кейс ни минуты не хотела оставаться в «Синем муравье» без крайней необходимости.

Нейтральная обстановка действует успокаивающе. Кейс чувствует, что эмоции постепенно приходят в норму; наверное, сказывается эффект знакомой территории. Но тут подходит Бун, держа в руках стаканчики с кофе.

– А почему «Старбакс» тебя не бесит, – спрашивает он, опуская стаканчики на стол, – если ты так чувствительна к торговым маркам?

Кейс бросает на него гневный взгляд; от раздражения она буквально лишилась дара речи.

– Ты что, сердишься? – Он садится напротив нее.

– А как ты думаешь? Во-первых, Хьюберт сошелся с Доротеей, которая сперла записки моего терапевта. Во-вторых... Не знаю, как мы дальше будем работать.

– Да, понимаю...

– Я не люблю, когда так делают. Там в машине, с Бигендом, когда ты начал врать, даже не посоветовавшись...

– Ну извини, виноват. Зашел дальше, чем нужно. Меня просто разозлило, что он вот так взял и заявился. Тебе ведь это тоже не понравилось?

Еще бы, конечно, не понравилось!

– Ну а зачем ты ему все выложил? Про мои подозрения насчет Доротеи? Мог бы сначала со мной поговорить. Я тебе открылась, а ты пошел и ему рассказал.

– Я думал, ты спишь...

– Все равно надо было позвонить!

– И потом, Франко и Макс сидели в машине, через дорогу от дома твоего друга.

– Они следили за домом? Когда?

– В час ночи, когда я проезжал мимо.

– Ты проезжал мимо? Зачем?

– Хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

Она молча смотрит на него.

– Вот тогда я и позвонил Бигенду. Рассказал, что происходит, про этих парней в машине. И намекнул, что они, похоже, работают на Доротею. Он сразу же ей позвонил – знал, что она в Лондоне. Не знаю, о чем они говорили, однако буквально через десять минут Франко ответил на телефонный звонок, и они тут же смылись. Я еще какое-то время там поторчал, увидел, что все чисто. И поехал к Бигенду в гостиницу. Мы с ним позавтракали – очень рано, еще было темно. А потом пришла Доротея, и мы вместе стали пить кофе.

– Ты что, вообще не спал?

– Нет.

– И ты видел, как они договорились с Доротеей?

– Нет, они договорились по телефону, а детали обсудили уже потом, без меня. Но свою историю она рассказала при мне. Поэтому я знаю, что Франко и Макс вернулись в Лондон еще раньше нас. Они вылетели, как только ты позвонила Памеле Мэйнуоринг. Представляешь, они ехали прямо за нами, когда Хьюберт вез нас из аэропорта! А он даже не заметил. Такие мелочи его, похоже, не интересуют.

Кейс начинает понимать: Бун открылся Бигенду, чтобы обеспечить ее безопасность. Правда, сейчас она отнюдь не чувствует себя в безопасности.

– А если Доротея опять врет, ведет двойную игру, на самом деле продолжая работать на тех людей?

– Все может быть. Ты ведь знаешь, Хьюберт игрок. Очень методичный, но все равно игрок. Он ставит на то, что понимает ее психологию лучше, чем они. Эти русские, или киприоты, или кто бы они ни были – все, что они могут ей предложить, это деньги. Ну, и еще могут пригрозить. Это Бигенд сам упомянул, когда мы с ним говорили.

– В каком смысле?

– Зачем мертвой Доротее головокружительная карьера?

– Ты слишком драматизируешь.

– Не уверен. Люди, которые приказывают русскому киприоту нанять промышленную шпионку, могут иметь некоторую склонность к драматизму. Особенно если они и сами русские.

– Доротея до сих пор поддерживает с ними связь? Они действительно русские? Вообще, кто они такие?

– Она говорила с заказчиком вчера вечером. На данный момент их контракт считается разорванным.

– А почему ты говоришь «они», во множественном числе?

– Доротея думает, что за этим стоит какая-то организация.

Сама она встречалась только с тем русским. Но когда она отчитывалась, по телефону говорили какие-то другие люди. И у нее сложилось впечатление, что эти люди либо русские, либо работают на русских.

Кейс пытается разложить по полкам хотя бы некоторые из этих фактов.

– Они знают о тебе?

– Только из жучка в телефоне твоего друга. Они знают, что Бигенд попросил тебя со мной встретиться. И еще они нас фотографировали, когда мы гуляли по набережной. И они наверняка поняли, что это я был в Роппонджи, на мотороллере. Вот и все. Конечно, если ты никому ничего не рассказывала. Особенно по тому телефону.

– Нет, я ничего не говорила. А как же мой мобильник? Ведь если Памела работала на Доротею...

– Доротея говорит, там все чисто. У них просто не хватило времени. Мисс Мэйнуоринг взяла этот телефон из дежурного запаса «Синего муравья». Доротея обязательно поставила бы туда жучок, если бы у нее было время. Твой «Айбук» купили в магазине напротив. Я поговорил с парнишкой, который его забрал. Он его распаковал, проверил систему и установил софт, который ему дал Хьюберт. Памела забрала компьютер по дороге к тебе; на улице ее уже ждала машина. И потом, в Токио я его проверил и ничего не нашел. Что еще она тебе дала?

– Вроде ничего. – Кейс пытается вспомнить. – Да, еще кредитную карту.

– Значит, у них наверняка есть номер этой карты. На твоем месте я бы попросил новую.

– Тот человек, который пытался отнять у меня сумку в Токио...

– Франко. Потенциально слабое звено. – Бун достает из кармана телефон, проверяет время. – Сейчас он как раз подъезжает к Хитроу. Бигенд взял ему билет до Женевы, где очень дорогой швейцарский хирург должен бесплатно починить ему нос. Заодно Франко там отдохнет, оправится. И не будет путаться под ногами. Его напарник получил двухнедельный отпуск в Каннах, плюс неплохую премию. Будем надеяться, они не станут особо болтать. С наемными агентами всегда какие-то проблемы.

– А что Доротея скажет киприоту?

– Скажет, что Бигенд взял ее на работу. Это скрыть невозможно, пресс-релиз уже выходит. Они, конечно, заподозрят, что он ее перевербовал. Но она опытный игрок, что-нибудь придумает.

– А ее мобильник, по которому она говорила с Бигендом?

Может, там тоже стоит жучок?

– Этот телефон он дал ей раньше. Она им не пользовалась, просто держала включенным на всякий случай. Хотя с мобильниками проблема не в жучках, а в том, что твою частоту можно прослушивать. Этот способ связи небезопасен по умолчанию, если только сигнал не кодируется.

– И ты в час ночи специально поехал к Дэмиену? Убедиться, что я в порядке?

– Ну, мне все равно не спалось.

Кейс ставит на стол кофе, смотрит ему в глаза.

– Спасибо.

– Значит, мир? Работаем вместе?

– Если будешь держать меня в курсе. Никаких сюрпризов, я должна точно знать, что ты замышляешь. Согласен?

– Да, в определенных пределах.

– Это как?

– Я улетаю в Коламбус, штат Огайо. Сегодня вечером. Если повезет, если что-то узнаю, то сразу все рассказать не смогу. Слишком рискованно. Тебе придется читать между строк, пока мы не встретимся.

– А что там, в Коламбусе?

– Фирма «Магия-символ». Любые виды водяных знаков для любых форм цифровой информации. Их вебсайт демонстративно умалчивает о клиентах; по словам моих друзей, их услугами пользуются довольно крупные фирмы.

– Думаешь, это они помечают фрагменты?

– Похоже на то. Я послал номер Таки своему другу из «Райса». Если знаешь, что искать, то дело идет живее. Он подтвердил: семьдесят восьмой фрагмент действительно помечен этим номером. Причем сделано это характерным образом, подразумевающим определенную школу мысли. Такую школу, которой пользуются в фирме «Магия-символ».

– Что ты там будешь делать? У тебя есть план?

– Потолкаюсь в толпе, займусь социотехникой.

– Ты что, специалист?

– Смотря по обстоятельствам. – Он улыбается, прихлебывает кофе.

– А букву «Т» ты своему другу тоже послал?

– Да. Теперь он знает про семьдесят восьмой фрагмент, а значит, можно поэкспериментировать. Он попробует привязать остальные фрагменты к участкам на карте. Если это карта, конечно.

– Похоже, что карта. Я знаю одного человека... – Кейс думает о Дерриле. – Он хочет заложить картинку в поисковый бот,

который специализируется только на картах. Если это снято с какого-то реального города, то можно найти соответствие.

– М-м, недурно. Но сейчас меня больше интересует, каким боком тут замешана «Магия-символ». Как они работают? Кто-то посылает им фрагменты, они их помечают, потом отсылают назад? Если так, то можно узнать, кому они их отправляют. И это выведет нас на автора.

– Когда ставят водяной знак, при этом надо посмотреть материал?

– Не знаю, вряд ли. Постараюсь выяснить.

– С чего ты намерен начать?

– Просто постучусь в дверь, назовусь представителем маленькой, но очень перспективной фирмы, которая проявляет интерес к скрытым водяным знакам. Дальше видно будет. А почему ты спросила, смотрят ли они видео?

– Потому что фрагментщики могут появиться везде, даже среди работников этой фирмы. Достаточно один раз посмотреть какой-нибудь фрагмент. Может, там есть люди, которые уже знают то, что ты хочешь узнать.

– Не исключено. Тогда нам придется засветиться.

Да, он прав.

Посмотрев еще раз на часы, Бун говорит:

– Мне пора идти.

– Куда?

– В «Сефридж». Я должен купить костюм.

– Не могу представить тебя в костюме.

– И не надо, – говорит он, вставая; кожаный чемоданчик уже у него в руке. – Ты все равно меня в нем не увидишь. – Он улыбается.

А ты бы хорошо смотрелся в костюмчике, неожиданно думает Кейс. И краснеет от этой мысли. Она тоже встает, протягивает руку, чувствуя себя ужасно неловко.

– Ну, удачи в Огайо.

Бун сжимает ее ладонь, подается вперед, быстро целует в щеку.

– Будь осторожна. Я с тобой свяжусь.

Он поворачивается и уходит. Она смотрит ему вслед. Бун идет мимо женщины в штанах-парашютах «Махариши» с зоологическим орнаментом, и вышитые тигры, заметив выражение лица Кейс, улыбаются и подмигивают.

26
Радиоэлектронная разведка

Уборка квартиры вырастает в целый проект, но Кейс не унывает: монотонный физический труд поможет душе найти дорогу домой. У Дэмиена в гостиной распаковывали камеры; весь пол засыпан мусором. Абстрактные пенопластовые фигуры, мелкое белое зерно, разорванные пакеты, гарантийные талоны и буклеты инструкций. Как будто капризный ребенок нетерпеливо открывал дорогие подарки. В общем, так оно и было, с улыбкой думает Кейс, вспоминая Дэмиена.

Пивные бутылки, блюдце в роли импровизированной пепельницы, переполненное окурками «Мальборо» со следами губной помады, грязная посуда, объедки тандури, парочка очень дорогих женских трусиков, которые Кейс радостно бросает в урну, вслед за остатками не менее дорогой косметики. Поменять постельное белье, расправить на кровати гигантскую рукавицу для духовки, вытереть пыль. В заключение пройтись по ковру ярко-красным немецким пылесосом, которым ни разу еще не пользовались. Теперь подняться на второй этаж, посмотреть, что здесь нуждается в уборке. Но тут физическое изнеможение бьет по голове, как огромная мультипликационная кувалда, и Кейс падает на услужливо разложенный диван.

Проснувшись, она слышит, как внизу звонит телефон. Свет снаружи изменился. Клон «Кассио» показывает время: прошло восемь часов.

Телефон замолкает, потом опять начинает звонить.

Кейс спускается вниз, поднимает трубку. Это Магда – предлагает вместе поужинать.

Подходя к станции, Кейс ожидает увидеть только Магду, однако обнаруживает также Войтека и бритоголового негра. Все трое выглядят на удивление беззаботно – сразу видно, что им не приходится думать о временно́й разнице и прочих осложнениях, какими с недавнего времени изобилует жизнь Кейс. Нгеми сияет ярче остальных: огромная куртка из черной искусственной кожи застегнута под горло, широченная улыбка не сходит с лица. По пути к греческому ресторану, расположенному за станцией, Кейс узнает причину этой радости.

Нгеми наконец-то продал арифмометры, которые она видела во время прогулки в Портобелло. Их купил тот самый коллекционер из Японии, причем за весьма круглую сумму.

Сейчас Нгеми похож на человека, который вдруг узнал, что дело, считавшееся проигранным, закончено в его пользу. На секунду, правда, его радость омрачается.

– Теперь надо ехать в Ливерпуль, забирать арифмометры у Хоббса, – вздыхает он.

Кейс вспоминает несимпатичного типа на старой грязной машине.

– Не люблю его! – без обиняков заявляет Магда, обращаясь главным образом к Войтеку.

– Он гениальный человек, – отвечает тот, пожимая плечами.

– Мерзкий, пьяный старый шпион!

Услышав слово «шпион», Кейс начинает о чем-то думать, но вскоре забывает мысль.

Выбранный ими ресторан оставляет впечатление тихого, уютного греческого местечка, открывшегося задолго до «крестового похода детей». Белизной стен, голубым эгейским орнаментом и традиционным антуражем, рассчитанным на туристов, он почему-то напоминает Кейс один китайский ресторанчик в Роануке, штат Виржиния.

– Классная у вас прическа, – с искреннем восхищением замечает Магда, пока официант разливает по бокалам рецину[23]. – Это вас в Токио так подстригли?

– Спасибо. Да, в Токио.

– Но вы ведь там были всего ничего.

– Да, по делам. – Кейс прикрывает зевок, который взялся невесть откуда. – Извините.

– Наверное, все еще живете по их времени? Представляю, как это трудно.

– Я уже, кажется, живу в своем собственном часовом поясе, – отвечает Кейс. – Не знаю, правда, сколько там времени.

Нгеми заводит речь о девальвации йены и о том, как это может повлиять на его бизнес; потом разговор переходит на школьного друга Магды, который недавно получил должность дизайнера одежды в крупной японской фирме, разрабатывающей видеоигры. Войтек и Нгеми выражают удивление, но Кейс убеждает их, что это нормальное явление: модельный бизнес постепенно проникает и на этот рынок.

– Жаль, что аниме-персонажи не носят шляпок! – Магда доливает себе смолистого желтого вина, отпивает и морщится от горечи. – У них просто непокрытые головы. И прически – прямо как у вас!

Магда затянута в кожаный корсаж голубого цвета. Этот цвет называется «турбо-блю»; на крупных заводах в него красят электрическое оборудование. Тени на ее веках подобраны в тон.

– Жизнь совсем нелегка у серьезного художника, – замечает Войтек, который держится угрюмее, чем обычно. – Время – это деньги. Но и деньги – это деньги.

– Да не переживай ты из-за этого каркаса, – утешает Магда. – Все будет хорошо, придумаем что-нибудь.

Она объясняет, что Войтек уже собрал где-то около трехсот экземпляров «Зи-Экс 81», и теперь перед ним стоит мучительная задача: приделать к каждому компьютеру специальный переходник и объединить их в подобие сети на основе оригинального протокола «Синклер». Войтек слушает очень внимательно, явно наслаждаясь тем, как его сестра описывает препоны на пути серьезного художника.

Насколько Кейс понимает, он хочет создать собирательный образ рудиментарной логической машины. Войтек рисует схему на салфетке: трехмерный несущий каркас, составленный из старых строительных лесов, которые Нгеми нашел где-то в Бермондси. Наблюдая, как синие чернила расплываются на рыхлой бумаге, Кейс вспоминает Таки и маленький бар в Роппонджи.

Нгеми уверяет, что леса исключительно старые и ржавые – как раз то, что нужно для придания инсталляции нужной текстуры. Однако если каждый компьютер модифицировать вручную, потребуются недели, если не месяцы, работы. Леса, конечно, стоят недорого, но все же не бесплатно, и потом их надо перевезти, отмерить, распилить, собрать, потом снова разобрать и сложить куда-нибудь до тех пор, пока не найдется выставочный зал.

– В общем, без спонсора не обойтись, – заключает Войтек.

Кейс думает о Билли Прайоне, но удерживается от упоминания, что видела его в Токио, в новом рекламном проекте.

– Перед тем, как мы с вами познакомились, – говорит Нгеми, – Войтек уже почти решил проблемы с деньгами. К сожалению, этот план не сложился.

– А что случилось? – спрашивает Кейс, догадываясь, что сейчас ее начнут разводить на роль спонсора.

– Ни у меня, ни у Хоббса по отдельности нет ничего, что могло бы заинтересовать этого японца. Но если объединить наши запасы, то можно сыграть на «синдроме оптовой партии». Покупатели на это клюют. По-немецки оптовая партия называется *konvolut.* Хорошее слово. Коллекционеры влипают в такие сделки, как в паутину; им кажется, что они наткнулись на клад. – Нгеми улыбается; пламя свечей отражается в его зеркально выбритой голове. – Я собирался дать Войтеку деньги на леса, если сделка с японцем состоится.

– Вы же сказали, что все прошло удачно, – говорит Кейс. – Вы продали арифмометры.

– Да, верно, – подтверждает Нгеми с тихой гордостью. – Но я уже веду переговоры, чтобы купить «инструмент» Стивена Кинга.

Кейс изумленно поднимает глаза.

– Подлинность не вызывает сомнений, – заверяет Нгеми в ответ на ее взгляд. – Цена высокая, но разумная. Это здоровенная штуковина, одна из первых электронных пишущих машинок. Одна только доставка обойдется дороже, чем эти леса.

Кейс кивает.

– Теперь мне придется иметь дело с Хоббсом Барановым, – продолжает Нгеми, – а он сейчас в дурном настроении.

Если тогда в Портобелло он был в хорошем настроении, думает Кейс, то я не хотела бы увидеть его в дурном.

– На деньги от продажи «Куртов» Хоббс хотел купить очень редкий экземпляр, на аукционе в Ден-Хааге в прошлую среду. Это фабричный прототип одной из ранних моделей «Курта» – с необычной, даже уникальной конструкцией механизма. Но его перехватил дилер с Бонд-стрит, причем по очень низкой цене. Так что Хоббс теперь, мягко говоря, не в духе.

– Но вы продали и его арифмометры, он же заработал.

– Бесполезно: если вещь попала на Бонд-стрит, то простым смертным она не достанется. И даже не простым, вроде Хоббса Баранова. Слишком дорого.

Магда, которая с самого начала налегала на рецину более целеустремленно, чем остальные, строит недовольную гримасу.

– Омерзительный тип. С ним вообще лучше не знаться. Если все американские шпионы такие же уроды, то чем они лучше русских, которые им проиграли?

– Хоббс никогда не был шпионом, – мрачно возражает Нгеми, опуская бокал. – Он просто шифровальщик, хороший математик. Если бы американцы действительно были такими бездушными прагматиками, какими их обычно рисуют, они не оставили бы этого беднягу спиваться в ржавом прохудившемся трейлере.

Кейс, которая никогда не считала себя особенно прагматичной или бездушной, интересуется:

– А что бы они тогда сделали?

Нгеми замирает, не донеся до рта вилку с кальмарами.

– Наверное, – говорит он, – они бы его убили.

Детство Кейс прошло за призрачным и в то же время, судя по ощущениям, очень банальным экраном, которым отгораживались от мира люди, так или иначе связанные с американскими спецслужбами. Поэтому когда речь заходит о таких вещах, у нее есть свой набор понятий насчет того, что принято, а что нет. Сам

Уин никогда не занимался оперативной работой, но у него были друзья-оперативники, которых он очень любил. У всех этих людей было одинаковое нравственное ядро, сформированное спецификой секретного мира и его невидимых войн. Кейс мало знает о законах этого мира, однако всякий раз, когда в ее присутствии люди, знающие еще меньше, начинают на эту тему рассуждать, она воспринимает их слова как пустое фантазирование.

– На самом деле, – говорит Кейс, – это своего рода традиция – оставлять их спиваться.

Что-то в ее голосе заставляет всех замолчать, хотя она этого не добивалась.

– Почему вы сказали «в трейлере», Нгеми? – спрашивает она, чтобы прервать молчание.

За свою жизнь Уин похоронил немало коллег, которых погубило не что иное, как стресс и чрезмерная работа, да еще, может быть, особый вид депрессии, вызванной слишком долгим и пристальным наблюдением за человеческими душами под определенным углом – предсказуемым и, в общем, довольно неестественным.

– Потому что Хоббс в нем живет, – объясняет Нгеми. – Там у них целый трейлерный поселок. Практически это сквот[24] – недалеко от Ливерпуля.

– Но у него же пенсия от ЦРУ! – возмущается Магда. – Никогда не поверю в сказки насчет ржавого трейлера. И потом, он покупает «Курты», которые стоят кучу денег. Как хотите, а этот тип явно что-то скрывает! – Она делает большой глоток рецины.

– Не ЦРУ, а АНБ, – поправляет Нгеми. – Да, есть какое-то пособие по инвалидности, хотя впрямую я не спрашивал. В общей сложности у него около десяти тысяч фунтов. Большая часть, как правило, вложена в арифмометры. Не так уж много. И даже эти деньги он не может себе позволить просто хранить. Как коллекционер он хочет покупать, но как бедный человек вынужден продавать. – Нгеми вздыхает. – Это удел многих людей. Даже мой, в какой-то степени.

Магда не унимается:

– Да он шпион, говорю вам! Продает секреты за большие деньги. Мне Войтек рассказывал.

Войтек нервно переводит взгляд с Кейс на Нгеми.

– Не шпион, нет! Не секреты. Нельзя так говорить, Магда!

– Что же он продает? – спрашивает Кейс.

– Иногда, – Войтек понижает голос, – он находит для людей информацию.

– Я и говорю – шпион! – радостно заключает Магда.

Войтек морщится.

– Наверное, он просто сохранил старые связи, – предполагает Нгеми, – и поэтому имеет доступ к определенным вещам. Думаю, в городе есть люди, которые… – Он умолкает, морщит черный широкий лоб. – В общем, ничего незаконного тут нет. Обычные связи с бывшими коллегами. И никто не задает лишних вопросов.

– А, вспомнила! – торжествующе восклицает Магда. – Радиоэлектронная разведка! Войтек сказал, что Хоббс продает данные радиоэлектронной разведки.

Войтек мрачно разглядывает свой бокал.

Радиоэлектронная разведка. Кейс знает этот термин.

Она решает сменить тему разговора. Сейчас надо расслабиться, а мысли о таких вещах только портят вечер.

После ресторана они заходят в переполненный бар рядом со станцией. Памятуя, что рецина плохо сочетается с другими видами алкоголя, Кейс заказывает кружку шанди[25], к которому почти не притрагивается.

Она чувствует, что развод на спонсора сейчас начнется в полную силу, и решает нанести упреждающий удар.

– Я надеюсь, ты найдешь покровителя, Войтек. У тебя обязательно получится, это интересный проект. Если бы у меня были такие деньги, я бы сама в нем поучаствовала.

Как она и ожидала, все трое переглядываются и затихают. Наконец Нгеми решает попробовать:

– Может, ваш работодатель заинтересуется…

– Я не могу обращаться с просьбой. Мой контракт только начался.

Говоря это, она думает не о Бигенде, а о кредитной карте, лежащей у нее в кошельке. Она легко могла бы купить Войтеку груду ржавых лесов. Да, так она и сделает, если ничего лучшего они не найдут. И пускай русские киприоты, в которых она не очень-то верит, поломают над этим головы.

27
Истинный энтузиаст

Поднимаясь по ступенькам, Кейс отмечает, что ритуал Джеймса Бонда ее больше не интересует.

Никаких волосинок и плевков, никакой пудры. Это скорее фатализм, чем вера в надежность немецких замков. Если уж они смогли забраться в кабинет Кэтрин Мак-Нелли на Пятой авеню и незаметно похитить записи психотерапевтических сессий, то никакие замки их не остановят. А действительно, как им это удалось? Какой-нибудь человек, одетый в черное трико, прокрался в ночи мимо журнального столика, где лежат стопки журналов «Тайм» и «Космополитен» трехлетней давности...

Она открывает дверь и видит, что забыла оставить свет включенным.

– Козлы! – кричит она в темноту.

Дотянуться до выключателя, зажечь свет, запереть дверь. Подняться для проверки на второй этаж.

На часовом поясе «Кейс Поллард» сейчас, судя по всему, белый день. О сне не может быть и речи.

Включив «Кубик», Кейс запускает «Нетскейп» и открывает Ф:Ф:Ф, отмечая каждое прикосновение к клавиатуре. Если Доротея не врет, то поклонники азиатских шлюх установили здесь программу, которая регистрирует нажатия клавиш. Записанная последовательность может быть скачана через какой-нибудь «черный ход». Интересно, регистрирует ли программа движения мыши? Если да, то как они узнают, где находится курсор? Скорее всего они видят только нажатия клавиш и адреса страниц в браузере.

После относительно долгого перерыва Ф:Ф:Ф выглядит каким-то незнакомым. Многих авторов Кейс вообще встречает впервые. Капюшончик рассказывал, что в новостях недавно пустили сюжет, породивший волну новичков. Может, это и есть незнакомые имена? Бегло просмотрев заголовки постов в нескольких разделах, она видит, что номер 135 все еще остается популярной темой, наряду с историей о бразильских фрагментщиках-сатанистах.

Кейс смотрит на экран, положив руки на колени (клавиатура ее теперь пугает), и представляет, как в полутемном компьютерном зале, где высвечена эта же страница Ф:Ф:Ф, сидят зловещие фигуры, одетые, как герои шпионских сериалов, и ждут, когда она откроет какой-нибудь пост.

Помедлив несколько минут, чтобы потрепать им нервы, она закрывает «Нетскейп» и выключает компьютер.

В несколько отработанных движений она присоединяет «Айбук» к мобильному телефону и выходит в интернет. Если Бун не ошибся при проверке, то лэптоп ничего не посылает злодеям, сидящим в полутемном компьютерном зале. Правда, они могли залезть в квартиру, пока она была в греческом ресторане, думает Кейс, открывая «Хотмэйл». И тогда...

– Ну и черт с ним! – говорит она вслух, обращаясь к Дэмиеновым кибердевочкам.

Так жить просто невозможно. Она отказывается так жить.

Три новых письма. Первое от Буна.

> Привет из Ла-Гуардии, аэропорта повышенной безопасности! Вылетаю в Коламбус с минуты на минуту. Договорился о встрече с интересующей нас фирмой. Придется ориентироваться на месте. Как у тебя дела? Дай знать.

Да, Бун, думает она, ты не самый красноречивый из моих корреспондентов. Впрочем, чего она ожидала? Эссе в шекспировском стиле за минуту до посадки в самолет?

> И тебе привет. Пишу на лэптопе, согласно инструкции. Обстановка спокойная, новых донесений нет.

Следующее письмо от Капюшончика начинается словами:

> Боже милостивый! (Моя мать, при всех ее отклонениях, была очень религиозной женщиной. Я тебе, кажется, уже рассказывал. Очевидно, именно поэтому манифестация моих страхов всегда сопровождается богохульством.) Деррил разрешил Джуди быть Кейко, согласившись с твоим утверждением, что другого выхода у нас нет. Она практически переехала к Деррилу на квартиру и уже две ночи подряд не выходит на работу, ссылаясь на плохое самочувствие. Ее буквально потрясла сила (или, как она выражается, «пронзительная чистота») страсти Таки, и смягчить это потрясение не могут ни посредничество Деррила, который в обе стороны переводит их переписку, ни даже тот факт, что Таки считает ее миниатюрной японской школьницей. Деррил признался, что при переводе пытается по мере сил притушить огонь желания в ее письмах – вплоть до

ссылок на недостаточное знание японского альковного жаргона (ложь). По его словам, Джуди почти все время плачет и сквозь слезы признается, что о такой любви мечтала всю свою жизнь. Честно говоря, это одна из самых странных вещей, которые я когда-либо видел. Ситуацию можно было бы даже назвать смешной, если бы мы не пытались добиться... Кстати, а чего мы пытаемся добиться? Теперь, когда в роли Кейко выступает Джуди, мы утратили контроль над единственным каналом, по которому поступала информация от группы «Мистика». Не говоря уже о том, что Таки может просто помереть – от приапизма. Твой К.

Последний имэйл – от Айви, основательницы и хозяйки Ф:Ф:Ф. Кейс не получала от нее писем с тех пор, как уехала из Нью-Йорка.

Здравствуйте, Кейс! Что-то вас давно не видно на форуме. Вы сейчас в Японии? Я по-прежнему в Сеуле, в доме с большой цифрой.

Айви как-то послала ей фотографию своего дома: серый прямоугольный небоскреб с нарисованной на фасаде огромной – высотой в десять этажей – цифрой «4». Сзади угадывались точно такие же здания, помеченные соответственно цифрами «5» и «6».

Мама Анархия обычно не балует меня письмами. Я, в общем, и не в претензии: не секрет, что я ее недолюбливаю.

Кейс и Айви несколько раз приходилось объединять усилия и растаскивать по углам сцепившихся Капюшончика и Маму Анархию, перебранка которых могла запрудить весь форум.

Чувствуя холод под сердцем, Кейс перечитывает первые строки.

Вы сейчас в Японии?

Происходит что-то жуткое и необъяснимое. Единственный, кто мог ей рассказать, – это Капюшончик, что практически невозможно, учитывая обстоятельства.

Сегодня я получила от нее очень странное письмо. Очень доброжелательное. Сначала идут выражения благодарности за Ф:Ф:Ф и все такое. А потом она спрашивает о вас – так, словно вы ее старинная подруга.

И между прочим упоминает, что вы сейчас в Токио. В общем, подозрительное какое-то письмо. Вот выдержка, где говорится о вас. Если хотите, я могу послать вам полный текст.

«А как дела у КейсП? Давненько она не заходила на форум. Вы ведь помните, что я не сразу начала постить, а поначалу была просто пассивным читателем. Но посты КейсП, искрящиеся свежими идеями, показали, каким должен быть истинный энтузиаст. Особенно меня поразило ее предположение, что автор фрагментов может пользоваться финансовой поддержкой русской мафии, или какой-либо другой, столь же секретной организации. Вы помните тот пост? Надеюсь, мне удастся встретиться с ней лично, когда она вернется из Токио».

Кейс злобно смотрит на экран. Ей хочется запустить лэптоп в голову ближайшей кибердевочки. Это уже нечестно. Чем она заслужила?

Ну ладно. Допустим, Мама Анархия как-то связана с недавними событиями. Но зачем ей так бездарно раскрывать карты? Специально, чтобы напугать Кейс? Или...

Или Мама Анархия просто допустила ошибку. Типичная фрейдистская оговорка: хотела написать «Лондон», а написала «Токио». Такие вещи, по утверждению Уина, чрезвычайно тяжело контролировать, на этом многие засыпались.

Мама Анархия ей вовсе не подруга, об этом даже подумать смешно.

За все это время они в лучшем случае обменялись двумя-тремя сухими имэйлами. Всему форуму отлично известно, что Кейс дружит с Капюшончиком, а его ненависть к Маме Анархии проявляется во всем, начиная с критики за чрезмерную склонность к цитированию французских философов и кончая откровенно грубыми дразнилками, звучащими тем более абсурдно, что он понятия не имеет, как она в действительности выглядит. Понятно, что письмо к Айви – попытка что-то разнюхать, причем весьма неуклюжая. Хотя, по идее, Мама Анархия не должна знать о дружбе Кейс и Айви и уж тем более о том, что они постоянно обсуждают поведение самых активных участников форума.

Чертовщина. Кейс делает глубокий вдох.

– Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов.

Механически, словно неудачник, дергающий рычаг игрового автомата в надежде на лучший расклад, Кейс еще раз проверяет почту – и обнаруживает, что за это время пришло еще одно письмо.

Марго, австралийская подруга из Нью-Йорка, бывшая любовница Бигенда, которой поручено присматривать за квартирой в отсутствие Кейс.

> Салют, подружка! У нас тут происходят разные странности. Сегодня я, как обычно, зашла к тебе. Твой комендант подметал крыльцо и выглядел, как ни странно, чуть ли не добродушно. Впрочем, речь не об этой аномалии. А о другой, более серьезной. На самом деле я до конца не уверена, но мне кажется, что в твоей квартире кто-то недавно побывал. Об этом говорят две вещи. Во-первых, протекал бачок в унитазе. В прошлый приход я спустила воду, но он все продолжал течь. Тогда я сняла крышку, пошебуршила эту штучку в середине, и он перестал. А сегодня гляжу – снова течет. Я даже не сразу обратила внимание. Понимаешь, все остальное в идеальном порядке, разложено по полочкам (как тебе это удается?), и только бачок опять протекает. Бр-рр, мороз по коже. Правда, сантехнику у тебя не меняли со времен Бурской войны, так что бачок, вполне возможно, сам начал течь, от старости. Ну я, естественно, начинаю все осматривать, в смысле, ничего ли не пропало; и конечно, всего не упомнишь, но у тебя так мало вещей, и они так аккуратно расставлены, и я вижу, что все вроде бы на месте. А день такой ясный, знаешь, солнечный, и свет падает прямо на письменный стол, потому что белые занавески чуть-чуть раздвинуты. И вот я стою и смотрю – стопка почты лежит рядом с компьютером. И я пытаюсь вспомнить, там ли она лежит, где я ее положила позавчера. А сегодня, кстати, почты вообще не было. Ну в общем, в солнечном свете видно, до чего все пыльно, и я думаю, надо сделать Кейс одолжение, вытереть пыль, – и тут замечаю на столе темный прямоугольник! Как раз там, где раньше лежала почта. Которая теперь лежит в стороне. Понимаешь? А на темном прямоугольнике даже чуть-чуть пыль видна, накопилась за два дня. Может, еще у кого-то есть ключи? Может, твой пьяный комендант приходил, чтобы починить унитаз? Скажи, я могу что-нибудь сделать, предпринять какие-то шаги? Когда ты возвращаешься? Я думала, ты уехала ненадолго. Как у

тебя дела? Довелось ли повидать этого подонка? Нет, лучше не говори, не хочу огорчаться. Марго.

Кейс закрывает глаза и видит свою берлогу с голубыми полами, чистую квартирку на Сто одиннадцатой улице, за фиксированные 1200 долларов в месяц, безраздельно перешедшую к ней, когда сосед, с которым она снимала вскладчину, переехал в Сан-Франциско. Ее дом. Кто туда приходил? Уж точно не комендант. Разве что его подкупили.

Как же она все это ненавидит! Насколько эти знаки кажутся мелкими, едва различимыми – и в то же время насколько они серьезны! Как невидимый груз, лежащий на жизни; словно пытаешься уснуть под серебристым Дэмиеновым покрывалом, похожим на рукавицу для духовки…

И вдруг она чувствует, что смертельно устала. Время на часовом поясе «Кейс Поллард» разом перепрыгнуло на несколько часов вперед. Тело буквально дрожит от усталости, хотя это еще не значит, что удастся заснуть. Выключить «Айбук», отсоединить мобильник, проверить замки. Поискать мелатонин в ванной. Увы, он уехал в Россию. Как и следовало ожидать.

Кейс чувствует, что готова расплакаться – просто так, без причины. Странность назойливо лезет в ее мир, а она даже не знает почему.

Погасив свет, она раздевается и ложится в кровать, радуясь, что избавилась от серебристой печной рукавицы…

И практически мгновенно оказывается на Западном Бродвее, посреди пустой заснеженной улицы; вокруг тишина, глухая ночь, выхолощенный час, когда не спится одиноким людям. Кейс тоже одна: ни машин, ни прохожих, и окна в домах темные, и даже фонари не горят, но видно все равно хорошо, потому что в снегу отражается мерцание неба. На белой девственной поверхности нет ни одной помарки и даже ее собственных следов. Справа нависает темный фасад гостиницы «Сохо Гранд». Слева – бистро, где она однажды обедала с Донни. И тут впереди, на перекрестке, она замечает его. Черный плащ, то ли кожаный, то ли нет. Характерно поднятый воротник. Силуэт, знакомый по бесчисленным просмотрам ста тридцати пяти фрагментов.

Кейс хочет окликнуть его, однако в груди что-то мешает. Она собирается с силами и делает мучительный шаг, потом еще и еще – оставляя следы на нетронутом снегу, переходя постепенно на бег, и фалды расстегнутого «Баз Риксона» хлопают на ветру, как черные крылья, но расстояние между ними не сокращается, сколько ни беги, а вокруг уже лабиринт Чайна-тауна, и занесенные улицы все так же пустынны… И тут она теряет его из

виду. Возле магазина с выбитой витриной. Задыхаясь от бега.

Она поднимает голову и видит впереди два параллельных луча, которые бьют вертикально вверх – неяркие, будто северное сияние, но с четко очерченными границами. Она запрокидывает лицо: на головокружительной высоте лучи сходятся в одну точку, как рельсы у горизонта.

– Спроси у него, – произносит отец.

Повернувшись, Кейс видит, что отец стоит рядом, одетый точь-в-точь как в то утро – в распахнутое пальто поверх серого костюма. В протянутой руке он держит черный цилиндр – арифмометр «Курт».

– Мертвые тебе не помогут, а от мальчишки толку нет, – говорит он.

Стальные глаза с золотистым ободком: бледнеют, растворяются на фоне серого неба.

– Папа…

Кейс произносит это вслух и просыпается, облепленная паутиной страха и жалости. И чувствует, что решение принято – хотя неясно, как и какое. И вообще, хватит ли у нее смелости…

Она зажигает свет, чтобы убедиться, что это квартира Дэмиена. Ей хочется, чтобы Дэмиен был здесь. Чтобы хоть кто-то был здесь.

28
В поход за правдой

Привет, Войтек.

Когда Негеми собирается поехать к Баранову? Мне надо поговорить с Барановым.

Отправить.

Кейс отсоединяет принтерный кабель от «Кубика» и подключает его к «Айбуку», надеясь, что нужный драйвер установлен. Да, установлен. Она следит, как из принтера выползает глянцевая бумага с изображением города «Т». Карта может пригодиться. Подробнее она думать не хочет.

Проверить почту.

Новых сообщений нет.

Сон больше не актуален.

Кейс разглядывает распечатку: площади и авеню, занесенные красной метелью номеров.

Проверить почту. Одно письмо.

Кейси, он едет сегодня утром, поезд от Ватерлоо до Борнмута в 8.10. Имя пишется Нгеми. Там один друг даст ему машину, чтоб доехать до Баранова. Почему вы не спите! Войтек.

Часы в правом верхнем углу экрана: четыре тридцать три.

Почему ты сам не спишь? Спроси, пожалуйста, Нгеми, могу ли я поехать с ним? Это очень важно.

Ответ приходит практически мгновенно.

Работаю над проектом «Зи-Экс 81». Нгеми встает рано. Я позвоню сначала ему, потом вам.

Кейс отсылает короткий ответ: благодарность за помощь и номер мобильного телефона.

Принять душ.

Отключить мысли.

Вокзал Ватерлоо, семь пятнадцать. Архаичные эскалаторы выносят Кейс в зал ожидания. Вверху парочка голубей и четырехгранные викторианские часы. Внизу пестрые табло и

пассажиры, катящие черный обтекаемый пластик к поездам через Ла-Манш. Кто-то из них едет в Бельгию, на родину Бигенда.

Нгеми должен ждать ее под часами, но еще слишком рано, и Кейс покупает таблоид, бутерброд с беконом и бутылку «Фанты». Кофе противопоказано: в поезде она надеется поспать.

Стоять под часами, жевать бутерброд. Наблюдать плавную круговерть воскресного вокзала. Гулкие голоса гремят и клокочут над толпой, словно пытаясь протолкнуть важную информацию сквозь пыльную жесть столетних громкоговорителей.

У «Фанты» противный синтетический привкус. Зачем она ее купила? Таблоид ничуть не лучше – его страницы пропитаны яростью вперемешку со стыдом. Авторы упрямо теребят некий воспаленный национальный подтекст, надеясь, что это принесет временное облегчение.

Кейс бросает обе покупки в урну, заметив приближающегося Нгеми – большого, черного, застегнутого в неизменную кожаную куртку. В руке у него саквояж с африканским узором.

– Доброе утро! – Он выглядит слегка озадаченным. – Войтек сказал, что вы хотите повидать Баранова.

– Да, хочу с ним поговорить. Можно поехать с вами?

– Странное желание. Этого человека нельзя назвать приятным собеседником. Его настроение меняется только от плохого к худшему. Вы уже купили билет?

– Еще нет.

– Тогда идемте.

До Борнмута два часа езды. Нгеми объяснил, что раньше выходило быстрее, но теперь по старым путям пустили новый скоростной поезд, который должен еле плестись.

На Кейс успокаивающе действует присутствие этого человека, с его скрипучей кожей и профессиональной серьезностью.

– Вчера вы сказали, что Баранов был на аукционе и проиграл. И теперь очень расстроен, – начинает она.

Парень в синтетическом форменном пиджаке катит по проходу тележку с зазеркальными утренними закусками: треугольные белые сандвичи с яичным паштетом, банки светлого пива, мини-бутылочки с виски и водкой.

– Точно, – отвечает Нгеми. – Он бы в любом случае огорчился из-за потери арифмометра. Но тот факт, что его перебил Люциан Гринуэй с Бонд-стрит…

– Кто?

– Есть такой дилер. До недавнего времени занимался старинными часами. Его все коллекционеры ненавидят. В прошлом году в нем проснулся интерес к «Куртам». Понимаете,

рынок в этой области еще не до конца рационализирован.

– Рационализирован?

– Еще не превратился в глобальную среду, которую контролируют специалисты, как это произошло, например, с марками или с монетами. Или с часами, которыми торгует Гринуэй. В случае с «Куртами» цены пока только формируются. Еще можно наткнуться на редкий экземпляр, где-нибудь в пыли на чердаке, и купить его за гроши. Рынки, подобные этому, обычно рационализируются через интернет.

– Через интернет?

– Конечно! Возьмите хотя бы Хоббса, – говорит он, и Кейс не сразу вспоминает, что это имя Баранова. – Он сам участвует в этом процессе.

– Каким образом?

– Через «И-Бэй», – объясняет Нгеми. – Он там как рыба в воде. Сколько уже «Куртов» впарил американцам. Причем намного дороже, чем они стоят здесь. Вот так и формируются глобальные цены.

– Вы тоже любите «Курты»? Так же, как он?

Нгеми вздыхает, его куртка раздувается и скрипит.

– Я их ценю. Я ими восхищаюсь. Хотя не до такой степени, как Хоббс. Понимаете, меня интересует история развития компьютеров. А «Курты» – это всего лишь ступень. Замечательная ступень, спору нет. Но у меня в коллекции есть «Хьюлетт-Паккарды», которые я ценю ничуть не меньше.

Он смотрит в окно, где бегут блеклые поля и проплывает шпиль далекой церкви. Потом поворачивается к ней и продолжает:

– Хоббс относится к ним как истинный специалист. Думаю, что для него это не вопрос обладания редким артефактом, а вопрос происхождения.

– В каком смысле?

– Эта история с концентрационным лагерем. Представьте: Герцтарк сидит в Бухенвальде, а вокруг смерть, методичное уничтожение, практически полная обреченность. И среди этого кошмара он продолжает работать. А потом приходят американцы, выпускают заключенных, и он оказывается на свободе, сохранив чертежи, ни разу не изменив своей идее. Хоббс преклоняется перед этим триумфом, перед торжеством творческого разума, у которого невозможно отнять свободу.

– Наверное, он сам хочет от чего-то освободиться.

– От самого себя, – кивает Нгеми и сразу меняет тему: – Так чем вы занимаетесь? Там, в ресторане, я не совсем понял.

– Маркетингом.

– Продаете что-нибудь?

– Нет, я ищу вещи… новые стили, тенденции. А потом другие люди, другие фирмы их рекламируют. И еще я занимаюсь экспертизой. Оцениваю эмблемы, фирменные знаки.

– Вы ведь из Америки?

– Да.

– Сейчас такое время… Трудно быть американцем.

Нгеми опускает свою большую, тяжелую голову на спинку кресла. Во втором классе сиденья не откидываются.

– Если не возражаете, я хочу поспать.

– Да, конечно.

Он закрывает глаза.

Кейс смотрит в окно. Разноцветные заплатки полей, солнечные блики в лужах. Когда она последний раз ездила на поезде? Уже и не вспомнить.

Вместо этого она вспоминает, как впервые увидела «нулевой уровень». Платформы обозрения. Неестественное обилие солнечного света. Они как раз извлекали из-под завала погребенный вагон.

Кейс закрывает глаза.

В Борнмуте Нгеми ведет ее по странным переулкам (любой английский город, кроме Лондона, кажется странным) и в нескольких кварталах от вокзала останавливается у небольшого продуктового магазина.

Их встречает серьезный старик в синем переднике без единого пятнышка. Более светлый оттенок кожи, аккуратная стрижка, классический эфиопский нос. Похож на консервативного последователя растафари[26]. Очевидно, владелец магазина. Нгеми обменивается с ним несколькими фразами на непонятном языке, который может быть либо амхарским[27], либо каким-то непроходимым диалектом английского. Присутствия Кейс они будто не замечают. Старик передает Нгеми ключи от машины и целлофановый пакет с несколькими сливами и парой спелых бананов.

Нгеми серьезно кивает – должно быть, в знак благодарности – и подходит к стоящей у тротуара темно-красной зазеркальной машине. Кейс идет следом. Нгеми открывает для нее дверь. Вот это и есть настоящий «воксхолл», думает она. Ничего общего с тем драндулетом, на котором Хоббс приехал в Портобелло. В салоне пахнет незнакомым освежителем – скорее африканским, чем зазеркальным.

Нгеми садится за руль, несколько секунд сохраняет неподвижность, затем решительно поворачивает ключ.

Скоро они уже лихорадочно петляют в сложной паутине улиц. От бешеной скорости Кейс приходится то и дело закрывать глаза. В конце концов она понимает, что их проще вообще не открывать.

Когда она решается осмотреться, вокруг бегут зеленые холмы. Нгеми сосредоточенно гонит по прямой, вцепившись в руль.

Мимо проносятся развалины древнего замка.

– Нормандцы, – скупо комментирует Нгеми, бросив на нее быстрый взгляд.

Не дожидаясь приглашения, Кейс достает из пакета банан и начинает его чистить. Сгущаются тучки, на стекло начинает падать мелкий дождь. Нгеми включает дворники.

– Мы могли бы заехать куда-нибудь пообедать, – говорит он, – но когда имеешь дело с Хоббсом, очень важно выбрать правильный момент.

– Можно позвонить, убедиться, что он дома.

– У него нет телефона. Вчера вечером я с ним поговорил. Позвонил в местный бар, где он обычно напивается. Он уже, конечно, был никакой. Сейчас, наверное, только проснулся – и надеюсь, еще не успел начать.

Двадцать минут спустя они съезжают с шоссе на грунтовую дорогу. Пейзаж приобретает аграрные черты: на пригорке пасутся овцы. Машина взбирается по склону холма, и с вершины открывается вид на странный поселок, как будто заброшенный. Разнокалиберные кирпичные строения, никаких следов жизни.

Они начинают спускаться. В днище «воксхолла» стучат камешки. Кейс замечает, что поселок окружен колючей проволокой.

– Бывший учебный полигон, – говорит Нгеми. – Какая-то из спецслужб, либо разведка, либо контрразведка. Скорее всего контрразведка. А сейчас здесь тренируют служебных собак, если верить Хоббсу.

– Кто тренирует?

– Черт их знает. Неприятное место.

Кейс понятия не имеет, где они находятся. В Борнмуте? Или в Ливерпуле?

Нгеми сворачивает на едва заметную заросшую дорогу. Колеса расплескивают бурые лужи.

Между лесом и колючей проволокой припарковано несколько трейлеров, семь или восемь. Выглядят они почти так же заброшенно, как и кирпичный поселок, хотя сразу видно, что это две разные структуры.

– Он здесь живет?

– Да.

– Что это такое?

– Цыганские семьи. Хоббс арендует трейлер у цыган.

– Вы их видели? Цыган?

– Нет. – Нгеми останавливает машину. – Ни разу.

Кейс замечает большой квадратный знак – лист расслоившейся фанеры на цинковой трубе. Печатные буквы, черным по белому:

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ.
ОХРАНЯЕМЫЙ ОБЪЕКТ.
ВХОД СТРОГО ЗАПРЕЩЕН.
НАРУШИТЕЛИ БУДУТ
ЗАДЕРЖАНЫ И НАКАЗАНЫ
В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ

29
Протокол

Нгеми вылезает из машины, потягивается, скрипит курткой. Потом забирает с заднего сиденья пестрый саквояж. Кейс тоже выходит.

Здесь тихо; даже птицы не поют.

– Почему не слышно собак?

Она смотрит на безмолвные кирпичные здания, окруженные колючей проволокой, которая натянута между квадратными бетонными столбами. Все очень старое, словно давно умершее. Построено, наверное, еще перед войной.

– Их никогда не слышно, – хмуро отвечает Нгеми.

Выбравшись на тропинку, он шагает, разбрызгивая мелкие лужи. На ногах у него черные шнурованные ботинки «Доктор Мартенс», обязательный элемент экипировки первых панков, впоследствии разжалованный в дешевую обывательскую обувку.

Неподстриженная трава, дикий кустарник, усыпанный маленькими желтыми цветами. Нгеми направляется к ближайшему зазеркальному трейлеру, Кейс идет следом. Трейлер покрашен в два цвета: верхняя часть бежевая, нижняя темно-красная, с вмятинами и потеками. Плоская крыша в центре слегка приподнята, как на детских рисунках Ноева ковчега. К задней стенке привинчен потемневший квадрат зазеркального номера. Непохоже, чтобы на этом трейлере в последнее время куда-то ездили. Колеса, если они еще остались, скрыты в густой траве. Кейс замечает, что все окна наглухо забиты листами оцинкованного железа.

– Эй, Хоббс! – негромко окликает Нгеми. – Хоббс, это Нгеми!

Подождав, он подходит ближе. Приоткрытая дверь тоже покрашена в два цвета. Похоже, ее вообще невозможно закрыть до конца.

– Эй, Хоббс! – Нгеми поднимает руку и тихо стучит.

– Пошел вон! – раздается изнутри слабый, болезненный голос, пронизанный безграничной усталостью.

– Я пришел за арифмометрами, – говорит Нгеми. – Надо завершить сделку с японцем. Я принес деньги, твою долю.

– Сука.

Баранов пинком распахивает дверь – похоже, не вставая с места. Черный прямоугольник входа кажется нарисованным.

– А что за баба?

– Вы с ней уже встречались, в Портобелло, – объясняет

Нгеми. – Она дружит с Войтеком.

Это даже можно назвать правдой, думает Кейс. Хотя и постфактум.

– Зачем ты ее сюда притащил? – Баранов копошится в темноте, сверкая очками. В голосе уже ни боли, ни усталости; только жесткая расчетливая подозрительность.

– Она тебе сама объяснит. – Нгеми искоса смотрит на Кейс. – После того, как мы закончим наши дела.

Он приподнимает саквояж, как бы иллюстрируя, о каких делах идет речь. Потом поворачивается к Кейс:

– У Хоббса мало места, он может принимать только по одному. Извините!

Нгеми забирается внутрь, и трейлер наклоняется со сложным полифоническим звоном, как будто внутри полно пустых бутылок.

– Не беспокойтесь, мы недолго.

– Вот занудная стерва, – бормочет из темноты Баранов, адресуя эти слова то ли Нгеми, то ли Кейс, то ли жизни вообще.

Согнувшись почти вдвое, Нгеми усаживается на что-то невидимое, виновато сверкает глазами и захлопывает дверь.

Кейс остается одна. Изнутри звучат приглушенные голоса. Она начинает разглядывать другие трейлеры. Некоторые из них выглядят побольше и поновее; другие, кажется, вот-вот развалятся. Неприятное зрелище. Чтобы не видеть их, она заходит за трейлер Баранова и оказывается перед колючей проволокой, ограждающей мертвые кирпичные здания. Это зрелище нравится ей еще меньше.

Она опускает голову и вполголоса произносит утиное заклинание.

Между носками ее замшевых ботинок змеится черный кабель. Он спускается из дыры, проделанной в стене трейлера. Пройдя вдоль забора, Кейс обнаруживает место, где кабель сворачивает на огражденную территорию и теряется в жухлой траве. Электричество? От контрразведчиков, или кто там хозяева этой базы.

– Эй! – окликает Нгеми, стоя рядом с трейлером. – Идите, ваша очередь. Не бойтесь, он не укусит. Я бы даже сказал, у него настроение улучшилось.

Кейс возвращается, стараясь не смотреть на кабель.

– Ну, давайте, – торопит Нгеми, глядя на старомодные часы-калькулятор. Хромированный корпус вспыхивает на солнце. В другой руке у него потяжелевший, раздувшийся саквояж. – Не знаю, сколько времени он вам отпустит. Но я хотел бы успеть на следующий поезд.

Трейлер покачивается, когда она влезает внутрь. Темнота воняет застарелым никотином и грязным бельем.

– Садитесь, – приказывает Баранов. – И закройте дверь.

Повинуясь, Кейс усаживаясь на стопку старых толстых книг в бумажных обложках. Баранов подается вперед.

– Журналистка?

– Нет.

– Как зовут?

– Кейс Поллард.

– Из Америки?

– Да.

Глаза начинают привыкать к темноте. Кейс видит, что Баранов полулежит на низкой кушетке, которая, должно быть, служит ему постелью. Хотя непонятно, как на ней спать: кушетка буквально завалена грудами мятой одежды. Рядом узкий раскладной столик, прикрепленный к стене и опирающийся на одну ножку.

Баранов втыкает в рот бледную сигарету и наклоняется вперед. Пламя дешевой зажигалки освещает замызганную поверхность стола: «формайка», огнеупорное пластиковое покрытие с узором из бумерангов. Такие были популярны в пятидесятых. Гора окурков, под которой, наверное, погребена пепельница. Три толстые пачки банкнот, перетянутые розовыми резинками.

Красный огонек разгорается, как метеорит, влетающий в атмосферу; первая же затяжка уничтожает добрую половину сигареты. Кейс с ужасом ожидает выдоха, но ничего не происходит. Баранов не торопясь убирает пачки денег в карман истрепанного плаща «Барбур», который она помнит еще по Портобелло.

Наконец, он выпускает облако дыма – гораздо более жидкое, чем следовало ожидать. Дым клубится в солнечных лучах, бьющих сквозь дырочки в стенах, и трейлер делается похож на карликовую декорацию к фильму Ридли Скотта.

– Вы знаете этого чертова поляка?

– Да.

– За одно это вас надо бы послать куда подальше! Только время у меня отнимаете.

Еще один метеорит вспыхивает в атмосфере, прибирая оставшуюся половину сигареты. Баранов втыкает окурок в вершину горы.

Кейс осознает, что до сих пор не видела его левой руки. Все манипуляции с зажигалкой, банкнотами и сигаретой он проделывал одной правой.

– Я не вижу вашей левой руки.

В ответ Баранов наставляет на нее пистолет, идеально освещенный одним из миниатюрных прожекторов Ридли Скотта.

– Я тоже не вижу ваших рук, – говорит он.

До сих пор ей ни разу не приходилось глядеть в дуло пистолета. Правда, у этого старого револьвера практически не на что глядеть – ствол и передняя часть спусковой скобы отпилены, на металле остались борозды от ножовки. Худые грязные пальцы обвивают массивную рукоятку; внизу висит колечко, наводящее на мысли о пробковых шлемах и банановых плантациях.

Кейс поднимает руки. Забытый жест из далекой детской игры.

– Кто вас послал?

– Никто, я сама пришла.

– Что вы хотите?

– Нгеми и Войтек говорят, что вы... торгуете информацией.

– Неужели?

– Я хочу получить некую информацию – в обмен на определенную услугу.

– Бросьте врать.

– Это правда. Я точно знаю, что мне надо. А у меня есть то, что надо вам.

– Вы опоздали, милая. Шлюхи меня не интересуют.

Металлический кружок обреза упирается в центр ее лба – немыслимо холодный и шершавый.

– Люциан Гринуэй, – говорит она, и холодный кружок слега вздрагивает. – Дилер с Бонд-стрит. Он перехватил ваш арифмометр. Я куплю вам этот арифмометр.

Холодный кружок прижимается сильнее.

– Я не могу дать вам денег, – продолжает она, чувствуя, что эту единственную ложь надо сыграть безупречно. – Но я могу заплатить за арифмометр чужой кредиткой.

– Нгеми слишком много болтает.

Кейс только сейчас понимает, почему не стоит предлагать наличные, хотя Бигенд наверняка покрыл бы этот расход. Получив деньги, Баранов никогда не отдаст их дилеру, которого он так ненавидит.

– Если бы у меня были наличные, я бы вам просто заплатила. Но я могу только купить этот арифмометр. И отдать его вам. В обмен на то, что мне нужно.

Она закрывает глаза. Горизонт ее мира сужается до размеров холодного металлического кружка.

– Гринуэй. – Горизонт отдаляется. – Вы знаете, сколько он просит?

– Не знаю. – Ее глаза закрыты.

– Четыре с половиной тысячи. Фунтов.

Кейс смотрит на него. Пистолет направлен уже не в лоб, а чуть в сторону.

– Вы могли бы не наставлять на меня эту штуку? Если мы собираемся говорить?

Баранов словно только сейчас вспоминает о пистолете.

– Вот, – он с грохотом бросает оружие на зыбкий столик, – теперь вы на меня наставьте.

Она переводит взгляд с пистолета на его лицо.

– Купил на толкучке. Мальчишки откопали в лесу. Стоит всего два фунта. Внутри только грязь и ржавчина, даже барабан не крутится. – Он улыбается.

Кейс глядит на лежащий перед ней пистолет. Сейчас она его возьмет, улыбнется в ответ на улыбку Баранова и что есть силы ткнет ему дулом в лоб... Ее руки опускаются. Она смотрит ему в глаза.

– Итак, мое предложение.

– У вас есть чья-то кредитка с лимитом больше, чем четыре с половиной?

– Да.

– Скажите, что вам нужно. Хотя это еще не значит, что я соглашусь.

– Сейчас я достану кое-что из сумки. Распечатку.

– Давайте.

Баранов сдвигает в сторону револьвер и щербатую белую кружку, освобождая место для глянцевого изображения города «Т». Его рука тянется вправо. Щелкает выключатель, на стол падает яркий конус галогенного света. Кейс вспоминает черный кабель, уходящий за колючее ограждение. Баранов молча разглядывает картинку.

– Каждый из этих номеров, – объясняет Кейс, – соответствует определенному сегменту цифровой информации. Сегменты помечены номерами, чтобы их распространение можно было отслеживать.

– Стего, – говорит Баранов и тычет в карту тонким прокуренным пальцем. – Вот этот. Почему он обведен?

– Кодированием занимается одна американская фирма, «Магия-символ». Я хочу узнать, по чьему заказу они работают. Конкретно меня интересует электронный адрес. Куда был отправлен этот обведенный сегмент после того, как его пометили?

– Значит, «Магия-символ»?

– Да. Штат Огайо.

Баранов с каким-то птичьим звуком втягивает воздух сквозь зубы.

– Это реально? – спрашивает Кейс.

– Протокол, – бурчит он. – Допустим, да. И что дальше?

– Если вы согласны, то я иду к дилеру и покупаю арифмометр.

– А дальше?

– Вы сообщаете мне адрес.

– А дальше?

– Я передаю арифмометр Нгеми. Но если адреса нет...

– То что тогда?

– Тогда я несу арифмометр к Камденскому шлюзу и бросаю в канал.

Баранов подается вперед. Глаза за круглыми стеклышками сжимаются в узкие щелки, тонут в паутине морщин.

– Что, действительно утопите?

– Утоплю. Если не достанете имэйл. Или если мне покажется, что вы обманываете.

Несколько секунд Баранов вглядывается в нее.

– Верю, – произносит он наконец тоном, в котором звучит что-то похожее на одобрение.

– Вот и хорошо. Позвоните Нгеми, когда будут результаты. Он знает, как со мной связаться.

Баранов ничего не отвечает.

– Спасибо, что выслушали мое предложение.

Кейс встает, пригибает голову, чтобы не зацепить потолок. Локтем распахивает дверь. И выбирается наружу, в ослепительную белизну и живительный чистый воздух.

– До свидания.

Нгеми подходит, скрипя кожей.

– Ну что, в каком он настроении?

– Он показал мне свой пистолет.

– Голубушка, это Англия, – говорит Нгеми. – Здесь у людей нет пистолетов.

30
Точка Ру

В поезде Нгеми подзывает парня с тележкой и покупает банку пива и пакет чипсов со вкусом курятины.

Кейс берет бутылку минеральной.

– Как он туда попал? – спрашивает она.

– В тот трейлер?

– Вообще в такую ситуацию. Он что, действительно спивается?

– Мой двоюродный брат, – отвечает Нгеми, – полностью пропил свой бизнес. Мастерскую по ремонту электрического оборудования. Представляете? А был нормальный парень, общительный. Единственная проблема – спиртное. С Хоббсом другая история, спиртное тут только симптом, а причина глубже. Правда, сейчас это уже не важно. Хоббс – девичья фамилия его матери. При рождении его так и записали: Хоббс-Баранов, через дефис. Отец был советским дипломатом. В пятидесятых он женился на богатой англичанке, сбежал в Америку. Хоббс вроде бы сумел избавиться от дефиса, но иногда еще опирается на него, как на перила. Особенно когда выпьет. Однажды он признался, что всю жизнь прожил внутри этого дефиса, хотя сам же его и похоронил.

– Он работал на американскую разведку? Математиком?

– Его взяли прямо из Гарварда, если не ошибаюсь. Он мало про это говорит. Только когда выпьет.

Нгеми открывает банку и отхлебывает.

– Я знаю, не мое дело... но вы добились, чего хотели?

– Думаю, что да. И кстати, мне придется попросить вас об одном одолжении.

– Слушаю.

– Мне кое-что нужно, и Баранов может это найти. В обмен я куплю ему арифмометр у дилера с Бонд-стрит.

– У Гринуэя? Но он же ломит неприличную цену!

– Не имеет значения. Если Баранов достанет то, что я хочу, он получит арифмометр.

– И вам нужна моя помощь?

– Да. Вы могли бы пойти со мной к дилеру и помочь с покупкой? Нужно убедиться, что это именно тот экземпляр. А потом, если он раздобудет то, о чем я прошу, вы передадите ему арифмометр.

– Да, конечно, я вам помогу.

– С чего мы начнем?

– У Гринуэя есть вебсайт. Его контора по воскресеньям не работает.

Кейс открывает багажное изделие, достает «Айбук» и мобильный телефон.

– Будем надеяться, что арифмометр еще не ушел, – говорит она.

– Не волнуйтесь, не уйдет, – успокаивает Нгеми. – По такой-то цене.

Вечерне-воскресная версия вокзала Ватерлоо движется по-особому. Голуби, которые утром летали под потолком, сейчас бесстрашно снуют под ногами пассажиров, подбирая скопившуюся за день добычу.

Кейс при содействии Нгеми отправила Гринуэю имэйл с просьбой отложить опытный образец «Курта» (он действительно еще не был продан) до завтрашнего утра, когда она сможет прийти в магазин и завершить сделку.

– Конечно, это не гарантия, – объясняет Нгеми по пути к эскалаторам. – Вдруг найдется другой бедняга, согласный заплатить. Но письмо привлечет его внимание. И с самого начала задаст правильный тон. Хорошо и то, что вы американка.

По настоянию Нгеми Кейс упомянула в письме, что она живет в Нью-Йорке, а в Лондоне находится проездом.

– Вы знаете, когда Хоббс достанет информацию? – спрашивает он.

– Понятия не имею.

– И все равно хотите купить арифмометр?

– Да.

– Вы ведь не очень богатая женщина?

– Отнюдь нет. Я покупаю не за свои деньги.

– Если бы вы предложили Хоббсу ту же сумму наличными, он бы вам, наверное, отказал. Он никогда не заплатит Гринуэю такую цену из своих денег. Так же, как и я. Были случаи, когда он отказывал людям в подобного рода услугах. Хотя предлагали ему, как я догадываюсь, гораздо больше.

– Ему что, не нужны деньги?

– Нужны, конечно. Но у него, наверное, почти не осталось людей, которых можно попросить об одолжении.

– Почему об одолжении?

– Вряд ли у него самого есть какие-то источники. То, что он может для вас достать, никак не связано с его талантами или знаниями. Скорее всего он просто звонит тем, кто у него в долгу. И порой ему помогают.

– Вы не знаете, кому он звонит? – спрашивает она, не надеясь на ответ.

– Не слышали об «Эшелоне»?

– Нет. – Слово знакомое, однако Кейс не может вспомнить, где она его слышала.

– Говорят, у американской разведки есть система, которая позволяет сканировать весь трафик в интернете. Если такая система существует, то Хоббс вполне может быть одним из ее отцов. По крайней мере он принимал участие в ее создании.

Нгеми поднимает бровь, как бы сигнализируя, что не собирается глубже влезать в столь деликатный предмет.

– Понимаю, – кивает Кейс, мало что понимая.

– Что ж, – Нгеми останавливается возле эскалатора, ведущего вниз, – надо полагать, вы знаете, что делаете.

– Хотелось бы верить. Но все равно, спасибо за помощь!

– Не за что. До свидания. Утром я вам позвоню.

Глянцево-черный купол его черепа косо уезжает в лондонское подземелье.

Кейс выходит на улицу и ловит такси.

Чтоб меня разнесло. Есть такое крылатое выражение.

Она решила лечь пораньше, в соответствии с временем на меридиане «Кейс Поллард». Но перед тем как почистить зубы, нужно проверить почту. Первое письмо от Капюшончика.

> Джуди до сих пор пребывает в гостях у Деррила. Романтический котел бурлит и дымится, и Таки уже готов запрыгнуть в самолет и лететь в Калифорнию. Останавливает лишь японская обязательность: он работает, пишет игры для мобильных телефонов. Мой главный вопрос на сегодня – стоила ли игра свеч? Удалось ли тебе продвинуться в изысканиях?

Может быть, думает Кейс. Больше ей сказать нечего.

> Может быть. Что-то вроде наклюнулось, но нужно время, чтобы понять, куда это приведет. Как только узнаю, сразу напишу.

Отправить.

Следующее от Буна.

> Привет из гостиницы «Холидэй», через дорогу от технопарка. Традиционное местечко, интерьер в бежевых

тонах. Удалось завязать некоторые знакомства по линии нашего вопроса, хотя сомневаюсь, что выйдет толк. Следующий пункт – бар в фойе, где обычно кучкуются заблудшие овцы. У тебя порядок?

Так он может долго провозиться, думает Кейс. Но, наверное, другого пути нет: остается только вертеться среди работников «Магия-символ» в надежде на случайность.

У меня порядок.

Подумав, она добавляет:

Свежих донесений нет.

Что вполне может оказаться правдой.

Отправить.

Последнее письмо… спам? Адрес, состоящий из одних цифр, домен «Хотмэйл».

Да, кончается на .ru. Соблюдайте протокол. Х-Б

Баранов. Залез в свой дефис и шлет оттуда имэйлы.

Точка ру.

Россия?

31
Прототип

Утро понедельника. Кейс отрабатывает обычный набор упражнений в Нильс-Ярде, держа под рукой включенный мобильный телефон.

Звонок раздается в тот момент, когда она выполняет подход на тренажере под названием «педипол», который напоминает рисунки Леонардо да Винчи – отношение пропорций человеческого тела к пропорциям вселенной. Ее руки раскинуты в стороны, ладони упираются в черные поролоновые гнезда.

Женщина на соседнем тренажере хмурится.

– Извините. – Кейс освобождает пружину, расстегивает ремни и достает телефон из кармана куртки. – Алле!

– Доброе утро, это Нгеми. Как у вас дела?

– Все в порядке. Как вы?

– Замечательно. Сегодня должен прийти «инструмент» Стивена Кинга. Не могу дождаться.

– Откуда, из штата Мэн?

– Из Мемфиса. – Слышно, как он причмокивает губами. – Звонил Хоббс. У него есть то, что вам нужно. Теперь, говорит, дело за вами. Ну что, готовы навестить Гринуэя и заплатить эту возмутительную сумму?

– Да, конечно! Давайте прямо сейчас.

– Он раньше одиннадцати не откроется. Встретимся на месте, у магазина?

– Да, если вам не трудно.

Он сообщает ей номер дома на Бонд-стрит.

– Увидимся там.

– Спасибо!

Кейс кладет телефон на светлую деревянную платформу «педипола» и возвращается к прерванной серии.

В Англии есть только одна вещь, которая вызывает принципиальное неприятие Кейс: так называемый класс – понятие, имеющее здесь совершенно особый, зазеркальный смысл. Она уже давно оставила попытки объяснить чувства, связанные с этим словом, своим английским друзьям.

Самая близкая аналогия, которую ей удалось придумать, – это отношение к американской идее владения личным оружием, которую англичане находят дикой, принципиально ошибочной и ведущей к ужасным и бессмысленным жертвам. На уровне

рассудка Кейс понимает, что они имеют в виду. Но она знает также, насколько фундаментально для Америки это право и насколько маловероятна его отмена. Разве что очень постепенно, со временем. И ей кажется, что с «классом» в Англии дело обстоит примерно так же.

Обычно она пытается игнорировать это явление, хотя здесь у них есть особые приемчики для обнюхивания собеседника при первой встрече, от которых ее бросает в дрожь.

Кэтрин Мак-Нелли склонялась к мысли, что такая реакция на поведение англичан вызвана избытком ритуальности – как и во всех явлениях, к которым Кейс гиперчувствительна. Кейс согласна: действительно, их поведение чересчур схематично. Первым делом они обязательно посмотрят на вашу обувь. Гринуэй только что так и сделал: оценил ботинки Нгеми.

И остался недоволен.

Запыленные черные красавцы «Доктор Мартин» с «жирозащитными» (как утверждает реклама) подошвами плотно стоят на отполированном полу перед прилавком магазина со скромным названием «Л. Гринуэй». Это обувь солидного размера – не меньше одиннадцатого по британской шкале. Туфель самого Гринуэя из-за прилавка не видно, но Кейс прикидывает, что если бы дело происходило в Америке, то он бы носил плосконосые мокасины с кожаными кисточками. Хотя здесь у них другие понятия. На нем вполне может оказаться что-нибудь изготовленное для Савил-Роу, но не на заказ.

– Должен еще раз спросить, мисс Поллард. Вы всерьез намерены совершить покупку?

«Л. Гринуэй» относится к типу закрытых магазинов, оснащенных наружным домофоном, а сам хозяин держится так, словно у него под ногой кнопка сигнализации, и если что-то случится, то через минуту здесь будет полно полицейских с резиновыми дубинками.

– Да, мистер Гринуэй.

Он внимательно осматривает ее черную куртку.

– Вы коллекционер?

– Не я, мой отец.

Гринуэй на несколько секунд задумывается.

– Ваше имя мне незнакомо. «Курты» – очень специфический товар, и круг коллекционеров весьма узок…

– Мистер Поллард, – вступает Нгеми, – работал на американское правительство в качестве научного консультанта. В его коллекции есть образцы первого типа, 1949 года выпуска, с серийными номерами меньше трехсот, а также несколько экземпляров второго типа, в отличном состоянии, с

нестандартным дизайном корпуса.

Этот портрет Уина-коллекционера составлен на основе двух-трех осторожных вопросов, которые Нгеми задал перед входом в магазин.

Гринуэй смотрит на него в упор. И молчит.

– Могу я задать вам вопрос? – Нгеми подается вперед, громко скрипнув курткой.

– Вопрос? Мне?

– Да, насчет подлинности. Как известно, у Курта Герцтарка было три рабочих прототипа, которые он держал дома в Нендельне, в Лихтенштейне. После его смерти в 1988 году эти прототипы были проданы частному коллекционеру.

– И что же вы хотите узнать?

– Я хочу узнать, мистер Гринуэй, является ли предлагаемый вами экземпляр одним из трех прототипов. На вашем вебсайте об этом впрямую не сказано.

На щеках Гринуэя выступает легкий румянец.

– Нет, не является. Арифмометр, который я продаю, принадлежал некоему выдающемуся механику. В сопроводительной документации есть фотографии, где с арифмометром в руках запечатлены как сам Герцтарк, так и этот механик, который был одновременно и изготовителем. Три прототипа из дома в Нендельне помечены соответственно римскими цифрами один, два и три. Экземпляр, выставленный у меня на продажу, помечен цифрой четыре. – Гринуэй, сохраняя каменное лицо, смотрит на Нгеми с выражением чистейшей ненависти. – Римской цифрой, прошу заметить.

– Можем мы на него взглянуть? – спрашивает Кейс.

– Выдающийся механик, – задумчиво повторяет Нгеми. – Изготовитель.

– Прошу прощения? – отзывается Гринуэй ледяным тоном.

– А когда именно был изготовлен этот прототип? – Нгеми вежливо улыбается.

– Как прикажете понимать ваш вопрос?

– Буквально, как же еще? – Нгеми поднимает бровь. – В сорок шестом? Или в сорок седьмом?

– В 1947 году.

– Будьте добры, мистер Гринуэй, покажите нам арифмометр, – снова пытается Кейс.

– Позвольте узнать, как вы собираетесь оплачивать покупку? К сожалению, чеки я принимаю только от покупателей, с которыми знаком лично.

«Виза» с эмблемой «Синего муравья» уже наготове – Кейс достает ее из кармана куртки и кладет на прилавок, рядом с

блокнотом в замшевой обложке, похожим на торговую книгу. Гринуэй с сомнением смотрит на карточку, пытаясь разгадать таинственную эмблему. Затем, должно быть, замечает название банка-эмитента.

– А, понятно, – говорит он. – Ваш лимит, я полагаю, достаточен, чтобы заплатить требуемую цену плюс налог?

– Это оскорбительный вопрос, – спокойно замечает Нгеми, но Гринуэй игнорирует его, продолжая глядеть на Кейс.

– Да, мистер Гринуэй, – отвечает она. – Почему бы вам не связаться с банком и не убедиться самому?

На самом деле она не уверена на все сто. Бигенд вроде бы упоминал что-то про лимит, достаточный для покупки машин, но не самолетов. Будем надеяться, что на арифмометр этого хватит. У Бигенда, конечно, много недостатков, однако преувеличивать он точно не склонен.

Гринуэй теперь выглядит так, будто они пытаются ограбить его магазин, угрожая пистолетами, причем ограбление не вызывает у него ни страха, ни возбуждения, а одно лишь брезгливое удивление их нахальству.

– В этом нет необходимости, – отвечает он. – Все станет ясно в процессе авторизации.

– Можем мы теперь взглянуть на товар? – Нгеми кладет пальцы на прилавок, словно заявляя на что-то свои права.

Гринуэй наклоняется и достает серую картонную коробку – квадратную, примерно 30 на 30 сантиметров, с двумя проволочными скрепками по бокам. Коробка, должно быть, гораздо старше самой Кейс. Гринуэй замирает; наверное, считает про себя до десяти. Затем снимает крышку и кладет ее на прилавок.

Арифмометр покоится в мягкой бумаге похоронного серого цвета. Гринуэй поддевает его пальцами, осторожно вынимает и кладет на замшевый блокнот.

Кейс думает, что арифмометр выглядит совсем как те, что лежали в багажнике у Баранова. Разве что не такой полированный.

Нгеми ввинчивает в левую глазницу невесть откуда взявшуюся часовую лупу. Скрипнув курткой, он подается вперед и подвергает «Курт» скрупулезному циклопическому осмотру. Кейс слышит его дыхание на фоне полифонического тиканья бесчисленных часов, на которые она до сих пор не обращала внимания.

– Хм-м, – произносит Нгеми. И через несколько секунд повторяет, уже громче: – Гхм-м!

Похоже, это бессознательные звуки. Нгеми сейчас находится

где-то очень далеко. Кейс даже чувствует себя одиноко.

Наконец он выпрямляется, вывинчивает лупу, моргает.

– Мне нужно посмотреть его в действии. Выполнить какую-нибудь операцию.

– Послушайте, вы действительно собираетесь его купить? Если вы просто пришли, чтобы подразнить меня...

– Отнюдь нет, мы абсолютно серьезны! – заверяет Нгеми.

– Тогда смотрите.

Нгеми берет арифмометр и первым делом переворачивает его. На дне Кейс замечает цифру «IV», выдавленную в металле. Пальцы Нгеми скользят по бокам цилиндра, перемещая ползунки в вертикальных прорезях. Глаза его закрыты, он словно прислушивается к чему-то. Взявшись за ручку, он делает несколько вращательных движений. Механизм издает тихий скользящий звук.

Нгеми открывает глаза и смотрит на цифры в окошках. Потом переводит взгляд на Гринуэя и кивает.

– Порядок.

Кейс указывает на кредитную карту.

– Мы берем его, мистер Гринуэй.

Они стоят на перекрестке, в одном квартале от магазина «Л. Гринуэй». Нгеми прижимает коробку с арифмометром к животу, словно это урна с прахом покойника. Баранов ждет; изо рта торчит вторая половина сигареты.

– Вот это? – спрашивает он.

– Да, – отвечает Нгеми.

– Настоящий?

– Конечно.

Баранов забирает коробку.

– Это тоже пригодится. – Нгеми расстегивает куртку и достает коричневый конверт. – Документы, подтверждающие подлинность.

Баранов сует коробку под мышку, забирает конверт. Повернувшись к Кейс, протягивает ей визитную карточку.

Ресторан «Огни Индии», город Ливерпуль.

Кейс переворачивает карточку. Рыжие чернила, аккуратный почерк.

stellanor@armaz.ru

Глаза за круглыми стеклами очков наполняются презрением.

– Балтийская нефть, да? Я думал, вы более интересны.

Баранов выплевывает сигарету и уходит – в ту сторону, откуда они только что пришли. Под мышкой у него коробка с «Куртом», в руке коричневый конверт.

– Могу я спросить, – подает голос Нгеми, – что он имел в виду?

– Можете. – Кейс отводит взгляд от удаляющейся спины цвета конского навоза и снова подносит к глазам карточку с рыжей строчкой электронного адреса. – Но я понятия не имею.

– Вы получили то, что хотели?

– Да, наверное, – говорит она. – Надеюсь, что да.

32
Проникновение в чудо

Нгеми надо на станцию «Бонд-стрит»; он прощается и уходит. Кейс остается одна посреди улицы, залитой неожиданно ярким солнечным светом. Без четкого плана, куда и зачем идти.

Такси везет ее к Хай-стрит. Индийская визитная карточка спрятана в специальный кармашек на рукаве «Баз Риксона», изначально предназначенный для пачки американских сигарет.

Момент отрыва, думает она, выходя из такси. Перед ней высится туманная многоуровневая пещера ярмарки «Кенсингтон маркет», изрытая лабиринтами торговых рядов с побрякушками для панков и хиппи. Момент отрыва. Этим термином Кэтрин Мак-Нелли обозначала душевное состояние накануне больших перемен. Переживает ли Кейс момент отрыва? Или просто запуталась и растерялась? Она выходит из машины, платит водителю через окно. Такси уезжает.

Как там сказал Баранов? Нефть?

Кейс идет по направлению к парку. Сверкает на солнце памятник принцу Альберту, отреставрированный в 1998 году. Она помнит, как памятник выглядел до реставрации: черный, похоронный, даже зловещий. Уин рассказывал, что раньше весь Лондон был таким же черным. Город сажи и копоти, где недостаток цвета возмещался избытком текстуры.

Дождавшись зеленого сигнала, Кейс пересекает Хай-стрит. Замшевые ботинки хрустят по гравию; она заходит в Кенсингтонский парк. Время на меридиане «Кейс Поллард» приближается к часу волка. Как долго человек может жить без души?

Красноватые дорожки парка шире, чем загородные шоссе в Теннесси. По одной из этих дорожек Кейс приходит к статуе Питера Пэна, где у основания сидят бронзовые кролики.

Она кладет на землю багажное изделие, снимает куртку, расстилает ее на подстриженной траве. Садится. По гравиевой дорожке размеренно трусит одинокий бегун.

Расстегнув кармашек на рукаве «Баз Риксона», она достает барановскую карточку.

Stellanor@armaz.ru. На солнце буквы кажутся выцветшими, словно Баранов написал их много лет назад.

Она убирает карточку обратно в кармашек. Потом достает из сумки «Айбук» и мобильный телефон.

«Хотмэйл». Новых сообщений нет.

Кейс начинает новое письмо.

> Меня зовут Кейс Поллард. Я сижу на траве в лондонском парке. День ясный, солнечный. Мне тридцать два года. Мой отец пропал без вести 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, но у нас нет доказательств, что он погиб в результате теракта. Я начала следить за фрагментами, которые вы...

На этом «вы» она останавливается. Стучит по клавише, стирает последние несколько слов.

Кэтрин Мак-Нелли часто просила ее писать письма в никуда, без адресата. Сообщения, которые невозможно отправить. Некоторые из них предназначались умершим людям.

> Мне случайно показали один из фрагментов, и с тех пор я стала интересоваться ими. Я нашла сайт, где люди обсуждали фрагменты, и начала активно участвовать в форуме. Не знаю, как вам объяснить...

На этот раз слово «вам» ее не останавливает.

> ...но это увлечение превратилось в очень важную часть моей жизни. И не только моей. Мы все: Капюшончик, Айви, Морис, Кинщик, многие другие – все приходили на сайт, чтобы общаться с теми, кто тоже понимает. Мы с нетерпением ждали появления каждого фрагмента. Наши активисты ночи напролет дежурили в интернете, проверяя, нет ли новых клипов.

Прошлая зима была самой мягкой манхэттенской зимой на ее памяти. Хотя эмоциональный след от нее остался самый резкий. Почти все время Кейс провела на Ф:Ф:Ф, укрывшись в облаке грез.

> Мы не знаем, что вы пытаетесь сделать. И зачем. Капюшончик считает, что вы просто мечтаете. Мечтаете для нас. Или ПРО нас. У него есть такая теория – теория «проникновения в чудо». Он считает, что если мы погрузимся достаточно глубоко в изучение вашей работы, то сами постепенно превратимся в ее героев, перейдем в придуманный вами мир. Это как у Колриджа, или Де Квинси[28]. Своеобразный шаманский ритуал. На первый взгляд кажется, что мы просто сидим перед экранами, а на самом деле некоторые из нас уже

проникли сквозь мистическую мембрану и странствуют по вымышленной вселенной, рискуя, ища и надеясь. Надеясь вернуться назад и принести с собой чудеса, которых в реальной жизни так не хватает… Я с тревогой осознаю, что и сама незаметно пересекла границу и превратилась в одного из таких странников.

Кейс поднимает голову. Солнечный свет делает все вокруг бледным, выцветшим. Она снова забыла взять темные очки.

Я блуждаю в странном, незнакомом мне мире – ищу, попадаю в приключения. Рискую. Даже сама не знаю зачем. Мне страшно. Здесь можно встретить очень злых, нехороших людей. Хотя в этом как раз нет ничего удивительного.

Задумавшись, она смотрит на статую Питера Пэна. Уши бронзовых кроликов отполированы бесчисленными прикосновениями детских рук.

Знаете, с каким нетерпением мы ждем новых фрагментов? День и ночь караулим в интернете, снова и снова проверяем места, где вы можете их оставить. Сама я, правда, от этого отошла. Последовала совету Капюшончика: найти другие лазейки в мир чуда. И думаю, что мне – точнее, нам – это удалось. Мы обнаружили коды, которыми помечены фрагменты, нашли карту города, или острова, или как еще это можно назвать. И теперь нам известно, что вы, сами или с чьей-то помощью, отслеживаете по кодам динамику движения фрагментов. Через номера, вплетенные в ткань видео, мне удалось раздобыть ваш электронный адрес. И вот я сижу в этом парке, рядом со статуей Питера Пэна, и пишу вам письмо, потому что хочу узнать…

Узнать что?

Кто вы?
Где вы?
Мечтаете ли вы?
Живете ли вы моем мире – так же, как я живу в вашем?

Кейс перечитывает написанное. Подобно другим письмам, написанным по просьбе Кэтрин – матери, отцу (как до его

исчезновения, так и после), своим бывшим парням, предыдущему терапевту, – это письмо тоже заканчивается вопросительными знаками. Кэтрин считает, что это тревожный признак. В идеале такие послания должны заканчиваться точками или восклицательными знаками.

Искренне ваша,
Кейс Поллард.

Ее пальцы деловито и уверенно пляшут по клавиатуре в лучших традициях первоклассных машинисток – словно у серьезной женщины, которая заканчивает важный и полезный труд.

(КейсП)

Парк приглушает шум Лондона, создавая вокруг Кейс невидимый пузырь, на поверхность которого спроецирована вся вселенная, а гравиевые дорожки силовыми линиями сходятся в центр, к статуе Питера Пэна.

Пальцы тарабанят по клавишам, как непослушные упрямые дети.

stellanor@armaz.ru

Адрес появляется в поле «Кому», как будто она и впрямь собирается это отослать.

Кейс останавливает курсор на кнопке «Отправить».

Конечно, она не станет нажимать...

И видит, как письмо уходит.

– Нет, – протестующее говорит она выцветшему экрану «Айбука». – Нет, я не отправляла, – повторяет она статуе Питера Пэна.

Она просто не могла этого сделать. И все-таки письмо отправлено.

Сидеть по-турецки на расстеленной куртке. Сгорбившись, глядеть на «Айбук».

Кейс не знает, как себя чувствовать.

Она автоматически проверяет почту.

Пусто.

Мимо бежит женщина в потной футболке, хрустя гравием и пыхтя, как паровоз.

Кейс механически жует тайский салат в первом попавшемся азиатском ресторане. Сегодня она не завтракала, и еда может

успокоить.

Хотя вряд ли.

Надо просто принять случившееся, как данность. Вопросы об осознанности поступка могут подождать.

Во всем, наверное, виноват парк. Обстоятельства места и времени, как сказал бы Капюшончик. Слишком много солнца. Гравиевые дорожки, сходящиеся в центре. Силовые линии, сходящиеся в той части ее сознания, куда нет прямого доступа.

Открытый «Айбук» снова лежит перед ней на столе. Она только что посмотрела, на чье имя зарегистрирован домен armaz.ru. Некто А. Н. Поляков, с адресом на Кипре.

Кейс даже жаль, что она не курит. Сейчас она могла бы, наверное, составить конкуренцию самому Баранову.

Сверившись со своими анти-«Кассио», она пытается сосчитать время в Огайо. У «макинтошей» должна быть такая маленькая карта с часовыми поясами, вот только лень искать.

Надо позвонить Буну, рассказать ему о том, что случилось. Кейс выключает «Айбук» и отсоединяет телефон. Внутренний голос ехидно замечает: сначала Буну, а не Капюшончику – это неспроста. Она просит его помолчать.

Первый номер из длинного списка, который он ввел в телефон по пути из Токио.

– Алле, Бун?

В трубке женский смешок:

– А кто его спрашивает?

На заднем плане слышен голос Буна:

– Дай сюда!

Кейс смотрит на чашку с зеленым чаем. И вспоминает, что последний раз пила зеленый чай с Буном, в Хонго.

– Кейс Поллард.

– Бун Чу слушает, – отвечает он, отобрав трубку у женщины.

– Это Кейс, Бун.

Она вспоминает заросли кудзу на железных крышах. И думает: ты же сказал, что она в Мадриде.

– Хотела узнать, как дела.

Мариса.

А у Дэмиена Марина. А у кого-то еще будет Марика.

– Хорошо, – отвечает Бун. – Есть какие-нибудь новости?

Кейс смотрит в окно, на проезжающие по Хай-стрит машины.

– Никаких.

– Я здесь вроде что-то нащупал. Сообщу, когда станет яснее.

– Да я уж вижу. Молодец! – Она яростно нажимает отбой.

Официант, заметив выражение ее лица, озабоченно хмурится. Выдавив улыбку, Кейс опускает глаза в тарелку. Потом с

преувеличенным спокойствием кладет телефон и берется за палочки.

– Черт! – говорит она вполголоса, пытаясь заставить себя есть.

Почему так получается? Почему она все время попадает в дурацкие ситуации?

Когда с лапшой покончено, и официант приносит новый чай, Кейс звонит Бигенду – просто для того, чтобы сделать что-нибудь самостоятельно, по своей воле.

– Да.

– Хьюберт, это Кейс. У меня вопрос.

– Слушаю.

– Тот человек с Кипра. Доротея знает его имя?

– Да, знает. Минутку... Андрей Поляков.

– Вы где-то посмотрели?

– Да, а что?

– Где?

– В распечатке телефонного разговора.

– Доротея в курсе, что вы прослушиваете ее звонки?

– Вы сейчас где?

– Не меняйте тему разговора.

– Уже поменял. У вас есть для меня новости?

– Пока нет.

– Бун улетел в Огайо.

– Знаю. До свидания.

Кейс снова включает «Айбук», подсоединяет телефон. Следует рассказать Капюшончику о том, что она узнала. И о том, что сделала.

Она проверяет почту.

Одно письмо, от stellanor@armaz.ru.

Поперхнувшись, Кейс едва не опрокидывает чашку на клавиатуру.

Надо просто прочитать сообщение – так, как будто это обычный имэйл. Как будто...

Здравствуйте! Это очень странное письмо.

Кейс закрывает глаза. Открыв их, она видит, что строчки никуда не исчезли.

> Я в Москве. Мой отец тоже погиб от взрыва. И моя мать. Откуда у вас этот адрес? Вы говорите о разных людях – кто эти люди? Что значит «фрагменты»? Вы имеете в виду части проекта?

И все. Больше ничего.

– Да, – говорит она «Айбуку». – Значит, это проект.

Проект.

– Хьюберт, это опять Кейс. С кем я могу поговорить насчет билетов?

– Ее зовут Сильвия Джеппсон. Звоните в офис. Куда вы летите?

– В Париж. В следующее воскресенье.

Это уже третий зеленый чай. Официант начинает коситься: она слишком долго занимает столик.

– Почему Париж?

– Объясню вам завтра. Спасибо. До свидания.

Она звонит в «Синий муравей» и просит соединить ее с Сильвией Джеппсон.

– Мне нужна виза, чтобы поехать в Россию?

– Да, нужна.

– Сколько времени это займет?

– Смотря сколько вы заплатите. Чем больше, тем быстрее. Могут и за час сделать. Однако перед этим придется еще целый час посидеть в пустой комнате в посольстве. Ритуал у них такой, ностальгия по советским временам. К счастью, в российском Министерстве иностранных дел есть наш человек.

– Вот как?

– Мы им в свое время помогли. Не афишируя, разумеется. Где вы сейчас?

– На Кенсингтон-Хай-стрит.

– Совсем рядом. Паспорт с собой?

– Да.

– Можете встретиться со мной через полчаса? Улица Палас-Гарденз, дом номер пять. У гостиницы «Бэйсуотер», рядом со станцией метро «Квинсуэй». И принесите три фотографии на паспорт.

– Вы действительно поможете? Прямо сегодня?

– Хьюберту не понравилось бы, если бы мы заставили вас ждать. Мне надо только поговорить с нашим человеком, и все будет в порядке. Но пожалуйста, не опаздывайте! В полдень они закрываются.

Когда они выходят из российского посольства, Сильвия – высокая, бледная и невозмутимая – интересуется:

– Когда собираетесь лететь?

– В воскресенье утром. В Париж.

– Тогда лучше на «Бритиш Эйруэйз». Если, конечно, вы не

патриотка «Эйр Франс». На поезде поехать не хотите?

– Нет, спасибо.

– А когда в Россию?

– Пока не знаю. Может быть, вообще не придется лететь. Но на всякий случай я хотела сделать визу. Так что спасибо за помощь!

– Не за что, – отвечает Сильвия с улыбкой. – Мне поручено исполнять любые ваши желания.

– У вас отлично получается.

– Я беру такси назад в Сохо. Вас подбросить?

Кейс видит, что подъезжают сразу две свободные машины.

– Нет, спасибо. Мне надо в Камден.

Она уступает первую машину Сильвии, а сама садится во вторую.

– «Аэрофлот», – говорит она водителю.

– Это на Пиккадили, – кивает тот.

Достав телефон, она набирает номер Войтека.

– Алло?

– Войтек, это Кейс.

– О, Кейси! Здравствуйте!

– Я снова уезжаю из города. Хочу оставить у тебя ключи. Ты можешь подъехать к дому Дэмиена? Скажем, в четыре тридцать? Извини, что все так неожиданно.

Она дает себе слово, что купит ему леса.

– Хорошо, Кейси! Не проблема.

– Спасибо! До встречи.

Да, она купит ему эти леса. Заплатит за них картой Бигенда. А билет в Россию она купит на свою карту.

– Ну что ж, начнем проникновение в чудо, – говорит она, обращаясь одновременно и к Капюшончику, и к Лондону, и ко всем загадкам ее сегодняшней жизни.

Водитель такси недоуменно смотрит на нее в зеркальце.

33
Бот

Рейс «Аэрофлота» номер SU-244, вылетающий из Хитроу в двадцать два тридцать, обслуживает «Боинг 737», а не «Туполев», как она надеялась.

Кейс еще ни разу не была в России, и ее знания ограничиваются рассказами Уина о странном мире по ту сторону периметра – мире двойных стандартов и шпионских устройств, плавающих в канализации. В России ее детства всегда идет снег, и люди ходят в темных меховых шапках.

Пробираясь по проходу эконом-класса в поисках своего места, Кейс думает об эмблеме «Аэрофлота». Интересно, как им удалось сохранить изображения серпа и молота? Насколько это эксклюзивно? Эффект узнавания должен быть просто потрясающим. Версия с крылышками, выполненная в довольно утонченном стиле, практически не поддается датировке: нечто викториански-футуристическое. Отрицательных эмоций дизайн не вызывает – к ее немалому облегчению.

Национальная символика всегда воспринимается нейтрально, за исключением фашистской свастики, реакция на которую связана не столько с историческим злом (хотя это тоже присутствует), сколько с избыточной концентрацией художественного таланта. На Гитлера работала армия гениальнейших дизайнеров, отлично понимавших значение визуального фактора. Хайнц в те времена не остался бы без работы. Хотя первые роли ему вряд ли доверили бы.

Любая нацистская символика, и особенно стилизованный шеврон войск «СС», вызывают острейшую болезненную реакцию – сродни реакции на «Томми Хилфигер», только гораздо сильнее. Однажды Кейс пришлось целый месяц проработать по контракту в Австрии, где эти символы не запрещены законом, как в Германии. Тогда-то она и научилась переходить на другую сторону, завидев впереди вывеску антикварного магазина.

Эмблемы родной страны до сих пор оставляли Кейс равнодушной. И слава богу, иначе появившиеся в последний год в Нью-Йорке бесчисленные флаги и изображения орлов вынудили бы ее круглые сутки оставаться взаперти. Проблема, которую можно назвать семиотической агорафобией.

Положив куртку в верхний шкафчик, Кейс садится и задвигает сумку с «Айбуком» под переднее сиденье. Здесь не так уж и тесно. Она с ностальгией вспоминает рассказы Уина об

«Аэрофлоте» советских времен: грубые стюардессы, засохшие бутерброды с ветчиной и пластиковые пакеты для мелких предметов – мера предосторожности против частых разгерметизаций. Еще он рассказывал, что Польша с высоты похожа на Канзас, населенный лилипутами: земля столь же плоская и бескрайняя, но лоскуты полей гораздо меньше.

Самолет выруливает на взлетную полосу. Соседние сиденья остались незанятыми, и Кейс думает, что ей повезло: заплатив немногим больше, чем за российскую визу, она получила не меньше комфорта и уединения, чем в первом классе токийского рейса.

О том, куда она летит, знают только три человека: Магда, пришедшая за ключами вместо Войтека, Капюшончик и Синтия, которой она наконец-то решилась ответить. И еще там, в России – кое-кто тоже знает и ждет ее прибытия.

Рев турбин «Боинга» переходит в другую тональность.

Здравствуй, мама!

Надеюсь, ты простишь меня за долгое молчание – я вовсе не хотела тебя огорчить. Мой контракт уже закончен, но теперь хозяин фирмы, на которую я работала, нанял меня для проведения чего-то вроде культурного расследования, лично для него. Ничего таинственного: просто проект, связанный с новыми способами распространения видеоклипов и с некоторыми особенностями монтажа. На первый взгляд скучновато, однако я с головой ушла в работу – настолько, что до сих пор даже не собралась написать тебе ответ. Так или иначе, эта работа, кажется, пошла мне на пользу: удалось выбраться из Нью-Йорка и отвлечься от мыслей об отце (еще одна причина моего молчания). Я знаю, мы согласились не соглашаться насчет всех этих ФЭГ-штучек. Но записи, которые ты прислала – от них, честно говоря, мороз по коже… Не знаю, как еще сказать. А недавно я видела про него сон. Во сне он дал мне один совет, которому я последовала, и это оказалось правильным решением. Вот видишь – получается, что кое в чем я с тобой согласна. Во всем этом трудно разобраться. Похоже, я постепенно начинаю привыкать к мысли, что его больше нет. И суета со страховкой и пенсией превращается в обычные бюрократические проблемы. Скорее бы уже все закончилось! Тянется, тянется… В общем, я хочу, чтоб ты знала: сегодня вечером я вылетаю в Москву. Это связано

с работой, о которой я говорила. Странное чувство – я своими глазами увижу мир, о котором папа столько рассказывал, когда я была маленькой. Для меня Россия всегда была сказочной страной, откуда он привозил пасхальные яйца и невероятные истории. Я помню, как он говорил: все дело в том, чтобы держать их в напряжении, пока не начнутся голодные бунты. А когда их система развалилась – сама, без всяких голодных бунтов, – я напомнила ему эти слова. И он ответил, что до голодных бунтов дело не дошло: их погубили «Битлз» и проигранная война в собственном Вьетнаме… Мне уже пора в аэропорт. Я рада, что в «Розе мира» тебя окружают люди, которых ты любишь. Спасибо, что не забываешь меня; я тоже постараюсь писать почаще. С любовью,

Кейс.

Никогда не думала, что это случится, но вот, пожалуйста – пишу тебе, чтобы сказать: я его нашла! Он прислал письмо, на которое я сейчас собираюсь ответить. Я сижу в Хитроу, жду посадки на ночной рейс до Москвы; прибываю туда завтра в полшестого утра. Наш автор живет в Москве. Один человек помог узнать его имэйл – по номеру, который мы получили от Таки. Не спрашивай, как ему это удалось. Такие вещи на самом деле лучше не знать. А потом я сидела в парке, и произошло что-то очень странное. Я стала писать автору письмо, которое вовсе не собиралась отправлять. Знаешь, как будто пишешь письмо Богу. Только в этот раз у меня был адрес. В общем, я все написала – а потом вдруг взяла и нажала кнопку «отправить»! Даже не знаю, как это случилось. Я действительно не собиралась! И меньше чем через час он ответил. Сказал, что находится в Москве… Слушай, я понимаю, ты хочешь немедленно узнать абсолютно все, но в письме больше действительно ничего не было. Очень короткий имэйл. Пересылать тебе его было бы неправильно. И вообще – то, как мне достался адрес, наводит на мысли… В наше время ничто нельзя сохранить в тайне. Поэтому я стараюсь привлекать как можно меньше внимания. Так что потерпи, Капюшончик! Скоро все станет ясно. Завтра я точно узнаю больше, и тогда мы с тобой созвонимся. Мне просто необходимо выговориться, слить информацию. Волнуюсь ли я? Пожалуй, что да… Какое-то дурацкое чувство: хочется одновременно завизжать и

наложить в штаны.

Здравствуйте! Спасибо, что ответили. Даже не знаю, что сказать; я очень волнуюсь. Очень рада, что вы отозвались. Значит, вы сейчас в Москве? Я сама буду в Москве завтра утром, по делам. Меня зовут Кейс Поллард. Я остановлюсь в гостинице «Президент-отель», можете туда позвонить. Или свяжитесь по имэйлу. Буду ждать вашего ответа.

С уважением,
КейсП.

Кейс перечитывает письма, разложив на коленях «Айбук»; самолет уже набрал высоту. Ей не хочется думать, что случится завтра, или послезавтра, или через неделю – если это последнее письмо останется без ответа. Что, в общем, не исключено.

Россия. Россия выбирает пепси. Кейс отхлебывает из стаканчика.

Хозяин Доротеи – русский киприот. И на него же зарегистрирован домен *armaz.ru*. Интересно, какие еще русские мотивы встречаются на Ф:Ф:Ф?

Кейс достает диск с архивом форума, который она так и не скопировала для Айви. Вставляет его в лэптоп, делает поиск.

Как ни странно, на экран выскакивает один из ее ранних постов – глубоко в недрах темы, которая начинается с утверждения, что автор может быть известным кинематографистом, работающим инкогнито.

Не знаю. Мне кажется, это чушь. Автором может быть кто угодно. Например, какой-нибудь русский мафиози со склонностью к самовыражению. Нереализовавшийся талант, обладающий необходимыми ресурсами для создания и распространения фрагментов. Маловероятно? Да, но ведь не исключено! Я просто хочу сказать, что нам не стоит быть такими прямолинейными.

Кейс с трудом вспоминает, как она это писала. Прежде она никогда не перечитывала свои старые посты. Даже в голову не приходило. Теперь она начинает читать все подряд, до конца темы. Следующей идет Мама Анархия. Помнится, это было первое ее сообщение.

На самом деле говорить стоит только о сюжете, хотя и не в том смысле, как вы это понимаете. Вам известно такое понятие, как нарратология? Как насчет концептов

Гваттари? Насчет «игры» и избыточности Деррида? Или языковых игр Лиотара? Или воображения естества Локана? Где ваша приверженность практикуму, который позиционирует обскурантизм ритуалов постижения Фуко, наряду со свойственным Хабермасу страхом иррационального, в качестве панического дискурса, провозглашающего поражение гегемонии просвещения и триумф теории культуры? Увы, эти концепты вам бесконечно чужды, а посему дискурс на вашем сайте безнадежно ретроградан. Мама Анархия.

Да уж, думает Кейс, Мамуля в своем репертуаре. Даже слово «гегемония» употребила. Капюшончик утверждает, что посты Мамы, в которых не встречается это слово, нельзя считать подлинными. (Для полной идентификации, настаивает он, необходимо еще присутствие слова «герменевтика».)

Между тем на часовом поясе «Кейс Поллард» наступает время сна. Она вынимает диск, убирает «Айбук» в сумку и закрывает глаза.

Неприятный сон: крупные незнакомые мужчины, чем-то похожие на Донни, обыскивают ее нью-йоркскую квартиру. Кейс тоже там присутствует, незримо и неслышимо. И хочет, чтобы они ушли.

В «Шереметьево-2» Кейс проходит паспортный контроль и таможню; все окрашено в единообразный бежевый цвет, в духе семидесятых. Зал ожидания взрывается ей в глаза невероятным обилием рекламы – буквально на каждой плоской поверхности. На багажной тележке по крайней мере четыре рекламных плаката: прокат автомобилей «Герц» и три незнакомых, на русском. Как и в Японии, ее сбивает с толку абсолютное незнание языка. С другой стороны, так даже спокойнее – по количеству коммерческих сообщений московский аэропорт ничуть не уступает токийскому.

Оглядевшись, Кейс замечает банкомат, над которым латинскими буквами написано *Bankomat*. Наверное, в Америке их бы так и назвали, если бы изобрели в пятидесятых. Воспользовавшись своей карточкой, а не карточкой «Синего муравья», она получает пухлую пачку рублей и выкатывает тележку наружу, навстречу первому глотку русского воздуха, насыщенного запахом незнакомой разновидности выхлопных газов. Вокруг суетятся водители разномастных машин, предлагают подвезти до города, но Кейс помнит, что ее задача – найти то, что Магда назвала «официальное» такси.

Это удается довольно легко: ее увозит из аэропорта зеленый дизельный «мерседес», приборная панель которого освящена фигуркой православного храма на аккуратной белой салфеточке.

Широкая мрачная дорога в восемь рядов называется «Ленинградское шоссе», если верить «Путеводителю по планете Москва», купленному в аэропорту Хитроу. Движение в обе стороны очень плотное, но без пробок. Огромные грязные грузовики, роскошные машины, дряхлые автобусы – вся эта публика шныряет и меняет ряды с поразительным бесстрашием, от которого у Кейс начинают подрагивать коленки. Да еще ее водитель постоянно говорит по мобильнику при помощи наушника, ввинченного в левое ухо, и одновременно слушает музыку через вторые наушники, надетые сверху. Понятие разметки здесь, судя по всему, весьма условно. Так же, как и понятие правил дорожного движения. Кейс пытается сосредоточить внимание на разделительной полосе, где растут симпатичные мелкие цветочки.

На горизонте появляются высокие оранжевые здания, над которыми стоят чудовищные колонны белого дыма. Непривычное зрелище. Очевидно, к такому понятию, как изоляция промышленных зон, здесь тоже не испытывают большого уважения.

Чем ближе к городу, тем чаще мелькают рекламные щиты. Компьютеры, электроника, роскошная мебель. В голубом небе нет ни облачка, если не считать монументальных столбов дыма и желто-коричневой выхлопной прослойки у горизонта.

Первое впечатление о Москве: все объекты слишком большие – гораздо больше, чем необходимо. Циклопические сталинские здания из желтоватого камня, украшенные темно-красным орнаментом, созданные, чтобы запугивать и подавлять. И остальное в том же духе: фонтаны, площади, фонарные столбы.

Они пересекают восемь рядов забитого машинами Садового кольца, и коэффициент урбанизации подпрыгивает сразу на несколько делений. Рекламный бурелом становится еще гуще. Справа мелькает грандиозное здание железнодорожного вокзала в стиле арт-нуво – пережиток ушедшей эпохи, по сравнению с которым лондонские вокзалы кажутся игрушками. Затем появляется «Макдоналдс», столь же неоправданно-огромный.

Деревьев здесь неожиданно много. Привыкнув к увеличенным масштабам, Кейс начинает замечать более мелкие дома – одинаковые, поразительно уродливые, построенные, должно быть, в шестидесятых. Если так, то более безобразного образца архитектуры шестидесятых она еще не видела. Углы зданий потрескались и выкрошились, некоторые вообще

полуразвалились, многие стоят в строительных лесах. Вообще, признаки строительства заметны на каждом шагу. На одной из широких улиц (судя по путеводителю, это Тверская) толпы людей по густоте соперничают с «крестовым походом детей», только движутся более озабоченно и целеустремленно.

Через улицу протянуты рекламные транспаранты. На большинстве фасадов навешаны огромные яркие щиты.

Невероятное количество бело-голубых электрических автобусов; кажется, они называются «троллейбусы». Очень редкий оттенок голубого, как у английских игрушечных машинок. В реальной жизни машины в такой цвет не красят. Многие из троллейбусов просто стоят у обочины.

До сих пор ее опыт прямых столкновений с советской и постсоветской реальностью ограничивался однодневным визитом в Восточный Берлин. Это было через несколько месяцев после падения Берлинской стены. Вернувшись тогда в безопасность своей гостиницы на западной стороне, Кейс чуть не расплакалась от неприкрытой жестокости и тяжелой, безнадежной тупости всего увиденного. Уин, которому она позвонила, чтобы пожаловаться, попытался ее утешить.

– Эти сукины дети столько лет подделывали собственную статистику, что сами стали в нее верить, – объяснил он. – ЦРУ проанализировало восточногерманскую экономику, как раз перед ее обвалом, и признало ее самой жизнеспособной во всем коммунистическом блоке. А все потому, что мы исходили из их собственных цифр. Берем, например, какой-нибудь завод. На бумаге он выглядит довольно хорошо – не так, как у нас, но все же выше, чем стандарты третьего мира. А потом стена падает, мы туда приходим и видим, что завод в руинах. Добрую половину оборудования вообще не использовали в течение десяти лет. И ценность всех активов не превышает стоимости их весового эквивалента в металлоломе. Фактически они обманывали сами себя.

– Но ведь они были так жестоки к своему народу! – возмущалась Кейс. – Так мелочны, так ограниченны! Представляешь, здесь все окрашено только в два цвета: трупно-серый и коричневый, который так похож на дерьмо, что от него воняет!

– Ну, зато реклама тебе не досаждает.

Она усмехнулась.

– А в Москве что? То же самое?

– Нет, конечно! Восточная Германия – случай уникальный. Подумай сама: немцы, строящие коммунизм! Это же чушь, русские над этим сами смеялись. Они прекрасно понимали, что

немцы ни во что такое не верят...

Машина проезжает под громадным щитом с эмблемой «Прады». Кейс хочется сжаться в комочек.

Некоторые плакаты, как ни странно, выполнены в печально известном стиле социалистического реализма: красные, белые и серые плоскости, перегруженные черными символами абсолютной власти.

И вдруг среди этого пестрого хоровода она замечает (или только думает, что замечает) знакомое полупарализованное лицо Билли Прайона.

В фойе «Президент-отеля» легко можно разместить небольшой военный парад, и еще для мавзолея останется место. Четыре диванных кластера сиротливо разбросаны на бескрайнем – в половину футбольного поля – ковровом пространстве, по которому нервно вышагивает взад-вперед девушка в высоких изумрудно-зеленых сапогах-шпильках, похожих на гибрид флорентийских перчаток с нижним бельем фирмы «Фредерикс оф Голливуд». Кейс наблюдает за ней, облокотившись на стойку и дожидаясь окончания затяжной регистрации, в процессе которой у нее отобрали паспорт. У девушки невообразимо высокие скулы, почти как у продюсерши Дэмиена; линия скул дублируется элегантным изгибом бедер, который подчеркивает облегающая мини-юбка в стиле позднего Версаче, с аппликациями из змеиной кожи в виде языков пламени на каждой ягодице.

На часах десять утра. Еще три девушки в похожих нарядах спорят снаружи с четырьмя здоровенными охранниками, одетыми в кевларовые бронежилеты. Должно быть, лоббируют разрешение войти и присоединиться к своей нервной коллеге.

Кейс надоедает мелькание зеленых сапог, придающих осенней палитре фойе какое-то сказочное очарование, и она берет с мраморной бежевой стойки брошюру на английском языке. Там дается объяснение красно-коричневым тонам: это место раньше называлось «Октябрьская». Если читать между строк, гостиница по-прежнему находится под эгидой Кремля.

Номер на двенадцатом этаже просторнее, чем она ожидала. Из эркера открывается панорамный вид на Москва-реку и город на противоположном берегу. В отдалении сверкают купола большой церкви, а на небольшом островке торчит какое-то немыслимо уродливое сооружение. Путеводитель поясняет, что это памятник Петру Великому, который необходимо охранять, чтобы местные эстеты его не взорвали. Больше всего монумент напоминает старомодный фонтан шампанского, заказанный для

пролетарской свадьбы.

Кейс поворачивается и оглядывает номер: те же хмурые осенние декорации. На кровати грязно-темное покрывало. Во всем ощущается какой-то назойливый диссонанс, как будто люди, обставлявшие номер, руководствовались картинками западных отелей восьмидесятых годов, но не видели ни одного оригинала. В ванной плитка трех оттенков коричневого (слава богу, не восточногерманского), а на унитазе, раковине, ванне и биде бумажные наклейки с надписью DIZINFEKTED. На столе табличка, предлагающая воспользоваться интернетом прямо из комнаты, или посетить BIZNES-центр в фойе.

Достав «Айбук», Кейс подключается к разъему над столом. Если она правильно помнит инструкции Памелы Мэйнуоринг, то все должно получиться. И телефон здесь должен работать. Ей только сейчас приходит в голову: она до сих пор не сообщила автору номер своего мобильного. Может, подсознание что-то подсказывает? Связь с интернетом медленная, но в конце концов она добирается до «Хотмэйла».

Два письма.

Капюшончик и stellanor@armaz.ru.

Кейс делает глубокий вдох.

> Вы сейчас в Замоскворечье, на берегу реки напротив Кремля. Район старых зданий и церквей. Ваша гостиница находится на улице Bolshaya Yakimanka – Большая Якиманка. Сначала вы пойдете по ней в сторону Кремля (см. приложенную схему), потом пересечете Bolshoi Kamennii Most – Большой Каменный Мост. Справа от вас будет Кремль. Идите дальше по схеме, до вывески «Кофеин» (написано по-русски). Приходите сегодня в семнадцать ноль-ноль и сидите около рыбы, чтобы вас было видно.

– Рыба, – говорит Кейс. – Клюнула.

> Ну конечно, я хочу узнать абсолютно все, и желательно вчера, но ты сейчас, наверное, в полете, а по твоему номеру отвечает какая-то мерзкая английская тетка. Абонент, говорит, недоступен, ля-ля-ля... Представляю, как ты себя чувствуешь. Знаешь, я никогда не сомневался, что этот день наступит. И вот он наступил – мы нашли автора. Он действительно существует. И ждет с нами встречи. Жду и я – когда ты расскажешь мне абсолютно все. У меня новости довольно убогие, по сравнению с твоими. Джуди

упорхнула – на крыльях любви, навстречу распростертым объятиям. Сейчас она уже должна быть в Токио. Вчера купила билет на самый дешевый рейс и полетела к своему Таки. Деррил в восторге, что от нее избавился. Наша легенда, конечно, лопнет, когда Таки обнаружит, что его возлюбленная в два раза крупнее обещанного и к тому же не говорит по-японски. Зато здоровью Деррила больше ничего не угрожает. Теперь, когда никто не стоит над душой и не мешает кушать растворимый супчик «якисоба», он снова стал самим собой. Что приводит нас к убогой новости номер два. К букве «Т», которую прислал Таки. Деррил вцепился в нее мертвой хакерской хваткой, со своим дружком из Пало-Альто, который разрабатывает проект визуальной поисковой системы. У этого дружка есть такие боты – ты задаешь картинку с параметрами, а они ищут в интернете похожие изображения. Деррил запустил два таких бота. Один, который специализируется на картах, должен был найти конфигурацию улиц, соответствующую улицам города «Т». Этот ничего не нашел, хотя на него возлагались большие надежды. А второго запустили просто так, на всякий случай, чтобы он поискал любые картинки, по форме совпадающие с нашей буквой «Т». И представь себе, он нашел стопроцентное соответствие с большей частью (75%) картинки Таки! Если не считать верхушки с неровным краем, изображение в точности совпадает с деталью механического взрывателя американской противопехотной мины направленного действия M18A1 «Клэймор», которая практически представляет собой кусок взрывчатки С4, прикрепленный к кассете из 700 стальных шариков. При взрыве шарики разлетаются в секторе 60 градусов, с высотой убойного потока до 4 метров на предельной дальности. То есть все живое на расстоянии 50 метров превращается в гамбургер (расстояние может меняться в зависимости от ландшафта). Эта мина применяется для засад и приводится в действие электродетонатором. По виду она напоминает компактную спутниковую антенну: такой толстый изогнутый прямоугольник. Только не спрашивай меня, что все это значит. Мое дело маленькое: бот принес, я рассказал. А теперь… пожалуйста! не откладывая! позвони мне. Я хочу знать АБСОБЮТНО все.

34
Замоскворечье

Но Кейс не торопится ему звонить; она слишком возбуждена, слишком взвинчена.

Москва – нарядный город, а Кейс здесь просто гость. Для более долгого визита это не имело бы значения, но сейчас она переодевается в ПК, купленный в «Парко», и даже пытает счастья с подарочной косметичкой из токийского салона красоты. Результаты этой попытки наверняка заставили бы девушек из салона прыснуть от смеха, зато теперь никто не упрекнет ее в отсутствии макияжа. При беглом взгляде ее можно принять за корреспондента какой-нибудь заштатной образовательной программы – разумеется, на радио, а не на телевидении.

Убедившись, что ключ от номера не забыт, Кейс надевает «Баз Риксон», берет багажное изделие с телефоном и «Айбуком» и выходит в мини-фойе, к лифтам. В углу под внушительным букетом из сухих цветов сидит женщина в форменной одежде – очевидно, круглосуточная дежурная по этажу. Кейс приветствует ее кивком; женщина никак не реагирует.

Большое окно между двумя лифтовыми шахтами занавешено по всей длине грубой охряной тканью. Рядом стоит прозрачный холодильник с шампанским, минеральной водой, несколькими запотевшими бутылками бургундского вина и огромным количеством пепси. Вызвав лифт, Кейс раздвигает охряные занавески и видит старые жилые дома, островерхие белые крыши и поразительную оранжево-бирюзовую зубчатую башню. В отдалении вздымаются золотые луковицы куполов.

Туда, к этим куполам, она и направится.

В огромном фойе ни души; нет даже девушки в зеленых сапогах. Кейс проходит через охраняемый предбанник, мимо широкоплечих парней в кевларовых бронежилетах и оказывается на улице. Теперь можно свернуть за угол и двигаться в направлении золотых луковиц.

Уже через пару минут она безнадежно теряет ориентацию. Ну и ладно, это ведь просто прогулка, чтобы успокоить нервы. Кстати, в какой-то момент надо позвонить Капюшончику.

Почему она откладывает звонок? Наверное, просто боится. Ведь придется рассказать обо всем: о Бигенде, о Буне... Неизвестно, как он отреагирует. Но если сейчас не открыться, то их дружба, которую она ценит столь высоко, начнет утрачивать искренность.

Кейс останавливается, оглядывается по сторонам. Старый жилой район. Ее ум уже запустил «это-почти-как» алгоритм, который включается всякий раз в присутствии незнакомого культурного явления: это почти как Вена, это почти как Стокгольм, это почти как...

Она продолжает бродить по безлюдным улицам, как убежавшая с уроков школьница, иногда поглядывая наверх в надежде увидеть золотые луковицы куполов. Наконец раздается звонок телефона.

С чувством вины она отвечает:

– Да?

– Ну, давай! Живо. Абсолютно все.

– Я как раз собиралась тебе звонить...

– Вы уже встретились?

– Нет еще.

– Но собираетесь?

– Да.

– Когда?

– Сегодня вечером, в пять часов. Не то в ресторане, не то в кафе, я точно не поняла.

– Что, прямо в «Старбаксе»?

– Нет, не в «Старбакс». Здесь вообще нет «Старбаксов».

– Ничего, скоро появятся.

– Капюшончик, послушай...

Ей странно произносить вслух его имя. Точнее, даже не имя, а ник. Настоящего имени она не знает. И это еще более странно.

– Да?

– Мне надо тебе что-то сказать...

После небольшой паузы он спрашивает:

– У нас будет ребенок?

– Нет, я серьезно...

– Да уж куда серьезнее! Первый случай виртуального зачатия.

– Нет, я работаю на одного человека.

– Погоди, я думал, ты работаешь на суперкрутое рекламное агентство.

– Нет, я работаю на человека, который ищет автора фрагментов. Он спонсирует поиски, оплачивает все счета. Поэтому я и смогла полететь в Токио, встретиться с Таки.

– Ну и кто это?

– Ты знаешь такое имя: Хьюберт Бигенд?

– Пишется, как «биг» плюс «энд»?

– Да.

– Владелец того самого рекламного агентства?

– Да.

– Знаменитость! У него еще брали интервью, новые стратегии компостирования мозгов.

– Да, это он. И я на него работаю. Он называет это «партнерство». Благодаря ему я здесь нахожусь. Он дал денег, чтобы узнать имэйл автора...

Капюшончик молчит.

– Я боялась, что ты меня возненавидишь, – говорит она.

– Ну, не говори глупостей. Ты, как-никак, будущая мать нашего ребенка.

– Извини, надо было сказать тебе раньше.

– Ну смотри: ты ведь нашла автора, так? Договорилась с ним о встрече. И мы с тобой сейчас об этом разговариваем. То есть мы добились чего хотели. Мне наплевать, скольких уродов тебе пришлось для этого ублажить и какими способами. И скольких из них ты потом придушила. Абсолютно наплевать! Я даже помогу избавиться от трупов.

– Ты, наверное, просто так говоришь.

– Что значит просто так? А что ты еще хотела? Чтобы я эти слова у себя на руке акриловым гвоздиком нацарапал? – Помолчав, он добавляет: – Что же надо мистеру Бигенду от нашего автора?

– Говорит, еще не знает. Он считает эти фрагменты самым хитроумным образцом маркетинга, рекламной стратегией нового века. Говорит, что хочет узнать об этом побольше. Я даже думаю, что он не врет.

– Ну, бывают и более странные желания. Это меня сейчас меньше всего волнует.

– А что же тебя волнует?

– Как мне туда добраться. Действителен ли мой паспорт, который еще надо найти. Где можно срочно достать дешевые билеты, чтоб не пришлось брать ссуду в банке.

– Ты серьезно?

– А как ты думаешь?

Светловолосая нянечка, выглядящая очень по-калифорнийски, ведет за руку смуглого мальчика с красным воздушным шариком. Покосившись на Кейс, она прибавляет шаг, увлекая за собой ребенка.

Кейс вспоминает, как они с Сильвией Джеппсон выходили из российского посольства.

– Тебе понадобится виза, – говорит она Капюшончику. – Ее можно получить очень быстро, если доплатить за срочность. Про билет можешь не беспокоиться. В лондонском филиале «Синего муравья» есть женщина по имени Сильвия Джеппсон. Я ей позвоню, дам твой телефон. Она тебя посадит на ближайший

рейс; билет будет ждать в аэропорту. И еще... я понимаю, вопрос дурацкий, но мне нужно твое имя. Я ведь не знаю, как тебя зовут.

– Торнтон Вассельтарп.

– Чего?

– Гилберт.

– Гилберт?

– Да, Питер Гилберт. Он же Капюшончик. Ничего, привыкнешь. Во сколько мне влетит билет до Москвы?

– Ни во сколько. Мне оплачивают все расходы, и я включу тебя в список. Потому что ты нужен в Москве. Вот и все.

– Ну, спасибо!

– Только не говори Сильвии, что я уже здесь. Она думает, что я полечу через неделю.

– Ты всегда так все запутываешь?

– Недавно научилась. Слушай, Капюшо... Питер, я позвоню ей прямо сейчас.

После паузы он говорит:

– Спасибо... Ты ведь понимаешь, мне необходимо там быть.

– Да, знаю. Я тебе перезвоню. Счастливо.

Кейс идет с телефоном в руке, оглядываясь по сторонам, пока не находит толстую гранитную тумбу неизвестного назначения. Присев на нее и чувствуя сквозь ткань юбки тепло нагретого камня, она звонит в «Синий муравей». В трубке что-то шипит, качество связи здесь похуже. Включается автоответчик Сильвии.

– Сильвия, это Кейс Поллард. Я хочу, чтоб вы доставили одного человека из Чикаго в Москву, как можно быстрее. Его зовут Питер Гилберт.

Имя, произнесенное вслух, звучит непривычно. Кейс дважды повторяет номер его телефона. И добавляет:

– Забронируйте ему номер в «Президент-отеле». И пожалуйста, постарайтесь взять ближайший рейс. Это очень важно. Спасибо! До свидания.

Мимо проносится немаркированный полицейский автомобиль – новенький «мерседес» с синей мигалкой на крыше.

Убрав телефон, Кейс встает и идет дальше.

Буквально через несколько шагов накатывает волна неодолимой сонливости – откуда-то со стороны реки. Часовой пояс «Кейс Поллард» на глубоком органическом уровне заявляет, что пора отключиться. Кейс решает не спорить. Развернувшись, она направляется тем же путем обратно, к «Президент-отелю».

Ее будит мобильный телефон, а не звонок дежурной, и не будильник наручных часов, поставленный на всякий случай. Она садится на кровати, обнаженное тело дрожит от озноба. Кутаясь в

белую простыню и землистое президентское покрывало, Кейс пытается понять, где находится. Солнечный свет под каким-то неправильным углом бьет сквозь щели в занавесках. Телефон продолжает звонить.

Она встает, копается в сумке.

– Алле?

– Привет, это Бун. Ты где?

– Только проснулась. А ты где?

– Все еще в Огайо. Кое-что удалось раскопать.

– И что же? – Она присаживается на кровать, смотрит на часы.

– Имя домена. Армаз-точка-ру.

Она не может придумать, что сказать.

– Назрань, – говорит он.

– Что это значит?

– Столица республики Ингушетии. *Ofshornaya zona.*

– Что это значит?

– Офшорная зона, налоговый рай. Для России. Им понравилась идея с Кипром, и они решили создать у себя собственный Кипр. В Ингушетии. Парень, на которого зарегистрирован домен, живет на Кипре, но работает на ингушскую офшорную фирму. Теперь понятно, откуда у Доротеи этот русский душок.

– Откуда ты знаешь, что он из... ингушей?

– Посмотрел в «Гугле».

Ей это не пришло в голову.

– Значит...

Она медлит перед тем, как солгать. И лжет:

– Значит, фрагменты приходят оттуда? С этого домена?

– Именно так.

– Но адреса ты не знаешь. Только имя домена.

– Ну, это лучше, чем ничего. – В его голосе звучит разочарование. – Да, я еще кое-что выяснил.

– Что?

– Связь с нефтью.

– В смысле?

– Точно не уверен. Но я навел справки насчет этого парня, привлек своего друга из Гарварда, с факультета международных отношений. Он говорит, что фирма, где работает наш парень, связана с ведущими игроками российского нефтяного бизнеса.

– Российская нефть?

– Ну да. Саудовская нефть сейчас утратила привлекательность. После одиннадцатого сентября регион стал слишком неспокойным. Серьезным людям это не нравится, им

нужен стабильный источник. И Россия как раз подходит. То есть мировые денежные потоки будут радикально перенаправлены. Все наши машины будут ездить на русской нефти.

– Какое это имеет отношение к фрагментам?

– Расскажу, если удастся выяснить. Как у тебя дела? Есть какие-нибудь новости?

Кейс глубоко вздыхает. Надеется, что он не услышал.

– Нет, никаких. Послушай, Бун…

– Что?

– Кто взял трубку, когда я позвонила?

Пауза.

– Это один человек, работает в «Магия-символ».

– Ты… ты знал ее раньше?

Она понимает, что вопрос неправильный. Однако в голове крутится имя Марисы, квартира в Хонго, странные нотки в его голосе.

– Я с ней познакомился в коктейль-зале. Они там собираются после работы. – Должно быть, сам того не замечая, Бун переходит на более сухой тон. – Я не в восторге от всего этого. Но она работает в бухгалтерии – как раз то, что нам нужно.

– Угу. Понятно. – Кейс вспоминает, как ее рука нащупала пистолет Донни за спинкой кровати. – Еще одна ночь, и ты узнаешь весь имэйл.

Она тут же жалеет о своих словах.

– Кейс, зачем ты так?

– Извини, не хотела обидеть. Слушай, мне надо идти. У меня встреча в пять. Поговорим позже. Пока.

– Ладно… Пока. – Голос у него совсем убитый.

Отбой.

Кейс сидит в полутемной комнате, думая о том, что сейчас случилось.

И тут начинает бибикать будильник в ее часах, и гостиничный телефон взрывается странными звонками, каких она еще никогда не слышала.

35
Кофеин

Большой Каменный мост оказывается действительно большим, хотя это явно уже не первая реинкарнация оригинала, когда-то заслужившего такое название.

Найти его не составляет труда – так же, как и кафе «Кофеин». Кейс ориентируется по карте, которую она срисовала на листок из гостиничного блокнота.

Вот, вывеска **«КОФЕИН»** чернеет зловещими славянскими буквами.

– Он получил утку в лицо, – шепчет Кейс, проходя мимо входа.

«Кофеин» напоминает не кофейню, а скорее бар с высокими креслами; в Сиэтле, где Кейс начинала работать в области дизайна для скейтбордистов, кафе выглядели, помнится, примерно так же, только вместо кресел там были диваны «Гудвил».

Заведение забито до отказа.

Играя мигалкой, пролетает еще одна немаркированная полицейская машина, пятая или шестая за день. И все новенькие, блестящие, дорогие.

Утиное заклинание почему-то не срабатывает.

– Перешагни свой страх, – пробует она заклинание Магды, которому та научилась в группе психологической поддержки.

Тоже не помогает.

– Да наплевать!

Старая проверенная мантра оказывается более действенной. Кейс решительно заходит в кафе.

Уютное переполненное помещение. Медь и полированное дерево.

Все столики заняты – кроме одного, окруженного парой гигантских пустых кресел. А рядом с этим столиком стоит несомненная рыба: крупная скульптура с чешуей, сделанной из фунтовых кофейных банок «Медалья д'Оро», похожих на те, что использовал Василий Кандинский. Здесь они составлены в манере, больше напоминающей Фрэнка Гери.

Кейс пересекает зал слишком быстро и не успевает прочитать лицо толпы, но чувствует на себе множество изучающих взглядов. Подойдя к рыбе, она усаживается в одно из кресел.

Официант материализуется рядом практически мгновенно – молодой, симпатичный, с перекинутой через руку белой

салфеткой. Он явно не рад ее присутствию; отрывисто произносит что-то по-русски – с интонацией скорее утверждения, чем вопроса.

– Извините, – отвечает Кейс, – я говорю только по-английски. У меня здесь назначена встреча с другом. Можете принести мне кофе?

Как только она начинает говорить, его поведение меняется. Причем явно не из любви к английскому языку.

– Да-да, конечно. Американо?

Она кивает, догадавшись, что итальянский является рабочим языком здешних кофеен, и вопрос относится к типу напитка, а не к ее национальности.

– Да, пожалуйста.

Официант испаряется, и Кейс наконец-то оглядывает толпу. Да, будь у них на одежде ярлыки, ей бы пришлось несладко. Сплошные «Прада» и «Гуччи», чересчур яркие, по-цыгански демонстративные по сравнению с Лондоном и Нью-Йорком. Почти Лос-Анджелес, думает она. Если не считать двух девушек-готок в черных парчовых хламидах, да собравшегося уходить юноши в безукоризненном панк-рокерском наряде, это заведение напоминает улицу Родео-драйв с аномальным переизбытком славянских скул.

Но женщина, которая только что вошла… она одета во все тускло-серое. Светлая кожа, темные глаза, волосы на прямой пробор, не по моде длинные. Белое лицо с угловатыми и в то же время мягкими чертами. Лицо, затмевающее все вокруг.

Пальцы Кейс до боли вцепляются в подлокотники.

– Вы та, которая пишет письма? – Низкий, исключительно внятный голос с легким акцентом. Как бы долетающий издалека.

Кейс начинает вставать, однако незнакомка жестом останавливает ее и усаживается в другое кресло.

– Стелла Волкова. – Она протягивает руку.

– Кейс Поллард. – Кейс отвечает на рукопожатие. Значит, это и есть автор? Значит, ее зовут Стелла? Разве Стелла – русское имя?

Стелла Волкова сжимает ее руку, потом отпускает.

– Вы первая.

– Первая? – Кейс чувствует, что ее глаза вот-вот вывалятся из орбит.

Официант ставит на стол две чашки, наливает кофе из фарфорового кофейника.

– Здесь делают очень хороший кофе. Когда я была ребенком, только номенклатура могла пить хороший кофе. И он был хуже, чем этот. Вам с сахаром? Со сливками?

Не доверяя своим рукам, Кейс качает головой.

– Я тоже пью только черный. – Стелла поднимает чашку, вдыхает аромат, делает маленький глоток. Говорит что-то одобрительное по-русски. – Вам нравится Москва? Были здесь раньше?

– Нет, ни разу, – отвечает Кейс. – Все так необычно.

– Думаю, для нас тоже. Каждый день что-то новое, необычное.

Серьезное лицо, широко раскрытые глаза.

– Почему здесь так много полицейских машин? – спрашивает Кейс, только чтобы не допустить молчания, которое, она боится, может ее убить. Задать следующий вопрос. – Они проезжают очень быстро, но без сирен.

– Полицейские машины?

– Немаркированные, с голубыми мигалками.

– О нет! Это не полицейские. Это машины важных людей, богатых людей. Или тех, кто на них работает. Они купили разрешение, могут не подчиняться правилам движения. Мигалки – предупреждение другим, знак вежливости. Вам это странно, да?

Мне все странно, думает Кейс. Или ничего.

– Стелла, можно вас спросить?

– Да?

– Это вы автор фрагментов?

Стелла склоняет голову набок:

– Я близнецы.

Если она сейчас раздвоится, то Кейс даже глазом не моргнет.

– У меня сестра, она художница. А я только распространитель. Я нахожу аудиторию. Конечно, не такой уж большой талант, я знаю.

– Боже мой, – говорит Кейс, которая не верит в Бога. – Значит, это действительно правда.

Глаза Стеллы распахиваются еще шире:

– Да, правда. Моя сестра Нора – она художница.

Кейс чувствует, что опять начинает тормозить. Следующий вопрос. Что угодно.

– Это русские имена? Стелла и Нора?

– Наша мать была большой поклонницей вашей литературы. Особенно Уильямса и Джойса.

– Уильямс?

– Теннесси Уильямс.

Ну да, Стелла. И Нора[29].

– Мой отец жил в Теннесси, – говорит Кейс, чувствуя себя марионеткой, которую дергают за ниточку.

– Вы писали, что он умер, когда упали башни.

– Да, пропал без вести.

– Наши родители погибли. От взрыва, в Ленинграде. Я и моя сестра, и наша мать, мы все жили в Париже. Нора изучала кинематографию, конечно. А я бизнес. Наш отец не хотел, чтобы мы были в России. Слишком опасно. Он работал у своего брата, нашего дяди, который стал очень влиятельным человеком. В Париже он сказал: мы должны быть готовы, что никогда не вернемся назад. Но умерла его мать, наша бабушка, и мы приехали на похороны. Всего на три дня. – Огромные черные глаза внимательно смотрят на Кейс. – Бомба была привязана к дереву. Ее взорвали по радио, когда мы вышли из подъезда, все одетые в черное, для похорон. Наши родители погибли мгновенно, им повезло. Нора была тяжело ранена. Очень тяжело. У меня только вывихи – челюсть, плечо. И много мелких царапин.

– Мне очень жаль…

– Да. – Стелла кивает, словно в подтверждение чего-то. – С тех пор мы живем в Москве. Мой дядя здесь часто бывает, а Норе сейчас нужно много разных вещей. Кто ваши друзья?

– Простите?

– Вы писали, что следите за работой Норы со своими друзьями. И с большим увлечением. – Улыбка пробивается сквозь бледное спокойствие Стеллы, как чудо. Вернее, это даже не спокойствие, думает Кейс, а чуткая, настороженная неподвижность. Не шевелись, и они нас не заметят. – Кто такой Морис? Очень красивое имя.

– Он работает в банке, в Гонконге. Англичанин. Мы с ним не встречались, но я знаю, он хороший. Вы ведь понимаете, что мы общаемся через вебсайт? И по имэйлу?

– Да. Я даже, наверное, видела сайт. У меня есть такая программа, от фирмы «Магия-символ». Я слежу за распространением работы Норы по специальным номерам. Программа очень хорошая, ее нашел Сергей.

– Кто это?

– Его наняли, чтобы помогать. Из политехнического, один из лучших аспирантов. Я боюсь, он теперь забросит карьеру: дядя слишком хорошо платит. Но ему нравится то, что делает Нора. Так же, как и вам.

– Скажите, Стелла, фрагменты… работа Норы – это компьютерная модель? Или там снимаются живые актеры? – Кейс боится, что вопрос слишком прямой, слишком тупой.

– В институте кинематографии в Париже она сняла три короткометражных фильма. Самый длинный – шестнадцать минут. Он был показан на фестивале в Каннах, имел успех. Вы там были? Набережная Круазетт.

Кейс лихорадочно делает внутренние заметки.

– Только один раз.

– После взрыва нас отвезли в Швейцарию. Норе требовались операции. Здешняя кровь ей не подходит. Нам повезло, что не было большого вреда от первых переливаний, которые сделали в России. Я все время была с ней, конечно. Сначала она не могла говорить, никого не узнавала. Потом заговорила – только со мной, на нашем детском языке.

– Язык близнецов?

– Да, Стеллы и Норы. Потом вернулся и другой язык. Врачи меня спросили, что ее интересует. Я сказала, конечно, кино. И скоро по заказу дяди сделали монтажную студию – прямо там, в клинике. Мы показали Норе кино, над которым она работала раньше, в Париже. Никакой реакции. Как будто смотрит на пустой экран. Потом показали кино, которое возили в Канны. На это она отреагировала, но очень болезненно. Постепенно она стала пользоваться оборудованием. Менять, монтировать.

Кейс слушает, как зачарованная. Бесшумно возникает официант, подливает кофе в опустевшую чашку.

– Проходит три месяца, она все перемонтирует. Ей успели сделать пять операций, а она не прерывала работы. Я видела, как фильм меняется, становится короче. В конце концов от него остался один кадр.

«Кофеин» на мгновение стихает, с какой-то жутковатой синхронностью. Кейс вздрагивает.

– Что было на этом кадре?

– Птица. Летящая птица. Размытое изображение. Распростертые крылья на фоне серых туч. – Официант подходит с кофейником, Стелла закрывает чашку рукой. – После этого она ушла внутрь.

– Внутрь?

– Перестала говорить, перестала реагировать. Отказалась есть. Ее снова стали кормить через трубки. Я сходила с ума. Заговорили о том, чтобы перевезти ее в Америку. Потом вызвали американских докторов. В конце концов сказали, что ничего не могут сделать, что его невозможно удалить.

– Удалить? Что удалить?

– Последний фрагмент. Он застрял в голове, как раз между полушариями. Его нельзя трогать, риск слишком велик. – Темные глаза становятся бездонными, заполняют собою весь мир. – И тогда она заметила экран.

– Экран?

– Да, монитор. Под потолком в коридоре. Сигнал от камеры наблюдения, направленной на стойку регистрации у входа в приемный покой. Дежурная сестра сидит, читает. Люди проходят

мимо. Один доктор понял, что она смотрит на экран. Самый умный из докторов, из Штутгарта. Он приказал, чтобы сигнал с камеры подали в ее монтажную студию. Она смотрела на изображение, и взгляд становился осмысленным. Убирали сигнал – она опять начинала умирать. Доктор записал два часа трансляции, дал ей на кассету. Она начала редактировать, манипулировать. И скоро выделила одну фигуру – мужчину, кого-то из персонала. Его привели в студию, но она никак не отреагировала. Не обратила внимания. Она продолжала работать. Однажды я вошла, а она редактировала его лицо в «Фотошопе». Это было начало.

Кейс прижимается затылком к спинке кресла. Заставляет себя закрыть глаза. Сейчас она их откроет – и увидит старый «Баз Риксон», наброшенный на плечи Дэмиеновой кибердевочки. Или нишу в квартире в Хонго, набитую чужой одеждой.

– Вы устали? Плохо чувствуете?

Она открывает глаза. Стелла все еще здесь.

– Нет, просто слушаю ваш рассказ. Спасибо, что согласились со мной встретиться.

– Не за что.

– Стелла?

– Что?

– Зачем вы мне это рассказали? Все, что вы с сестрой делаете, держится в строжайшей тайне. Но когда я нашла ваш адрес – а это было очень непросто, – вы сразу же ответили. Я прилетела сюда, вы согласились со мной встретиться. Я не понимаю.

– Вы самая первая. Моя сестра – ее не интересуют зрители. Вряд ли она сознает, что я делаю с ее работой. Я даю миру возможность увидеть... Ей все равно. А я все это время ждала. И когда вы написали, я поняла, что вы настоящая.

– Настоящая?

– Мой дядя очень важный человек, большой бизнесмен, сейчас даже больше, чем раньше, когда погибли наши родители. Мы его редко видим, но его люди нас охраняют. Понимаете, они его боятся. И поэтому они очень осторожны. Я считаю, это жалкая и безрадостная жизнь, однако в этой стране, если ты богат, приходится так жить. Я хотела, чтобы мир узнал о работе сестры. Но они настояли, чтобы все было анонимно. – Печальная улыбка всплывает на поверхность неподвижного бледного лица. – Когда вы сказали, что ваш отец погиб, я подумала: вы не станете нам вредить. – Улыбка сменяется озабоченным выражением. – Она очень расстроилась, моя сестра. Она сделала себе больно.

– Потому что я приехала?

– Ну что вы. Она не знает. Нет, когда мы увидели теракт в

Нью-Йорке.

Теперь Стелла смотрит уже не на Кейс, а в сторону входа, где стоят два молодых человека в широких черных брюках и в кожаных куртках.

– Сейчас мне надо уйти, – говорит она. – Это мои водители. На улице ждет машина, отвезет вас в гостиницу. – Она встает. – Нехорошо, когда женщина ходит ночью одна.

Кейс тоже встает; Стелла на полголовы выше ее.

– Я вас еще увижу?

– Конечно.

– И я смогу встретиться с вашей сестрой?

– Да.

– Когда?

– Завтра. Я с вами свяжусь, пришлю машину. Пойдемте.

Стелла идет к выходу – не спросив счет, не оставив денег; симпатичный официант почтительно нагибает голову, пожилой мужчина в белом переднике тоже кланяется. Она выходит на улицу, игнорируя двух парней в кожаных куртках. Кейс следует за ней.

– Вот ваша машина.

Черный «мерседес».

Стелла пожимает ей руку.

– Была рада встретиться.

– Да, – отвечает Кейс. – Спасибо вам.

– Спокойной ночи.

Один из парней забегает вперед, открывает пассажирскую дверь. Кейс садится в машину. Парнишка захлопывает дверь, обходит машину сзади, садится за руль. Они трогаются. Оглянувшись, Кейс видит, что Стелла машет ей рукой.

Когда «мерседес» въезжает на Большой Каменный мост, водитель трогает клавишу на приборной панели. Включается синяя мигалка. Он разгоняется, виртуозно меняет передачи. Машина молнией пролетает по горбатому мосту и ныряет в улочки Замоскворечья.

36
Раскопки

Открыв глаза, Кейс видит узкий треугольник дневного света на потолке – как продольное сечение клинка, острие которого вонзается в щель между охряными занавесками.

Она помнит, что, вернувшись в номер, пересмотрела на «Айбуке» варианты монтажа Мориса и Кинщика, и впечатление было абсолютно новым. Даже сейчас его невозможно описать или характеризовать.

Выбравшись из-под тяжелых простыней, она раздвигает занавески. В окно брызжет яростный свет, и с островка на реке столь же яростно прыгает в глаза гнуснейший монументальный уродец.

В ванной, в окружении назойливого обилия коричневых тонов, Кейс экспериментирует с душевыми кранами, автоматически отмечая сходство с дизайном «Колер». Тоже конструкция, только без фирменного знака. Распаковав новое мыло, она забирается в ванну.

Двадцать минут спустя, одевшись и высушив волосы, Кейс стоит в буфете на первом этаже, обескураженно разглядывая накрытые к завтраку столы. Горы копченого мяса, гигантские пирамиды красной и белой рыбы, серебряные тазики с черной икрой, миски со сметаной. Блинчики. Еще какие-то похожие на блинчики штуковины, начиненные сладким сыром. Наконец, уже отчаявшись, она обнаруживает на самом последнем столе кукурузные хлопья и свежие фрукты. Рядом стоят большие кувшины с соками и кофе в огромных старомодных термосах с никелированными крышками.

Кейс находит свободный столик, садится и начинает методично есть, глядя в тарелку. За соседним столиком француз – легкий, как пение птички на темном фоне тяжелой русской основательности.

Произошло что-то очень большое, думает Кейс. И все еще продолжает происходить. Но словами не выразить. Понятно, что это связано со Стеллой, с ее рассказом, с историей ее сестры, однако вместить эту историю в рамки своей жизни Кейс уже не может. Она словно переселилась в эту историю, а ее жизнь осталась позади, как покинутая комната – если оглянуться, можно увидеть открытую дверь.

Поднявшись в номер, она звонит Капюшончику в Чикаго.

– Я буду с вами откровенен, – отвечает он после последнего

неполного гудка. – Сейчас в квартире никого нет. Но наличных и наркотиков я дома не держу, а у моего питбуля бешенство...

Она вешает трубку, не оставляя сообщения.

Значит ли это, что он уже вылетел?

Можно позвонить Сильвии Джеппсон и спросить у нее, но Кейс не хочется лишний раз общаться с «Синим муравьем».

Стелла ей доверяет. В какой бы страшный, дикий и глубоко трагичный русский сценарий ни были впаяны судьбы этих близнецов, Кейс отчаянно не хочет предать неуловимо-трепетное чудо, блеснувшее вчера на поверхности неподвижного бледного лица.

Капюшончик это понял бы. А кто еще? Уж точно не Бун, сейчас она не сомневается. Может быть, Бигенд – по-своему, как он обычно понимает эмоции, которых сам никогда не испытывал.

Кейс открывает бутылку русской минеральной воды.

Доротея работает на русского, который живет на Кипре и является владельцем домена armaz.ru, связанного, если верить Буну, с российской нефтяной промышленностью.

Интересно, люди, которые забрались в офис Кэтрин Мак-Нелли, – они тоже были русскими? Вовсе не обязательно, думает Кейс. Те двое в Токио, например, были итальянцами. Это политкорректный заговор, без расовой дискриминации.

С другой стороны – Баранов, если разобраться, тоже русский. Точнее, англо-русский. Правда, он как-то выпадает из цепочки, которую она пытается выстроить. Так же как и Дэмиен, снимающий в российской глуши свой археологический панк-проект. Хотя отец его подружки тоже считается крупным мафиози.

Уин говорил, что всегда надо допускать возможность совпадений. Иначе соскользнешь в апофению, и каждая мелочь начнет казаться частью распухающего заговора, и ты увязнешь, пытаясь распутать сложную симметрию чудовищной паутины, и наверняка пропустишь настоящую угрозу, которая чуть менее симметрична, чуть несовершенна, но существование которой Уин всегда принимал, как должное.

Россия. Было еще что-то такое...

Кейс вдруг вспоминает – как раз в середине глотка – и начинает судорожно кашлять.

Один из ее старых постов. Тот самый, что выскочил, когда она задала слово «Россия» как параметр поиска по Ф:Ф:Ф.

Она вставляет диск и повторяет поиск.

Автором может быть кто угодно. Например, какой-нибудь русский мафиози со склонностью к

самовыражению. Нереализовавшийся талант, обладающий необходимыми ресурсами для создания и распространения фрагментов.

Датировано январем. Тогда она еще посещала Кэтрин. И понятия не имела, что будет работать на «Синего муравья», полетит в Лондон и свяжется с Бигендом.

Мафия.

Необходимые ресурсы.

Она вытирает губы тыльной стороной руки.

Значит, не склонность к самовыражению. А любовь к осиротевшим племянницам.

Если уж у Баранова в недрах Лэнгли или АНБ нашелся старый друг-должник, сумевший выудить адрес Стеллы и Норы из потока сетевого трафика, то что говорить об очень богатом и влиятельном русском бизнесмене? Страшно подумать, чего он может добиться в своей родной стране. А хоть даже и не в своей.

Нет сегодня такой мерзости, для которой не могло бы служить эвфемизмом выражение «богатый и влиятельный», если речь заходит о России.

Кейс чувствует, как узел напряжения между лопатками запутывается все сильнее.

Когда вебсайт московской телефонной книги отказывается выдать информацию по студиям пилатеса, она надевает тренировочный костюм и поднимается в спортзал, расположенный этажом выше. В зале ни души, если не считать толстого русского старика с выражением религиозной скорби на лице, тяжко топающего по электрической беговой дорожке.

Все тренажеры здесь новые, блестящие и, судя по всему, отечественного производства. Дэмиен наверняка захотел бы их заснять. В дальнем углу Кейс находит что-то похожее на борцовский мат и пытается вспомнить комплекс упражнений на ковре, который им показывали в самом начале.

Отрабатывая полузабытые движения, она постоянно чувствует на себе печальный взгляд толстяка. И к своему удивлению осознает, что даже рада его присутствию.

Такое уж сегодня утро.

Кейс борется с желанием выйти на улицу, спуститься в ближайшее метро и за легендарно низкую плату оказаться в вычурном мире минеральных чудес. Посетить эти станции, эти единственные из дворцов, действительно доставшиеся пролетариату. Хоть чем-то ослабить нестерпимое напряжение ожидания.

Но уходить нельзя. И она не уходит.

Она ждет ответа от Стеллы.

После полудня звонит мобильный телефон.

– Алле?

– Где вы, Кейс? – Это Бигенд.

– В Ливерпуле. – Она лжет рефлекторно, не успев подумать. – А вы где?

– В Париже. Сильвия говорит, вы скоро ко мне присоединитесь.

– Пока не уверена. Я пытаюсь кое-что разузнать. Надеюсь, вы не только из-за меня там сидите? Я могу и вообще не прилететь.

– Вовсе нет, не беспокойтесь. Не хотите подробнее рассказать про «кое-что»?

– Не по мобильному. Лучше при встрече. – Кейс надеется, что причина звучит достаточно по-бунски.

– Вы говорили с Буном. – Это даже не вопрос.

– Да.

– У него сложилось впечатление, что вы без энтузиазма отнеслись к информации, которую он раздобыл в Огайо.

– Он слишком много значения придает интонациям.

– Что, нет искры в отношениях?

– Хьюберт, у нас с ним не роман.

– Вы дадите мне знать, если случится что-то важное?

Кейс принимает как должное, что по звонку нельзя определить местонахождение ее телефона. Она надеется, что это так. Даже если нет – все равно ничего не поделаешь.

– Разумеется. Мне надо идти, Хьюберт. До свидания.

Отбой. Она представляет, как он с недоумением смотрит на телефон.

И тут же раздается новый звонок.

– Да?

– Здравствуйте. Это Стелла. Вы еще хотите встретиться?

– Очень хочу.

– Не слишком рано? Вы успели поспать?

– Да, спасибо.

Интересно, по какому расписанию живет Стелла.

– Тогда спуститесь вниз, к будке охранника. Туда подъедет машина. Через тридцать минут. Это нормально?

– Конечно!

– До свидания.

Кейс встает – в трусиках и футболке «Фрут оф зе лум» – и начинает одеваться. Она понимает, что такая встреча требует самого формального наряда, какой только можно придумать. Лучшие чулки из Японии, французские туфли, «типа юбка»,

раскатанная на всю длину и подтянутая вверх, чтобы создать приемлемую имитацию платья. Она идет в ванную и накладывает косметику, затем возвращается и надевает черную вязаную кофту. И напоследок проверяет почту.

Письмо от Дэмиена.

> Трудный день. Я уже, наверное, пятьдесят раз говорил, насколько глубоко верю в документальность. Знаю, людям это кажется странным: я же мастер фальши, розыгрыша, одно выдаю за другое и т. д., и т. п. Наверное, они правы, если даже в журнале «Лицо» так написано. Но сегодня у меня есть повод всерьез усомниться в этом ярлыке, потому что мы только что полностью откопали «Юнкерс-87 Штука». Я тебе не рассказывал? Это практически целый самолет, который по какой-то дурацкой причине был похоронен под полутораметровым слоем грязи. Тут есть один гуру, он точно указал нам место. Говорит, что во сне ему было видение. Думаю, он просто ходит здесь зимой с металлодетектором. Так вот, этот гуру сказал – здесь! Ройте здесь, и обретете самолет. Как раз перед тем, как мы улетели в Лондон, ребята прорыли траншею и наткнулись на него. Пришлось прибегнуть к взяткам и угрозам, чтобы заставить их дождаться нашего возвращения, потому что я хотел сделать эпизод с самолетом кульминацией всего фильма. Я даже не подозревал, что это окажется именно «Штука» – самый нацистский из всех нацистских самолетов! Поразительно! Пикирующий бомбардировщик, их применяли в Испании – Герника и все такое. Абсолютно легендарный экспонат. И вот – свершилось! Представь, он лежит на дне огромной ямы, весь облепленный грязью, как дикарь из Новой Гвинеи. Если я правильно понял, это самый крупный трофей из всех, что были здесь отрыты, и можешь себе вообразить, сколько социотехники потребовалось, чтобы убедить их не открывать фонарь и не лезть в кабину. Последние две ночи Брайан и Мик постоянно дежурили рядом, отгоняя археологов, но долго это продолжаться не могло. Наконец настал великий день: мы установили камеры и приготовились снимать то, ради чего был затеян весь этот проект. И вот уже два самых крутых мужика с паучьими татуировками на плечах взбираются на покрытые скользкой слякотью крылья, и со своей

позиции на краю раскопа я вижу, что в тех местах, где их ботинки сдирают грязь, металл даже не заржавел, и что весь самолет сохранился в идеально-музейном состоянии. Просто не верится! А потом Брайан тоже залезает на крыло, чтобы снимать крупным планом, ручной камерой, и мужики начинают горстями соскребать грязь с фонаря. А там – пилот! Проступают очертания его головы, очков… Прежде я еще ни разу не видел, чтобы Брайан оторвался от видоискателя во время съемки. Но тут он обернулся ко мне, глаза ошалевшие – типа ЧТО ЗА ЧЕРТ?! – а я кричу ему во всю глотку: «Давай, давай снимай!!!» И он снимает весь процесс: как сбивают фонарь, как вынимают пилота – буквально по кускам… Представляешь, труп просто развалился на глазах. Они набросились, сняли часы, компас, кобуру с пистолетом, начали делить, драться, соскальзывая с крыльев вниз, – и просто разорвали его на части. И Брайан все это заснял, а Мик работал на второй камере и тоже много чего поймал, и плюс еще новые ребята снимали. Взяли всю сцену, с разных углов. И в один момент я оглядываюсь назад – и вижу, что эта идиотка Марина смеется! Причем не истерически, как можно было подумать, а просто ржет, как лошадь, потому, что ее прикалывает это зрелище… И вот теперь я сижу в палатке один и пишу это письмо, потому что слово за слово… в общем, я ее послал куда подальше. Мик и Брайан уже успели нажраться. А я просто боюсь смотреть отснятый материал. Страх, конечно, пройдет, может быть, даже завтра. Но сейчас я, наверное, пойду и тоже надерусь. Как он ухитрился попасть в это болото, с целым самолетом? В общем, как говорится, спасибо, что выслушала. И не забудь полить цветы и покормить чертовых рыбок. Надеюсь, у тебя все в порядке.

С любовью,
Дэмиен.

Кейс трясет головой, перечитывает письмо.

Я тоже тебя люблю. Спешу, не могу много писать. Со мной все в порядке. Я сейчас тоже в России, в Москве. Подробнее расскажу позже.

Она начинает упаковывать «Айбук» в сумку, потом передумывает. Как-то неправильно – приносить лэптоп на встречу с автором фрагментов. Лучше взять с собой восточногерманскую

папку. Перекладывая необходимые предметы из багажного изделия, она вспоминает, что при регистрации у нее забрали паспорт. И до сих пор не отдали. Его можно взять по дороге. На дне папки рука натыкается на что-то холодное. Это камденский импровизированный кастет: металлическая деталь от Дэмиеновой кибердевочки. Хорошо, что эта папка была сдана в багаж. Кейс кладет железку обратно, на счастье. Потом проверяет, не забыла ли ключи от номера, и выходит в коридор – с головой, наполненной картинами из только что прочитанного письма.

У приехавшего за ней водителя темные очки и чисто выбритый череп интересной лепки. Обтекаемый.

«Мерседес» выезжает на улицу, где Кейс вчера гуляла. Она вспоминает, что опять не взяла у администратора паспорт.

37
Кино

Они сворачивают на широкую магистраль. Тверская – интуитивно определяет Кейс; утром она успела полистать схемы окружающих улиц. От водителя, уже вставившего в ухо наушник, пахнет одеколоном.

Машина спокойно едет по предполагаемой Тверской, двигаясь вместе с основным потоком, не включая мигалки.

Над дорогой протянут транспарант с надписью по-английски: ВЫСТАВКА ВОСКОВЫХ ФИГУР.

На вывесках то и дело встречаются вкрапления латинских букв. «Бутик», «Кодак», аптека под названием «Фармаком».

Когда они поворачивают налево, Кейс спрашивает:

– Какая это улица?

– Георгиевский, – отвечает водитель. Хотя с тем же успехом это может быть его имя.

Они еще раз поворачивают и останавливаются в узком переулке.

Кейс начинает было объяснять, что не имела в виду «остановиться», но водитель выходит, обегает вокруг машины и открывает ей дверь.

– Выходите.

Неровный серый бетон. На стене граффити, кириллица. Буквы раздуты в неуклюжем подражании Нью-Йорку и Лос-Анджелесу.

– Прошу. – Водитель дергает помятую стальную дверь. Она распахивается с гулким стуком. За дверью темнота.

– Сюда.

– Стелла там?

– Кино, – отвечает он.

Кейс следует за ним и оказывается в непонятном полутемном объеме. За спиной захлопывается дверь. Единственный источник света – голая лампочка наверху, в конце невообразимо крутого лестничного пролета. Цементные ступени, никаких перил.

– Прошу. – Водитель указывает в сторону лестницы.

Приглядевшись, Кейс замечает, что перила все же есть: призрачная стальная полоска, опирающаяся всего на два прута – сверху и снизу. Провисает в середине, как веревка. Вибрирует, когда за нее возьмешься.

– Он получил утку в лицо...

– Вверх, пожалуйста.

– Простите. – Она начинает подниматься, слыша за спиной его дыхание.

Наверху еще одна стальная дверь, более узкая, прямо под сорокаваттной лампочкой. Кейс открывает ее.

Кухня, залитая красным светом.

Как общие кухни в старых нью-йоркских квартирах, только чуть больше. Приземистая плита сталинской эпохи – шире, чем машина, на которой они приехали. Такие топятся дровами или углем.

Там, где в нью-йоркских кухнях располагается общая ванна, установлен душ: отделанный кафелем квадратный бортик окружает цементное углубление в полу. С пятиметрового потолка, покрытого полувековым слоем коричневой копоти, свисает старинный оцинкованный разбрызгиватель – по виду ветеринарного или сельскохозяйственного предназначения. Источником красного света служит ворованный знак метро – буква «М» с лампочкой внутри, прислоненная к стене.

– Вот вы и здесь, – говорит Стелла, открывая дверь; из проема бьет яркий свет.

Стелла обращается к водителю по-русски. Тот кивает, выходит на лестницу, прикрывает за собой дверь.

– Здесь – это где?

– Идемте.

Стелла ведет ее в комнату с высокими грязными окнами; похоже, раньше эти окна были наглухо закрыты ставнями.

– Кремль. – Стелла указывает на зубчатую стену, видную в проеме соседних зданий. – А вон там Дума.

Кейс оглядывается по сторонам. Потертые стены, некрашенные еще с советских времен, напоминают бар в Роппонджи. Многолетняя никотиновая копоть скрывает то, что изначально было кремовой краской. Царапины, трещины. Рисунок паркета на полу практически не виден под несколькими слоями краски; верхний слой красно-коричневый. Два новеньких белых стола из «Икеи», два вращающихся стула, несколько компьютеров, корзины для бумаг. На стене над столами какая-то сложная схема, нарисованная фломастерами на нескольких смежных белых досках.

– Сергей называет это проектом, который никогда не кончится, – говорит Стелла, заметив, что Кейс смотрит на схему, а не в окно. – Здесь, конечно, только начало работы.

– Но ведь у фильма будет конец? – Кейс чувствует, что краснеет: разве можно так сразу задавать лобовой вопрос?

– Вы имеете в виду линейный сюжет?

– Я должна была спросить.

Она чувствует, что сейчас они все – и Капюшончик, и Айви, и Кинщик, и Морис, и весь Ф:Ф:Ф – все незримо стоят у нее за спиной.

– Понятия не имею. Она может начать редактировать, как свой студенческий фильм: чтобы свести все к одному кадру. А может, однажды они заговорят, ее герои. Кто знает? Нора ведь молчит.

В комнату заходит парень с густыми рыжими волосами; кивает, садится за один из компьютеров.

– Пойдемте. – Стелла показывает на дверь, откуда вышел рыжий парень. – Вы знаете эту идею: сквот? Как в Амстердаме, Берлине?

– Да.

– У вас это есть? В Америке?

– В общем, нет.

– Здесь, в этих комнатах был сквот. Очень популярный в восьмидесятых. Праздник никогда не кончался. Знаете, одни люди приходят, другие уходят, а веселье продолжается. Говорили о свободе, об искусстве, о духовных вещах. Мы с Норой были еще школьницами, когда нас сюда привели. Наш отец очень рассердился бы, если бы узнал.

Комната, куда они попали, гораздо больше предыдущей. Здесь собран импровизированный компьютерный зал: рабочие места разделены некрашеными фанерными перегородками. Экраны не светятся, стулья пусты. На одном из мониторов сидит плюшевая фигурка кота Гарфилда; видны и другие признаки офисного уюта. Кейс берет со стола квадратную акриловую пластинку. В прозрачном материале трехмерная лазерная гравюра: эмблема кока-колы и стилизованное изображение башен-близнецов, а внизу слова «МЫ ПОМНИМ». Она быстро кладет гравюру на место.

– Когда видишь это сейчас, даже представить трудно. Здесь однажды пел Виктор Цой. Тогда люди действительно жили. Система рушилась под собственным весом, но у всех была работа – часто бессмысленная, с маленькой зарплатой, однако на еду хватало. Люди ценили дружбу, спорили, ели, пили. Этакая студенческая жизнь. Духовная жизнь. Теперь у нас говорят: все, что Ленин рассказывал о коммунизме, – ложь, а все, что он рассказывал о капитализме, – правда.

– А что вы делаете в этой комнате?

– Здесь готовят к обсчету работу моей сестры.

– Она сейчас здесь?

– Да, она работает. Вы ее увидите.

– Но я не хочу прерывать...

– Вы не понимаете. Она с нами, пока работает. Как только остановится – сразу уходит.

Дверь в четвертую комнату расположена в конце узкого высокого коридора. Стены неоднотонные: на уровне человеческого роста побелка потемнела от бесчисленных касаний, а выше выглядит светлей. Сама дверь – новенькая, глянцево-белая – кажется непрочной на фоне тусклого шершавого гипса.

Стелла открывает ее, отступает в сторону, пропускает Кейс вперед.

Такое впечатление, что в комнате нет окон, а светится только огромный плоский монитор – самый большой из всех, которые Кейс когда-то видела. Но постепенно глаза привыкают к темноте, и она замечает три узких окна, закрашенных черной краской. Наверное, это работает автономный звериный инстинкт, который в любой незнакомой обстановке первым делом ищет потенциальные выходы. Все ресурсы высшего сознания сосредоточились на экране, где замерла сцена из нового, еще никем не виденного фрагмента.

Точка зрения героини: герой протягивает руку, словно для того, чтобы коснуться ее щеки в прощальном жесте.

Курсор мечется по экрану, как перекрестье прицела. Замирает на уголке его рта. Щелчок мыши – зум, увеличение. Несколько быстрых поправок. Еще щелчок. Возвращение к нормальному размеру.

Выражение его лица слегка изменилось. Как и настроение всей сцены.

Да, думает Кейс, «разбивщики» могут сушить сухари. Фрагменты – это живой, незавершенный проект.

– Нора. – Стелла бесшумно выступает вперед и опускает руки на укутанные шалью плечи человека, который сидит перед экраном. Правая рука Норы, лежащая на мыши, на мгновение замирает; Кейс каким-то образом чувствует, что это не связано ни с руками на плечах, ни с присутствием незнакомца.

Кейс пока не видит ее лица – только длинные темные волосы, разделенные прямым пробором. Совсем как у сестры. На волосах блик от светящегося монитора.

Стелла склоняется, говорит что-то по-русски, и Нора медленно поворачивает голову. Контур ее лица резко очерчен в свете изображения на экране.

Это лицо Стеллы – с небольшой, практически неуловимой вертикальной погрешностью. Никаких шрамов, только легкое смещение костей черепа. Кожа такая же гладкая и белая, как у сестры.

Кейс смотрит в темные глаза. Одну секунду Нора видит ее. Потом опять не видит. И поворачивается к экрану.

Стелла придвигает свободный стул:

– Садитесь. Смотрите, как она работает.

Кейс качает головой, ее глаза щиплет от слез.

– Садитесь, – очень мягко повторяет Стелла. – Сейчас вы ей не помешаете. Вы проделали долгий путь. Вам надо увидеть, как она работает.

Кейс проверяет время: она пробыла в комнате Норы чуть больше трех часов.

Вряд ли ей когда-нибудь удастся описать свои ощущения от увиденного. Даже Капюшончик вряд ли поймет.

Она наблюдала, как скелет нового фрагмента появляется практически из ничего. Из случайных обрывков видеоматериала. Из образа незнакомца, который стоял однажды на пригородной платформе, а потом обернулся и поднял руку в приветствии, и был пойман на пленку, чтобы сегодня, бог знает сколько времени спустя, оказаться на одном из вспомогательных экранов в студии Норы и попасть под беспокойный блуждающий курсор. Она наблюдала, как элементы случайного жеста становятся частью героя в черном плаще, чья жизнь, как и жизнь других героев, заключена в границы города «Т», очертания которого Нора накладывает на создаваемые фрагменты. Ее сознание тоже привязано к Т-образному осколку, застрявшему в мозгу: к фрагменту взрывателя мины «Клэймор», убившей ее родителей, к обломку металла, который вошел в череп так глубоко и прочно, что его нельзя извлечь. Тысячи таких штампованных деталей вышли из-под автоматического пресса где-то в Америке, и рабочие, стоявшие за прессом, должно быть, думали – если им вообще свойственно думать о конечном результате, – что с помощью этой детали будут убиты русские злодеи. Но та война уже давно закончилась – война Уина и Баранова, старая, как кирпичные здания за колючей проволокой позади ржавого трейлера, где угрожающие знаки стерегут гулкое отсутствие служебных собак. Каким-то образом этот осколок старого арсенала, ставший бесхозным после проигранной советами последней войны, нашел новых хозяев среди врагов русского бизнесмена, и одна маленькая деталь, только слегка поврежденная взрывом безжалостно-простого устройства, впечаталась в мозг девушки по имени Нора. И оттуда, из ее ран, под аккомпанемент терпеливо-ритмичных пощелкиваний мыши появляется на свет это чудо – фрагменты.

В темной комнате, где из окон можно увидеть Кремль, если с

них соскоблить черную краску, Кейс ощутила присутствие ослепительного творческого начала, оказалась у вожделенных истоков цифрового Нила, очаровавшего ее друзей. Эти истоки – здесь, в слабых, но точных движениях бледной женской руки. В легких щелчках мыши. В глазах, которые светятся мыслью, только когда смотрят на экран.

Одна большая рана, беззвучно говорящая в темноте.

Стелла находит ее в коридоре – с мокрым от слез лицом, с закрытыми глазами, спиной к гипсовой стене – такой же неровной, как лобная кость Норы.

Она подходит, кладет ей руки на плечи:

– Теперь вы видели ее работу.

Кейс открывает глаза, кивает.

– Пойдемте, – говорит Стелла, – у вас потекла тушь.

Стелла ведет ее мимо пустых рабочих мест в сумеречное сияние кухни. Открыв бронзовый кран, она мочит серую салфетку и передает ее Кейс. Та прижимает мокрую холодную бумагу к горячим глазам.

– Сейчас осталось очень мало таких домов, – рассказывает Стелла. – Земля слишком дорого стоит. Это здание, которое мы с Норой с детства любим, – собственность моего дяди. Он не позволяет его сносить, потому что Норе здесь удобно. Цена для него не имеет значения. Он просто хочет, чтобы мы были в безопасности. И чтобы Нора чувствовала себя спокойно и уютно.

– А вы, Стелла? Чего хотите вы?

– Я хочу, чтобы мир узнал о ее работе. И об остальном, чего вы не знали и не могли знать. О том, как здесь жилось творческим людям. О том, как в квартирах, подобных этой, возникали целые вселенные, замешанные на крови и воображении, – возникали, чтобы умереть вместе со своими создателями и раствориться в океане хаоса. Нора со своей работой тоже постепенно уходила в этот океан. – Стелла улыбается. – Однако теперь появились вы.

– Они ваши родители? Та пара в кино?

– Может быть. В молодости. Они их действительно напоминают. Но если у ее работы есть сюжет, то он не из их жизни. Это вообще не их мир. А какой-то другой. Это всегда другой мир.

– Да, – соглашается Кейс, положив на стол размокшую салфетку. – Это всегда другой мир… Скажите, Стелла, те люди, которые вас охраняют по приказу дяди, – от кого они вас охраняют, как вы думаете?

– От его врагов. От любого, кто захочет использовать нас,

чтобы навредить ему. Поймите, предосторожности – обычное дело для такого человека, как мой дядя. Необычно другое: что Нора художница. И вся ее ситуация необычна, и ее состояние, и то, что я хочу показать людям ее работу, – да, это все необычно. А в том, что нас надо охранять, – тут ничего необычного нет.

– Вы понимаете, что они заодно охраняют вас от и других вещей, может, сами того не зная?

– Нет, я не понимаю.

– Работа вашей сестры стала очень ценной. Ваши усилия не пропали даром. Искусство Норы воспринимается как настоящее чудо, выходящее из самого сердца нашего мира. И все больше людей в разных странах следят за этим проектом.

– Но в чем здесь опасность?

– У нас есть свои богатые и влиятельные люди. Любое явление, которое стабильно притягивает к себе внимание, становится очень ценным с точки зрения потенциальных возможностей.

– Чтобы сделать из него коммерческий продукт? Мой дядя никогда не допустит такой огласки.

– Продукт и так уже очень ценный. Гораздо ценнее, чем вы можете себе представить. Коммерческая часть – это просто создание брэнда, открытие франчайзов. Они уже готовятся к этому. По крайней мере один из них. И этот человек очень умен. Я знаю, потому что работаю на него.

– Вы на него работаете?

– Да. Но я уже решила: я не скажу ему, что нашла вас. Кто вы такие, где находитесь, что случилось с Норой, и все, что я сегодня увидела, – он ничего не узнает. Я на него больше не работаю. Однако придут другие, и в конце концов вас найдут. Вы должны быть готовы.

– Готовы? Как?

– Пока не знаю. Но постараюсь что-нибудь придумать.

– Спасибо, – говорит Стелла. – Я рада, что вы увидели, как работает моя сестра.

– И вам спасибо.

Они обнимаются, Стелла целует ее в щеку.

– Ваш водитель ждет.

– Пожалуйста, отошлите его. Я хочу прогуляться, почувствовать город. Я еще не видела вашего метро.

Стелла достает телефон из кармана серой юбки, нажимает кнопку, говорит что-то по-русски.

38
Пуппенкопф

Кейс оказывается на шумном Арбате.

Покинув сквот на задворках Георгиевского, она безвольно дрейфовала, сорванная с якоря чудесным процессом, который ей довелось наблюдать. Теперь она знает, что фрагмент с панорамой пустынного пляжа привязан к неровной верхушке буквы «Т». Немыслимая степень интимности.

Задумавшись, Кейс брела наугад, поворот за поворотом, из одной улицы в другую, пока не увидела на одном из перекрестков красное «М» станции метро. Она спустилась под землю и с некоторыми трудностями купила несколько жетонов[30], получив ворох сдачи со слишком большой купюры. Прозрачные кружочки из зеленоватого пластика, по цвету похожие на фигурки игрушечных скелетов, которые светятся в темноте. На каждом буква «М».

Одного жетона хватило на всю долгую поездку, с переходами и пересадочными станциями.

Кейс просто растворилась в одной из своих детских фантазий, в жутковатой сталинской грандиозности московской подземки, которая так потрясала ее отца.

Чувство, преследовавшее ее с самого начала – что все здешние объекты необоснованно огромны, – под землей стало вдвое сильнее. Избыточная роскошь станций превзошла самые смелые фантазии. Сверкающая бронза, розовый мрамор с аквамариновыми вставками, ослепительные хрустальные люстры на мощных колоннах, подпирающих высокие потолки, – элементы, уместные скорее для бальных залов, чем для станций метро. Как будто все богатство таинственной страны, которую Уин называл последней империей девятнадцатого века, влилось сюда через темные каналы тридцатых годов, чтобы превратиться в эти великолепные дворцы общественного транспорта.

Столь сильное и необычное впечатление на время освобождает Кейс от тяжелых чар, владевших ее сознанием с того момента, как она спустилась по узкой лестнице в солнечное сияние дня, и за спиной лязгнула стальная дверь.

Она понятия не имеет, где успела побывать за эти два часа бесцельного дрейфа по сказочно прекрасным галереям и эскалаторам, но в конце концов случай приводит ее на Арбат, широкий и переполненный народом, и тут снова включается алгоритм «это-почти-как», и она говорит себе, что это почти как

Оксфорд-стрит – хотя общего, конечно, мало.

Почувствовав жажду, она заходит в почти-как-итальянский кафетерий с прохладительными напитками и доступом в интернет и покупает бутылку воды и полчаса сетевого времени, чтобы проверить почту.

Клавиатура по умолчанию настроена на кириллицу; Кейс постоянно нажимает не ту кнопку и теряет английский язык, а потом не может вспомнить, как его вернуть. С грехом пополам ей удается прочитать письмо Капюшончика.

> За свою долгую и трудную жизнь я повидал достаточно недобросовестных агентов, чтобы безнадежно разочароваться в этом сословии, тем не менее должен признать, что твой агент – приятное исключение. Доказательством служит мой статус: я сейчас сижу в парижском аэропорту, завернутый в нежнейший кожаный кокон ручной работы от «Эйр Франс», и ожидаю посадки на ближайший рейс до Москвы, посматривая Си-эн-эн на французском языке. Задержка произошла отнюдь не по вине Сильвии. Просто что-то всполошило здешние бомбодетекторы, и теперь даже мы, элита из первого класса, должны ждать разрешения полетов. Чтобы как-то скрасить ожидание, вышеупомянутую элиту в составе пяти человек препроводили в чудо-инкубатор, оснащенный, я вынужден признать, самым лучшим во вселенной ассортиментом бесплатных закусок, в дополнение к которому нас постоянно обносят шампанским. Наверное, я тебе еще не говорил, но после печально известных событий мне, как и многим другим, не очень-то хотелось летать. Поэтому я и к Деррилу поехал на поезде. Однако сейчас, благодаря общей взвинченности и невообразимому уровню заботы, я практически не чувствую дискомфорта. Мои американские страхи остались по ту сторону регистрации багажа. И как только вправят мозги бомбодетекторам, я прилечу тебе на помощь. Боюсь, правда, что меня придется заново учить самостоятельно есть и подмываться. Если хочешь помочь, приготовь маленькие горячие полотенца. Еще раз спасибо за билет.

Кейс пытается ответить, но опять случайно нажимает эту дурацкую кнопку. Официант помогает ей переключиться назад, и она пишет:

> Я побывала там, встретилась с ней. Вернее, увидела

ее. Сидела и смотрела, как она работает. Я сейчас в интернет-кафе, все еще перевариваю впечатления. Об этом трудно писать. Да и ни к чему – ты уже почти здесь. Я так рада, что ты прилетаешь! Может, ты уже прилетел? Я еще не была в гостинице.

Снаружи доносится тяжелый грохот: столкновение или взрыв. Кейс поднимает голову. Воют сирены. Официант подбегает к двери, выглядывает на улицу. Кейс закрывает глаза. Она снова в машине, по пути к дому Стоунстрита, а на дороге, подставив лицо дождю, лежит мотоциклист со сломанной шеей… Она остро ощущает собственную смертность.

Я должна тебе это сказать, потому что никто больше не знает: stellanor@armaz.ru. Ее зовут Стелла. Не самого автора, ее сестру.

Отправить.

Она допивает воду, закрывает браузер, встает со стула. Сирены все еще слышны в отдалении.

Теперь нужно поймать такси. «Официальное».

Кивнув парням в кевларовых бронежилетах, она вспоминает, что все еще не забрала паспорт.

Фойе «Президент-отеля» по-прежнему огромно и еще более безлюдно, чем раньше. Ее просьба запускает в администраторе глубокую атавистическую программу, оставшуюся с советских времен. Лицо его каменеет, глазки сжимаются, и он молча ныряет в неприметную дверь за стойкой. Десять минут все тихо; потом он выныривает с паспортом в руках и так же молча кладет его на стойку.

Вспомнив рассказы Уина, Кейс проверяет, что паспорт действительно ее, и все страницы на месте, и сзади не прибавилось новых штампов и виз. На первый взгляд все в порядке. Она благодарит администратора и убирает паспорт в папку «Штази».

Самое время напустить горячей воды в длинную коричневую ванну и хорошенько расслабиться. А потом сойти вниз и спросить, не прибыл ли мистер Гилберт.

Кейс поворачивается – и оказывается нос к носу с Доротеей Бенедитти.

– Нам надо побеседовать.

Доротея тщательно прилизана в своей обычной манере, только косметики чуть побольше. Черные одежды, массивное золотое ожерелье.

– Доротея?

Ну да, а кто же еще? Но инстинкт советует пока сыграть в дурочку. Другой, более древний инстинкт советует уносить ноги.

– Я знаю, что вы их нашли. Хьюберт еще не знает, однако им уже известно.

– Кому?

– Охране Волкова. Людям, которые меня наняли. Нам надо срочно поговорить, с глазу на глаз. Давайте пройдем туда, в бар.

– Я думала, вы работаете на Хьюберта.

– Я работаю на себя. И о вас тоже забочусь. Пойдемте, я все объясню. У нас мало времени.

Доротея поворачивается и, не дожидаясь ответа, шагает через красно-коричневый плац в сторону гостиничного бара. Швы у нее на чулках сделаны в форме стилизованных извивающихся змеек.

Кейс следует за ней, чувствуя глубокое недоверие; узел страха между лопатками становится все туже. Но она твердо решила узнать, в чем дело.

В декорациях бара преобладают осенне-пиковые мотивы: охапки сушеных цветов, гирлянды листьев вокруг буфета, муляжи тыкв, неприятно похожие на черепа. На стене огромное потемневшее зеркало с золотыми прожилками.

Давешняя девушка в зеленых сапогах тоже здесь; только теперь она уже не в сапогах. Кейс замечает знакомые языки пламени – на высоком стульчике они смотрятся особенно выигрышно. Рядом сидят ее коллеги, по-видимому, сумевшие договориться с охраной. Их клиентуру составляют преимущественно крупные, гладковыбритые, коротко подстриженные мужчины с удивительно квадратными головами, в одинаковых темных костюмах. Картинка напоминает затерявшийся в пространстве-времени кусочек Америки – вплоть до сизых слоев сигаретного дыма и начисто лишенного иронии голоса Фрэнка Синатры, – только все это соткано из другого материала, из обрывков имперского триумфа, поражений и разочарований.

Доротея уже сидит за столиком для двоих. Бармен в белом пиджаке сгружает с подноса напитки – для Доротеи бокал белого вина, а для ее оппонента бутылку минеральной воды «Перье» и стакан со льдом. Кейс садится на свободный стул.

– Я заказала воду, – говорит Доротея. – Вам предстоят серьезные физические нагрузки, поэтому алкоголь ни к чему.

Официант наливает «Перье» в стакан и уходит.

– О чем вы говорите?

Доротея пристально смотрит на нее.

– Давайте сразу определимся: я не собираюсь добиваться

вашего расположения. Мне на это плевать. Просто в данный момент наши интересы совпадают. Я знаю, вы мне не доверяете, но прошу вас по крайней мере выслушать. Что вам известно об Андрее Волкове?

Волкова. Стелла Волкова. Не зная, что сказать, Кейс отпивает из стакана. Вода кажется безвкусной.

– Это их дядя, – нетерпеливо говорит Доротея. – Я знаю, где вы сегодня были. Знаю, с кем вы встречались. И очень скоро Волков тоже узнает.

– Первый раз слышу это имя.

В горле пересохло; Кейс делает еще глоток.

– Теневой олигарх, человек-призрак. Возможно, самый богатый в России. Умудрился без потерь пережить войну банкиров в девяносто третьем, даже увеличил свое состояние. Корни, разумеется, уходят в организованную преступность. Его семья пострадала, как и многие другие семьи. Он потерял родного брата – скорее, из-за политики, чем из-за криминальных разборок. Хотя в этой стране было бы наивным проводить черту между такими вещами. – Она делает глоток вина.

– Доротея, что вы здесь делаете?

В другое время Кейс, наверное, чувствовала бы себя иначе: испуганной, злой. Сейчас интриги кажутся сущей ерундой по сравнению с раскрытой тайной фрагментов. Узел между лопатками начинает потихоньку распускаться.

– Кейс, поймите, ваша жизнь в опасности. За вами охотится охрана Волкова. Вы встретились с его племянницами, а этого не должно было произойти.

– Что-то не верится, чтобы их так уж строго охраняли. Я только отправила имэйл, и они сразу ответили.

– Как вы узнали адрес?

Барановские очки вспыхивают в британском солнечном луче, пробившем крышу ржавого трейлера. В глазах за стеклами стоят бездны холодного недоверия.

– От Буна, – лжет Кейс.

– Ну ладно, не имеет значения, – отмахивается Доротея.

Кейс рада: вот и хорошо, что не имеет. У нее вдруг возникает желание рассказать, что Бун сейчас в Огайо, в фирме «Магия-символ».

– Давайте поговорим о вашем отце, – предлагает Доротея. – Сейчас это более важно. Как его зовут?

– Уин, – отвечает Кейс. – Уингроув Поллард.

– Он ведь пропал без вести? Во время теракта в Нью-Йорке?

– Да. Зарегистрировался в гостинице накануне вечером, а утром взял такси и куда-то поехал. Но мы так и не нашли

водителя. Все ищем, ищем и никак не можем найти.

– Ну ничего, не исключено, что я помогу вам его найти, – говорит Доротея. – Вы пейте водичку.

Запрокинув голову, Кейс залпом допивает воду. Кубики льда соскальзывают вниз, больно ударяют по передним зубам.

– Ой, я ударила зубы, – говорит Кейс, ставя стакан на стол.

– Вам надо быть осторожнее, – ласково улыбается Доротея.

Кейс смотрит на людей, сидящих у стойки. На юбке у девушки шевелятся и переливаются аппликации из змеиной кожи. Точнее, это просто вырезы в ткани в виде языков пламени, а сквозь них видна живая черно-зеленая змеиная кожа. Кейс хочет рассказать Доротее об этих вырезах, но она почему-то стесняется. Ей вообще очень стыдно и неловко.

Доротея берет бутылку, доливает в стакан остатки воды.

– Вам когда-нибудь приходило в голову, что я и есть Мама Анархия?

– Нет, нет, не может быть! – удивляется Кейс. – Вы даже не знаете слова «гегемония»!

– Что?

Кейс чувствует, что краснеет.

– Нет, вы не подумайте! Конечно, вы очень образованы. Я просто не могу поверить, что вы сами могли до такого додуматься. Все эти вещи, которые Капюшончик так ненавидит. Ведь это невозможно придумать!

Наверное, не стоило ей этого говорить.

– Конечно, нет. Пейте водичку.

Кейс пьет, следя, чтобы лед не ударился о зубы. Доротея улыбается:

– Но у меня есть помощник, маленький пуппенкопф. Я говорю все, что мне надо, а он переводит на язык Мамы Анархии. Чтобы потрепать нервы вашему любимому дружку.

– Пуппен?..

– Пуппенкопф. Марионетка. Аспирант из Америки, который помогает Маме. Ты ведь теперь тоже мой пуппенкопф, правда? – Подавшись вперед, она треплет Кейс по щеке. – И больше никогда не будешь нас огорчать. Ты будешь паинькой, будешь хорошей девочкой и расскажешь Маме, откуда у тебя этот имэйл.

Но там, на буфетной стойке, стоят черепа! Кейс открывает рот, чтобы рассказать о них Доротее, – и вдруг видит: сам Бибендам колышется в воздухе над баром, как сдувшийся белесый дирижабль, и его лоснящаяся плоть висит по бокам дряблыми мерзкими складками. Кейс так и замирает с открытым ртом, не в силах произнести ни звука, а ужасные глазки Мишлена буравят ее с непереносимой жгучей сосредоточенностью, и в этот

момент она испытывает, наверное, впервые в жизни, эффект ФЭГ: откуда-то из тайного водоворота в песне Фрэнка Синатры выскакивает яркая мультипликационная ленточка постороннего звука, которая проделывает акустический эквивалент заднего сальто и превращается в голос отца, искаженный невообразимым расстоянием:

– В воде наркотик. Кричи!

И Кейс кричит.

И перед тем как провалиться в черноту, успевает почувствовать холод металла под пальцами, на дне папки «Штази».

39
Красная пыль

В голову Кейс вживлена стальная проволока, в точности повторяющая все неровности внутренней поверхности черепа. Странно, что она раньше ее не замечала.

Эта проволока, судя по всему, толщиной не более миллиметра, но очень прочная и упругая. Кейс ее ясно чувствует, потому что кто-то начал проворачивать центральный ключ, тоже металлический, в виде буквы «Т» с изображением карты города, название которого она когда-то помнила, а теперь забыла из-за нестерпимой боли. С каждым поворотом ключа стальная проволока расширяется, причиняя ей ужасные страдания.

Открыв глаза, Кейс обнаруживает, что зрение не работает. По крайней мере не так, как раньше.

Теперь придется носить очки, думает она. Или контактные линзы. Или можно сделать лазерную операцию. Сейчас они уже научились, успех практически гарантирован. Изначально технология пришла из советской медицины. Эффект был обнаружен случайно: первый пациент получил микропорезы сетчатки, попав в автокатастрофу где-то в России...

Кейс снова открывает глаза.

Это Россия.

Она пробует поднять руки и потрогать голову. Руки отказываются подчиняться.

Пространственная ревизия. Положение горизонтальное, лицом вверх, должно быть, на кровати. Руки не двигаются. Она осторожно приподнимает голову – как в студии пилатеса, перед упражнением «сотня». По крайней мере руки на месте: лежат под тонким серым одеялом, из-под которого выступает краешек белой простыни. Тело перехвачено двумя тонкими смирительными ремешками – один чуть ниже плеч, другой на уровне пояса.

Это плохо.

Кейс опускает голову. И стонет, потому что в ответ на движение ключ проворачивается дважды, и очень быстро.

Белый и гладкий потолок, на котором с трудом удается сфокусировать взгляд. Осторожно повернув голову вправо, она видит стену, такую же белую и гладкую. А что слева? Простой квадратный плафон на потолке. А дальше несколько кроватей. Три пустые металлические кровати, покрашенные белым.

Движения очень утомительны; она чувствует страшную усталость.

Рядом стоит седая женщина в серой вязаной кофте, накинутой поверх бесформенного серого платья. В руках у женщины поднос.

Изголовье кровати приподнято, и смирительные ремешки куда-то исчезли. Так же, как и стальная проволока в черепе.

– Где я?

Женщина отвечает каким-то четырехсложным восклицанием и опускает поднос на ажурную подставку, переброшенную поперек кровати. На подносе пластиковая миска с чем-то густым, напоминающим суп из моллюсков, только без моллюсков. Рядом пластиковый стакан с мутной светло-серой жидкостью.

Женщина протягивает странную плоскую ложку, сделанную словно из резины – достаточно жесткую, чтобы ею можно было есть, и в то же время достаточно гибкую, чтобы ее можно было сложить вдвое. Кейс начинает хлебать теплый, густой и удивительно вкусный суп, приправленный гораздо острее, чем вся больничная еда, которую ей когда-либо доводилось пробовать.

Стакан с серой жидкостью вызывает подозрения; Кейс не решается пить. Женщина указывает на него и издает односложный звук.

На вкус напиток чуть-чуть похож на «Биккли». Органический «Биккли».

Допив все без остатка, она ставит стакан на поднос. И зарабатывает еще одно короткое восклицание, на этот раз нейтральное по тону. Женщина убирает поднос и выходит, прикрыв за собой кремовую дверь.

Кейс не может разглядеть, что там за дверью, но госпитальная логика предполагает коридор.

Сев на кровати, она обнаруживает, что одета в больничный халат из тонкой застиранной фланели, с глубоким вырезом на спине. На ткани халата выцветший рисунок: желто-розовые клоуны на синем фоне.

Лампа на потолке меркнет, однако полностью не выключается.

Кейс отбрасывает одеяло. Ее бедра украшены многочисленными синяками. Она спускает ноги на пол и встает, опасаясь, что это движение приведет к каким-нибудь новым страданиям. Но ничего страшного не происходит.

Пол в палате покрыт чем-то серым и упругим. Поверхность под пятками слегка шершавая.

Сдвинув ноги вместе, Кейс находит «магниты» из упражнения «полотенце». Сгибается вперед, растягивая задние мышцы бедер. Сосредотачивает внимание на точке внутреннего равновесия.

Удлиняет позвоночник.

Накатывает волна головокружения; Кейс терпеливо пережидает.

Теперь нижний перекат: медленно, позвонок за позвонком, одновременно опускаясь на колени. Припасть к полу. Все мышцы расслаблены, голова болтается...

Под кроватью лежит что-то черное.

Кейс замирает, вглядывается в бесформенный предмет. Протянув руку, осторожно трогает... Это ее дорожная сумка. Она вытаскивает ее из-под кровати. Молния расстегнута, внутри в беспорядке напихана одежда. На ощупь можно распознать джинсы, свитер, холодный скользкий нейлон «Баз Риксона». Ни телефона, ни «Айбука», ни кошелька, ни паспорта.

Сплющенные замшевые ботинки обнаруживаются в одном из боковых карманов.

Кейс встает, нашаривает на шее завязки и освобождается от клоунского халата. Несколько секунд стоит обнаженная в зеленоватом флюоресцирующем полумраке. Затем нагибается и начинает одеваться. Трусики, джинсы, черная футболка. Носков найти не удается. Сев на кровать, она завязывает шнурки на ботинках.

И тут ей приходит в голову, что дверь наверняка заперта. Иначе просто быть не может.

Нет, не заперта. Кнопка на круглой ручке бесшумно выскакивает, дверь приоткрывается. Кейс распахивает ее.

Так и есть, коридор. Только не больничный. Школа? На стене бирюзовые дверцы шкафчиков. Трехзначные номера на маленьких табличках. Колбы дневного света на потолке. Синтетический пол цвета пробки.

Кейс смотрит налево: коридор заканчивается глухими коричневыми дверями. Пожарный выход. Она смотрит направо. Там тоже двери, но стеклянные, с металлическими нажимными ручками. Снаружи пробивается солнечный свет.

Выбор очевиден.

Разрываясь между желанием бежать со всех ног и желанием сойти за местную (какие они, здешние местные?), она подходит к стеклянным дверям и нажимает ручку.

Дневной свет слепит. Воздух не московский, пахнет летней травой. Прикрыв глаза рукой, Кейс направляется к статуе, едва различимой в солнечном сиянии. Это бетонный Ленин. Аэродинамические обводы, безликая стилизованная фигура. Простертая рука указывает пролетариату путь. Исполинский привратник марксизма.

Кейс оглядывается. Она только что вышла из уродливого

красно-кирпичного школьного здания времен шестидесятых. Над крышей возвышается бетонная зубчатая башня, наподобие венца у статуи Свободы. Между зубцами видны маленькие окошки.

Ладно, сейчас не время разглядывать архитектурные детали. Вот широкая тропинка – ведет вниз по склону, петляя в сухой траве. Кейс спускается по ней в какой-то овражек или водосток. Теперь ее из окон не увидят.

Жухлая мятая трава усеяна окурками, бутылочными пробками, обрывками фольги.

Кейс долго идет по дну оврага и наконец упирается в пыльные заросли кустов, которые образуют сумрачную беседку. Судя по всему, это популярное местное убежище. Кругом пустые бутылки, банки, бумаги. Засохший презерватив болтается на ветке, словно часть жизненного цикла какого-то большого насекомого. Значит, это еще и грот любви.

Она приседает, переводит дух. Слушает, нет ли погони.

Далеко в небе гудит реактивный самолет.

Тропинка ныряет в кусты и через несколько метров сливается с нагромождением гладких валунов. Очевидно, дно пересохшего ручья. Кейс идет по камням через густые, посвежевшие заросли и вскоре снова замечает тропинку, которая уходит по склону вверх. Взобравшись по ней, Кейс видит заграждение.

Здесь поработали сравнительно недавно. Оцинкованные столбы закреплены в бетонных тумбах; между ними натянута обычная панцирная сетка. Подойдя ближе, Кейс замечает, что поверху в два ряда пущена колючая проволока. Оглянувшись, она видит верхушку зубчатого орнамента на крыше школы.

Вытянуть палец. Глубоко вздохнуть. Быстрым скользящим движением потрогать сетку. Не тряхнуло. Хотя где-то, может быть, уже завыли сирены над бараками, разорвав скучающее ожидание вооруженной до зубов охраны.

Кейс переводит взгляд с панцирной сетки на носки своих ботинок. Не самый лучший вариант. Из опыта летних отпусков в Теннесси она знает, что для преодоления таких заборов нет ничего лучше, чем ковбойские сапоги. Просто втыкаешь в дырочки узкие носы и поднимаешься, как по лестнице. Но у ботинок, купленных в «Парко», носы округлые, а подошвы только слегка рифленые.

Усевшись на пыльную траву, Кейс перешнуровывает ботинки, затягивает их потуже. Затем снимает куртку, обвязывает рукава вокруг талии. Готово.

Она встает, смотрит в небо.

Солнце в зените. Издалека доносится звонок. Перерыв на обед.

Она вцепляется пальцами в ячейки ограды и начинает взбираться, упираясь подошвами. Шаг за шагом: руки тянут, ноги толкают. Вес тела помогает удерживать ботинки на сетке. Это тяжелый путь, но по-другому в такой обуви не залезешь. Не обращая внимания на боль в пальцах, она добирается до верхней перекладины – стальной трубы диаметром пять сантиметров, за которую можно ухватиться, подсунув руки под первую линию колючки.

Отпустив левую руку, Кейс аккуратно развязывает рукава куртки и перебрасывает ее через верхнюю проволоку.

Пытаясь перенести ногу через забор, она чуть не срывается, ухитряется как-то удержаться и выпрямляется, оседлав куртку и чувствуя, как острые шипы рвут нейлоновую армейскую подкладку и увязают в толстой, любовно выделанной коже.

С перебрасыванием второй ноги возникают проблемы. Кейс пытается представить, что это такое упражнение: надо двигаться плавно и грациозно. Не спеша. (На самом деле, спешить надо, потому что руки уже начинают дрожать.) Ну вот, теперь порядок. Остается забрать куртку. Можно, конечно, и оставить, но Кейс упрямо начинает отцеплять ее от колючек, мысленно оправдывая себя тем, что по куртке преследователи сразу определят место; в действительности ей просто жалко ее бросить.

Материя рвется с треском, ботинки соскальзывают по сетке, и Кейс приземляется на ягодицы, подняв облако пыли, с курткой в правой руке.

Поднявшись, она осматривает прорехи и надевает порванную куртку.

* * *

Кейс делает первый привал, когда от ограды ее отделяет, судя по солнцу, три часа быстрой ходьбы.

Все это время количество растительности продолжало равномерно уменьшаться; теперь вокруг только красная сухая земля. Ни дорог, ни воды. Запасы Кейс состоят из декоративной зубочистки гостинично-токийского происхождения и одного завернутого в целлофан мятного леденца – должно быть, из Лондона.

Она начинает подозревать, что находится где-то в Сибири. Если бы она знала побольше о российской природе, то могла бы сказать наверняка. Ландшафт сильно напоминает австралийскую пустыню, только еще более вымершую. До сих пор не встретилось никаких признаков жизни: ни птицы, ни зверя, ни даже

насекомого. Лишь около часа назад она пересекла едва заметные следы от машины и уже жалеет, что не пошла вдоль них.

Присев на пыльную кочку, Кейс посасывает зубочистку и старается не думать о ногах, которые болят нестерпимо. Наверняка натерла пузыри. Думать об этом неприятно; разуваться и смотреть тем более не хочется. Но делать что-то придется. На следующем привале можно будет разорвать подкладку куртки и обмотать ноги.

В небе звенит невидимый самолет, словно в дополнение к пейзажу. Интересно, как бы она объяснила этот звон, если бы не знала о существовании самолетов? Остались ли в мире люди, которым незнаком этот звук? Трудно сказать.

Морщась, она поднимается на ноги и начинает идти, кусая размякшую зубочистку. От этого во рту не так сухо.

Закаты здесь, в Сибири, очень долгие. Затяжные. Фантастические оттенки красного.

Продолжать движение в темноте практически невозможно; поняв это, Кейс сдается и садится на землю.

Состояние крайней выдроченности – выражение Дэмиена, идеально подходящее к случаю.

Развернув мятный леденец, Кейс кладет его под язык.

Ночи в Сибири, как выясняется, прохладные. Она развязывает рукава «Баз Риксона», надевает его, застегивает молнию. Ветер поддувает в дырявую спину, потому что от подкладки остались одни лохмотья – Кейс вырвала куски нейлона и обмотала разбитые ноги. Чуть-чуть помогло, хотя все равно она сомневается, что завтра сможет далеко уйти.

Хорошо бы оставить кусочек леденца на потом, но не во что завернуть. Кейс расстегивает кармашек на рукаве и находит там индийскую визитку с адресом Стеллы, написанным рукой Баранова. Аккуратные коричневые буковки, похожие на засохшую кровь. Кейс смотрит на них, пока не становится совсем темно.

В небе сверкают звезды.

Глаза быстро привыкают к темноте, и на горизонте, в той стороне, куда она все время шла, становятся видны два вертикальных луча. Они не похожи на световой памятник на месте разрушенных башен – скорее, на лучи из ее лондонского сна, только гораздо дальше и слабее.

– Что вы делаете в Сибири? – спрашивает она их.

И тут же чувствует, что он где-то рядом.

– Я ведь могу умереть в этой пустыне, – говорит она. – Вполне реально умереть.

Да, можешь, – отвечает он.

– Значит, это конец?

Откуда мне знать?

– Но ты ведь умер, да?

Трудно сказать.

– Скажи, в тот вечер – это был твой голос? Сквозь музыку?

Просто галлюцинация.

– А уж я подумала – вот, наконец-то услышала один из маминых ФЭГов.

Без комментария.

Она улыбается.

– А тот сон, в Лондоне?

Без комментария.

– Я тебя люблю, пап.

Я знаю. Мне надо идти.

– Почему?

Слушай.

И он исчезает – в этот раз, кажется, навсегда.

Тут же сзади доносится рокот вертолета. Оглянувшись, Кейс видит длинный луч белого света, бегущий по мертвой земле. Он перемещается беспорядочно, как маяк, обезумевший от одиночества и сорвавшийся бродить в темноте, в слепой надежде отыскать кого-нибудь в этом безжизненном царстве.

40
Академия мечты

Вертолет пролетает прямо над ней, но прожектор шарит где-то в стороне. Машина идет так низко, что видны продолговатые желтые полозья, освещенные красным бортовым огнем. Прожектор моргает и гаснет; красный огонь удаляется.

Световых башен на горизонте уже не видно.

Рокот опять становится громче: вертолет возвращается.

Он зависает в пятидесяти метрах, включает прожектор, нащупывает ее лучом сквозь облако поднявшейся пыли.

Кейс прикрывает рукой глаза и сквозь пальцы следит, как вертолет опускается на землю. Из боковой двери выпрыгивает человеческая фигура и приближается, отбрасывая перед собой широкую зыбкую тень.

Звук мотора становится тише, реже: винты постепенно останавливаются.

Человек выходит из светового луча и останавливается в двух метрах от нее.

– Кейс Поллард?

– А вы?

– Капюшончик.

Не может быть. Кейс молчит, пытается это переварить. Наконец она спрашивает:

– Кто открыл тему, из которой выросли «сборщики»?

– Морис.

– В ответ на чей пост?

– Пост Дэйва Аризонского о теории ограничений при съемках с живыми актерами.

– Капюшончик! Ты?!

Он заходит сбоку и поворачивается так, чтобы свет падал на лицо. Рыжеватые волосы с залысинам, зачесанные назад. Мешковатые камуфляжные штаны, плотная черная рубаха, под ней белая футболка. На шее большая штуковина, похожая на бинокль: два окуляра сходятся в одну трубу, которая расширяется наподобие фонаря.

Порывшись в нагрудном кармане, он достает визитную карточку, делает шаг вперед, протягивает ее Кейс. Та берет и читает, щурясь от пыли и яркого белого света:

ПИТЕР ГИЛБЕРТ
БЕЛЫЙ МУЖЧИНА СРЕДНИХ ЛЕТ

Она поднимает глаза.

– Специфика музыкального бизнеса, – поясняет он. – У нас в Чикаго, если группа играет определенную музыку, без него не обойтись.

– Без кого?

– Без БМСЛа. Белого мужчины средних лет. – Он садится на корточки, по-прежнему выдерживая дистанцию в два метра. – Ты можешь идти? В вертолете есть врач.

– Как… каким образом ты здесь оказался?

– Так, прилетел на всякий случай. Вдруг ты передумаешь.

– Передумаю?

– Ну да. Ты же сбежала из единственной русской тюрьмы, в которую люди, наоборот, стараются проникнуть.

– Почему?

– Ее называют «академией мечты». Тебя туда отвезла одна из бригад Волкова. После того, как Мама переборщила с «крышесносом».

– С чем?

– Рогипнол, наркотик для изнасилований. Его добавляют девушкам в коктейли. Шутки шутками, а ты могла бы и коньки отбросить. Но что ж поделать, такая у нас Мамочка. У тебя, кстати, была парадоксальная реакция. По идее эта дрянь превращает людей в послушных дурачков, на все согласных, но в тебе она пробудила какую-то буйную средневековую агрессию.

– Правда? Ты что, видел?

– Нет. Я как раз заканчивал регистрироваться, когда подъехали «скорая помощь» и полиция. Помнишь, в старых вестернах: ковбой умирает в пустыне от жажды, а друзья тут как тут, приподнимают ему голову и говорят – вот, выпей, только немного.

Кейс озадаченно моргает.

Он отстегивает от пояса пластиковую фляжку и передает ей.

Она делает глоток, полощет горло, выплевывает. Затем осторожно пьет.

– Мама сначала пыталась всех убедить, что контролирует ситуацию, – продолжает Капюшончик. – Но на фоне разбитого носа и заплывшего глаза это звучало, прямо скажем, несерьезно.

– Ты знал, что это она?

– Нет, откуда? Я бы и тебя не узнал, если бы не услышал, как кто-то повторяет: «Поллард, Поллард». Вообще я, конечно, видел пару твоих фоток. Нашел в «Гугле». Но в тот момент, с кастетом в кулаке, сама понимаешь, ты смотрелась несколько… э-э…

необычно. А рядом дамочка с расквашенным носом. Она держалась очень настырно, я даже думал, что ее арестуют. Похоже, она пыталась их уговорить, чтобы тебя отвели в номер. А она типа останется с тобой. Но тут вошли три мужика в черных плащах, и все кроме Мамы моментально стушевались и принялись раскланиваться. А ты просто вырубилась. Затихла, как зайчик, в обнимку со своим кастетом. И эти трое взяли Маму под руки и куда-то повели. Вид у нее, надо сказать, был не очень веселый. Ну а я чувствовал себя... не у дел. И для начала пошел проверил почту. А там твое письмо с адресом Стеллы. Ну, я ей написал, представился, как твой друг, рассказал все, что видел. И буквально через полчаса – бум! Я уже сижу в «БМВ», на крыше голубая мигалка, а вокруг квадратные парни в кожанках, и мы мчимся через центр города по встречной полосе, проскакивая все светофоры. И не успел я вздохнуть, как мы оказались в одной из «семи сестер», а там уже люди Волкова...

– Погоди, каких сестер?

– Сталинские готические небоскребы, с рюшками и финтифлюшками, как на свадебном торте. Крутейшее жилье, шелупонь там не живет. И твой мистер Бигенд...

– Бигенд?!

– Да, и Стелла, и еще целая куча волковитов. И китайский хакер из Оклахомы...

– Бун?

– Парень, который читал твои имэйлы, по приказу Бигенда.

Кейс вспоминает. Квартира в Хонго, янтарный свет. Бун соединяет кабелем два лэптопа.

– Ты извини, конечно, – говорит Капюшончик, – но пыль, на которой ты сидишь... в ней слишком много титана. Давай-ка я сейчас позову врача, и мы отведем тебя к вертолету.

Он забирает у нее фляжку, делает глоток, вешает ее обратно на пояс.

– Откуда здесь титан?

– Последствия советской экологической катастрофы. Не Аральское море, конечно, но достаточно серьезно. Узкая зона промышленного загрязнения: восемьдесят километров в длину и четыре в ширину. Все это время ты шла вдоль нее, точно по центру. В общем, хороший душ тебе сейчас не помешает.

– Где мы находимся?

– Примерно полторы тысячи километров к северу от Москвы.

– А день недели?

– Пятница. Отрубилась ты в среду. И провалялась без сознания до сегодняшнего утра. Похоже, они держали тебя на снотворном.

Кейс пытается встать; Капюшончик вдруг оказывается рядом, кладет руки ей на плечи.

– Не надо, сиди.

Странный одноглазый бинокль покачивается в нескольких сантиметрах от ее лица. Капюшончик поворачивается в сторону белого света и машет рукой.

– Если бы не приборы ночного видения, – говорит он через плечо, – мы бы тебя не нашли.

– Что ты слышала о русской тюремной системе? – спрашивает Капюшончик.

У них на головах бежевые пластиковые наушники с микрофонами, вниз уходят зеленые скрученные провода. Поролоновые нашлепки приглушают рев моторов. Его голос доносится как со дна глубокого колодца.

– В общем, ничего хорошего.

– Да уж. СПИД, туберкулез, все прелести. Причем с эпидемическим размахом. То место, куда мы летим, – это в общем-то приватизированная тюрьма.

– Приватизированная?

– Ну да. Как говорится, антрепренерский эксперимент в новорусском стиле. Местная версия наших исправительных учреждений. Государственная система тюрем в России практически развалилась, это уже реальная угроза для здоровья населения. Их тюрьмы – готовые лаборатории для выращивания вакциноустойчивых штаммов туберкулезной палочки. И плюс еще СПИД – некоторые считают, что через несколько лет он превратится в российскую чуму, и тоже не без помощи тюремной системы. Поэтому если одна из волковских компаний предложит на свои средства организовать экспериментальное исправительное учреждение, где здоровые энергичные заключенные будут вести здоровый энергичный образ жизни, да при этом еще осваивать новую перспективную специальность, – кто же станет возражать?

– Значит, вот где обсчитываются фрагменты?

– А знаешь, что мотивирует этих образцово-показательных заключенных? Только собственные интересы! Во-первых, они здоровы. Иначе бы их не выбрали. В государственной системе от их здоровья очень быстро ничего не останется. Это раз. А два – когда они сюда попадают, то сразу видят, что им крупно повезло. Мальчики-девочки живут вместе, питание отменное, даже лучше, чем на воле, да еще и деньги платят. Не много, конечно, но можно откладывать или отсылать семьям. У них тридцать каналов спутникового телевидения, библиотека, видеотека,

можно заказывать книги, музыку. Но никакого интернета. И никаких телефонных звонков. Это строгое условие, за нарушение без разговоров отправляют назад, в туберкулезник. И выбор профессии, разумеется, только один.

– Они обсчитывают фрагменты.

– Точно. – Капюшончик протягивает ей фляжку. – Как твои ноги?

Она знаком отказывается от воды.

– Ничего. Если не шевелить.

– Видишь, уже почти прилетели. – Он указывает пальцем вперед, через прозрачный носовой фонарь. – Однако главный фактор, который держит их в узде, – сам Волков. Его имя, конечно, впрямую не упоминается, но любой нормальный русский зек сразу видит, откуда растут ноги. А они как раз и есть нормальные русские зеки.

Пилот в шлеме, до сих пор не показавший своего лица, произносит короткую хриплую фразу по-русски. Чей-то голос отвечает ему из черноты.

Впереди появляется кольцо огней.

– Я все равно не могу понять. Организовать такую сложную систему лишь для того, чтобы обслуживать работу Норы? Как им это удалось? Вернее, вопрос даже не *как*, а *почему*?

– Очень просто. Избыточное планирование на службе у абсолютной власти. Мы же имеем дело с постсоветскими структурами. Плюс огромное личное состояние. Волков пока еще не Билл Гейтс, но их имена уже вполне можно встретить в одном предложении. Он стоял у истоков многих здешних перемен и при этом ухитрился остаться в тени. Что само по себе уже замечательно. У него всегда, при любой власти, были хорошие связи в правительстве. И поэтому он уцелел во многих передрягах.

– Ты с ним встречался?

– Сидел за одним столом. Говорил в основном Бигенд, через переводчика. Волков не говорит по-английски. Ты знаешь французский?

– В общем, нет.

– Я тоже. И еще никогда об этом так не жалел, как во время их разговора.

– Почему?

Капюшончик смотрит на нее.

– Ну, это все равно что наблюдать брачный танец пауков.

– Они о чем-то договорились?

– Скорее обменялись информацией друг о друге. Причем большей частью невербально, без переводчика и без французского

языка.

Шасси вертолета неожиданно ударяются о бетон – все равно что упасть с полуметровой высоты, сидя в автокаре для гольфа. Удар отдается болью в ее ногах.

– Сейчас они тебя осмотрят, подлатают. А потом Волков хочет с тобой встретиться.

– Зачем?

– Не знаю. Когда ты сбежала, он нас сразу выслал сюда, причем на гораздо более быстром вертолете, чем этот.

– Кого это – «вас»?

Но он уже снял шлем, возится с ремнем безопасности. И не может ее слышать.

41
За здоровье мистера Полларда

Кейс старается не шаркать огромными войлочными тапками, надетыми поверх бинтов на ногах. Они с Капюшончиком идут по коридору, мимо желтых шкафчиков. Их пригласили на обед.

В течение последнего часа или что-то около того (она так и не нашла своих часов) Кейс успела принять душ и побывать у врача, где ей забинтовали натертые ноги. Сейчас на ней черная вязаная кофта и «типа юбка»: Капюшончик посоветовал приодеться для предстоящего события.

Ее вещи, косметичка, одежда – все было аккуратно выстирано и разложено на одной из кроватей в той палате, где она пришла в сознание.

Кейс чувствует себя по-идиотски в войлочных тапках, которые ей одолжила седая женщина, кормившая ее супом. Но из-за бинтов на ногах нельзя надеть французские туфли, а замшевые ботинки доктор разрезал ножницами, чтобы не причинять ей лишних мучений.

– Как, ты говоришь, называется эта дрянь, которую мне дала Доротея?

– Рогипнол.

– Доктор сказал, это было что-то другое. Или мне так показалось. Какое-то «психотропное средство».

– Сначала нам сообщили, что тебя отвезли в частную клинику, прямо из гостиницы. Потом сказали, что перевели на «охраняемую территорию». Очевидно, имелась в виду эта тюрьма. В общем, возили туда-сюда, как мешок с картошкой. Отсюда я решил, что она дала тебе рогипнол. Хотела сделать более послушной.

– Где она сейчас? Ты знаешь? Вообще, кто-нибудь знает?

– Как я понял, эту тему здесь не принято обсуждать. Они сразу делают рыбьи глаза, стоит только упомянуть ее имя. А чего она от тебя хотела?

– Хотела узнать, каким образом я достала адрес Стеллы.

– Мне и самому интересно. – Капюшончик успел помыться, побриться и переодеться в новые черные джинсы и чистую, хотя и невыглаженную белую рубашку. – Но какую именно дрянь она тебе подсунула, можно только гадать. Бармену показалось, что у тебя были галлюцинации.

– Верно.

– Нам наверх. – Он указывает на лестницу. – Ты как, в

порядке?

Она поднимается на несколько ступенек и останавливается:

– Ну как тебе сказать? У меня на ногах туфли «Минни-Маус»; я устала так, что уже не помню, что значит слово «отдых»; временная разница кажется вообще детской игрушкой; все тело болит, как будто меня пороли резиновыми шлангами. И плюс ко всему на пятках почти не осталось кожи.

Они взбираются по бетонных ступенькам; три лестничных пролета. Чем дальше вверх, тем больше Кейс налегает на перила. Наконец они оказываются в просторном округлом зале – очевидно, внутри той уродливой короны, которую она видела во время побега.

Узкие окна зажаты между наклонными вертикальными выступами; потолок выгибается вверх и под острым углом встречается с боковой стеной. Посреди стены большая фреска: земной шар с контурами Евразии, в обрамлении героических пшеничных снопов, из которых вылетают остроносые ракеты и круглые спутники. Цвета фрески потускнели, как на старом пыльном глобусе, найденном на школьном чердаке.

Кейс видит в центре зала группу людей, и среди них Бигенда, поднявшего в приветствии бокал.

– Что ж, пора встретиться с главным пауком, – шепчет Капюшончик, с улыбкой отставляя локоть. Она берет его под руку, не к месту вспомнив школьный выпускной бал, и они вместе идут через зал.

– Питер! – восклицает Бигенд. – Мы все наслышаны, что именно вы ее нашли.

Он пожимает Капюшончику руку. Потом обнимает Кейс, целует воздух рядом с ее щекой:

– Вы нас всех заставили поволноваться.

Он буквально светится каким-то незнакомым розовым оттенком свежей энергии, черные пряди падают на глаза; Бигенд отбрасывает их, картинно мотнув головой, затем поворачивается к стоящему рядом человеку.

– Андрей, познакомьтесь: это Кейс Поллард. Та самая женщина, которая нас всех объединила. С Питером вы уже знакомы. Кейс, это Андрей Волков. – Бигенд демонстрирует устрашающе многочисленные зубы.

Кейс смотрит на Волкова и сразу же вспоминает Адольфа Эйхмана в стеклянной клетке[31].

Невзрачный плешивый человечек чуть старше среднего возраста. Блики на золотых дужках очков; темный костюм, достоинство которого главным образом в его незаметности; воротник белой рубашки – как фарфор, обтянутый льняной

тканью; однотонный темно-синий галстук из плотного блестящего шелка.

Волков пожимает ей руку: короткий ритуальный жест.

– Мой английский очень слаб, – говорит он. – Но я должен сказать, нам очень жаль, что с вами дурно обошлись. Еще я хочу извиниться… – тут он поворачивается к молодому человеку, которого Кейс уже видела в сквоте на Георгиевском, и продолжает уже по-русски.

– Мистер Волков просит прощения, – переводит молодой человек. – В Москве ждут неотложные дела, и он не сможет составить нам компанию за обедом.

У этого парня пышная рыжая шевелюра – чуть светлее, чем у Капюшончика. Темный костюм сидит на нем дурно, как будто он взял его напрокат.

Волков еще что-то говорит по-русски.

– Мистер Волков просит передать, что Стелла тоже извиняется за неудобства, которые вам столь безосновательно причинили. Она была бы рада к нам присоединиться, но состояние сестры требует ее присутствия в Москве. Они обе будут с нетерпением ждать вашего следующего визита.

– Спасибо, – отвечает Кейс.

У Волкова из верхней части правого уха вырезан аккуратный треугольный сектор; она вспоминает доктора и слышит звук ножниц, разрезающих замшевые ботинки.

– До свидания, – говорит Волков.

Повернувшись к Бигенду, он быстро произносит по-французски какую-то фразу, скорее всего идиоматическую.

– До свидания, – автоматически отвечает Кейс. Но он уже идет к двери, и двое молодых людей следуют за ним по пятам. Третий молодой человек остается на месте, пока Волков не исчезает за дверью. Потом тоже уходит.

– Система, – говорит Бигенд.

– Что?

– Эти трое. Секретная школа русского рукопашного боя. Раньше ее знали только в спецназе и КГБ. У нее в основе лежит казацкий народный танец. Очень мало общего с восточными единоборствами. – Бигенд похож на настырного ребенка, которому утром в Рождество удалось наконец добраться до подарков. – Но вы еще не познакомились с Сергеем Магомедовым.

Он кивает в сторону рыжего переводчика. Тот улыбается и протягивает ей руку:

– Я видел вас в студии.

Ему еще, наверное, нет двадцати трех.

– Я помню.

– А это Виктор Маршвинский-Вирвал. – Бигенд представляет последнего из пяти оставшихся.

Высокий мужчина с аккуратной седой стрижкой, одетый как французский щеголь, которого пригласили на английский воскресный пикник. Его мягчайший твидовый пиджак, кажется, сделан из шерсти нерожденных ягнят. Кейс пожимает ему руку. У него идеально вылепленные горизонтальные скулы, почти как у Войтека. В правом ухе торчит наушник.

– Очень приятно, – говорит он. – Я весьма рад видеть вас здесь, в безопасности и относительно добром здравии. Позвольте представиться: новый начальник службы безопасности мистера Волкова. И этим назначением я обязан вам.

– Вот как? Почему?

В комнату входят три человека в белых пиджаках и черных брюках. Они катят блестящие металлические тележки на резиновых колесах.

– За обедом я могу рассказать подробнее.

Повернувшись, он делает приглашающий жест в сторону круглого стола, которого Кейс до сих пор не замечала. Стол накрыт на шестерых. Два человека в белых пиджаках начинают разбирать содержимое тележек; третий убирает со стола шестой прибор.

– Кто-то не смог прийти? – спрашивает Кейс.

– Бун, – отвечает Бигенд. – Он решил улететь в Москву вместе с Волковым. Просил передать свои извинения.

Кейс смотрит на Капюшончика, потом на Бигенда. Потом на шестой стул. Но ничего не говорит.

– Андрей Волков, – без предисловий начинает Маршвинский-Вирвал, как только официанты уносят тарелки с супом, – сейчас является самым богатым человеком России. Тот факт, что об этом не знает практически никто, говорит о замечательном характере мистера Волкова.

Обед проходит при свечах; длинные изогнутые лампы на потолке притушены до тусклого янтарного накала.

– Его, если угодно, финансовая империя собиралась по кусочку и достигла расцвета в значительной степени благодаря последним хаотическим поворотам нашей экстраординарной истории. Этот выдающийся стратег до недавнего времени не мог позволить себе заняться реорганизацией накопленного; многочисленные корпорации и различные виды собственности приумножались, если угодно, беспорядочно. Однако сейчас пришло время строгой систематизации, и я горжусь, что мне доверено участвовать в этом процессе. Вы, должен заметить, тоже

сыграли не последнюю роль в происходящих переменах.

– Но каким образом?

– Разумеется, – говорит Виктор, – сразу это трудно увидеть. Особенно вам.

Он прерывается, чтобы проследить за официантом, который доливает в его бокал белое вино. Кейс замечает над белым воротником официанта черные фрагменты какой-то татуировки. И вспоминает письмо Дэмиена.

– Андрей очень любил своего брата, – продолжает новый начальник охраны, – и после его убийства приложил все силы, чтобы обеспечить племянницам должную защиту. Он также сделал все возможное, чтобы эти достойные девушки ни в чем не нуждались. Состояние Норы беспокоило его особенно сильно, как и всех нас, и он настоял, чтобы в швейцарской клинике для нее устроили монтажную студию. По мере того, как развивался этот аспект направленных на ее выздоровление усилий, появилась необходимость развивать и определенные структуры...

– Да без этого было просто никуда, – перебивает Сергей Магомедов, который с самого начала слишком налегал на вино. – Старая система охраны была основана на жесткой секретности. А чтобы распространять работу сестер, нужны были новые подходы. Анонимность, шифрование, стратегия отслеживания...

– Процедуры, честь разработки которых принадлежит именно вам, Сергей, – мягко, но значительно замечает Маршвинский-Вирвал.

– ...во всем была потенциальная угроза обнаружения, – заканчивает Сергей. – Работа Норы должна была привлечь внимание. Иначе ее никто не увидел бы. И Стелла непременно хотела, чтобы это внимание было глобальным. Пришлось разработать методологию, с которой вы уже знакомы. Для затравки мы сами «нашли» несколько первых фрагментов.

– Вы сами? – Кейс обменивается взглядами с Капюшончиком.

– Ну да. И потом тоже иногда подталкивали вас в нужную сторону. Хотя, конечно, таких результатов мы не ожидали.

– Вы свидетели зарождения новой субкультуры, – говорит Бигенд, – которая стала расти экспоненциально.

– Да, мы ошиблись с цифрами, – соглашается Сергей. – А еще мы недооценили уровень вовлеченности людей, их желание разгадать тайну фрагментов.

– Когда вы начали этот проект, Сергей? – спрашивает Капюшончик.

– По-моему, в 2000 году. Да, Стелла как раз вернулась в Москву.

– Откуда?

– Из Беркли. – Он улыбается. – Частная стипендия, подарок дяди.

– Мистер Волков одним из первых понял решающее значение компьютеров в современном мире, – вставляет Маршвинский-Вирвал.

– А конкретно, Сергей, что вы сделали? – спрашивает Кейс.

– Сергей помог в создании этой рендер-фермы, – отвечает Маршвинский-Вирвал. – А также разработал механизм отслеживания с помощью водяных знаков, при содействии фирмы «Магия-символ». Нам особенно интересно узнать, каким образом вы получили электронный адрес Стеллы. Информация поступила из «Магии-символ»?

– Я не могу вам это сказать, – отвечает Кейс.

– Уместно ли предположить, что информация получена с использованием старых связей вашего отца? Или даже от него самого?

– Мой отец погиб.

– Виктор, – говорит Бигенд, до сих пор хранивший нехарактерное для него молчание. – У Кейс был очень длинный и трудный день. Может, сейчас не лучшее время?

Кейс со звоном роняет вилку на белый фарфор.

– Почему вы это сейчас сказали? – спрашивает она, глядя в глаза Маршвинскому-Вирвалу. – О моем отце?

Тот начинает отвечать, но Бигенд перебивает:

– Давайте оставим эти старосветские расшаркивания и назовем все своими именами. Виктор и Сергей, как известно, представляют собой два плохо скоординированных конца волковского охранного пинцета. И Виктор, кажется, забыл, что его главная задача сейчас – извиниться перед вами за ту неуклюжесть, с которой этот пинцет вас прихватил.

– Я не понимаю, – говорит Кейс. – Вы правы, я действительно очень устала.

– Я могу объяснить, – предлагает Сергей. – Если Виктор мне позволит.

– Пожалуйста, – говорит Виктор с ледяной любезностью.

– Понимаете, безопасностью Стеллы и Норы всегда занимались две структуры. Первая – личная охрана самого Волкова. Бывшие кагэбэшники. Вернее, такие же, как Путин: сначала юристы, а потом уже кагэбэшники. А вторая – это в основном мои коллеги. Менее традиционная структура, с упором на интернет. Виктора взяли на работу совсем недавно – именно затем, чтобы он устранил критическое непонимание между структурами. Ваше внезапное появление и та легкость, с какой вы вышли на Стеллу – ярчайшая иллюстрация наших

организационных проблем.

– Но какое это имеет отношение к моему отцу?

– На вас обратили внимание, – говорит Бигенд, – когда вы предположили, что автором фрагментов может быть русский мафиози. Помните этот пост? Это было сказано для примера, но они сразу насторожились.

– Ну, насторожились, конечно, не мы, – вставляет Сергей, – а пара американских аспирантов. Мы их наняли, чтобы в интернете отслеживать комментарии о фрагментах. Ваш сайт очень быстро стал самым популярным и интересным очагом обсуждения. А значит, потенциально самым опасным.

– Вы наняли людей, чтобы шпионить за Ф:Ф:Ф?

– В общем, да. Практически с самого начала. Они только пассивно следили, мы запретили им светиться. Правда, впоследствии выяснилось, что один из них взял себе псевдоним и начал постить, причем весьма регулярно.

– Кто это был? – спрашивает Капюшончик. И тут же добавляет: – Нет, не надо, не говорите. Лучше уж не знать.

– Понимаете, Кейс, – продолжает Сергей, – когда вы привлекли к себе внимание, отчет попал в руки первой, более традиционной структуры. Отсюда и начинается связь с вашим отцом. Через провайдера подняли ваше имя и адрес, а потом в Москве сработал очень старый механизм. В архивах нашли досье вашего отца, убедились, что вы действительно его дочь. Тут еще сыграл такой фактор... – Сергей ухмыляется. – Ведь это люди старой закалки, да плюс к тому еще и русские. Разумеется, они исполнились подозрений. Вы только представьте: перед ними вдруг всплывает имя этого замечательного человека, их старого противника, который давно вышел в отставку, – и в то же время они не могут его найти! Он исчез, испарился. Пропал без вести одиннадцатого сентября. Погиб в теракте? Где доказательства?.. Были предприняты определенные шаги... – Сергей делает паузу. – Ваша квартира, гм... была обследована, телефон поставлен на прослушивание, имэйлы тоже отслеживались.

– Когда это случилось? – спрашивает Капюшончик.

– Через неделю после того, как появился пост про мафию.

– У меня в квартире кто-то побывал совсем недавно, – говорит Кейс.

– Они просто смотрели, в порядке ли аппаратура, – поясняет Маршвинский-Вирвал. – Обычная рутинная проверка.

– Записи вашего терапевта были скопированы, – продолжает Сергей. – Она, конечно, об этом ничего не знала. Никаких взяток, обычная кража. Но это все не мы, это действовала традиционная структура. А мы наняли Доротею Бенедитти, чтобы

присматривать за вами – на сайте и по работе, через контакты с вашими заказчиками в Нью-Йорке.

– Почему именно ее? – снова встревает Капюшончик.

Все оглядываются на него. Он пожимает плечами.

– Традиционалисты вели кое-какие дела с ее предыдущими хозяевами, – поясняет Сергей. – Они думали, что понимают ее. А нам казалось, что она понимает нас.

– Она сработала, как мостик между двумя культурами. – Бигенд улыбается, делает глоток вина.

– Вот именно. А когда выяснилось, что вы летите в Лондон по контракту с «Синим муравьем» – это был еще один звонок. Мистер Бигенд уже находился у нас на заметке. Его фирма весьма настойчиво и изобретательно изучала сетевую культуру вокруг фрагментов. Мы это выяснили при помощи программы, которую «Магия-символ» дала для отслеживания водяных знаков. Естественно, интерес к фрагментам такого человека, как Хьюберт Бигенд, вызвал самые серьезные опасения.

– Спасибо, – говорит Бигенд.

– Пожалуйста. А мысль о том, что вы двое можете объединиться – это уж нам совсем не понравилось. И еще меньше это понравилось традиционалистам. Мы позволили им курировать Бенедитти, и ей было приказано испортить ваши отношения с «Синим муравьем». Она привлекла своих людей, чтобы подсадить жучков на телефон и на компьютер в лондонской квартире.

– А человек с Кипра? – спрашивает Кейс.

– Один из традиционалистов. Ее прямой хозяин.

Кейс переводит взгляд с Сергея на Маршвинского-Вирвала, потом на Бигенда, потом на Капюшончика. Мутная неопределенность последних недель тяжело шевелится в глубинах памяти, перестраиваясь в соответствии с новой исторической парадигмой. Неприятное чувство. Как будто Сохо вдруг решил подняться и переползти на Примроуз-Хилл, потому что там его истинное место... Уин любил повторять, что настоящие заговоры, как правило, не закручиваются вокруг нас; мы просто мелкие пешки в чьей-то крупной игре.

Официанты убирают грязную посуду и приносят бокалы поменьше, для десертного вина.

Кейс приходит в голову, что весь обед прошел без тостов, хотя принято считать, что ни одно русское застолье без них не обходится. Возможно, причина в том, что это застолье не вполне русское. Возможно, они обедают на территории той виртуальной страны, лишенной границ и названия, гражданином которой так стремится стать Бигенд – страны, где нет зазеркалий, где правит

призрачная рука маркетинга, и все разнообразие ощущений сведено к региональным различиям в цене на один и тот же товар. Но Кейс не успевает додумать эту мысль: Маршвинский-Вирвал звенит ложечкой по краю бокала.

– Я хочу предложить тост за отца мисс Поллард, покойного Уингроува Полларда. Нам, представителям старой школы, помнящим ушедший порядок, трудно удержаться и не соскользнуть в яму старой вражды. Я и сам поддался этому соблазну, о чем сейчас сожалею, и прошу принять мои извинения. Где бы мы сегодня оказались, если бы на стороне демократии и свободного рынка не было людей, подобных мистеру Полларду? Уж разумеется, не здесь. И наша организация не служила бы, как сейчас, прогрессу искусства и улучшению жизни и будущего тех, кому повезло меньше, чем нам.

Взяв паузу, он переводит дыхание и оглядывает сидящих за столом. Кейс пытается понять, чего он хочет добиться. Подлизывается к ней, прикрывает свою задницу? Верит ли он в то, что говорит?

– Друзья мои! Такие люди, как Уингроув Поллард, храбро и беззаветно защищая идеалы свободы, позволили таким людям, как Андрей Волков, выйти на передний край и вступить в честную конкуренцию с другими свободными людьми. Если бы не Уингроув Поллард, друзья мои, Андрей Волков мог бы сейчас томиться в застенках советского режима. Выпьем за Уингроува Полларда!

И все сидящие за столом, включая Кейс, повторяют последние слова, поднимают бокалы и пьют – под гипсовые залпы баллистических ракет и спутников, вылетающих из старой облезлой фрески.

После обеда Капюшончик, Бигенд и Кейс направляются в гостевой домик, предназначенный для новобранцев «академии мечты», где им предстоит провести ночь. Перед тем как попрощаться, Маршвинский-Вирвал извиняется и отводит Кейс в сторонку. В руках у него неизвестно откуда появляется прямоугольный объект толщиной не больше десяти сантиметров, в бежевом фланелевом чехле.

– Андрей Волков просит вас это принять, – говорит он. – Как символ. Еще раз хочу извиниться за свою недавнюю настойчивость. Если бы мы знали, как вам удалось раздобыть адрес Стеллы, нам было бы легче закрыть бреши в волковской службе безопасности. В данный момент нас очень беспокоит надежность фирмы «Магия-символ». К сожалению, услуги этой фирмы необходимы для поддержки проекта сестер.

– Вы сказали, что мой отец может быть жив. Но я в это уже не верю.

– Боюсь, что вы правы. Наши люди в Нью-Йорке занимались этим делом вплотную и не обнаружили прямых доказательств его смерти. Однако лично я убежден, что он действительно погиб. Вы уверены, что не хотите нам помочь в вопросе с фирмой «Магия-символ»?

– Я ничего не могу вам сказать, потому что сама ничего не знаю. Но это не было оплошностью или предательством со стороны «Магии-символ». Просто один человек со старыми связями оказал мне услугу. Деталей я не знаю, но ответ он получил очень быстро.

Глаза Виктора сужаются.

– Система «Эшелон»... Ну конечно! – Он улыбается. – Позволю себе догадку: старый товарищ вашего отца?

Кейс ничего не отвечает.

Он достает из кармана белый конверт.

– Это тоже вам. Подарок от меня. У традиционных методов есть свои плюсы. Наши люди в Нью-Йорке очень талантливы и исполнительны и располагают весьма значительными средствами. – Он кладет конверт на прямоугольный фланелевый пакет, который Кейс все еще держит перед собой.

– Что это?

– Все, что нам удалось узнать о последнем утре вашего отца – после того, как он покинул гостиницу. Всего хорошего, мисс Поллард.

Развернувшись, он уходит назад, в сумрачную овальную комнату, освещенную свечами, где за столом в одиночестве сидит Сергей, распустив галстук и раскуривая сигарету.

42
Его отсутствие

Работники волковской рендер-фермы, похоже, не обязаны носить спецодежду – если не считать поголовной любви к изделиям фирмы «Гэп». Некоторые из них попадаются на пути в коридоре и во дворе, пока Кейс с Бигендом и Капюшончиком идут в гостевой домик.

Бигенд рассказывает, что ограда, через которую перелезла Кейс, была установлена совсем недавно, для защиты от местных жителей, которые постоянно лазили воровать.

Обычно здесь находится шестьдесят человек. Отдают долг русскому обществу, добавляя детали к фрагментам, готовя их к обсчету, согласно полученным инструкциям. Раньше здесь был техникум, рассчитанный на сто пятьдесят человек. Эта недонаселенность, наверное, и объясняет висящую здесь сонно-ленивую атмосферу летних каникул.

– Какие у них преступления? – спрашивает Кейс, старательно шаркая рядом с Капюшончиком, который несет ее подарки.

– Ничего насильственного, – отвечает Бигенд. – Это одно из требований. По большому счету они просто совершили ошибки.

– Какие ошибки?

– Не рассчитали размер взятки или подкупили не того чиновника. Или пострадали от врагов. Агенты Сергея постоянно следят за слушаниями в судах. Важно успеть их перехватить до того, как они понюхают – в буквальном смысле слова – государственную тюремную систему. Первым делом они проходят медкомиссию и психологическую экспертизу. Некоторые, надо полагать, не проходят. Потом тех, кто прошел, привозят сюда.

Вокруг фонаря, освещающего бетонную дорожку, вьются ночные бабочки, усиливая жутковатое ощущение безлюдного летнего кампуса где-нибудь в заштатном американском колледже.

– А что происходит, когда кончается их срок? – спрашивает она.

– Пока еще такого вопроса не возникало. Это новая структура, а приговоры здесь в основном от трех до пяти. Так что правила придумываются по ходу игры. Обычное дело в этой стране.

Дорожка взбегает на холм; сквозь редкие молодые сосенки проглядывает одноэтажное оранжевое здание, похожее на небольшой мотель. В здании четыре окна и четыре одинаковые

двери. Но свет горит только над тремя.

– Ты что-то совсем расклеилась. – Капюшончик отдает ей фланелевый прямоугольник. – Ложись-ка сразу спать.

– Я знаю, Кейс, вы очень устали, – говорит Бигенд, – но нам надо поговорить. Всего несколько минут.

– Не давай ему увлекаться, – советует Капюшончик, – а то он до утра будет болтать.

Он поворачивается и заходит в одну из дверей, открыв ее без ключа. За кружевной занавеской вспыхивает свет.

– Они не заперты, – говорит Бигенд, входя в соседнюю дверь. Кейс шаркает следом. Ее ноги болят уже меньше. Бигенд включает свет.

Кремовые стены, коричневая линолеумная плитка на полу. Американский ковер. Некрасивая мебель из темной фанеры – должно быть, сороковых годов. Кейс кладет фланелевый прямоугольник на комод, перед зеркалом с матовой насечкой по краям.

Пахнет какой-то дезинфекцией или инсектицидом.

Белый конверт она по-прежнему держит в руке.

– Бун читал мою почту, – говорит она Бигенду.

– Да, правда.

– Значит, вы знали? Все это время?

– Нет. Только с тех пор, как он позвонил мне из Огайо и сказал, что надо срочно лететь в Москву. Мой друг слетал за ним на «Гольфстриме», привез в Париж. По пути в Россию он мне признался.

– Поэтому он не остался?

– Он не остался, потому что я решил разорвать наше партнерство.

– Вот как? Разорвать партнерство с Буном?

– Да.

– Почему?

– Он постоянно пытается создать впечатление, что его компетенция выше, чем на самом деле. А я предпочитаю людей, которые на деле более компетентны, чем они думают.

– Где сейчас Доротея?

– Не знаю.

– Вы что, даже не спросили?

– Спросил. Один раз. Они сказали, что не знают.

– И вы поверили?

– Я решил, что про такие вещи лучше не спрашивать.

– Чего она пыталась добиться?

– Переметнуться на другую сторону. В очередной раз. Она действительно хотела получить работу в Лондоне. А им сказала,

что будет по-прежнему работать на них. Как мы и договорились. Но когда Стелла ответила на ваш имэйл, события начали развиваться очень быстро. Служба безопасности Волкова, естественно, отслеживала весь трафик через домен armaz.ru. Они сразу же связались с Доротеей, и в ходе этой, надо полагать, очень бурной дискуссии до нее впервые по-настоящему дошло, каких именно людей она кидает, переходя на мою сторону. Она также поняла, что если успеет первой добраться до вас и выяснить, откуда вы узнали адрес, то у нее появится хороший козырь. Ее могут даже наградить, да еще и работу в «Синем муравье» сохранить удастся.

– Но откуда она узнала, что я в Москве?

– Наверное, она очень быстро нашла замену тем двум шпикам. А может, у нее с самого начала было больше людей. Так или иначе, она не переставала за вами следить даже после Токио. Ей же надо было докладывать русским о ваших действиях. А излишним воображением она не отличается. Когда ей сообщили, что вы сели на самолет «Аэрофлота» в Хитроу, она, естественно, сделала вывод, что вы летите в Москву. Тем более что в этот час у «Аэрофлота» нет других рейсов. После этого ей не составило труда организовать за вами слежку в России. Люди Волкова ничего не знали; очевидно, она воспользовалась своими старыми связями. – Бигенд пожимает плечами. – Доротея постила на вашем сайте, под другим именем. Вы знаете?

– Да.

– Поразительно. Она не больше нашего знала о том, кто автор фрагментов, пока они ей сами не сказали, чтобы помочь остановить вас... Ну ладно. Вы действительно очень устали. Увидимся утром.

– Хьюберт, скажите, Буну удалось что-нибудь выяснить в Огайо?

– Нет. Имя домена он взял из вашего письма Стелле. Не только домен, конечно, но и весь адрес. Но что с ним делать дальше, он понятия не имел. Поэтому и сказал вам, что раздобыл имя домена. Надеялся, что ему достанется хотя бы часть лавров. Но потом все закрутилось, нужно было совершать быстрые движения, и, чтобы не повредить делу, ему пришлось во всем признаться. – Бигенд снова пожимает плечами. – Вы тоже мне не докладывали, что у вас на уме, какие планы. Но по крайней мере вы хоть не лгали. Кстати, как вам удалось достать адрес?

– Через одного человека со связями в АНБ. Я понятия не имею, как он это сделал, и вряд ли когда-нибудь узнаю.

– Вот видите. Я понял, что ставлю на победителя, как только вас увидел.

– А куда поехал Бун?

– Наверное, назад в Токио. К своей подружке дизайнерше, у которой он жил, когда вы были там. Вы с ней не встретились?

– Я видела ее квартиру, – отвечает Кейс, помолчав.

– Думаю, его вообще ничего не интересует, кроме денег. – Бигенд морщится. – В этом корень всей проблемы интернетных фирм-однодневок. Ну ладно, спокойной ночи!

Он уходит.

Кейс садится на оранжевое шестидесятническое покрывало и распечатывает белый конверт, подарок Маршвинского-Вирвала.

Внутри обнаруживаются три листа хорошей голубой бумаги, которые содержат, судя по всему, краткий конспект некоего более объемного документа. Она быстро читает, сражаясь с некоторыми неточностями перевода, но смысл почему-то ускользает.

Что-то насчет последнего утра ее отца в Нью-Йорке.

Она перечитывает еще раз.

Только с третьей попытки становится ясно, о чем идет речь.

Уин прибыл в Нью-Йорк для встречи с конкурирующей фирмой, которая тоже занималась безопасностью публичных мероприятий. Регистрация его патентов должна была вот-вот завершиться, и с этой фирмой могли возникнуть юридические осложнения по поводу авторских прав. Чтобы обсудить потенциальные проблемы, Уин договорился о встрече с президентом фирмы. Переговоры были назначены на утро 11 сентября, в офисе по адресу Уэст-стрит, 90.

Выйдя из гостиницы «Мэйфлауэр», Уин действительно, как и показал привратник, взял такси.

Ранее неизвестные детали: номер машины, данные таксиста. Камбоджийская фамилия, адрес, телефон.

Авария произошла, когда они находились в Гринвич-виллидж, следуя на юг по Кристофер-стрит.

Такси почти не пострадало; продуктовому фургону, с которым оно столкнулось, досталось чуть больше. Таксист практически не говорил по-английски. Авария случилась по его вине.

Сама Кейс в это время находилась в метро. Она тоже ехала на юг, чтобы заранее прибыть на свою встречу. Как близко они были друг от друга? Видел ли отец башни-близнецы, когда вылез из такси в то ясное солнечное утро?

Он дал таксисту пять долларов и поймал проезжавший мимо свободный лимузин. Таксист на всякий случай записал номер лимузина. Он понимал, однако, что Уин в случае чего сможет только подтвердить его вину.

На суде таксист соврал, и его признали невиновным.

Впоследствии ему пришлось соврать еще дважды: сначала полицейским, разыскивающим Уина, а потом детективам, которых наняла Кейс. Он не брал никаких пассажиров у «Мэйфлауэра». И впервые видит человека на фотографии.

Кейс просматривает информацию о водителе лимузина. Доминиканец, из Бронкса. Адрес, телефон. Имя его вдовы.

Лимузин был извлечен из-под обломков через три дня после теракта. Труп водителя находился внутри.

Других тел рядом не было.

Таким образом, заключает неизвестный и дурно переведенный автор, прямых доказательств смерти Уина нет, однако есть факты, неопровержимо свидетельствующие о том, что в момент теракта он находился в непосредственной близости от «нулевого уровня». Дополнительный опрос показал, что до офиса на Уэст-стрит он так и не доехал.

Лепесток, падающий с розы.

Кто-то тихо стучится в дверь.

Кейс с усилием встает и открывает, не успев ни о чем подумать, держа в руке листы голубой бумаги.

– Ну что, гуляем? – Капюшончик с порога протягивает литровую бутылку питьевой воды. – Помнишь, я говорил: из-под крана здесь пить не стоит. – Его улыбка исчезает. – Что случилось?

– Читаю про своего отца. Да, вода – это хорошо. Можно чуть-чуть?

– Они что, его нашли?

Капюшончик знает историю исчезновения Уина; Кейс рассказывала ему в письмах. Он идет в ванную, берет стакан, наполняет его из бутылки. Возвращается, протягивает ей воду.

– Нет. – Кейс делает глоток, расплескивает, начинает плакать. Потом успокаивается. – Люди Волкова попытались его найти, продвинулись гораздо дальше, чем мы. Но здесь, – она показывает голубые листки, – здесь его тоже нет...

Она снова начинает плакать. Капюшончик протягивает руки, обнимает ее... Когда она приходит в себя, он говорит:

– Ты только не злись, ладно?

– За что?

– Понимаешь, я помираю от любопытства: что тебе подарил этот польский политтехнолог? Похоже на декоративный набор кухонных ножей.

– Дурак. – Она шмыгает носом.

– Ну так что, давай посмотрим?

Кейс кладет помятые голубые листки и берет бежевый пакет.

Фланелевый клапан держится на двух малюсеньких золотых

защелках. Она расстегивает их, отгибает клапан.

Внутри обнаруживается изящный плоский чемоданчик «Луи Виттон» с золотыми замками.

Она в замешательстве смотрит на него.

– Ну давай же открывай, – торопит Капюшончик.

Кейс откидывает крышку: внутри плотными рядами уложены пачки новых банкнот, перехваченные белыми бумажками.

– Что это?

– Сотенные купюры. Новенькие, с последовательными номерами. Пять, десять... похоже, тут пятьсот тысяч.

– Но почему?

– Потому что им нравятся круглые цифры.

– Нет, почему здесь деньги?

– Очевидно, для тебя.

– Не знаю... мне это совсем не нравится.

– Ну, если хочешь, можем выставить его на «и-Бэй». Кто-нибудь в Майами наверняка заинтересуется.

– О чем ты говоришь?

– О чемоданчике. Он совсем не в твоем стиле.

– Я даже не знаю, что с этим делать!

– Давай поговорим об этом утром. Сейчас тебе надо поспать.

– Чушь какая-то!

– Россия... – Он ухмыляется. – И вообще, какая разница? Главное, мы нашли автора.

Кейс смотрит на него.

– А ведь правда. Мы нашли автора...

Он уходит, оставив ей бутылку воды.

Кейс робко, одним пальчиком, закрывает чемоданчик, накидывает сверху бежевый чехол. Надо почистить зубы. Она идет в ванную, прихватив бутылку, чтобы прополоскать рот хорошей водой.

Потом, сидя на кровати, снимает тапочки и осматривает ноги. Левая чуть подтекла, красное пятнышко на бинтах. Щиколотки кажутся распухшими. Она снимает кофту, через голову стягивает «типа юбку», бросает одежду поверх возмутительного чемоданчика с деньгами.

Разобрав постель, ковыляет к выключателю, гасит свет. Затем возвращается, залезает под оранжевое покрывало и до подбородка натягивает грубую простыню. Постель пахнет, как непроветренное гостиничное белье в начале летнего сезона.

Кейс лежит, глядя в темноту и слушая далекий гул самолета.

– Значит, они тебя тоже не нашли? Но я и сама знала, что тебя больше нет.

Само его отсутствие каким-то образом становится им,

занимает его место.

Мать однажды сказала: после удара второго самолета отцовская горькая досада, его личное и профессиональное возмущение той чудовищной легкостью, с которой был нарушен периметр, были столь велики, что он просто исчез, испарился в знак протеста. Кейс, конечно же, в это не верит. Но сейчас, вспоминая, она улыбается.

– Спокойной ночи, – говорит она темноте.

43
Почта

Мой непутевый брат, стоя по колено в грязном ржавом металлоломе в галерее Билли Прайона, выражает вам самую громкую и изумленную благодарность. Когда я ему сказала, что деньги достались вам от русских гангстеров и что вы не хотите брать их себе, у него буквально челюсть отвалилась. (Сначала он решил было, что это розыгрыш, но Нгеми его убедил, сказал, что и сам часто получает наличные от американских коллекционеров.) В общем, с вашей стороны это просто невообразимо добрый поступок, ведь дело уже шло к тому, что он собрался отказаться от своей комнатенки (да, увы!) и переехать жить ко мне, чтобы расплатиться за эти дурацкие леса, а он ужаснейшая свинья, нечистоплотный, волосы везде оставляет. Конечно, тут денег гораздо больше, чем стоят леса, но он хочет на остальное арендовать большой плазменный дисплей для выставки. Теперь мы обсуждаем с Прайоном дату открытия, и вы обязательно должны приехать. У Прайона новый контракт, он будет рекламировать в Англии какой-то русский йогурт, который производят, кажется, японцы. Я знаю, потому что по работе нас как раз заставляют впаривать этот йогурт. И еще в галерее стоит целый холодильник – вращающийся! Похоже, они собираются раздавать посетителям бесплатные образцы в день открытия. Ну, это мы еще посмотрим! В общем, загадочное сетевое кино нам приказано оставить, а переключиться на йогурт и еще на какого-то русского нефтяного магната: типа, какой он весь милашка, образованный, «альтернативный», прямо славянский Саачи[32], а вовсе не нувориш или злой мафиози. Вот такие сплетни я сейчас распространяю по ночным клубам. Ну ладно, что же делать. Может, когда-нибудь открою свою мастерскую по изготовлению шапочек. Желаю хорошо погулять в Париже! Магда.

В самом деле, милая, это ведь наверняка незаконно! На коробке «Федекса» так и написано: не посылайте наличные. Но я все получила, спасибо тебе огромное. И

очень вовремя. Правда, адвокаты говорят: теперь мы сможем доказать, что Уин находился в районе теракта, а значит, официальное заключение о смерти дадут автоматически, и больше не будет никаких проблем со страховкой и пенсией. Но это еще минимум через месяц, а пока что деньги очень кстати. Они говорят, что подтвердилась вся информация, которую ты им дала, буквально до последней детали, и очень хотят узнать, как ты получила такие сведения, ведь ни полиции, ни детективам это не удалось. Я им, конечно, объяснила, чем мы тут занимаемся в «Розе мира». Ведь я ни на миг не сомневаюсь, что отец сам помог тебе собрать все подробности о его последнем часе. Но если тебе почему-либо хочется держать это в тайне – что ж, я понимаю и уважаю твое желание. И надеюсь, что когда-нибудь ты мне обо всем расскажешь. Твоя любящая мать Синтия.

Уважаемая Кейс Поллард! Сожалею, что нам не удалось встретиться во время Вашего визита. От лица фирмы хочу поблагодарить Вас за рекомендации по кандидатуре Джуди Цудзуки. Сегодня, сразу после получения Вашего письма, наш отдел кадров провел с ней собеседование, и все остались очень довольны. Уверена, что мы найдем для нее подходящее место. Ее восторженное отношение к нашему городу (и к своему юному другу!) показалось нам очень милым, и я надеюсь, что ее живость и энтузиазм окажутся кстати на любой должности, какую бы мы ни предложили. С уважением,

Дженнифер Броссард,

Токийский филиал «Синего муравья».

Сс: Хьюберт Бигенд.

Да, я помню его! Ты все время говорила, какой он прикольный, как смешно пишет на вашем сайте. Так, значит, он не голубой? Музыкальный продюсер из Чикаго? Надеюсь, что не очередной Кубарец. (Если он не Кубарец, то (просто из любопытства) как вы можете позволить отпуск в Париже?). Кстати, вчера я видела самого главного Кубарецкого Кубарца, собственной персоной – по телевизору на Си-эн-эн. По правую руку от него сидел какой-то русский триллионер, а по левую – ваш министр внутренних дел. А сам он выглядел так, словно только что сожрал сырые внутренности

невинного ягненка: румяный и очень довольный собой. Короче, когда ты уже возвращаешься домой? А в общем, ладно, не торопись. Наслаждайся жизнью! Марго.

Дорогая Кейс! В литературе описаны случаи, когда пациенты, страдающие расстройствами панического типа, полностью излечивались, пережив стрессовую ситуацию. Однако механизм этого процесса еще не вполне понятен. Что касается «советских психотропных средств», то тут мне практически нечего сказать. Я проконсультировалась с коллегой из Германии, который добровольцем работал с жертвами чернобыльской катастрофы; по его мнению, вещества, принадлежащие к этой категории, считаются орудиями пытки и состоят из промышленных химикатов, изначально не предназначенных для введения в организм человека. Довольно мерзкая штука. Надеюсь, доза была не очень большой. По поводу прекращения Ваших приступов паники – советую просто подождать и посмотреть, насколько полно и окончательно выздоровление. Если у Вас возникнет потребность обсудить это подробнее, можете записаться на прием; у меня есть несколько окон в осеннем графике. Искренне ваша, Кэтрин Мак-Нелли.

Ну что ж, дела закончены, сворачиваемся, готовимся в дорогу. Классно, что вы заехали! И Питер мне понравился, нормальный пацан. И вообще, молодцы, что согласились терпеть мою Марину, чей коэффициент стервозности до сих пор еще не вернулся в норму после вашего визита. Особенно ты молодец – ты же знала, что я ее послал к такой-то бабушке после истории со «Штукой», но все равно не стала меня тыкать носом в дерьмо. Ты же понимаешь, особенно теперь, когда увидела все сама: у меня просто не было другого варианта, съемки можно было продолжать только через Маринин blat. Я уверен – нам бы просто не дали вывезти пленки из страны, если бы я начал брыкаться и упрямиться. Теперь, правда, чувствую себя каким-то лукавым прохиндеем… С другой стороны, у меня есть долг перед историей, перед материалом, который нам удалось заснять. Ну ладно. С вопросами морали разберусь в Лондоне, когда начну работать над первой редакцией фильма. Какие планы после Парижа? Заедешь к нам, я надеюсь? Твой поляк, кстати, открывает

выставку в галерее Билли Прайона из «БГЭ»; он и его сестричка просто с ума по тебе сходят. Не простят, если ты не заедешь. Ты знаешь его сестру? Такая рыженькая, пухленькая, веселенькая. Что-то в ней есть от той атмосферы – знаешь, как в первые дни после падения Берлинской стены. Думаю, у нас с ней могло бы что-нибудь получиться...

Целую,
Дэмиен.

Здравствуйте! Когда вы снова собираетесь к нам приехать? Сегмент, который вы видели, почти закончен. Его уже несколько раз отправляли на обсчет. Нора, конечно, ничего не говорит, но я чувствую, что скоро он будет завершен. Мы надеемся, что вам понравится! Стелла.

«Айбук» все еще у Кейс, но она больше не пользуется им для имэйлов. Просто держит в гостинице под кроватью, рядом с чемоданчиком «Луи Виттон», который теперь ее совсем не раздражает, хотя себе бы она никогда такой не купила. Секция «Томми Хилфигера» в галерее Лафайетт, куда она зашла неделю назад, тоже не вызвала раздражения. И даже Мишлен теперь воспринимается спокойно. Кейс не знает, повлияет ли перемена в восприятии на ее способность отличать хорошие фирменные знаки от плохих. Это станет ясно только после нового контракта, а возвращаться к работе она пока не торопится.

Питер говорит, что сейчас им надо отдыхать. Он сам не был в отпуске очень долго – уж и не помнит, сколько лет. Разные группы и записывающие компании постоянно пытаются с ним связаться, однако он их просто игнорирует. Париж ему нравится; он говорит, что последний раз приезжал сюда очень давно, еще когда был совсем другим человеком, гораздо более глупым.

Кейс сомневается, что он когда-то был глупым.

Она несколько раз в неделю посещает интернет-кафе, чтобы проверить почту, приходящую на новый адрес. Войтек сделал для нее почтовый ящик на британском домене.

Иногда она думает о связи Бигенда с русскими. О том, мог ли Бигенд с самого начала знать, что фрагменты делают племянницы Волкова. Но эти мысли всегда заканчиваются тем, что она вспоминает изречение Уина о совпадениях, без которых не обходится ни один заговор.

В Москве они с Питером еще раз навестили сквот Стеллы и Норы, а потом слетали на раскопки, где Дэмиен уже заканчивал

съемки фильма и где Кейс, сама не зная почему, вдруг спрыгнула в свежеразрытую траншею и со слезами на глазах стала перебирать обломки грязных серых костей. Дэмиен и Питер сделали вид, что ничего не произошло, но если бы они спросили, то она ответила бы, что плачет по своему веку. Вот только не уверена, по какому из них – ушедшему или настоящему.

А теперь уже поздно, и стрелки приближаются к волчьему часу, бессонному часу путешественников, когда особенно остро чувствуешь отсутствие заплутавшей души. Но сейчас, лежа с Питером в маленькой комнате и слушая журчащую фонограмму ночного Парижа, Кейс знает, что ее душа нашлась, долетела на трепещущих серебряных крылышках и уютно свернулась теплым калачиком в своем привычном гнезде.

Она целует спящего Питера в спину и спокойно засыпает.

От автора

Я хочу поблагодарить друзей, которые вдохновляли и поддерживали меня во время нехарактерно богатого событиями процесса создания этой рукописи. Джек Уомак, которому посвящена эта книга, спасал ее бессчетное количество раз от типичной авторской неуверенности. Сьюзан Эллисон и Тони Лэйси, соответственно представляющие издательства «Пингвин Путнам» и «Пингвин Вб», в очередной раз оказались на высоте, так же как и мой литературный агент Марта Миллард. Я благодарен Дугласу Коупленду за чашечку кофе вкупе с потрясающим видом на Шинджуки, а также за свежие мысли и обобщения о городе Токио. Я благодарю Эйлин Ганн за фрактальную точность ее воспоминаний о Москве, Джеймса Даулинга – за рассказ об арифмометрах «Курт», ОСД – за байку про утку в лицо, Алана Назаряна – за барановский трейлер и, конечно же, Джона и Джудит Клют, чье гостеприимство в течение уже стольких лет служит сильнейшим магнитом, притягивающим меня в Лондон.

И наконец, огромное спасибо и признания в вечной любви Деборе, Грэми и Клэр, которые продолжают самоотверженно терпеть весь этот процесс.

Ванкувер, 17 августа 2002 г.

notes

Примечания

1

Франсуа Трюффо – французский режиссер, представитель «новой волны»; Сэм Пекинпа – скандально известный американский режиссер, автор жестоких фильмов.

2

Пилатес – комплекс упражнений, напоминающий йогу и созданный около ста лет назад немецким врачом, тренером и спортсменом Джозефом Пилатесом. Популярен среди танцоров и голливудских актеров.

3

Бигенд – звучит как big end. Вызывает ассоциации с неким толстым концом (напр., бревна).

4

«Штази» – служба госбезопасности в ГДР.

5

Цитата из фильма Копполы «Апокалипсис».

6

Катары (они же альбигойцы) отрицали папскую и епископскую власть.

7

Солист группы REM.

8

Абрахам Запрудер – автор любительского документального фильма об убийстве Джона Кеннеди.

9

Классический немой ужастик, снятый немецким режиссером Робертом Вине в 1919 г.

10

Отаку *(яп.)* – фанатик чего-либо, например, аниме. Слово имеет негативный оттенок.

11

Нейротоксин ботулизма типа А; применяется в косметике как средство от морщин. Инъекции «Ботокса» вызывают локальное расслабление мимических мышц.

«Велкро» – запатентованное название застежки-липучки.

13

Агентство национальной безопасности США.

14

Небольшой реактивный самолет.

15

Тёрнер Джозеф Мэллорд (1775—1851 гг.) – английский живописец и график. Ведущий представитель школы, признававшей лишь «фотографически» точное изображение природы.

16

ФЭГ – феномен электронных голосов.

17

Иссей Мияки – известный японский фотограф и дизайнер.

18

Рюичи Сакамото – японский актер и композитор.

19

Зеленоглазая Энн – героиня сказок канадской писательницы Люси Мод Монтгомери. Прототип популярного персонажа аниме.

20

Вьющееся растение семейства бобовых, занесенное в южные районы США из Японии.

21

Татами – мера площади, 1,5 х 1 м.

индийское блюдо; мясо или птица, маринованные с травами и запеченные в глиняной печи.

белое греческое вино с привкусом смолы.

24

Сквот – нелегально занятые помещения, превращенные в коллективное жилье; своеобразная коммуна.

смесь пива с лимонадом.

религиозно-политическое движение ямайских негров.

официальный язык Эфиопии.

28

Сэмюэль Колридж, Томас Де Квинси – представители романтического направления в английской литературе конца XVII – начала XIX вв.

29

Стелла – действующее лицо пьесы Теннесси Уильямса «Трамвай „Желание“. Нора Джойс – жена Джеймса Джойса; считается прототипом Молли из романа „Улисс“.

30

Так у автора. На самом деле жетоны были упразднены в январе 1999 г.

31

Адольф Эйхман – нацистский преступник, казненный в Израиле в 1962 г. Во время суда он сидел в стеклянной пуленепробиваемой клетке.

32

Чарльз Саачи – британский рекламный магнат, активный покровитель искусств.